

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

КОЛЛЕКЦИЯ

Геннадий Прашкевич

ДЕМОН СОКРАТА

Научно-фантастические повести

Издательство Престиж Бук
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
П70

*Художественный орнамент, использованный в оформлении переплета,
является зарегистрированной торговой маркой и используется
с разрешения правообладателя — ООО «Миллиорк».*

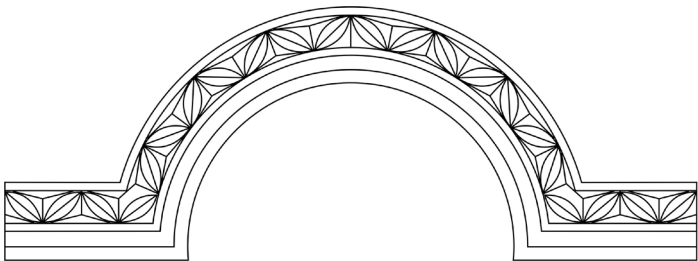
П70 **Прашкевич Г. М.**
 Демон Сократа: Повести. — М.: Издательство Престиж
 Бук, 2019. — 480 с.: ил. — (Ретро библиотека приключений и
 научной фантастики. Серия «Коллекция»).

ISBN 978-5-4459-0056-6

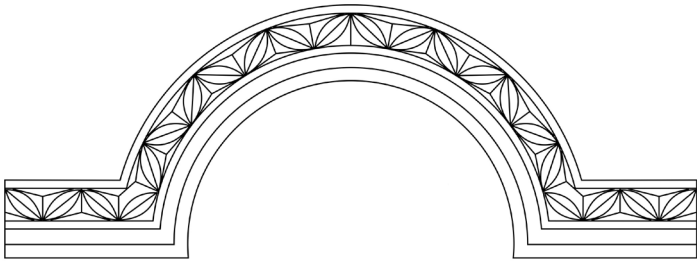
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4459-0056-6

© ООО «Издательство Престиж Бук», 2019
© Прашкевич Г. М., 2019
© Медведев А., иллюстрации, 2019
© ООО «Миллиорк», художественное оформ-
ление переплета, 2012, 2019

АГЕНТ АЛЁХИН

Ты спрашиваешь, откуда стартуют ядерные бомбардировщики, приятель? Они стартуют из твоего сердца.

М. Орлов

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий снарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

А. С. Пушкин. Дневник. 17 декабря 1833 года

Опять старая история. Когда построишь дом, то начинаешь понимать, как его надо было строить.

Ф. Ницше

1

— Теперь возьмешь?

— И теперь не возьму, — Алехин еле отмахивался. — Козлы! Вообще не беру чужого!

— Чего врешь-то? — наседал на Алехина маленький, глаза раскосые, длинные волосы неряшливо разлетались по кожаным плечам. По плечам кожаной куртки, понятно. — Ты недавно червонец увидел на дороге, что — не взял? «Вообще не беру чужого»! Ишь, раскудахтался!

Спрашивая, маленький злобный тип все время оглядывался на приятеля.

Длинный, смуглый, приятель почему-то ласково назывался Заратустрой Намангановым. Непонятно только, откуда маленький тип мог знать про червонец, недавно найденный Алехиным на дороге. И непонятно, почему так ласково назывался Заратустрой длинный. Никто не просил его как-то называться. В самом имени Заратустры Алехину слышалось что-то огненное, тревожное. К тому же, на голове длинного набекрень сидела гигантская кавказская кепка. Конечно, мохнатая.

А третий вообще ни на кого не походил. Ну, может, немного на Вия — чугунный, плотный, плечистый. Мощный нос перебит, сросся неровно, криво, на плечах ватная телогрейка. Алехин таких не видел сто лет.

— Ну, возьмешь?

— Не возьму.

— Ты же не за просто так берешь, — упорствовал маленький. — Ты за деньги.

— А я и за просто так не возьму.

Конечно, Алехин мог бы что-то приврать, подкинуть что-то такое сильное, обвести козлов вокруг пальца, но Верочка твердо предупредила его — больше в жизни не врать! Совсем не врать! И срок испытательный установила, не подпускала к себе. Чего же срываться из-за таких козлов? Соврешь, а волны-то далеко пойдут. Известно ведь, начинаешь с мелочей, с истинной правды — ну, скажем, служил на флоте. А потом почему-то из сказанного тобой как-то само собой выходит, что выполнял тайные приказы правительства. Или скажешь, вот, мол, живу в домике под снос, правда, в самом центре города, а получается, будто ему, Алехину, в ближайшее время дадут элитную двухуровневую квартиру со встроенным гаражом.

Неадекватная информация больно ранила Верочку.

2

А поначалу с Верочкой у Алехина все складывалось прекрасно.

Как увидел ее в приемной у начальника телефонной связи, так в тот же день и позвонил. Не мог не позвонить. Он таких, как Верочка, никогда раньше не встречал. Лицо овальное, гладкое, нежная кожа блестит, волосы волнистые, глаза лесные, зеленые. И Верочка Алехина тоже отметила, выделила из толпы. Не могла не отметить, не могла не выделить. Рост почти средний, глаза неуверенные, всегда не знает, куда сунуть руки — то ли в карманы, то ли под мышки.

Правда, доброжелательный. Но врет много.

В первый день Верочка, конечно, еще не знала, что Алехин врет очень много, а сам Алехин тогда считал, что вранье это совсем не повод для ссор, вранье — это ерунда, чепуха, раз плюнуть. Но, увидев, как Верочка в ответ на его слова начинает поджимать губки, Алехин решил: раз так, раз не нравится ей это, он завяжет. Верочка еще ни слова вслух не произнесла, а Алехин уже решил: завяжет!

И действительно. Домик у него маленький деревянный — на снос, зато, правда, в самом центре города рядом с драматическим театром. И садик при нем в три дерева. Семь лет обещают Алехину двухкомнатную квартиру в центре, соседей поносили уже, а до его домика руки не доходят. Алехин при первом свидании издала показал Верочке домик: вот, дескать, по-настоящему перспективный, двухкомнатная квартира светит. А Верочка только пожала круглым плечиком: «Ой, Алехин, так я же на твой домик смотрю каждый день!»

Оказалось, Верочка живет в новой девятиэтажке напротив.

Понятно, Алехин смутился. Маленький домик его хотя и стоял под боком у драматического театра, но стоял все же на пустыре рядом с новостройкой, а, значит, был открыт для обозрения, и Верочка каждый день могла видеть, как Алехин наведывается в туалет. А туалет у него вроде скворешни. Даже отверстие, как сердечко, вырезано в двери.

Но Алехин не удержался. Сказал: «Пошли ко мне, Верочка. Посидим, поговорим, музыку послушаем. У меня дома кофе есть. Маулийский». Он не знал, существует ли такой сорт, но прозвучало красиво. Верочка даже немного покраснела, услышав про маулийский кофе, и отказалась.

Да и как идти, если деревянный домик Алехина с такими неслышанно простыми удобствами открыт глазам всех Верочкиных соседей?

— Вот, — решил рассказать о себе Алехин. — Мою фамилию ты уже знаешь. Мне в общем не все можно говорить про себя... но тебе... скажу...

— Что? — Верочка даже затаила дыхание.

— Тебе трудно поверить будет, но я скажу. Понимаешь, необычная у меня профессия...

От напряжения Верочка рот открыла.

И тогда Алехин брякнул:

— Я агент!

А Верочка, дура, сама, именно сама красивой своей нежной ладошкой закрыла Алехину рот. Не надо, дескать, ни слова не говори больше, я же все понимаю, Алехин. Ты откровенный, но, наверное, давал подписку о неразглашении. Черт знает, что она в тот раз об Алехине подумала. Я ведь заметила, ты держишься не так, как все. Я видела, как свободно ты входил к начальнику телефонной связи. С моим шефом, Алехин, так свободно, как ты, никто никогда не разговаривал.

Короче, не дала Алехину говорить. А потом обиделась, почему врал.

А он не врал. Зачем ему врать? Он, правда, агент. Что в этом плохого? Он не первый и не последний. Зато опытный и знающий. Его очень ценят в Госстрахе. Он зарабатывает неплохо. И у него интересные клиенты. Например, пенсионер Евченко. Или крупный математик *Н.* По вредности пенсионер Евченко первый в мире, а научные труды математика *Н.* печатаются в самых развитых странах мира. В странах средне- и малоразвитых научные работы математика *Н.* реже печатаются, но скоро и там до них дойдут. Прогресс не стоит на месте. А Верочка, дура, как узнала, что Алехин не тайный агент, а всего лишь агент Госстраха, ударились в слезы. Ей, наверное, было бы гораздо приятней узнать, что он, Алехин, вовсе не просто опытный, вовсе не просто ответственный знающий агент Госстраха, а самый настоящий тайный агент какой-то особенно недружественной к нам, даже враждебной страны. Тогда бы она, дура,

могла страдать, могла бы мечтать о том, как спасет его. А может, сжав чувства в кулак, сдала бы его куда нужно.

А агент Госстраха...

Ну что такое агент Госстраха?

Куда сдашь простого, хотя и опытного агента Госстраха?

Подумав, Верочка определила Алехину испытательный срок. «Даю тебе месяц. Если за это время ты ни разу не соврешь, удержишься, приучишь себя к нравственной дисциплине, сам увидишь, какой интересной станет жизнь».

А что в такой жизни интересного? Как можно жить, совсем не привирая?

Но Верочка сама объяснила. «Я вот давно хочу посмотреть «Лебединое озеро» в нашем оперном театре. Но одной идти не хочется и с подругами тоже. А вот... если ты... исправишься...» Он в первый же вечер позвонил ей по телефону: «Это я, твой последний романтик». Но она вела себя сдержанно.

3

Но кое-что в Алехине Верочка одобряла.

Он, например, читал серьезную литературу.

Верочка глубоко была уверена, что книги всяких там Стругацких и Пращкевичей, Штернов и прочих до добра никого не доведут. Какой-то «Пикник на обочине» (пьют все время, наверное), «Костры миров» (а это еще о чем?), «Записки динозавра»... Какие динозавры? Разве нормальный динозавр мог писать? Зачем ненормальные книжки нормальному человеку?

Но однажды Верочка встретила Алехина на улице.

Он нес книги в букинистический магазин. Понятно, те, которые читать не мог и не хотел. А Верочка обрадовалась: «Ой, Алехин, наконец-то ты купил серьезные книги! Ой, какой молодец! Ты даже Пришвин читаешь. Это у него все про птиц и зайчиков? Большой, трагический писатель. Ты у меня растешь, Алехин! Я тобою горжусь!»

А чего гордиться? Алехин вовсе не купил книгу Пришвина. Он наоборот энергично хотел от нее избавиться. Не хотел трагического про птиц и зайчиков. Лучше бы уж Пришвин писал про милицию. Но похвалу Верочки при-

нял. И теперь часто вворачивал в разговор: «Читал я как-то у Пришвина...» Или: «Пришвин бы с этим не согласился...» Или: «А вот в третьем томе Пришвина...» У него, собственно, только третий том и был, потому он и нес его в бук, но в разговоре звучало солидно. «А вот в третьем томе Пришвина...» Верочка даже вздрагивала от волнения.

Но испытательный срок не скашивала.

4

Но сказать, что Алехин прямо вот так сразу начал совсем новую правдивую жизнь значило бы несколько преувеличить.

Не сразу, конечно. К тому же, с того дня, когда он дал Верочке это свое опрометчивое обещание, пошла ему непруха. Например, стал стесняться Алехин бегать в свою деревянную скворешню. Побежишь, а Верочка увидит и подумает: это чего он так часто бегаёт? А не побежишь, Верочка подумает: это как же он без всего этого обходится? В хозяйственном магазине стал стесняться ночных горшков. А потом еще демократически настроенные пикетчики стали устраивать на пустыре перед домиком Алехина шумные несанкционированные митинги. Понятно, к его деревянной скворешне выстраивалась гигантская очередь, попробуй туда попасть! Иногда Алехин думал, что Верочку огорчает вид на такую очередь к его туалету. Почему, дескать, он это позволяет? Какая распушенность!

А потом в садик Алехина, состоящий из трех деревьев, опустился самый настоящий НЛО (неопознанный летающий объект). Это не вранье. Свидетелем оказался сержант Светлаев, милиционер. Он лично видел НЛО — такой большой серебрящийся шар. Пускает яркие голубые и зеленые лучи, движется, куда хочет, и шипит при этом негромко, но сердито, как масло на сковороде. Правда, пока ехал милицейский патруль, вызванный сержантом Светлаевым, НЛО спугнули какие-то полуночники.

В тот день Алехина страшно утомили пикетчики и ораторы.

Особенно злобствовали бородатые иссохшие ребята из общества «Память». Их мегафоны начали мотушаться под

окнами Алехина прямо с утра. «Россия, проснись! Где твоя память?» Да уж лучше склероз, чем такая «Память».

Особенно невзлюбил Алехин известного в городе оратора *У.*

С помощью мегафона маленький, рыжий, горластый, горбатый и мутноглазый оратор *У.* с редким неистовством с самого раннего утра требовал одного: срочно восстановить, срочно омолодить генофонд русской нации! Это главное, а может и единственное, в чем прямо сейчас, с самого раннего утра нуждается простой русский народ, замордованный всеми другими окружающими его народами! Свой собственный генофонд оратор *У.* нерасчетливо порастряс еще в юности по всей популяции, вот теперь и требовал неистово: «Освободим русских зенсин! Вернем русским зенсинам простого русского музыка!» Лежа в постели, Алехин отчетливо представлял себе уютный пылающий русский очаг. А перед очагом — просторный русский топчан, застеленный русской простынкой. А на топчане в полной готовности маленький, рыжий, горластый, горбатый и мутноглазый оратор *У.* с его вечным рефреном: «Освободим русских зенсин!» и длинная очередь красивых дородных женщин, пригнанных к нему для восстановления русского генофонда. Очередь, прямо скажем, похлеще той, что днем выстраивается к туалету Алехина. И Верочка среди них — плачущая, упирающаяся.

А вот крупный математик *Н.* ни на какие такие разборки внимания не обращал. Зато услышав от Алехина про НЛО, мгновенно примчался на грузовой машине и с помощью двух грузчиков выставил из кузова странный, отталкивающего вида прибор, что-то вроде армейского миномета, установленного на чугунной плите, но с датчиками и с небольшим телевизионным экраном. По экрану, как живые, ползали зеленые кривые. А когда Алехин подошел поближе, стрелки на датчиках вдруг зашкалило. Крупный математик сразу оживился. Губы толстые, жадно трясутся.

— Алехин, вам сны снятся?

— Ну да, я разве не человек?

Математик *Н.* оживился еще больше.

- Неужели вас мучают сомнения?
- Да нет, я в этом не сомневаюсь!
- А шкаф для одежды у вас не падал без причины?

Алехин хотел ответить, что это не шкаф, а сам он недавно падал без причины — в лужу. Под давлением трех каких-то хулиганов. Но перевел разговор на другое, на более интересное. Ткнул пальцем в таинственный прибор, который было решено на несколько недель оставить в его садике:

- Застрахован?
- От чего? — удивился математик.
- От митингов.
- Думаете, поломают?
- Непременно поломают.
- А да ладно, — отмахнулся математик. — Пусть ломают. Нам бы только снять четкую информацию. — И объяснил, затягиваясь дешевой сигареткой. — Нам на изучение НЛЮ никто не выделяет приборов, поэтому мы всегда пользуемся чужими. Вот даже создали лабораторию по ремонту редкой научной аппаратуры. Принимаем приборы у самых разных организаций. Неделю ремонтируем, а в документах указываем, что три месяца. А сами этими приборами пользуемся. Всем польза.

5

А вот с хулиганьем сложнее.

Объявились в переулках вокруг пустыря рукастые придурки.

Встретили вечером Алехина — маленький тип, с ним этот длинный и еще тот тип, что похож на Вяя. В переулке лужа, по сторонам заборы, за заборами заглохшая новостройка. Домой можно пройти только по переулку, поперек него — лужа, и эти трое: ласковый Заратустра в мохнатой кавказской кепке, Вий в ватной телогрейке и маленький, длинноволосый. Алехин, увидев троицу, сразу понял: сейчас попросят закурить. И решил: пройду мимо, пусть думают, что глухонемой.

Но хулиганье пошло хитрое. Они не попросили закурить. Они сразу схватили Алехина за грудки и сунули под нос

что-то вроде игрушки. Может, искусственный рак, а может, не рак. Всякие там псевдоподии, ложноножки, усики, клешни, лапки. Присматривать Алехин не стал. Для одной только вежливости взвесил на ладони тяжелую игрушку: «Из золота, что ли?»

Таких, как эти типы, Алехин недолюбливал.

Пропились, наверное, пытаются толкнуть с рук игрушечного, металлического, явно украденного рака. И глаза у них какие-то неживые, не туда смотрят, куда надо. И ругаются странно, без интереса. Думают, наверное, куда денется этот Алехин? Перед ним лужа, не побежит он через лужу. А Алехин несколько дней назад сам набросал в лужу кирпичей — один туда, другой подальше. С первого взгляда не заметишь, но он-то знал тайную подводную тропу и мог пробежать по воде, яко посуху. Потому и не торопился, не выказывал никакой робости, предлагаемого металлического рака активно отталкивал. Зачем ему чужое? Он сроду не брал чужого! Чувствуя несомненное моральное превосходство, даже подмигнул маленькому длинноволосому.

И умудрился оторваться от типов.

В общем, жизнь кипела.

По утрам митинги, днем очереди к туалету.

А вечерами появлялся неугомонный крупный математик *Н.*

Курил, хрипел: «Алехин, голова у тебя не кружится? Странные сны не снятся?»

А ему снились сны, даже очень. И странные. Например, Верочка — в одних только длинных коричневых сапогах, и ничего на ней больше не было. Разве про такое будешь рассказывать?

6

Опять возвращался вечером домой. И вот нет чтобы пойти более дальним, кружным, зато безопасным путем, поторопился, свернул в узкий переулок. А там опять эти трое. Длинноволосый дергается, подбрасывает на ладони тяжелого металлического рака:

— Бери, бери! Для тебя, Алехин!

— За полбанки? — ухмыльнулся догадливый Алехин.

И подумал: где это они узнали мою фамилию?

— Зачем за полбанки? Ты по делу бери.

— Это как, по делу?

— А за полтинник.

— Значит, растут цены? — обиделся Алехин. — За простую механическую игрушку полтинник? Да она даже не заводится, в ней дырки нет для ключика. Ну, положим, возьму я. Зачем мне ваш рак? Таскать в кармане?

И улыбнулся. Не обидно, но с некоторым чувством превосходства.

Улыбка у Алехина широкая, открытая, как у губастого зайца из трагических рассказов Пришвина. И зубы ровные. Вот по ровным зубам, по широкой губастой заячьей улыбке Алехину и прилетело.

— Ты чего? — обиделся Алехин.

И опять ему не понравились глаза троицы — какие-то тусклые, неживые. Не поймешь, что надо таким? В драку все-таки хватило ума не лезть, намекнул только, отмахиваясь: видел я вас, козлы. Не раз видел. Пробавляетесь на стройке, да? Понадобится, мне вас найти, как плюнуть.

И дунул прямо по луже.

Смылся, конечно. Но обидно, конечно.

Он мотается день-деньской по участку, пенсионер Евченко достал, сидит в печенках, а тут еще это хулиганье. Сегодня опять не сумел уговорить упрямого пенсионера Евченко пролонгировать его страховку. Тот одно ноет: вот, дескать, помру, наследников у меня нет, кому достанется страховка? Алехин говорит: да не пропадет ваша страховка, в случае чего, достанется государству. А достанется государству, говорит, станет государство еще сильнее. А станет государство сильнее, в счастье подрастут и ваши возможные потомки.

— Ага, потомки, — обиделся пенсионер. — Я тут всю жизнь горбатился, а они, эти потомки, сразу на готовенькое.

7

Но больше всего мучила Алехина Верочка.

Он у нее все-таки был однажды. Уютная однокомнатная квартирка. Литовская стенка. Дорогой хрусталь, книжки на

полках. Всякие красивые камни, особенно агаты. Их Верочке дарил геолог, с которым она когда-то дружила. Что-то у них там не связалось, но Алехин не любил слушать про это. Ну, еще бельгийский ковер, японский пылесос, тефлоновая посуда. И все не застраховано!

Алехин обалдел от такой беспечности.

Задумавшись, двинулся по роковому переулку.

Моросил дождичек. Развязался шнурок на ботинке. Подняв воротник ветровки, Алехин присел на корточки как раз перед знакомой лужей. Завязывая шнурок, подумал: как бы ни складывалась моя жизнь, пусть даже Верочка совсем откажется от него, пусть даже не выдержит он испытательного срока, все равно он Верочку уговорит... застраховать... всю квартиру... А то не дай бог пожар...

Когда Алехина сзади пнули, он как раз думал о том, как хотелось бы ему помочь Верочке, поэтому упал неудачно — лицом в лужу. Вскочил весь в грязи, злой, хоть ополаскивайся.

Ну, конечно, те же трое.

Ласковый Заратустра Наманганов за неделю оброс неопрятной щетиной, смотрел на Алехина тускло, без интереса. Глаза под козырьком кавказской кепки, сдвинутой набекрень, казались совсем неживыми. А на Вие промокла ватная телогрейка. Но стоял прямо, ни разу не чихнул перебитым носом. Только длинноволосый дергался и кривлялся. Нехорошо, мол, не по-товарищески поступаешь, Алехин. Расселся посередине дороги, ни пройти, ни проехать. Даже подмигнул. Мы, дескать, случайно пнули тебя, Алехин. Подумали, что это сидит перед лужей один наш хороший приятель.

А что, разве обращаются так с хорошими приятелями? Алехин надулся, вытер платком лицо. Главное, решил, не дать им возможности спровоцировать драку.

— Если даже и приятель ваш, — заметил миролюбиво. — Зачем его пинать?

И сразу понял: ошибся. Длинноволосый задергался, обозлился, засучил рукава.

— Это ты нас учить будешь, как обращаться с хорошими приятелями?

И запрыгал, задергался, пытаясь достать кулаком до ровных зубов, до губастой миролюбивой улыбки Алехина. Он тут будет корить нас!

Когда Алехин позже рассказывал Верочке про случившееся в переулке, он, в общем, почти ничего не скрывал. Да и что скрывать? Все-таки трое. Разве разумный человек полезет в драку против троих? И забор грязный. Его, Алехина, значит, прижали к мокрому грязному забору, испачкали ветровку. А он все сдерживал этих типов. Вот чего, дескать, разошлись, мужики? Рядом отделение милиции, в отделении сержант Светлаев. Но мужикам было все равно. Особенно бесился длинноволосый. Алехин, если бы захотел, мог запросто утопить его в луже, но ведь рядом находились Заратустра и Вий. Черт знает, что у них там в широких оттопыренных карманах, и что у них там за голенищами? По рассказу Алехина выходило, что все трое были в высоких резиновых сапогах.

Чтобы не пугать длинноволосого, чтобы не спровоцировать настоящую неравную драку, Алехин якобы демонстративно отступил в лужу и, понятно, промочил ноги. Кроме того, скользко ведь и Алехин опять нечаянно упал в лужу. Эти типы вроде опомнились, начали извиняться, длинноволосый протянул руку помощи, но рука оказалась мокрая и Алехин опять — в лужу. Это совсем рассердило длинноволосого: вот, дескать, Алехин, ты не держишься на ногах, а потом начнешь говорить, что это мы тебя замарали! Стали тянуть Алехина из лужи уже все втроем и, конечно, опять уронили.

Но подняли. А чтобы снова не упал, прижали к грязному сырому забору. Длинноволосый при этом нечаянно сорвал с Алехина шарфик и вроде совсем нечаянно втоптал в грязь.

— Ну, берешь рака? За деньги.

— За какие деньги? — отмахивался Алехин.

— За хорошие деньги, — дергался длинноволосый. — За отечественные.

— Я вообще не беру чужого, — отмахивался Алехин.

— А ты не бери. Ты купи.

Для надежности Алехина еще плотнее прижали к забору, но забор оказался скользкий и Алехин опять упал.

— Теперь возьмешь?

— А что изменилось? — якобы обиделся Алехин. — Цены упали? Не хочу брать ничего чужого. Не мой этот рак. Не хочу рака. Он и не ваш, наверное.

— Вот заладил, — у длинноволосого прямо руки опускались. — «Наше — ваше». О чем ты? Чего как попугай. Раз наше, значит, и ваше. Что за непонятки? Наше, значит, ваше, а ваше это наше. Не так разве?

— Нет, конечно. Совсем не так!

— А как? — обозлился длинноволосый. — Если рак наш, тогда что твое?

— Ветровка моя, — заявил Алехин. — Шарфик мой. — Лужа моя. Родина моя. Земля.

— Земля? — сильно удивился длинноволосый. — Неужели и Земля твоя?

— Ну, наша, — поправил себя Алехин.

— А Родина? — еще сильнее удивился длинноволосый. — Она твоя?

— Ну, наша.

— Тебя прямо никак не поймешь. Ну, чё попало. Да ладно, уговорил. Бери рака без денег. — И добавил, пытаясь достать кулаком до ровных зубов Алехина: — Ты нам сразу понравился. — Но не перестал интересоваться: — А реки, горы, Алехин? Они чьи? А подземные ископаемые и облака? А вымершие существа? Тоже твои?

— Наши, — совсем запутался Алехин.

— А море?

— Обское, что ли?

— Ну, пусть Обское.

— Тоже наше.

— А Черное?

— И Черное — наше.

— Это, значит, и твое, Алехин?

— Ну да, моё.

Алехин не врал. Черное море, Понт Евксинский он любил, раз пять ездил к Черному морю. Возвращался из любимой Пицунды всегда загоревший, уверенный, похорошевший. Начинал считать себя обаятельным, что льстиво

подтверждали некоторые его пожилые клиентки. Загоревший, уверенный подолгу тренировал перед зеркалом южную уверенную улыбку. Для опытного страхового агента широкая уверенная улыбка — первое дело. Спорт, искусство, кино и все прочее — это второе дело, а улыбка — первое.

— А вот лишишься ты Черного моря, Алехин, хорошо тебе будет?

Ну, козлы! Алехин даже рассмеялся. Лишиться Черного моря! Да пусть оно окажется хоть грузинским, хоть украинским, хоть турецким, хоть румынским или там болгарским и так далее, никто всего моря никогда не лишится. Хватит моря на них и на нас. На всех хватит. Смех Алехина Заратустру Наманганова и его корешей неприятно разочаровал. Они переглянулись, вроде как не поверили Алехину. Все мокрые, на Вие телогрейка раскисла, да и сам Алехин, плотно прижатый к грязному сырому забору, сильно скучал. Не поленился бы пойти в обход опасного переулка, сидел бы в своей кухоньке и варил чай.

До него не сразу дошли слова ласкового Заратустры.

— Ох, лишишься ты, Алехин, Черного моря. Аральского лишился, а теперь и Черного лишишься. Вспыхнет море в одночасье и не будет больше ни твоим, ни ихним.

— Как это вспыхнет? — поразился Алехин.

— А вот так, — длинноволосый сделал неприятное движение, будто чиркнул спичкой под носом Алехина. — Пых и готово!

И спросил:

— У тебя телефон есть?

8

Домашний телефон для Алехина был предметом особой гордости.

Алехин простоял в очереди на телефон почти десять лет, и все равно ему пока поставили только воздушку — в один день и почти случайно. Кстати, именно в тот день он впервые увидел Верочку. Ноги длинные, глаза лесные, зеленые, полупрозрачная кофточка на груди и все такое прочее. И Алехин чем-то ее привлек. Может, осторожной стеснительной

улыбкой, Алехин никогда об этом не спрашивал. Строго ответив на стеснительную улыбку страхового агента, Верочка, как и подобает опытной секретарше, пробежала тонким красным пальчиком по длинному списку, лежащему перед ней.

— Опаздываете, товарищ Алехин.

Алехин удивился, но виду не подал.

Как это опаздывает? Неужели его очередь подошла?

Начальник телефонной связи, человек еще молодой, но умудренный сидел за просторным письменным столом и курил длинную иностранную сигарету. При этом он внимательно слушал острые анекдоты какого-то кудрявого смуглого весельчака, может, своего помощника. Увидев Алехина, кудрявый умолк и недовольно отсел в сторону, а начальник телефонной связи закурил новую сигарету. Алехин в ответ улыбнулся открыто. Он видел: начальник телефонной связи много работает: пепельница забита окурками, на столе свежий номер газеты «Советская Сибирь». Он даже немного упал духом. Конечно, у начальника телефонной связи тысячи важных дел, а тут он, Алехин, явился со своим мелким вопросом.

К счастью, начальник уже поднял на Алехина глаза.

— Мне уже звонили о вас, товарищ Алехин, — сказал он. — Мне рекомендовали вас как уверенного работающего человека. Наверное, правильно рекомендовали, я верю товарищам сверху. Но теперь придется работать еще больше. Перестройка, товарищ Алехин! Не какие-то там застойные времена. Гласность. Ускорение. Каждый должен показывать личный пример в быту. Учиться и работать. Все больше и больше работать и учиться. — При словах «перестройка» и «гласность», а особенно «ускорение», полные безмыслия глаза начальника телефонной связи становились какими-то обиженными. Было видно, что на душе у него накипело. А до Алехина дошло, наконец, что, может, принимают его за кого-то другого, но он промолчал, решил дослушать до конца умного человека. — Телефон не роскошь, это всем известно. Домашний телефон — это определенное признание обществом. Вы, товарищ Алехин, отдаете себе отчет, как много теперь придется работать?

Слова начальника телефонной связи взволновали Алехина.

Он, конечно, не думал, что его вот прямо сейчас из кабинета отправят в колхоз на копку картофеля или наоборот — в Институт повышения квалификации, но насторожился. Он очень хотел установить домашний телефон. Он очень хотел вписаться в строй непонятных, но мудрых мыслей начальника.

— Я теперь много работаю, — сказал он вслух.

Некоторое время начальник связи с сомнением рассматривал Алехина.

— Это хорошо, товарищ Алехин, — наконец сказал он. — Перестройка, гласность, ускорение. — После каждого из этих слов в голове Алехина вспыхивали и гасли разные яркие факты из богатой и содержательной жизни страхового агентства. Конечно, он будет теперь работать еще качественнее. Он прижмет хвост пенсионеру Евченко. — Мы с вами не можем молчать! Мы не можем поступаться принципами. — Начальник явно шел вброд, на ощупь, он не знал, что сказать еще.

Вручила Верочка, открывшая дверь.

— К вам из профотдела, Иван Георгиевич.

Счастливый Алехин задержался в приемной.

Онтак и ел глазами Верочку, разбиравшую какие-то бумаги.

Документы на телефон были подписаны. Алехин не знал, какое чудо произошло, но документы были подписаны. И юбка у Верочки оказалась с длинным разрезом. При ходьбе, да и просто при движении разрез этот расходился, правда, ничего такого особенного Алехин не увидел, наверное, Верочка немного неправильно к нему стояла — боком. Но это ничего. Это ничего, думал Алехин. Вон как хорошо все началось, главное, дальше не испортить.

9

— Есть, есть у меня телефон.

Длинноволосый отпустил Алехина.

А Заратустра Наманганов вдруг резво пошлепал по луже за угол бетонного забора и через пару минут принес телефонную трубку с оборванным проводом. А ну-ка, сказал он, набери свой домашний номер.

— Зачем? — спросил Алехин, рассматривая трубку с циферблатом.

— А ты не трусь. Набери.

— Меня же все равно дома нет.

— Какая разница? Ты набери, Алехин.

Ага, догадался Алехин. Они меня тут держат, а другие такие же шмонают сейчас, наверное, мой домик. Так оно и бывает. Слыхали мы про такое. И неохотно набрал свой номер. В молчащей до того трубке сразу раздалась длинные гудки.

— Ну вот, — снисходительно начал Алехин, но в этот момент что-то в трубке щелкнуло, и из бездонной мглы, из дымных времён, из какой-то совершенно невероятной и страшной бездны донесся до страхового агента завораживающий ужасный голос:

— Горит, Алехин, море. Горит. Зря не веришь.

— Какое море? — ошеломленно спросил Алехин.

— Черное...

Длинноволосый отобрал у Алехина трубку.

— Хватит с тебя, — сказал он с придыханием. — Тяжелый ты человек.

До Алехина, наконец, что-то дошло. Эй, мужики, обеспокоено сказал он. Если даже и горит море, я то тут при чем?

— Тебе сколько лет? — спросил длиноволосый.

— Немного за тридцать, — неохотно признался Алехин.

— Тридцать пять. Медленно взрослеешь, Алехин. — Длинноволосый почти с сочувствием похлопал Алехина по грязной ветровке, но тут же пригрозил: — Смотри, не потеряй рака. Мы его тебе отдаем на время. Ну, как переходящий приз. Когда понадобится, придем. Так что, сваливай!

И Алехин свалил. Да с такой скоростью, что чуть не сшиб в садике странный, похожий на гранатомет, прибор математика *Н.* Чертыхнулся второпях: этот *Н.* тоже придурок. Прибор поставил, а не боится.

10

А в конторе в тот день он услышал:

— Ой, Алехин! Зоя Федоровна видела летающую тарелку!

Все конторские метелки были в ужасе и восторге. Все — молоденькие, все, как на подбор, некрасивые. Правда, все замужем. Видно, для такого дела, как замужество, остренькие коленки, белесые реснички и копешки волос на маленьких головах вовсе не препятствие. А вот Зоя Федоровна, заведующая отделением Госстраха, при всей своей внешней импозантности всю жизнь просидела в старых девах. Отсюда и характер. Зная, например, что Алехин пьет крайне редко, Зоя Федоровна все равно каждый день незаметно к нему принималась. И всяко предупреждала.

— Был у нас один человек, Алехин. Всепил ипил. А где он сейчас?

И сама отвечала:

— На каторге!

— Да какая каторга в наше время?

— А жизнь? — резонно возражала Зоя Федоровна. — Разве не каторга?

О жизни Зоя Федоровна знала все. О счастливой тоже. Чтобы жить счастливо, знала она, надо все предметы роскоши поровну разделить на всех и бесплатно раздать. После такого важного события в истории человечества надо будет лишь следить за тем, чтобы ни у одной отдельно взятой человеческой особи снова не возникло ужасной жажды накопления. Если такая жажда возникнет, незамедлительно отправлять такую ненадежную особь на каторгу, не взирая ни на пол, ни на возраст, ни на образование. А всем вора, даже самым мелким, рубить руки выше локтей. А чтобы нигде и никогда не возникало дурацких несуразниц, связанных с так называемым любовным томлением, раз и навсегда освободить все человеческие особи от исполнения дурацкого супружеского долга. И все такое прочее.

НЛО (неопознанными летающими объектами) Зоя Федоровна раньше никогда не интересовалась. Но вот ночью встала, захотелось воды, пошла босиком на кухню. А окно кухни выходит прямо на пустырь, на заброшенную стройку, на домик Алехина. И вот над тремя деревьями маленького садика Зоя Федоровна увидела огромный, как бы зеркальный шар. А на поверхности шара Зоя Федоровна увидела

свое огромное отражение. И это отражение Зое Федоровне безнравственно подмигнуло.

— Да это вы сами, наверное, моргнули от удивления, — догадалась худенькая метелка Ася, ответственная, хорошая работница.

Зоя Федоровна обиделась:

— Зачем это мне моргать ночью?

Алехин промолчал. Он не хотел вступать в споры.

Он сам находился в смятении, потому что ночью увидел сон, явно один из тех, которыми интересовался крупный математик *Н.* Приснилось Алехину, что он идет по узкой тропинке. Вот Зоя Федоровна ночью ходит босиком на кухню, а он во сне шел босиком по узкой тропинке. Солнце печет, вокруг пологие коричневые глинистые холмы, редкая скудная травка. А может, холмы не глинистые, может, они из коричневого суглинка, который, как сметана, расплзается после дождя. Кое-где торчат сосны, похожие на рыжий укроп. Короче, страна блаженная на прекрасном морском берегу. А он, Алехин, идет босиком по тропинке и твердо знает, что уютный домик с тремя балкончиками на берегу — это его собственный домик. Или дача. Неважно, что. Главное, его собственное! И получил он этот домик или эту дачу не просто так, а официально от правительства. Что-то он, Алехин, сделал такое, что ему, как большому Герою, дали то ли домик, то ли дачу с тремя балкончиками. И стоит у зеленой калитки Верочка и ждет его, Алехина. Нетерпеливо и страстно ждет. Играет круглым бедром, глаза лесные, зеленые. Алехин во сне так и набросился на Веру, будто правительство и ее отдало ему вместе с дачей. Как большому Герою. Обнял Веру, врос корнями в землю, бомбой не сдвинешь. А может, не корнями врос, может, лапами, или звериными когтями, или какими-нибудь ужасными псевдоподиями, этого Алехин уже не помнил. Но сон такой, что Алехин долго млеял, проснувшись...

И вот еще что.

Его же вчера били и унижали.

Его вчера мордой тыкали в грязный мокрый забор, у него вся морда должна быть раскрашена синяками, а он про-

снулся, а на лице ни следа, ни царапины. Он специально смотрелся в зеркало, изучал свое лицо. Где ссадины? Где царапины? Где синяки? Его возили по луже, ставили к забору, как смертника, ему вчера тыкали кулаком в зубы, а где же следы насилия? Вот ведь чудо.

Глядя в зеркало, Алехин улыбнулся.

Улыбка получилась уверенная, профессиональная.

В страховом деле такая улыбка очень важна. Придешь к какой-нибудь бабуле, которая давно ничему на свете не верит, уговариваешь, убеждаешь, улыбаешься ей, перечисляешь условия, а сам как бы невзначай посматриваешь на полуоткрытую дверь ванной, там взрослая внучка купается. Главное, улыбаться. Но и собираясь на работу, недоумевал: что за сон такой?

Без всякого интереса глянул на замоченную с вечера одежду.

Там в кармане ветровки должен лежать рак. Металлический, заржавеет.

А на работе шум. «Ой, огромный зеркальный шар!» Метелки в трепете и в восторге. Огромный зеркальный шар! И отражение Зои Федоровны! Зина, мать троих детей, самая смелая, предположила: «Увидишь тарелку — жди событий». А Тася — голубоглазая, тихая, всегда немножечко приторможенная, вдруг рассказала ужасную историю про то, как один американский летчик погнался на военном истребителе за летающей тарелкой, а из летчика чудным образом вымыло весь кальций. Вернулся на базу, трясется, как холодец. Жена теперь держит своего летчика в большом эмалированном ведре. А метелка Ася, всегда симпатизировавшая Алехину, вспомнила, что некоторые люди, видевшие летающую тарелку, сами научились летать. Подпрыгнут, зависнут в воздухе и начинают летать понемножку.

— Да вы чего это, — обиделась Зоя Федоровна. — Я на девятом этаже живу.

11

Пользуясь разговорами, Алехин из кабинета Зои Федоровны позвонил Соньке Лужиной. Было время, когда

с этой Сонькойс они запросто могли сделаться мужем и женой — лет семь назад, когда Алехин только начал работать в страховой конторе. Но Сонька с самого начала водила его за нос, то есть, даже в самые лучшие месяцы их отношений не отвергала ухаживаний речника Косенкова. Позволяла провожать до дома, вывозить на веселые пикники, но если что, рядом сразу оказывался мрачный речник Косенков. Устраивая свое счастливое будущее, Алехин на самых льготных условиях последовательно застраховал все немалое Сонькино имущество, даже устроил ей льготное свадебное страхование, но вышла Сонька все-таки за речника. И теперь Алехин видел ее раз в год, когда скромно заходил к Косенковым пролонгировать их многочисленные страховки. При этом Сонька смотрела на Алехина с укором.

Разговаривал он с нею всегда на одну тему. «Ну почему так? — жаловался. — Ну почему, Сонька, как что-то плохое происходит, так непременно со мной? Сама погляди. Всех соседей давно поносили, а мой домик обходят как заколдованный. Мне что, жить на пустыре до старости?»

И сейчас пожаловался, а Сонька сладко зевнула.

— Сразу видно, что ты спишь, — разозлился Алехин. — Все работают, а ты спишь.

— Ну, ты даешь. Может, я сейчас не одна...

— Нужен мне твой речник!

— Ну, ты даешь.

— С тобой поглупеешь, — опять пожаловался Алехин и попросил: — Сонька, ну, ты же друг. Ну, придумай что-нибудь!

Сонька знала, о чем он. Время от времени Алехиным овладевал зуд перемен. Бросить к чертям осточертевший деревянный домик с деревянными удобствами под многочисленными окнами девятиэтажки, забыть про печку, пожирающую тонны угля и дров и старомодно коптящую на зеркальные окна девятиэтажки! Он был согласен на любую квартиру.

— Ты же начальница обменного бюро, ты все можешь.

— Ну, ты даешь. Твоя хибара официально предназначена под снос, — зевая, объяснила Сонька. — Мы тебя даже на учет поставить не можем. Хоть в Совет министров звони.

— А ты? — спросил Алехин с надеждой.

— Сволочь ты, Алехин, — рассердилась Сонька. — Было время, я тебе все предлагала. Я всю себя тебе предлагала. А ты растоптал.

На самом деле Сонька преувеличивала. Вся она и тогда была в руках жадного речника Косенкова. Все равно до сих пор укоряла Алехина: дескать, вот слушался бы меня, и все мое было бы у тебя в руках.

Он повесил трубку.

Что-то его тревожило.

Никак не мог понять — что.

Не хулиганы же, правда, всучившие ему игрушечного металлургического рака. Не пойдет он больше по тому переулку. Он лучше в тот узкий сырой переулок пошлет милиционера сержанта Светлаева.

Все равно что-то тревожило Алехина. Что-то непонятное вторглось в его жизнь. А-а-а, вспомнил он. Голос по телефону — мерзкий, чужой. «Горит, Алехин, море... Горит...»

12

Он незаметно выскользнул из кабинета, а метелки всюю разошлись, особенно Ася.

Ася с детства была натурой художественной, хотя и прихрамывала тоже с детства, как Серая Шейка. Однажды ее стихи даже напечатали в городской вечерней газете. Алехин радовался вместе со всеми, но потом Зоя Федоровна попросила и его написать что-нибудь. «Но по делу...», — укоризненно повела она глазами в сторону Аси. «Короткую рекламную статейку о льготной страховке для очень пожилых людей, например».

Алехин написал, но из редакции ответили, что для них это скучновато.

Он осторожно провел рукой по лицу. Все-таки странно. Длинноволосый дважды заехал мне по морде, потом меня прижимали к забору, а кожа как новая, ничем не испорченная. У него даже настроение улучшилось. «С одним моим приятелем, — вмешался он в разговор сотрудниц, — однажды тоже необычное случилось. Он в Томске жил. Жена от него ушла».

Метелки так и сгрудились вокруг Алехина.

Тема не сложившейся личной жизни всегда их интересовала.

А приятель Алехина был человеком благородной души. Такого каждый обидеть может, тем более что жена его оказалась стопроцентной самкой. Он без всяких споров оставил ей и квартиру, и обстановку, и детей, а сам трагически скитался по друзьям и знакомым, случалось, ночевал на вокзале. Начальство, боясь потерять замечательного слесаря, выделило ему комнату в пустом, обреченном на слом здании на месте бывшего городского аэропорта на Каштаке.

Там приятель и зажил. А звали его Коля, руки золотые.

При случае, кстати, мог и поддать. А, поддав, мог и побить самку. Но по своему родному углу сильно соскучился. Вселившись в свою комнату, твердо решил: теперь все, хватит, теперь целую неделю отдыха! Обстановку комнаты составили на тот момент мягкий диван, а у противоположной стены в метре от входной двери — холодильник. На диван Коля набросил простыню, чтобы уже никогда этим не заниматься, а холодильник загрузил некоторой едой и красным портвешком. И первый вечер в собственной комнате решил отдать не гостям, а отдыху и глубоким благородным раздумьям.

Стояло лето. Окно распахнуто настежь. В пустом доме ни души.

Раздевшись до трусов, Коля солидно прогуливался от мягкого дивана к белому холодильнику и обратно. Подойдет босиком к белому холодильнику, возьмет небольшой вес красного портвешка и довольный топает босиком обратно к мягкому дивану. Полежит немного, отдохнет, подумает и снова босиком топает к белому холодильнику. Хорошая жизнь. Коля решил жить так долго, пока не отдохнет полностью.

Малость захорошев, залег на диване.

В окно заглядывала луна, весело мерцали летние звезды.

Звезды мерцали так ярко, так близко, что казалось, протяни руку и ухватишь любую. Коля когда-то читал или слышал, может, что звезды на самом деле это вовсе не серебряные обойные гвоздики, а самые настоящие Солнца. А значит, вокруг разных таких звезд обязательно могут быть

разные планеты. Даже такие, как Земля. А если есть планеты, то на них возникает жизнь.

От чего? Да хоть от сырости.

Ну, а если уж на какой-то планете появляется жизнь, знал Коля, ее уже ничем не остановишь. На Земле, например, пробовали всякое. И напалмом жгли, и взрывали водородную бомбу, и устраивали искусственные землетрясения, и просто сжигали в специальных печах большие количества людей, а жизни наплевать на это — цветет и развивается. Ведь простому человеку, такому, как Коле, что надо? Простой человек, он ведь как живет? Он правильно живет. Получил, к примеру, комнату в пустом доме и отдыхает.

Коля понимал, что на других планетах все, наверное, немножко не так, но твердо верил в тот факт, что если уж на какой-то планете появилась жизнь, то ее уже ничем не остановишь. Удобно устроившись на диване, раскурив недорогую отечественную сигарету «Прима» (он все предпочитал отечественное), Коля мысленно представил, что где-то за миллиарды, а может, за миллиарды верст от него, на другой отдаленной планете, пережившей, как и Земля, множество войн, даже атомных, вот совсем, как он, Коля, лежит сейчас и смотрит на сияющие над ним звезды некий одинокий, как он, внеземной самец. И, может, он тоже вчера получил небольшую личную жилплощадь и теперь отдыхает, купил межзвездного портвешка.

И так хорошо, так благородно стало Коле, что даже глаза увлажнились.

Он босиком прогулялся до холодильника, взял небольшой вес, подышал на запястье, где в принципе мог находиться широкий обшлаг праздничной белоснежной рубашки, и босиком неторопливо двинулся обратно к мягкому дивану по своей родной, принадлежащей теперь ему комнате.

И тут что-то случилось.

Из-под босых Колиных ног, как бы пройдя сквозь темный линолеум, которым был покрыт пол, поднялся пухлый огненный шар. Этот огненный шар не был ярким, от него не несло жаром, но шипел он крайне выразительно и зловеще, как сало на сковороде, с какой-то необычной,

как заметил Коля, блатной интонацией. И в долю секунды Коля оказался в коридоре за плотно прикрытой дверью, вероятно продиффундировав сквозь ее плотную древесину и дерматиновую обшивку, потому что сам он выскочить из комнаты за такое короткое время физически не мог. А за дверью грохнуло и в коридор понесло отчетливым запахом уксусной кислоты и аммиака.

Коля осторожно заглянул в комнату. Да, там пахло уксусной кислотой и аммиаком, но все осталось на своих местах. Горел свет, окно открыто, призывно поблескивала белая эмаль холодильника, манил к себе мягкий диван, обещающая полноценный отдых. Никакой копоти, никаких новообразований.

Неужели портвешок такой крепкий?

Коля нерешительно вернулся в комнату.

Опасности не чувствовалось. Он открыл холодильник и на всякий случай сразу взял хороший вес. Решил, на сегодня хватит. Решил, прилягу на диван. И осторожно босиком пошлепал к дивану. И вот как раз на середине комнаты, как раз между холодильником и диваном, из-под босых Колиных ног всплыл все тот же пухлый огненный шар и от всей души шваркнул Колю.

Как молнией. Как высоковольтным разрядом.

На этот раз Коля диффундировал на мягкий диван.

Он стоял босиком на чистой простыне и двумя руками держался за полуспаленные трусы. Как человек благородный, он сразу и напрочь отгнал всякие мысли о возможном сумасшествии. По той же причине он напрочь отгнал все сомнения о религиозных чудесах. Очень осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, решив все перепроверить, медля и вздыхая, он отправился в новую экспедицию к белому холодильнику, мерцающему у дверей, как айсберг.

И ничего. Опасная экспедиция завершилась благополучно.

Коля покачал головой. Жизненный опыт у него был богатый. Он чуть ли не с детства знал гениальную формулировку — всякое бывает. А что трусы спалило, ну так и такое, наверное, бывает. Поэтому он уже успокоено прилег

на диванчик и снова попытался настроиться на далекого внеземного самца, о котором думал недавно.

Но что-то мешало его раздумьям.

Пораскинув мозгами, он решил, что, пожалуй, рано завязал с выпивкой.

Но когда, поднявшись, он вновь двинулся к холодильнику, стебануло его по-настоящему. Взвыв, он мгновенно оказался на мягком диване. Как молния, резнула ослепляющая сознание мысль: неужели теперь он навсегда отрезан от белого холодильника? Поэтому, немного отдышавшись, мудрить Коля не стал. Просто вылез в открытое окно и, обогнув здание, вошел в свою комнату, как положено, через входную дверь. Глотнув из бутылки, тем же кружным путем вернулся на диван. Чтобы успокоиться, даже похвалил себя: вот, мол, даже в самых экстремальных условиях способен на скромные и разумные решения. Вот, правда, зимой комната будет выстуживаться.

Утром все ребята по слесарному цеху знали Колину историю.

И вечером к нему заявила веселая дружная компания. Шумели, выпили весь портвешок и принесенную водку, ходили босиком из угла в угол, некоторые для чистоты эксперимента раздевались до трусов — и ничего! Ни на одном трусы не спалило. Это, Коля, у тебя видения, так решили ребята. Ты теперь хорошенько отоспись и все как рукой снимет. Коля, собственно, и сам так думал, но, оставшись один, уже раздевшись, не посмел босиком пойти к холодильнику, натянул резиновые сапоги. Вот в этих-то сапогах его и шваркнуло. Да так, что следующую ночь Коля, опаленный до пояса, провел в доме одного своего пьющего, но надежного приятеля-электрика. Будучи специалистом, приятель-электрик отверг все самые смелые и неожиданные гипотезы. В жизни, Коля, все проще, покачал он головой. И посоветовал: ты сходи в политех. Там есть такой крупный математик *Н.*, он всякими такими историями интересуется.

В этом месте к большому огорчению метелок Зое Федоровне позвонили. Отправляясь к телефону, строго напомнила: «Рабочий день, девочки! Хватит лясы точить!»

— Алехин! А чем кончилось? — жадно шепнула худенькая Ася, но Зоя Федоровна так строго на нее взглянула, что Ася без понуканий направилась к своему столу.

— И тебе, Алехин, пора.

13

У Алехина как раз была назначена встреча с пенсионером Евченко.

Оглядываясь на зловещий переулок, в котором вчера напали на него Вий, Заратустра и длинноволосый, Алехин прошел к знакомой девятиэтажке. На седьмом этаже нажал на звонок. Соседняя дверь вела в однокомнатную квартиру Верочки. Он всячески старался не смотреть в ту сторону. Там бельгийский ковер, литовская стенка, всякий хрусталь, агаты от геолога. И все такое незастрахованное!

Алехин испытывал нежность и беспокойство.

Вздохнув, нажал на звонок, и за дверью далеко-далеко запела невидимая птичка, потом послышались легкие птичьи шаги. Персональный пенсионер Евченко Кузьма Егорыч когда-то писал книжки по советскому праву, преподавал в высших учебных заведениях, был активным членом единственной прогрессивной партии и много занимался общественной работой.

Он и сейчас многим интересовался.

Когда бы Алехин ни заходил к Кузьме Егорычу, он всегда сидел в махровом халате за огромным письменным столом и разглядывал через мощную лупу какие-то документы и газетные вырезки. За спиной пенсионера в коричневой раме висел большой портрет Генералиссимуса, вырезанный из послевоенного «Огонька».

— Вы прямо как бывший шпион, — доброжелательно подмигивал Алехин, желая сказать пенсионеру приятное.

— Типун тебе на язык, — пугался Евченко.

Лысый, остроносый, моргал белесыми ресничками, впиался взглядом в Алехина. Доктор зоологических наук, никак не меньше! Почему зоологических, Алехин не знал, но так думал. Было, было в пенсионере Евченко зоологическое упорство. Он, например, никак не хотел пролонгировать

страховой договор. «Кузьма Егорыч, — убеждал Алехин, — имея пролонгированную страховку, вы обеспеченный человек. Сломаете руку, получите на лечение. Сломаете ногу, получите еще больше. А если переедет вас поезд, считайте, уже и миллионер!» — «А деньги? — сварливо, но резонно возражал Евченко. — Зачем они, если меня поездом переедет?»

Логика в словах Евченко была, но Алехин не сдавался.

Намекал, что вот был и такой случай, один дедок умер. Считался бедным, а, оказывается, имел страховку. Теперь на эту страховку учится в институте его любимый наследник — талантливый юноша-ветеринар.

— Не буду я поддерживать прыщавых, — моргал белесыми ресничками пенсионер Евченко. — Знаю, как они учатся. «Мертвые с косами вдоль дорог стоят, дело рук красных дьяволят». Орут целый день, ничего святого.

А еще было, ненавязчиво намекал Алехин, скончался как-то в одночасье один хороший дедок, всю страховку оставил детскому садику. Этого дедка, благородного человека, детский садик всем составом провожал в последний путь. Как настоящего человека. Даже детей-грудничков несли воспитательницы в голове процессии.

— Это ж как так? — возмутился Евченко. — Зачем груднички на похоронах?

14

— Это я, Кузьма Егорыч!

— Чего тебе опять? — ворчал пенсионер Евченко, неохотно возясь с цепочками.

— Вот видите, Кузьма Егорыч, — поймал пенсионера Алехин. — Путаетесь в цепочках, дверь на семи запорах, как в тюрьме. Только конвоиров не хватает. А застрахуете имущество, ничего бояться не надо.

— А если унесут застрахованное?

— Купите новое.

— А если унесут новое?

— Снова купите. Еще более новое. Так сказать, круговорот вещей в природе. Вон у вас телевизор «Атлант». Это же древность. Ему больше лет, чем вам. Таких уже давно

не выпускают. Пусть его и упрут, а вы получите страховку и купите «Сони» с экраном на полстены.

— Ладно, проходи.

— Вы меня так шпыняете, прям как человекообразную собаку, — пожаловался Алехин, входя в холостяцкую квартиру пенсионера. — Вы же умный человек. Я сам слышал, как вас называли — умный.

— Где? — подозрительно заинтересовался Евченко.

— В магазине, наверное, — соврал Алехин. Для своих клиентов он никогда не жалел добрых слов. — Я, кстати, так же думаю.

Он говорил, а сам рассматривал знакомую комнату.

Книжный стеллаж, на стене поясной портрет единственного советского Генералиссимуса. Книг много, но все больше справочники и энциклопедии. Алехин, однажды заглянул в том на букву *Б*, интересно было: правда, что враг народа английский шпион маршал Берия носил золотое пенсне, или враки? Но статьи о маршале в томе на букву *Б* Алехин в энциклопедии не обнаружил. Вместо нее была вклеена цветная карта Берингова моря. А сейчас с непонятным волнением Алехин увидел на письменном столе персонального пенсионера толстую книгу в красном переплете.

«Люция Черного моря».

Зачем пенсионеру люция?

Но Алехин начал все же издалека:

— Вот за что мы всю жизнь боремся, Кузьма Егорыч?

Такого не поймашь, не застигнешь врасплох. Пенсионер ждал такого вопроса.

— Чего тут не понимать, Алехин? Всегда боролись, и всегда будем бороться за счастье народа. — Он сурово нахмурился: — Смысл всякой вечной борьбы — счастье народа.

— При всех режимах? — не поверил Алехин.

— При всех законных правительствах, — строго поправил пенсионер Евченко. — Многие поколения русских революционеров доказали ценой собственных кристально чистых жизней то, что любой человек достаточно высокой

духовной организации чрезвычайно способен с героической и максимальной самоотдачей бороться за общее счастье, к чему мы и должны их незаметно подталкивать.

Ну, прямо как по писаному сказал. Алехин только кивал.

Везет старику. Рядом за стеной всего в метре от ничего не подозревающего упрямого пенсионера, живет Верочка. Она может ходить по квартире в одном легком халатике, несмотря на такую близость. А пенсионер Евченко, как любой сосед, в любое время может заглянуть к ней, скажем, за солью. Вот только зачем ему «Люция Черного моря»? Но вслух Алехин спросил:

— А что есть счастье, Кузьма Егорыч?

— А счастье — это есть мир на всей Земле, — незамедлительно, нисколько не теряя времени на раздумья, ответил пенсионер. — Всеобщий всеобъемлющий мир и свободный труд. И еще всеобщее равенство. И равенство всех освобожденных от какой бы то ни было духовной и материальной ответственности. — Он подумал и уточнил. — Больше, конечно, от материальной.

Сам Евченко в своем застиранном махровом халате и в теплых тапочках вовсе не выглядел человеком, полностью свободным от духовной и материальной ответственности, и ободренный этим наблюдением, Алехин умно заметил, что в этом году чуть ли не юбилей знаменитого высказывания: жить стало лучше, жить стало веселей. А вот он, Алехин, несмотря на все прогрессивные изменения, несмотря на все пережитые им режимы... («законные правительства», — строго поправил пенсионер) ...несмотря на все пережитые им законные правительства, до сих пор обитает в деревянном домике, предназначенном на снос еще при Брежневе, и бегаёт в простой деревянный сортир на глазах всей девятиэтажки.

— А дурак он и есть дурак, — пенсионер Евченко не собирался сочувствовать. — Настоящий человек, Алехин, имеет право на всеобщее счастье только в том случае, если он не рассматривает всех других людей как средство для достижения своего личного счастья.

И объяснил:

— Посадить дерево, Алехин, воспитать тихого ребенка, оплодотворить одну отдельно взятую верную женщину — это, Алехин, еще не все. Это, Алехин, каждый сумеет. Под освобождением человека мы, материалистические философы, имеем в виду не просто освобождение от всех форм духовной и материальной зависимости, но еще и от всех форм зависимости от самой природы.

Начав, пенсионер уже не мог остановиться.

А Алехин почему-то вспомнил металлическую игрушку, навязанную ему алкашами Заратустры Наманганова. Заржавеет этот рак в кармане сырой ветровки. Думал о раке, а в голове вертелось: на кой черт сдалась пенсионеру «Люция Черного моря»?

— ...и только когда миллиарды и миллиарды самых различных пониманий сольются воедино, — вдохновенно пел пенсионер Евченко, — и образуют гармонию, подобную гармонии музыкального эпического симфонического произведения, вот тогда, Алехин, наступит счастье и для тебя лично.

— А для вас?

Пенсионер Евченко обиделся. Он даже замахал маленькими, покрытыми коричневыми пигментными пятнышками лапками, но Алехина это не смутило. Главное правило страхового агента: какую бы чепуху ни молол клиент, выслушивать его надо терпеливо и до конца. Пусть размахивает своими пигментными лапками, никогда не перебивайте клиента. Смотрите ему в глаза. Улыбайтесь. Даже если он вам противен, улыбайтесь. Клиент не говорит ничего путного? Подумаешь. Вам-то что? Дайте ему выговориться.

— Счастье счастьем, Кузьма Егорыч, а вот меня вчера возле собственного дома чуть алкаши не побили. — Алехин знал, что пенсионер Евченко, как любой смертный, с интересом относится к подобным историям. — Полный беспредел, Кузьма Егорыч, — Алехин, с нарастающим подозрением поглядывал на «Люцию Черного моря». — Алкашам дай волю, они море подожгут...

— А что? И подожгут, — горячо откликнулся пенсионер.

И вдруг полез суетливо в какие-то бумаги, кучей сваленные на письменном столе.

— Я раньше сам думал, что не горит море. А оказывается...

— Что оказывается?

— А ты сам почитай, а то скажешь: вру. Бери, бери. Это вырезки из газеты. Из большой государственной газеты. — Пенсионер Евченко как суетливый паучок бегал по комнате. — Да возьми вырезки с собой, вернешь потом. Это не болтовня, а это научный факт!

15

Алехин и на этот раз ушел от пенсионера ни с чем.

Это его разозлило. Встречу алкашей — побью, решил. Или позову сержанта Светлаева. И подумал, прозвонив в квартиру Светлаева: пива бы выпить.

Дверь открыл сам сержант милиции.

— Как служба?

— Нормально.

— Как здоровье?

— Нормально.

— Как жена?

— Нормально.

Ну, и все такое прочее.

Плечистый сержант был в милицейской форме.

Обычно встречал Алехина в потрепанном спортивном костюме, а тут на тебе — в полной форме. Наверное, только что вернулся с дежурства. Крепкий, волевой, как глыба гранита. Много подумаешь, прежде чем бросишься на такого вот крепкого и волевого сержанта.

— Проходи.

— Да ну, пошли лучше за пивком.

И пошутил:

— Дома у меня рак есть.

Странно, но о раке он упомянул с внезапным холодком в груди. И даже мысль о том, как удивится сержант, увидев, что рак металлический, тоже почему-то не развеселила Алехина.

— Рак?

— Вот такой.

— Рак — это нормально.

В сущности, Алехин не разделял мнения сержанта, но слово уже вырвалось.

Он еще раз показал на пальцах:

— Вот такой.

— Нормально, — кивнул сержант. — Значит, очищаются наши водоемы.

— Вовсю, Сёма.

— А мы власть ругаем.

— Конечно, не без этого, Сёма.

— Я в свое время раков ловил на Ладоге, — вспомнил сержант. — Нормально. — И неожиданно приуныл: — Только в командировки теперь далеко не посылают. Так... Куда-нибудь рядом...

— Это куда же? — полюбопытствовал Алехин.

— Служебная тайна, — твердо отрезал сержант.

В комнате зазвонил телефон и, как всё в квартире сержанта, звонок показался Алехину твердым и волевым.

— У аппарата, — твердо сказал сержант Светлаев и удивился: — Гражданин Алехин? Да. Присутствует гражданин Алехин. — И еще больше удивился. — Есть передать трубку гражданину Алехину!

— Меня? — не поверил Алехин.

И услышал в поднесенной к уху трубке мощное чужое дыхание.

И услышал чужой, страшный до паралича, а от того чрезвычайно убедительный голос: *«Горит, Алехин, море... Горит...»*

И почти без перехода: *«И место жительства сменишь...»*

Пискнуло и пошли глухие гудки отбоя.

Розыгрыш, с противной тоской подумал Алехин. Сонька, наверное, подбила своего глупого речника. Не зная, что сказать, он пояснил туманно, что это ему звонили из обмненного бюро. Говорят, есть варианты. Вот и позвонили.

— Домашние номера сотрудников МВД не подлежат разглашению.

Подозрительно поглядывая то на Алехина, то на замолчавший телефон, сержант Светлаев переоделся в штатское. Ладно, сейчас даванем пивка, подумал Алехин. А рак это шутка. Этот рак нам не по зубам.

Пивные киоски или не работали или запасов пива не имели.

- Хоть на Чукотку езжай, — рассердился сержант.
- Почему так далеко?

Светлаев не ответил. Стоял насупясь. Всерьез настроился на отдых, а тут...

— Вот посмотри, — сказал Алехин, не желая длить молчание. — Видишь, мой деревянный домик, а за ним пустырь?

- Вижу. Мой участок.
- Гнусное местечко.
- Это почему?
- Меня вчера там встретили.
- А что не встретить-то? Кореша?
- Какие кореша! Алкаши. Унизили, загнали в лужу.

Сапогом пинали в лицо.

- Сапогом?
- Ага.
- А следы побоев?
- Что? — не понял Алехин.
- Следы побоев где?
- Ну, следы... Нет следов...

— Что-то ты мне сегодня не нравишься, Алехин. Жизнь она, конечно, штука сложная. Я понимаю. По статистике, к примеру, есть города, в которых каждая вторая женщина изнасилована...

- То есть как это, каждая вторая? — опешил Алехин.
- А вот так.

— А если в таком городе живут три сестры?

— Считаю, две уже изнасилованы. Или одна, если повезет, — твердо объяснил сержант Светлаев. — Зависит от последовательности. Нормально. Если одна за другой стояли, то одна или две обязательно изнасилованы.

— А что же милиция?

— У меня на участке тихо, — уклонился сержант от прямого ответа.

— Ну, не скажи. Меня вчера на твоём участке пинали сапогами в лицо.

— А ты, Алехин, разгласил тайну служебного телефона! Позже, рассказывая про эту распрю, Алехин клялся, что ему совсем не хотелось ссориться, но вот будто тянули его за язык. И сержанта тоже.

Короче, разошлись недовольные.

17

Дома, вспомнив о металлическом раке, Алехин перерыл всю свою замоченную в баке одежду, но рака не нашел. Развесил простирнутое белье и ветровку в садике. Долго любовался на прибор крупного математика Н. Зеленая линия весело прыгала по экранчику, все время давая при приближении Алехина неожиданные всплески. Но, может, так и должно быть. По какой-то непонятной ассоциации он вспомнил про газетную вырезку пенсионера Евченко. Его даже холодком обдало, когда он увидел название статьи, вырезанной пенсионером из «Литературной газеты»

«КОГДА ВЗОРВЕТСЯ ЧЕРНОЕ МОРЕ?»

Да это что же такое? Алехин собственным глазам не поверил.

«Судьба Черного моря, — прочел он, — судя по результатам последних научных экспедиций, оказалась на весах жесткой, даже, похоже, жестокой альтернативы: мы в любой момент можем стать свидетелями и участниками небывалой экологической катастрофы, число жертв которой никто не берется подсчитать».

Неужели даже крупный математик Н. не берется? — испугался Алехин.

«О крымских событиях конца 20-х годов (землетрясение силой 8-9 баллов), — прочел Алехин, — остались многочисленные свидетельства очевидцев, среди них, например, недавно рассекреченный рапорт начальнику Гидрографического управления Черноморского флота, составленный по данным военных постов наблюдения и связи на мысе Лукулл, Константиновского равелина (Севастополь) и Евпатории.

Из упомянутого рапорта следует, что в море землетрясение сопровождалось появлением яркого огня:

ВПНС Лукулла 0 ч 42 мин — столб пламени продолжительностью 5 с;

Евпатория 2 ч 48 мин — на море вспышки огня белого цвета;

Севастополь 3 ч 31 мин — по пеленгу 255 вспышка огня высотой 500 м., шириной 1,5 морской мили;

ВПНС Лукулла 3 ч 41 мин — по пеленгу 260 замечена огненная вспышка высотой около 500 м, шириной около 1 морской мили.

Что это было? Откуда поднялись над морем гигантские языки огня? Что могло гореть на открытом водном пространстве?»

Алехин стопроцентно разделял недоумение автора.

«Ответить на это тогда, более, чем семьдесят лет назад, было, конечно, гораздо легче, но, увы, бесценные документальные свидетельства о необычайном явлении десятилетиями оставались неизвестными для науки. С соответствующими грифами они легли в архив ВМФ, хранящийся в Санкт-Петербурге».

Так что же было причиной возникновения огня на море?

К сегодняшнему дню, утверждал автор статьи, существует лишь одна, зато во многом согласующаяся с указанными данными версия: внезапное сильное подводное землетрясение спровоцировало выход из глубин моря к его поверхности, а затем самовозгорание огромных количеств горючего газа сероводорода. Не случайно в журналах наблюдений указано на «неожиданное вскипание спокойного моря», на «тяжелый запах тухлых яиц», на «бурый дым после огненных вспышек» и тому подобное. Гигантскими полукилометровыми факелами полыхал над открытым морем, скорее всего, именно сероводород.

Чувствуя странное стеснение в груди («*Горит, Алехин, море... Горит...*»), уставившись глазами на окна освещенной вечерним солнцем девятиэтажки, Алехин задумался. Из текста статьи следовало, что мертвые безжизненные пространства сероводорода заполняют все Черное море от глубин в 100–200 метров до самого дна с рекордной глубиной в 2245 метров. Другими словами, сероводородом заражено более

девяти десятых всего объема прекрасного Черного моря, на котором Алехин так часто отдыхал. И количество ядовитого горючего газа со временем все более и более возрастает.

Да что же это такое? — испугался, прикинув масштаб явления, Алехин. Я, значит, расслабляюсь где-нибудь в Сочи или в Пицунде, а содержание ядовитого газа в море все растет?

В 1974 году, узнал Алехин, американские ученые (везде эти американцы!) вроде бы решили, что, к счастью, началось естественное затухание опасного процесса, однако вскоре их оптимизм (так им и надо!) начал затухать. Верхняя граница сероводородного слоя в Черном море вновь по каким-то неясным причинам начала подниматься, причем в ускоренном темпе. К концу 80-х (Алехин как раз в те годы бывал в Пицунде) скорость подъема верхней границы достигла двух метров в год. Аэробным, то есть живым, содержащим живительный кислород, слоем в Черном море остается сейчас только его поверхность. То есть, на человечество надвигается невиданное экологическое бедствие. Не дай Бог, ударит новое землетрясение — сразу вскипит спокойное до того море и с чудовищной силой взорвется над морскими просторами ужасный горючий газ.

«Горит, Алехин, море... Горит...»

Понятно, что после такой вспышки побережье вокруг Черного моря на многие тысячи километров будет сожжено и отравлено, а в воздух выбросит неисчислимое количество едкой серной кислоты. А кто может предсказать, в какую сторону по воле ветров отправятся кислотные тучи? Алехин живо представил: вот они с Верочкой гуляют по берегу прекрасного Черного моря, а издали неожиданно наползает черная кислотная туча. А у них с Верочкой нет даже зонтиков. Ведь одежда на Верочке расплывется на клочки, пожалуй, ошеломленно, но живо представил Алехин.

И оборвал себя. Потому что подошел к тому месту в статье, которое совсем по-новому высветило его недавнюю беседу с паскудными корешами Заратустры Наманганова. Автор статьи как-то нехорошо, как-то очень даже нехорошо

подчеркивал, что землетрясение это вовсе не единственная штука, которая способна сыграть роль адской запальной машинки. По Черному морю, намекал автор, плавают корабли самого различного назначения, на нем испытывают боевые торпеды, бомбы, мины. Опять же, туристы швыряют окурки за борт, тревожно подумал Алехин. Известно ведь, что если есть возможность совершить какую-нибудь пакость, всегда найдется придурок, способный ее совершить.

Он почувствовал себя беззащитным.

Вот выйдут однажды они с Верочкой на катере в море, а вода под катером вдруг вспухнет, вскипит, гнусно дохнет на них тухлыми яйцами. Думай, Алехин, думай зачем «Лодция Черного моря» персональному пенсионеру?

18

Набрал знакомый номер.

Обрадовался, услышав Верочкин голос.

— А у нас Зоя Федоровна видела летающую тарелку.

— Это всё? — в голосе Верочки не слышалось никакой ласки.

— А еще мне подарили металлического рака, только он куда-то запропастился.

— Это всё? — холодок в голосе Верочки прозвучал уже совсем явственно.

— А еще я прочитал в газете, что Черное море может взорваться.

— И всё?

— Разве этого мало?

— Алехин, — чуть не плача заговорила Верочка. — У меня в квартире лопнули трубы, кругом вода, с потолка течет, а ты опять со своими выдумками. Я так хотела сходить в театр на «Лебединое озеро», а ты опять со своим раком!

— Верочка, — обрадовался Алехин, — давай я тебе помогу.

— Спасибо, но я уже сантехника вызвала.

— На ночь? — ужаснулся Алехин.

— Какая разница? — обиделась Верочка.

— На ночь? Сантехника? Они же все алкаши!

— Зря ты так думаешь. Надо верить в людей, Алехин!

Она повесила трубку, а в Алехине все кипело. Ну, конечно! Лопнули трубы, сейчас сантехник придет. Ноги длинные, глаза лесные, зеленые. Такую обмануть — пара плюнуть. Он бы, Алехин, сам управился за полчаса!

Тревожно было Алехину. Вот сидит где-нибудь в подвале грязный террорист-сантехник и подло мастерит грязную самодельную бомбу. Может, рядом сидит, может, в соседнем доме. Пьяный, ходит к Верочке, прочистит трубу, а сам сядет в поезд, доберется до Черного моря, скотина, наймет катер и запузирит грязную бомбу куда поглубже. Вот бы поймать такого. За совершение подвига любое правительство не пожалеет отдельного домика.

— Да ну, — услышал Алехин ровный, отливающий металлом голос.

И увидел на столе рака.

19

Ну, клешни — он ими слегка пощелкивал, попугивал. Ну, многочисленные раскачивающиеся усики — он ими помавал. Ну, плоский, короткий, отливающий литой медью хвост. Ну, масса неясного назначения псевдоподий, а особенно глаза. Маленькие, черные, как бусинки. Глаза рак стеснительно, но высоко поднимал над собой — они были на тоненьких стебельках и вращались, как перископы. Иногда рак пятился, отступал, прятался за стакан с мутной водой, тогда Алехин только эти черненькие бусинки-глаза и видел.

— Ты кто? — нервно спросил Алехин. — Что я тебе сделал?

— Не хватало еще, чтобы ты мне что-нибудь сделал, — с большим достоинством ответил рак. Он беспрерывно помахивал, шевелил, подергивал, помавал всеми своими многочисленными усиками, клешнями, псевдоподиями. Алехин так и решил, что это дорогая импортная игрушка со встроенным миниатюрным магнитофончиком.

Но полыхнуло вдруг воспоминание о вчерашнем сне.

Темный берег, глинистые холмы, уютный домик, несомненно, его, Алехина, домик. И он сам с Верой, застыв

у калитки, счастливо и слепо следит за ровным морским прибором. Несомненно, он, Алехин, получил этот домик в подарок от какого-то сильного правительства. Как Герой получил — за большой подвиг. Может, даже за то, что спас Черное море от грязного террориста-сантехника. Правда, на соснах, похожих на рыжий укроп, вспомнил Алехин, возились какие-то неясные рукокрылые, а у чудесной Верочки просматривались присоски.

— Ты кто?

— Я твой счастливый случай, — ровно ответил рак.

— И как звать мой счастливый случай?

— Звать меня нынче Авва. Так и зови.

— А я — Алехин, — на всякий случай представился Алехин и с большим сомнением хмыкнул: — Как это — Авва? Почему?

— А почему ты — Алехин?

— Да потому что у меня отец был Алехиным.

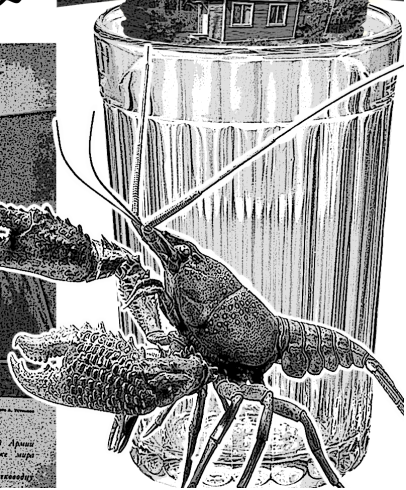
— А мне ты в чем-то таком отказываешь?

Алехин пожал плечами, и рак, почувствовав его неуверенность, наконец, подобрел, дескать, имя можешь не называть, дескать, я буду звать тебя просто Алехиным. И пояснил, что он вообще-то троякодышащий.

— Это еще что? Это еще как?

— Ну, как, — рак Авва многие человеческие слова воспринимал буквально, например, слово скотина, пока, правда, случайно высказанное Алехиным. — Как всякая троякодышащая скотина, — пояснил он без всякого кокетства, — я дышу так, и еще так, и еще вот этак. Ты на ночь сунул меня в таз с мыльной водой, гадость какая, а я доброжелательно беседую с тобой и мечтаю долго вести наши беседы. — Клешня рака стеснительно поднялась над стаканом, потом из-за другого края сверкнули черные бусинки-глаза. Они показались Алехину чрезвычайно умными, и это ему особенно не понравилось. Взял бы и вырвал с корнем! Но Алехин держался. Что-то заставляло его соблюдать вежливость по отношению к столь непривычному троякодышащему созданию. Не кусается, уже хорошо.

Но глаза — умные.

ОГОНЬ
В. П. СЕРГАНОВ

Имя Владимира Сталина
М. Шолохову 25-я подполковник Советской Армии
и Герою Советского Союза, ставшему на страже мира
и безопасности нашей Родины!
Слова великому человеку посвящаю и посвящаю
подполков. Сталину!

Это не нравилось Алехину .

Это беспокоило. Это навевало печаль.

Ну почему так, думал он. Почему Верочка на ночь звала сантехника, а не меня? Почему не верит мне? Я ведь почти не вру. И почему длинноволосый в узком переулке бил меня и все равно всучил говорящего рака? Почему пенсионер Евченко не желает пролонгировать страховку? А Зоя Федоровна такую летающую тарелку видела, что ее собственное отражение ей безнравственно подмигнуло. И домик мой никак не сносят. И Верочка объявила испытательный срок. Да что же это такое?

— Это еще ничего, — высунулся из-за стакана рак. — Будет хуже.

— Куда уж хуже?

— Есть куда, — рассудительно заметил рак. — К примеру, домик твой внезапно сгорит, а Верочка выберет другого самца. Или пенсионер Евченко напишет на тебя донос, а метелка Ася приведет к тебе всех своих сопливых детей. Или сержант Светлаев притянет тебя к суду за разглашение служебных тайн. Так что, плюнь на всех.

— На кого это на всех?

— Да на всех сразу. На счастливичиков-соседей по девятиэтажке, на алкашей, хулиганов, гегемонов, кондукторов, упрямых пенсионеров, тупых сержантов, на членов правительства, — ровно перечислил рак Авва. — На всех подряд! В конце концов, Алехин, их много, а ты на Земле один. А потом купи билет и лети на Черное море. А я дам тебе в дорогу одну маленькую штучку. Ты выйдешь в море и запузоришь ее поглубже. Вот всем сразу и прилетит. Они еще пожалеют, что не ценили тебя.

— А за что меня ценить?

— Я — Авва, — с гордостью произнес рак.

Кажется, наглость рака не имела пределов.

— Я сейчас тебе так запузорию, — сказал Алехин, — что ты клешней не соберешь.

— А ты лучше подними трубку, — посоветовал рак, стеснительно топчась за стаканом. — Сразу успокоишься.

Телефон действительно надрывался.

Алехин поднял трубку, и из каких-то страшных неведомых глубин опять пахнуло на него ужасным подвальным холодом. Из глухих безымянных подвалов вечности, не пронумерованных никакими астрономами, услышал он знакомый голос: *«И место жительства сменишь...»*

И сразу отбой.

20

Но почему сны? Зачем сны?

Как объяснить печаль коротких и быстрых снов?

Почему в этих странных снах сходится всё несхожее?

Алехину опять снился домик. Похоже, тот самый, который он получил как большой Герой. Крошечный милый домик в два этажа с витой деревянной лестницей. Стоял он на берегу моря за аккуратным штaketником. В соснах, похожих на колючий рыжий укроп, возились неизвестные рукокрылые. На берегу жирно рылись в грязи илистые прыгуны. И все тут до самой последней былинки принадлежало Алехину. Эта была его жизненная база. Навечно, как пирамида. Он всю жизнь возводил, и на вершине было начертано яркими лучами света — ВЕРА. Ни люди, ни время не могут сокрушить его базу, потому что имя ВЕРА, начертанное на вершине, включало в себя

и НАДЕЖДУ,

и ЛЮБОВЬ.

Алехин шел по узкой уютной дорожке, посыпанной желтым песком.

Он старался не шуметь, не скрипеть башмаками. Он видел в окне Верочку, она жарила на кухне что-то вкусное. Он торопился к Верочке, он жаждал Верочку, но чем ближе подходил, тем больше тревожился, потому что в знаменитой Книге было сказано: «Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — ЛЮБОВЬ». А Верочка, наверное, никогда не слыхала про дом пира. Она стояла у открытого окна, потом крепкой грудью навалилась на подоконник и подставила ему влажные губы для поцелуя. Алехин жадно сжал Верочку и она прижалась к нему, повторяя страстно: «Шлюссен, шлюссен, майн херр».

Алехину было хорошо. Обнимая Верочку, он знал: большой Герой победил. Но с кем, когда, где он боролся? Почему это мучило его даже во сне? Почему во всем чувствуется какая-то неправильность? Алехин, понятно, пытался вскрикнуть, проснуться, но несло откуда-то терпким колючим дымом, а Верочка обнимала его сразу всеми присосками, страстно шепча: «Шлюссен, шлюссен, майн херр». И ни с того ни с сего у Алехина начала отрастать борода. За считанные минуты она, как туман, покрыла все окрестности, а невидимая рука выставила перед ним огромную фотографию — совсем безрадостную, как он понимал. Опаленные деревья, печная труба над руинами. Это война, качал головой Алехин. Это настоящая война. И вдруг понял, что не война это, а руины его собственного домика...

Он проснулся, и запах гари не исчез.

Потом алый язык пламени с треском прорезал удушющую мглу, и до Алехина дошло: да это же горит его собственное гнездо! Это же горит его дом родимый, давно предназначенный властями на снос. Пылает сразу с четырех углов. Коричневым рабочим портфелем Алехин высадил стекла и обожженный, отравленный, исцарапанный вывалился из окна.

Огонь шумно пожирал стропила.

Подъехавшие пожарники помочь ничем не могли.

Они просто сбивали пламя, не давая ему дотянуться до окон девятиэтажки.

— Твой? — сочувственно спросил испачканный сажей пожарник, поставив перед Алехиным испачканный коричневый портфель.

— Мой, — хмуро ответил Алехин.

— Под окном валялся.

Алехин кивнул.

— Что сохранилось-то у тебя?

— Вот ветровка, — хмуро объяснил Алехин. — Сушилась на веревке. Ну и портфель.

— Ну, хоть портфель сохранился. Считаю, повезло.

— Так и считаю, — хмуро кивнул Алехин.

Тоской, безнадежностью, чем-то невыразимым, неясным несло от дымящегося пепелища.

Впоследствии Алехин никак не мог восстановить в подробностях тот день.

Зато метелки в страховой конторе проявили себя в тот день с самой лучшей стороны. Они не только сочувствовали, они помогали. А Зоя Федоровна вообще сказала: «Алехин, ты на три дня свободен. Тебе следует отдохнуть». И безжалостно добавила: «Ты у нас погорелец». Услышав такое, сердобольные метелки дружно набросились на Зою Федоровну: да какие там три дня, вы что? Такому погорельцу нужен настоящий отдых. Двадцать четыре дня, не меньше, пока не опомнится. Но Зоя Федоровна остудила их пыл: не забываетесь, на все закон есть.

И повернулась к Алехину:

— Ты-то согласен насчет закона?

Алехин был согласен. В конце концов, это именно она, пользуясь своим официальным положением, выбила Алехину номер в гостинице. Как погорельцу. А уже в гостиницу ему позвонила Верочка. Впервые — сама! «Какой ужас, Алехин, — сказала она. — Я увидела в окно закопченную печку с длинной трубой и решила, что ты сгорел».

— Уж лучше бы я сгорел.

— Не говори так, Алехин. Самое дорогое у человека — это жизнь. — И тут же нелогично пожаловалась. — Вот у меня, Алехин, совсем не огонь. У меня наоборот — вода повсюду. Я, наверное, утону, Алехин.

— С тобой же там сантехник, — не удержался Алехин.

— Вот он-то и считает, что текут в доме скрытые трубы.

— О чем это ты? Какие скрытые трубы в панельном доме?

— Так сантехник сказал. Он, кстати, культурный и воспитанный человек. Я угостила его чашечкой кофе, — отомстила Алехину Верочка. — А на сегодня вызвала специальную бригаду.

— У тебя кофе на всех не хватит.

— Я хорошо зарабатываю, Алехин, — Верочка, конечно, догадывалась, что сердце Алехина разрывается от ревности, поэтому не обижалась. — Я взяла день без содержания.

Вот сижу у окна, смотрю на твою закопченную печку и жду бригаду.

— Может тебе помочь?

Спрашивая, Алехин оставил всякий юмор.

Он теперь разговаривал с Верочкой серьезно.

Он вовсе не набивался к ней в гости (как погорелец). Просто не хотелось оставлять Верочку на растерзание пьяных сантехников. Будут талдычит: «Сейчас! Сейчас!» А сами только и знают, что хватать беззащитную женщину за крутой бок.

Вот Алехин и держался с Верочкой умеренно.

Но бок крутой тоже держал в уме.

22

Положив трубку, Алехин спохватился: а где же рак?

А вдруг сгорел? Что скажет на это Заратустра Наманганов? Ведь Алехину он сам намекал, что отдают ему рака Авву на совсем небольшой срок. Если они так били меня за то, что я не хотел брать, то как же будут бить за то, что не могу вернуть?

— Не думай об этом, — услышал Алехин знакомый голос.

На поцарапанной гостиничной тумбочке, прячась за графин с мутноватой несвежей водой, сидел рак.

— Как ты выбрался из огня?

— Из огня? Из какого еще огня? — рак Авва, кажется, не понял вопрос. Он обновлено, даже с любовью шевелил всеми усиками, псевдоподиями и клешнями. — А-а-а, — дошло до него, — ты про чудесный процесс окисления! Да, да, это так, там все окислилось, — с глубоким удовлетворением выдохнул он. — И металл окислился. И дерево. И целлюлоза. И то, что вы называете пластической массой.

Глазки-бусинки, поднятые над графином, с интересом обозревали гостиничный номер. Ну, что он там видел? Поцарапанная тумбочка. Графин с мутноватой водой и телефонный аппарат. Типовая деревянная кровать, небольшой стол, торшер у стены. Ну, конечно, живописная картина на стене. «Утро в бобровом лесу» — ранний период безымянного гостиничного мастера. Настолько ранний, что по

полотну между редких хвойных деревьев ходила пока только беременная медведица. А за широким хвойным деревом угадывалась настороженная фигура русского охотника с большим биноклем в правой руке.

— Я много не дам, — загадочно произнес рак, — но свое ты получишь.

Алехин пожал плечами. Он не знал, рад ли он появлению рака. Кажется, немного привык к нему. В любом случае, он смутно чувствовал за раком нечто огромное и вовсе не игрушечное, как казалось в первые минуты общения.

— Встряхнись! Докажи им всем, что они козлы.

— Кому это им?

— Да всем! Я же тебе перечислял. Трахни их всех от души, Алехин. И бомжей, и министров. Вон ведь домик у тебя сгорел, плёвый, но свой, и квартира никак не светит, сносить-то теперь нечего. А Верочка хочет посмотреть «Лебединое озеро», а тебе билет купить не на что. Опять же, пьяные сантехники, эти ночные распития кофе. Ну, Алехин! Ты чего? Ты сам подумай? Кто к тебе относится с душой? Милиционер Светлаев? Или пенсионер Евченко? Или твоя начальница? Или президент страны? Ты же стоишь гораздо большего, Алехин. Докажи им всем.

— Вот и докажу.

— Как? — живо заинтересовался рак, и на тумбочке внезапно появилась желтая банка, очень удобная для пользования — плоская, на боках вмятины для пальцев. Так и просилась в задний карман брюк. — Расскажи подробнее.

— Ну, как... — неуверенно начал Алехин. — Получу страховку...

— Всего-то? — рак был разочарован.

— А ты чего хотел?

— Ты же не простая скотина, Алехин. Ты высшее процентное! Бери задачу покруче. Вот лежит на тумбочке взрывной запал, видишь? Отдаю бесплатно. Садись в поезд и отправляйся к Черному морю. Торопиться некуда. Отдохни, отведи душу, а потом запузырь запал в море. Вот они ахнут!

— Да кто они?

— Да все, Алехин! Все, кто тебя не ценит. Ты вот, к примеру, Верочку хочешь, — рак стеснительно отвел глаза, — а она к себе сантехников водит. Ты вот, к примеру, хочешь жить умно, а тебя окружают глупые метелки. Ты уважаешь крупного математика *Н.*, а он смотрит на тебя, как на подопытного обоссума.

— Опоссума, — поправил Алехин.

— Какая разница? Все равно никто не обращает на тебя внимания. У всех собственные квартиры, а тебя скоро и из гостиницы выставят. Кто ты вообще, Алехин? Кто о тебе слышал на этом свете?

— А тебе-то что?

— Мне за тебя обидно, Алехин. Не хочу, чтобы ты и дальше оставался ничтожеством. Стукни кулаком по столу, запузырть запал в Черное море!

— Я тебе за это клешни пообрываю.

Рак добродушно возразил:

— Я их регенерирую.

И опять взялся за свое:

— Ты посмотри, ты только посмотри, как ты живешь, Алехин! В твоём возрасте каждое уважающее себя разумное существо раз пять уже объехало вокруг света. О других планетах я пока не говорю. А ты? Ну, Пицунда. Ну, рынок в Бердске. В твоём возрасте каждое уважающее себя разумное существо переспало с немалой дюжиной самок. О полусамках я и не говорю. А ты? Ну, даже предположим, что переспишь ты с Верочкой, что дальше? Пойдут плаксивые дети, нехватка денег, катастрофически надвинется старость. Начнешь болеть, Алехин.

— Это еще почему?

— Ну, Верочка начнет болеть.

— Да почему?

— Да по кочану! — не выдержал рак, топнув по тумбочке сразу семью или девятью конечностями. — Докажи всем, Алехин, что ты настоящее волевое существо. А то ведь смешное говоришь. Что тебе эта жалкая страховка?

— Знаешь, Авва, — обиделся Алехин, — я, может, и был нечист на руку, но совесть у меня чиста.

Затрещал телефон. Это Верочка, обрадовался Алехин.

Но оказалась не Верочка. Это снова прозвучал ужасный голос из неизбывной Вечности. Низкий, угрюмый, исходящий прямо из темного чрева Вселенной, из ее непредставимых глубин, голос, пугающий до паралича. *«Возьми, Алехин, взрывной запал... Трахни этих козлов... Ты свое получишь, Алехин...»*

Бросив трубку, он заорал раку Авве:

— Убери отсюда запал, а то я тебя самого трахну!

— Не торопись, не торопись, Алехин, — терпеливо уговаривал рак, прячась за графином с мутной водой. — Не торопись, а то мы найдем другого Героя. Тогда вся твоя жизнь, Алехин, так и останется бессмысленной работой на грех. Понимаешь? В процентном отношении, Алехин, доля грехов, вырабатываемых твоими соплеменниками, давно превышает долю грехов, вырабатываемых всеми другими цивилизациями. А изначально вы ведь не предназначались только для выработки грехов. Ну, сам подумай, Алехин. Сколько можно? Останови процесс.

— Заткнись!

Рак Авва нисколько не обиделся:

— Ты стоишь большего, Алехин, поверь мне. И раз уж ты на меня голос возвысил, значит, действительно стоишь большего. Нельзя больше жить так, как вы живете. Сам посуди, — рак Авва выставил из-за стеклянного графина клешню и раскрыл валявшуюся перед телефоном желтую книжечку под названием «К сведению проживающих». — В ней же одно вранье. — И с наслаждением процитировал. — «Доставка в номер кофе, сигарет, фруктовой и минеральной воды, вафель и печенья, различных фруктов». Вот позвони, позвони. Вот закажи в номер различные печенья и фрукты!

Алехин просто из принципа набрал номер дежурной по этажу.

— Различные печенья и фрукты? — неприятно откликнулась дежурная. — А может, вам заодно доставить различные водки и наливки?

— Получил? — обрадовался рак Авва, потирая сразу множеством псевдоподий. И добавил радостно. — Трахни их всех, козлов!

— А-а-а, это погорелец? — вдруг дошло до дежурной и голос ее сразу стал сочувственным, а от того приторным и фальшивым. — Выпили, наверное? Вам можно. — И предложила так же приторно и фальшиво: — Хотите, принесу кофе? У меня свой. Растворимый. Одесский.

— Спасибо, — отказался Алехин.

Приторное сочувствие ему не понравилось.

А рак наоборот повеселел, задвигался, оживился.

— Вот смотри, — начал листать он литой клешней странички желтой книжки. — «Гостиница предназначена для временного проживания иногородних граждан в течение срока, согласованного с администрацией гостиницы, но не свыше тридцати суток». А кончатся эти сутки, куда денешься?

— Женюсь на Верочке.

Эти слова расстроили рака Авву:

— Хочешь всю жизнь подбирать воду тряпкой?

— Это почему вдруг такое?

— Да у нее же трубы текут.

— А ты откуда об этом знаешь?

Рак Авва уклончиво промолчал, но сдаваться не собирался.

— Вот тебе для начала легкий вопрос, Алехин. Есть Бог или нет Бога?

Алехин оторопел:

— Не знаю.

Но рак и сейчас не думал останавливаться на достигнутом.

— Ладно, Алехин. Для начала предположим, что Бог есть. Да? Но тогда, он чего Бог? Каких мест? Только маленькой планеты Земля, или Галактики, или Метагалактики, или попросту всей Вселенной?

— Откуда ж мне знать такое?

— Ты, наверное, лютый атеист, Алехин, — укоризненно покачал головой рак. — Тогда скажи, лютый атеист Алехин, почему зеркало меняет отражение слева направо, а, скажем, не сверху вниз?

Алехин машинально глянул в зеркало, висевшее под живописной картиной «Утро в бобровом лесу». А действительно, почему?

— Не знаю.

— А хаос? — открыто торжествовал рак Авва. — Вот скажи мне, лютый атеист Алехин, почему невозможно создать настоящий, истинный хаос? Почему так трудно создавать бесконечные ряды случайных чисел? Почему настоящий случай практически невозможен?

— А это так? — удивился Алехин.

— Да, это так, — удовлетворенно выдохнул рак и опять заглянул в книжку «К сведению проживающих». — «Оставлять в номере посторонних лиц в свое отсутствие, а также передавать им ключи от номера воспрещается». Почему?

— Как это почему? Вдруг постороннее лицо очистит твой номер?

— Очистит? — все-таки рак Авва многие слова воспринимал буквально. — Ну, очистит. Что в этом плохого? Чистая клешня, чистый номер, чистая Вселенная. Почему, Алехин, нельзя доверить ключ постороннему лицу?

— Давать ключ постороннему лицу, — обозлился Алехин, — это значит, намеренно провоцировать постороннее лицо на кражу. Не выдержит, сопрет что-нибудь, а ему срок за это впаяют.

— Срок... — рак Авва задумался.

Слово срок явно о чем-то ему напомнило.

— «Воспрещается хранить в номере громоздкие вещи, легко воспламеняющиеся и дурно пахнущие вещества». А это почему?

— Ну, вот припрешь ты в номер концертный рояль, — Алехин ухмыльнулся. — А тут тесно. Как прикажешь горничной убираться?

— Куда убираться?

Алехин демонстративно не ответил.

— А пользоваться нагревательными приборами? — в отчаянии вскричал рак Авва. — Почему нельзя пользоваться в номере нагревательными приборами? Почему нельзя переставлять мебель?

— А это есть нарушение гармонии, — красиво объяснил пришедший в себя Алехин. — Переставлять мебель и пользоваться нагревательными приборами в номере — это явное нарушение гармонии, Авва. Сам подумай. Начнется пожар,

то есть, процесс активного окисления, а в номере громоздкие вещи и легко воспламеняющиеся дурно пахнущие вещества. Соседей отравишь, сам сгоришь.

— Я несгораемый, — возразил рак. — «Воспрещается курить и распивать спиртные напитки в случае возражения других лиц, проживающих в номере».

— А ты возражаешь? — спросил Алехин, демонстративно раскуривая сигарету.

— Возражаю, — рак Авва опасно выглянул из-за графина.

— Перебьешься.

— Вот все вы на Земле такие, — укоризненно покачал клешней рак. — И ты, Алехин, такой. Ничем не отличишься от других ничтожеств. — И попросил со страстью. — Помоги миру. Трахни обидчиков! О тебе напишут целых двенадцать книг. И все будут с отчетливыми изображениями лиц, приятных тебе.

— У меня все фотографии сгорели, Авва.

— Мы их восстановим. Мы снимем настоящий полнометражный фильм. Помоги, Алехин, своим соплеменникам, останови массовую выработку грехов. Грехи планеты Земля одурманила всю Галактику. Мы терпеть больше не можем. Ваши грехи ложатся на нас. Ваши грехи душат нас. Они не дают нам развиваться. Мы устали отвечать за вас. Зачем тебе слабая капризная самка? Мы дадим тебе крепкую и здоровую самку из сферы Эккурта. Чтобы ты знал, Алехин, крепкие и здоровые самки из сферы Эккурта, приносят крепкий и волевой помет. Выбери судьбу, достойную разумного существа! Хочешь, я прямо сейчас выдам тебе билет до самого Черного моря?

— А обратный?

— Да ну тебя, — замахал рак металлической клешней. — Зачем тебе обратный? Выйдешь в море, запузеришь запал как можно глубже. Вот и все.

23

А дежурная все же принесла кофе.

Это была молодая, уже увядающая женщина.

Она во все глаза смотрела на погорельца Алехина. Она охала и ахала, все еще приторно, но уже не так фальшиво. Она вынимала из карманов фирменного голубого халата печенье и сахар в пакетиках. Рака на тумбочке и взрывной запал она почему-то не замечала, по крайней мере, не смотрела в сторону тумбочки. И выпроводить ее оказалось не так просто. Но она отвлекла Алехина. Честно говоря, он ведь пока никак не представлял своего будущего. Если, скажем, поддаться на уговоры рака Аввы и трахнуть всех на свете, то во что это выльется, какие формы приобретет? Алехину вовсе не хотелось превращаться в какое-нибудь знаменитое членистоногое, ему не хотелось иметь крепкий здоровый помет от какой-то там крепкой и волевой самки из сферы Эккурта. Тревожила его и туманная судьба большого Героя. Что это вообще за большой Герой? За что отличают таким необычным званием?

Но главное, Верочка. Хрустальная вершина его величественной жизненной пирамиды. Он даже не выдержал и набрал знакомый номер. К сожалению, за истекший час настроение Верочки не улучшилось.

— Я всех соседей обошла, Алехин, ни у кого вода не бежит, только в моей квартире бежит. Никто не может понять, откуда она бежит, и сантехников нет до сих пор.

— Хочешь, я к тебе приду?

— Не надо, Алехин. — В обычной жизни Верочка руководствовалась какими-то своими непонятными правилами. — У меня тут как на «Титанике».

— А ты плюнь, — вдруг предложил Алехин, ужасно поразившись собственной смелости. — Придут сантехники и пусть занимаются. А ты запири их и уйди. И ключ им не оставляй. Для ответственности. Пусть работают, пока все не сделают.

— Да куда я пойду, Алехин?

— Как это куда? — заорал он. — Ты же давно хотела посмотреть «Лебединое озеро». Пошли в театр. Я приглашаю. У нас серьезные причины есть посмотреть балет. Я погорелец, а у тебя трубы текут.

— На «Лебединое озеро»? — переспросила Верочка.

И долго-долго думала.

Потом сказала:

— Пошли.

Алехин чуть не уронил телефонную трубку. Он был в восторге. Он даже замахнулся трубкой на рака Авву, нацелившегося было отключить телефон. Он даже крикнул: «Я тебя сейчас трахну!» И уже в трубку закричал Верочке:

— Это ты приняла правильное решение! Нельзя поддаваться никаким обстоятельствам! Захотела посмотреть «Лебединое озеро», иди в театр! — И, прикрыв трубку рукой, грозно пообещал занервничавшему раку: — Я тебя трахну!

Последние слова, кажется, расслышала Верочка.

Но как бы не поняла.

— Жди у театра.

24

Алехин был в восторге. А опечаленный металлический рак, укрывшись за графином, следил за Алехиным с болью и с недоумением. Дом сгорел у человека, важный выбор не сделан, будущее под вопросом, а он рвется к болезненной капризной самке.

— Тебе этого не понять, — заявил Алехин. — Тебе, Авва, самому пора брать билет. И тоже в один конец. Только не к Черному морю, а куда-нибудь подальше на север. — И предупредил. — Начнешь спорить, суну тебя в сосуд с царской водкой.

И вдруг похолодел. Деньги! Деньги! Вот о чем он забыл. У него же нет денег!

И немедленно позвонил в контору. Ответила ему вахтерша. Метелки, значит, ответила, у Зои Федоровны, а Зоя Федоровна не велела никого звать к телефону.

Тогда Алехин позвонил сержанту Светлаеву.

Домашний телефон не отвечал, пришлось звонить в отделение.

— Сержант Светлаев отсутствует, — ответили.

— А где отсутствует сержант Светлаев?

— В служебной командировке.

— В Бердске? В Искитиме?

— Никак нет. На Чукотке.

— Разве у сержантов милиции бывают такие командировки?

Трубка растерянно и завистливо засопела, тогда Алехин позвонил Соньке.

— А, это ты, скунс? — ответила трубка наглым голосом речника Косенкова. — Чего тебе опять? Ты же у нас уже все застраховал. Может, хочешь застраховать теперь мою жизнь на свое имя? Не получится!

И гнусно добавил:

— Скунс!

В дверь номера постучали.

— Войдите, — хмуро кивнул Алехин.

Дверь распахнулась и в номер, как буря, влетел крупный математик *Н.* От него так и несло крейзовой энергетикой. «Сильно погорел?» — спросил он, хватая Алехина за плечо и восторженно его рассматривая. Тактом он, видимо, не отличался. Конечно, мог при случае обратиться к мало-знакомому человеку на вы, но это не было его главной особенностью. Не выпуская Алехина из крепких объятий, он обрушил на него массу самых невероятных вопросов. Снились ли Алехину сны? Не ощущал ли он во сне какую-то особенную тревогу? Не было ли у Алехина в последнее время видений? Не прыгала ли по домику мебель? Не собирается ли Алехин теперь совершить в ближайшее время что-нибудь особенное?

Алехин отбивался. Он ни слова не сказал о раке. Он промолчал о некоторых своих снах. Но все равно крупный математик *Н.* радовался каждому его слову.

— Значит, ты проснулся, — радовался он, — а вокруг все во мгле? И ты начал задыхаться, да? И бросил портфель в окно? И портфель выбил стекла? И ты вывалился из огня? — И вдруг завопил. — А сны? Какие сны ты видел?

И опять странный холодок тронул Алехина. Он вспомнил непонятную невидимую руку, во сне протянувшую ему фотографию. Он тогда подумал, что на фотографии война, а на ней, оказывается, дымились руины его собственного домика.

Но вслух он сказал:

— Нет, ничего особенного не снилось.

Математик явно не поверил, но, пробежавшись по комнате, принявхавшись, приглядевшись, все же ушел, оставив на кровати на кровати газету. Непонятно, с умыслом или просто так.

25

Алехин машинально раскрыл свежие, пахнувшие типографской краской, листы.

Всё правильно. Всю третью полосу местной газеты занимала статья крупного математика *Н.* под интригующим названием «НЛО В Новосибирске».

А что такого? Новосибирск большой промышленный город, и, как говорится, не чужд страстей.

И свидетели подтверждают.

«Погода вчера была переменная, — рассказал нашему корреспонденту штурман дежурного вертолета *С.* Непрялка. — Цель, о которой идет речь, мы обнаружили во время тренировочного полета. Внизу всегда много ярких естественных бликов — озерца, старицы, речки, а обнаруженный нами объект характеризовался более тусклым, я бы сказал, ртутным блеском. Шел неизвестный объект на высоте порядка пятисот метров, но, заметив нас, мгновенно переместился метров на восемьсот выше и стал уходить в сторону. Мы вели вертолет прямо за ним. Это не понравилось объекту. Мгновенно развернувшись, он пошел на нас, резко увеличиваясь в размерах. Тогда мы сами отвернули под девяносто градусов. А объект зеркально повторил наш маневр. На более близкое знакомство мы, скажу прямо, не решились. А когда уходили на посадку, то видели, что странный объект как бы остановился и, повисев над нами, вернулся на свою исходную позицию на высоте примерно в пятьсот метров. Как птица, отогнавшая хищника от своего гнезда.

Наш корреспондент: А на что был похож объект?

Штурман С. Непрялка: По Центральному телевидению недавно показали кадры, отснятые японцами на Аляске. Так вот, наш объект был точной копией тех тускло отсвечивавших шаров, которые снимали японцы. Может, мне показа-

лось, но по поверхности наблюдаемого нами объекта даже расплывались какие-то круги. Как бы неясные отражения».

— Ты читай вслух, — потребовал рак Авва.

— Перебьешься, — грубо ответил раку Алехин.

«Наш корреспондент: В ноябре прошлого года жители Новосибирска в течение целой недели могли наблюдать над городом такие же странные светящиеся объекты. Они стремительно двигались на огромной высоте. От некоторых объектов вниз уходили расходящиеся пучки света.

Студент М. Янушевич: Вышел я во двор и глазам не поверил. Напротив, метрах в тридцати от меня, завис над зеленой травой шар. Ну, как елочная игрушка. Завис, как на воздушной подушке, только пыль не летит и трава не примята. А поверхности шара блестит, и ходят по ней кривые круги, будто спираль крутится. Я шагу не успел сделать, а он снялся с места и взлетел. Минут пять я его видел, а потом шар растворился в небе».

— А комментарии? — спросил рак.

Похоже, и не нужно было читать ему вслух.

«Доктор физико-математических наук крупный математик Н. любезно согласился ответить на наши вопросы.

Наш корреспондент: Доктор Н., вы написали популярную книгу об НЛО. Что подтолкнуло вас к разработке столь, скажем, вызывающей темы? Я имею в виду вашу книгу «Кто-то извне». Что вас подвигло на такой труд? Любовь к загадкам? Природное любопытство? Как складывалась судьба этой книги?

Математик Н.: Скажем так, книжке долго не везло. В одном издательстве книжка была даже набрана, но военная цензура заставила рассыпать набор. Оказывается, сам того не зная, я попытался на некоторые тайны наших военных. Долгое время моя книжка числилось в списке не рекомендованных к печати трудов. Так сказать, индекс либрорум прогибиторум. Надеюсь, перевод не нужен? Но времена меняются. Я считаю, что мы живем в очень интересное время. Я имею в виду и то, что теперь можно открыто ставить проблему НЛО. В памяти компьютеров хранятся тысячи никем необъясненных фактов. Например, случай,

описанный в вашей газете, лишь один из многих. Бывало, что НЛО вот также атаковали самолеты и вертолеты, пытались отогнать их от каких-то определенных мест. Классический пример, гибель в 1948 году капитана ВВС США Томаса Мантела, самолет которого на глазах у других пилотов развалился в воздухе при попытке догнать подобный объект. Или, скажем, недавний случай с иранскими «фантомами», которые вынуждены были совершить преждевременную посадку после того, как при погоне за НЛО у всех у них враз отказала электроника.

Наш корреспондент: А что вы можете сказать о природе НЛО?

Математик Н.: Ну, блок гипотез о природе НЛО обширен. Некоторые из них касаются внеземного разума. Вы, наверное, хотите об этом услышать? Не смущайтесь. Вполне возможно, что мы давно находимся под пристальным наблюдением других, более развитых цивилизаций. Я подчеркиваю, именно цивилизаций. И вполне понимаю ваш скепсис. Тем более трудно поверить, что некоторые представители человечества уже бывали в таких, скажем, удаленных от Земли местах, как созвездие Гончих псов.

Наш корреспондент: Как это понимать?

Математик Н.: Поверьте, я сам всегда с сомнением принимаю все подобные сообщения, но при этом отдаю себе отчет в наших весьма далеких от ясности представлениях об истинной структуре окружающего нас мира. Разве не так? Вы ведь не будете спорить, что наше знание окружающего мира весьма отрывочно? Возможно, что даже та часть фундаментальных физических законов, что нами выведена и доказана, вовсе не обязательна для каких-то других, более отдаленных от нас частей мира. Понимаете? Мир, в котором мы живем, нами недостаточно изучен. Образно говоря, мы, люди разумные, стоим у ноги чудовищного существа, более крупного, чем Эверест, и, изучая эту ногу, пытаемся представить себе общий образ этого неизвестного нам существа. Это сравнение вполне можно отнести к НЛО. Неопознанные объекты всего лишь малая часть огромного, во многом неизвестного нам мира.

Наш корреспондент: А не могут НЛО оказаться шаровыми молниями?

Математик Н.: Шаровая молния живет секунды, редко минуты. НЛО живет сутками, неделями, есть свидетельства — месяцами. Шаровые молнии не превышают в диаметре нескольких дециметров, НЛО не ограничены в размерах. Траектории шаровой молнии, как правило, повторяют изгибы рельефа, а у НЛО траектория полета может быть самой вычурной. Шаровые молнии возникают только в атмосфере, насыщенной электричеством, НЛО появляются, где угодно.

Наш корреспондент: Академик Влаиль Петрович Казначеев в открытой печати высказал предположение, что НЛО ниоткуда не прилетают, что они порождение нашей собственной планеты. «Организованная энергия, структуры которой, сливаясь, образуют новые виды материи», — так сформулировал свою мысль академик. Можете к этому прибавить что-нибудь?

Математик Н.: Чем-то гипотеза академика Казначеева напоминает мне «мыслящий эфир» древних греков. Но, в конце концов, почему нет? Есть свидетельства, подтверждающие способность НЛО амeboобразно перетекать друг в друга, отпочковываться от какого-то общего «тела», наконец, элементарно делиться. Почему бы не подумать о проявлениях, скажем, некоей гипотетической небелково-нуклеиновой жизни? В конце концов, разумные рассуждения не бесполезны.

Наш корреспондент: Складывается впечатление, что в последние годы НЛО идут на нас прямо-таки косяками.

Математик Н.: Просто факты их появления ранее замалчивались. А есть и объективные обстоятельства, мешавшие и до сих пор мешающие получать достаточно достоверную информацию. Человек — весьма болтливый биологический объект, при этом он наделен сильными чувствами, он в высшей степени эмоционален. Например, человеку присущи чувство стыда, ответственности, иронии, смущения, он часто боится показаться смешным. В серьезном деле это иногда здорово мешает. Несколько лет назад некто С., директор крупного химического комбината, полностью отравившего

протекавшую по району реку, прогуливался вечером по пустынному парку. У него было плохое настроение. Он был угнетен обязанностью в короткий срок выплатить крупные судебные штрафы и обдумывал возможность оправдать действия своих подчиненных перед местным населением и начальством. Вдруг рядом с ним опустился некий воздушный корабль, не имевший определенной формы, и С. сразу попал в другой мир — благоухающий, опрятный, полный уюта и чистоты. Только через три месяца странные похитители, похожие на людей, но не люди, вернули С. на Землю.

Наш корреспондент: Он, наверное, подробно рассказал о том, что с ним случилось?

Математик Н.: Ну что вы? Напротив он постарался все это скрыть. В случившемся он признался только самым близким ему людям, потому что понимал: выскажись он о случившемся публично, его, в лучшем случае запрут в психушку. Ему выгоднее было врать. Он напридумывал несуществующих любовниц, фантастических похитителей, требовавших от него выкупа. В общем, он врал по тем самым причинам, о которых я говорил выше. Или, к примеру, слесарь М. Совершенно ординарный молодой человек. Собрался на свидание с девушкой и для смелости выпил. Девушка, как водится, к месту свидания запоздала, зато рядом со слесарем появились маленькие зеленые человечки. Для разминки слесарь М. попытался погонять их по пустому бульвару, и в итоге попал в неземной корабль, в котором тоже пробыл три месяца. Думаете, вернувшись на Землю, слесарь М. честно рассказал о том, что с ним произошло? Да нет, нет, конечно, ни слова правды. К счастью все знали, что слесарь М. не дурак выпить, он и раньше допивался до зеленых человечков, так что уж тут. Любимая девушка... Трехмесячное отсутствие... Никто не решиться сказать всю правду. Кстати, существует гипотеза, что за нами внимательно наблюдают как раз потому, что мы слишком далеко зашли в своем нравственном и экологическом безумии. Мы все время врем. Нас боятся. Понимаете? Совершенствуя грязную технику, мы становимся опасными для окружающего мира. Чем страшней наши свалки, чем грязнее наши

вода, суша, воздух, тем большее мы к себе привлекаем внимание. Давно пора говорить обо всех наших бедах вслух, громко. Давно пора понять, что скрывая свои болезни, мы только усугубляем их. Вот почему, пользуясь вниманием вашей газеты, я обращаюсь ко всем и к каждому. Если с вами произошло что-то странное, что-то необычное, что-то сильно смущающее вас, не стесняйтесь, обращайтесь к нашему телефону доверия. Его номер легко запоминается и указан в конце статьи. Пусть вы чувствуете себя испуганным, пусть вы стыдитесь каких-то своих поступков, пусть вам внушена мысль об отвращении к любым общественным обращениям, переборите себя — ваши знания необходимы науке!»

— Там действительно указан номер телефона? — живо заинтересовался рак Авва.

И задумался. Медленно втянул в металлические глазницы стебельчатые глаза, прижал к телу клешни, псевдоподии, усики. И замер в таком положении, затаившись за графином с мутной желтоватой водой.

В этот момент по телефону позвонили.

— Погорелец, — мягко сообщила дежурная по этажу. — У нас в холле внизу есть почтовое отделение. Там вами интересовались. На ваше имя пришел перевод. Вы спуститесь вниз, паспорт ведь у вас сохранился?

26

Он спустился.

Переводов на самом деле оказалось семь.

Один на три рубля сорок девять копеек, три — по одному рублю семьдесят четыре копейки, два — по пятьдесят две копейки, а один аж на целых семь рублей и тридцать четыре копейки. То есть, Алехин сразу смог получить в руки семнадцать рублей и восемь копеек! Заполняя квитанции, Алехин стыдливо отводил глаза от кассирши.

— Вот всегда так... Ждешь, ждешь...

Бормотание не выглядело убедительным.

Он даже не знал, откуда свалились на него деньги.

— Из газет это, — сухо прояснила ситуацию кассирша. — Вот на квитанциях указан обратный адрес. Фелье-

тонами пробавляетесь? — Похоже, кассирша не уважала фельетонистов.

Алехин тоже не уважал фельетонистов, но деньги есть деньги. Да и пришли они именно как гонорар не за фельетоны какие-то, а за отвергнутую ранее рекламную статейку о льготном страховании для пожилых людей.

Как говорится, в жизни всякое случается.

Однажды, лет пять назад, Алехин купил семь лотерейных билетов.

Забыл, конечно, про них и вспомнил только месяца через два, увидев валявшуюся в конторе газету. Правда, розыгрышная таблица была оторвана. Взяв билеты, он отправился в ближайшее отделение связи. «Проверьте, пожалуйста». Скучающая кассирша повела тонким пальчиком по колонке цифр и мило улыбнулась: «Вы счастливчик. От души поздравляю. Вы выиграли «Славу». Будильник». Она взяла второй билет и весело рассмеялась: «Ну надо же! Выиграли еще один такой же будильник. Поздравляю». Алехин не поверил, но кассирша вновь повела тонким пальчиком по колонке цифр, и голос ее изменился: «Глазам своим не верю. Вы и на третий билет выиграли будильник «Слава». Алехин решил, что кассирша его разыгрывает, но она продолжала водить пальчиком по серым колонкам. Правда, ни с четвертым, ни с пятым, ни с шестым, ни даже с седьмым выигрышем она Алехина поздравлять не стала. Когда это один человек на семь купленных лотерейных билетов выиграл в один присест семь будильников «Слава»? На вопрос кассирши, будет ли Алехин забирать выигрыш будильниками, он строго покачал головой: «Только наличными». Только тогда сильно помрачневшая кассирша буркнула в ответ: «Клоун!»

27

Семнадцать рублей и восемь копеек!

Наконец-то Алехину пошла настоящая пруха.

Теперь они с Верочкой посмотрят «Лебединое озеро», а потом зайдут в кафе и вкусно перекусят. Сантехники к тому времени закончат ремонт и Верочка пригласит его помочь навести порядок в квартире.

До встречи оставался какой-то час.

Алехин почистил единственную рубашку, накинул на плечи уцелевшую после пожара ветровку и спустился в холл. С Верочкой он решил вести себя просто. Как нормальный человек, не как погорелец. Верочка чуткая и понимающая женщина. Она должна оценить простой и убедительный стиль. Он ни на что не будет жаловаться, он даже расскажет Верочке что-нибудь смешное. Скажем, о приборе крупного математика *Н.*, погибшем в огне пожара. Впрочем, нет, спохватился Алехин, я ни словом не обмолвлюсь при Верочке о пожаре. Не хочу выглядеть погорельцем. Я простой надежный мужчина, на которого может положиться простая симпатичная женщина.

Что может означать глагол *положиться*? — задумался Алехин.

И вдруг вспомнил полковника с новой городской улицы Выдвиженцев.

Полковник в отставке Самойлов считался в Госстрахе грубым и бескомпромиссным человеком. Метелок он в квартиру просто не впускал, а Алехина впускал для того, чтобы минутой позже спустить с лестницы. Он явно не считал страховку предметом первой необходимости. Все метелки называли полковника невоспитанным человеком и бесперспективным клиентом.

Однажды в магазине «Культтовары» выкинули детские механические игрушки.

Для смеху (пугать метелок) Алехин купил парочку зеленых прыгающих лягушек. Проходя по улице Выдвиженцев, рассматривая купленные игрушки, он решил еще раз (на всякий случай) заглянуть к полковнику Самойлову. На успех он, конечно, не надеялся, но чем черт не шутит. Зная характер полковника Самойлова, он заранее решил не даваться ему в руки, лучше самому сбежать по лестнице. Так что, когда полковник открыл дверь, Алехин держал одну из лягушек в руке. В этом не было умысла, но, увидев механическую лягушку, полковник страшно удивился:

— Это у тебя чего?

— Это такая лягушка.

— Вижу. Механическая?

— Конечно.

— Ну, войди!

Железной рукой полковник Самойлов ухватил Алехина за грудки и втащил в квартиру, захлопнув за собой дверь на замок. Заметьте, не сбросил с лестницы, а наоборот втащил в квартиру.

— Сыграем?

— В очко? — испугался Алехин.

— Почему это в очко?

— А во что вы предлагаете?

— А в этих вот лягушек.

— Как это в лягушек?

— А как в казармах, — признался полковник. — Эти лягушки бог знает, с каких пор выпускаются. Мы снимали дурацкие кожухи, получаются как бы механические гоночные аппараты на лягушиных лапах. Лягушек у тебя две?

— Ну да, две.

— Снимай кожух со своей.

А своим экземпляром полковник Самойлов посчитал вторую купленную Алехиным лягушку. Ободранные лягушки действительно выглядели весьма эффектно. Устойчивые квадратные механические гоночные аппараты на лягушиных лапах. При этом лапы у своего гоночного аппарата полковник Самойлов умело подогнул. Чувствовался воинский опыт. Гоночный аппарат полковника Самойлова выглядел приземисто и мощно.

— Победа будет за нами, — неуверенно заметил Алехин.

— Это точно, — по-военному ответил полковник Самойлов.

— А приз? — спросил Алехин.

— Приз? — увлекшись приготовлениями, полковник в отставку забыл про столь важную часть соревнований. — Выиграешь в семи забегах, получишь бутылку «Столичной». Соответственно наоборот.

— Я не пью, — соврал Алехин.

Полковник с отвращением посмотрел на него.

— Если проиграете в трех забегах, — предложил Алехин, — то страхуете мебель. Если проиграете в пяти забе-

гах, страхуете квартиру. Если проиграете во всех забегах, страхуете свою жизнь.

Полковник Самойлов задумался.

В глазах полковника мерцали загадочные огоньки.

Наверное, как всякий военный человек, он взвешивал шансы. Наверное, пытался понять, что выгоднее: или сразу спустить Алехина с лестницы, получив ординарное удовольствие, или принять гнусное предложение жалкого штафирки, а потом уже, выиграв, спустить жалкого штафирку все с той же лестницы каким-нибудь особенно изощренным военным образом?

Остановился полковник на втором варианте.

В тренировочных забегах лягушки, точнее, то, что от них осталось, вели себя по-разному. Одна падала на бок, задирая трепещущие лапки, другая без всяких причин резко меняла направление движения. Понадобилось немало усилий, чтобы нормализовать их поведение и выработать единый стиль. После чего полковник Самойлов красным мелком начертил на чистом полу две параллельные беговые дорожки, разметил линии старта и финиша и вытащил из ящика письменного стола чудовищно большой револьвер неизвестной Алехину системы.

— Заряженный?

— Полный комплект.

— Боевыми?

— А то!

— Зачем? — робко спросил Алехин.

— А стартовый выстрел? Как без него?

— Соседи услышат? И обоим можем испортить.

Полковник подумал и спрятал револьвер обратно в стол.

С веселым стрекотанием носились по расчерченным дорожкам два странных гоночных аппарата на лягушиных ножках. Алехину четко шла пруха. Часа через два он застраховал мебель полковника в отставке Самойлова. Через два с половиной — квартиру полковника в отставке Самойлова. И, наконец, через три — личную жизнь полковника в отставке Самойлова. Заодно на двоих они выпили бутылку «Столичной».

Прощаясь, полковник кивнул Алехину:
— Мы, военные, умеем проигрывать!

28

Верочка! — пело сердце. Карман ветровки оттягивало, но Алехин не стал выбрасывать опечаленного рака. Ах, какой теплый вечер. Ах, какое низкое солнце. Возле горисполкома Алехин увидел большую толпу. Или митинг, подумал, или цыганки приехали. Но тут же забыл и про митинг, и про цыганок, потому что увидел впереди Верочку.

Она шла плавно.

Толпа как бы обтекала ее.

Мужчины оглядывались, вздергивая головы, как норовистые быки, а женщины поджимали губки. Еще бы! Верочка шагала легко, свободно. Не размахивала руками, не прижимала руки к бокам. Длинноногая, в коротенькой юбке, с голыми ногами и в такой прозрачной кофточке, что, пожалуй, уместно было бы что-нибудь и поддеть под нее.

Кто-то легонько похлопал Алехина по плечу.

— Билет до Сочи. С однодневным отдыхом в санатории «Север».

Алехин очнулся. Маленький длинноволосый тип из команды Заратустры Наманганова протягивал ему голубой авиабилет. К счастью, ни Вия, ни Заратустры рядом не наблюдалось.

— Да иди ты!

Алехин с восхищением глядел на приближающуюся Веру.

И она приблизилась. И произнесла печально:

— Алехин. У меня дома так и течет, а сантехники придут только вечером. Может нам не ходить в театр?

— Ты же хотела посмотреть «Лебединое озеро»!

Верочка нежно взяла агента под руку. Идя рядом, она так откидывалась, что кофточка на груди становилась почти прозрачной. Никогда Алехин не видел Веру так близко и так отчетливо, и, чувствуя это внимание, Верочка оживилась. Он не знал, чем так тронул Верочку, но она действительно оживилась. Она как бы мягко подталкивала Алехина вы-

соким бедром, она явственно прижималась к нему тугим боком. Алехин сразу возненавидел всех этих жалких самцов, оглядывающихся на Веру. Он сам хотел на нее оглядываться. Билет в Сочи! Вот придумали! С однодневным отдыхом в санатории «Север». Придурки!

У Алехина были деньги. Он вел Верочку в театр.

Он гордился тем, что Верочка такая красивая. Он радовался, что вечер теплый, а под ногами поблескивают веселые плоские лужи от недавно пролившегося непродолжительного дождя. Хорошо бы увидеть очень большую лужу, подумал он. Я бы взял Верочку на руки и легко перенес через широкое и опасное водное пространство. И, наверное, увидел бы сквозь прозрачную кофточку...

А Верочка шла свободно. Она шла легким шагом.

Она легко переступала через плоские лужицы, чуть подергивая при этом свою и без того короткую юбку. Впрочем, подергивание это можно было считать условным: ничего более того, что Алехин уже раньше видел, Верочка показать не могла. Так они и шли под веселыми липами прямо на театр, как в сторону небольшого, но очень дружелюбного государства. Они были чудесными посланцами в мир искусства. Алехин расправил плечи и старался не смотреть на грудь Веры, очень уж прозрачная оказалась у нее кофточка. От него веяло уверенностью, и Верочка смотрела на него снизу вверх.

— Ты мало отдыхаешь, Алехин...

— Мы вместе поедem в отпуск...

— На Черное море?

— Конечно.

— Так ведь на это деньги нужны, Алехин, — очень серьезно ответила Верочка. — Я, правда, неплохо зарабатываю, конечно, вместе с премиальными и тринадцатой. На отпуск деньги надо специально откладывать.

Алехин кивал.

Верочка жаловалась.

— Иногда так хочется открытости, откровенности. Чтобы излить душу. И чтобы без вранья...

К чему это она? — насторожился Алехин.

Но спросить не успел. Они как раз подошли к особенно большой плоской луже. По ее поверхности бегали веселые радужные разводы. Осторожнее, Верочка, хотел сказать Алехин. Он даже хотел подхватить ее на руки, но не успел, не решился, только указал: «Шагай вон на тот кирпич, а я прииму тебя на сухом месте».

Верочка, смущаясь, чуть поддернула и без того короткую юбку. Ноги у нее были длинные, загорелые. Выказывая робость и смущение, она ступила длинной загорелой ногой на указанный Алехиным кирпич, и кирпич под ее ногой незамедлительно перевернулся. С жалобным стоном, как раненая лебедь, Верочка ухнула в грязную мерзкую лужу, покрытую нефтяными разводами.

Знай Алехин, как это делается, он тут же бы умер.

Но он не умер. Он просто выдернул Верочку из лужи.

— Ты простудишься, — жалко бормотал он, насильно закутывая Верочку в сорванную со своих плеч ветровку. — Ты простудишься и умрешь.

— Такси, такси... — шептала мокрая Верочка.

— Ты простудишься и умрешь, — жалко бормотал Алехин. — Побежали скорее ко мне, я затоплю печку. Ты обсушишься.

В великом отчаянии он совсем забыл о том, что нет у него больше ни печки, ни домика, ничего нет, и в казенную гостиницу с такой грязной и мокрой гостьей его ни за что не пустят. Но это и не понадобилось. Тормознуло такси и, не обернувшись, не попрощавшись, Верочка нырнула в салон.

29

Мир рухнул.

Алехин стоял под окнами девятиэтажки.

Пять минут назад он прошел мимо родного пепелища и теперь скорбный запах гари преследовал его. Подняв голову, он с тупым отчаянием всматривался в неяркую вечернюю звезду Верочкиного окна. Рядом скромно светились окна однокомнатной квартиры упрямого пенсионера Евченко. А в окнах квартиры сержанта Светлаева света не было, наверное, он еще не вернулся из служебной коман-

дировки. В узком роковом переулке чувствовалось какое-то движение, но Алехин не оборачивался. Плевал он теперь на роковой переулок. Подозрительный силуэт скользнул в телефонную трубку, Алехин и на этот раз не повернулся. Плевать ему на подозрительные силуэты.

«Вегетирую, как микроб на питательной среде».

Однажды Алехин услышал такое от крупного математика *Н.*, но только сейчас до него дошел истинный смысл сказанного. Поистине, микроб. Любой человек, даже самый неуклюжий, мог вовремя подхватить Верочку. А на меня нельзя положиться. Он тоскливо следил за окном Верочки. Она ведь хотела увидеть «Лебединое озеро», а я уронил ее в лужу. Я, я, никто другой. У Верочки течет с потолка, а я не помог. У нее пьянствуют грубые тупые сантехники, честь и достоинство Верочки каждую минуту подвергаются опасности, а я стою и смотрю на ее окна. Правда, вдруг подумал он, у нее, может, все уже исправили? Может, она сейчас приняла горячий душ и пьет чай из тонкой фарфоровой чашки. Сидит в кресле в тонком полупрозрачном халатике без ничего под ним, и с презрением вспоминает, какое ничтожество этот Алехин! А ветровку его выбросила в окно. Он даже позвал негромко: «Авва... Авва...» — но умный рак не отозвался.

Получается, я и рака отдал Верочке, с горечью подумал Алехин.

Я все ей отдал. А Верочка... Он задумался. В проскользнувшей мысли таилась какая-то зацепка... А Верочка... Она ведь не швырнула в меня ветровку... Значит... Да нет, ничего это не значит. Она мокрая была... Надо позвонить ей. Может, простуженная она лежит сейчас на мокром диване и стонет, а со всех сторон хлещет вода, как в тонущем «Титанике», и надрывно поют пьяные сантехники.

Уеду из города, решил он. Позвоню Верочке и навсегда уеду.

Он поискал монетку. Он решил позвонить Верочке незамедлительно.

— Эй, ребята, — воззвал он к подозрительным силуэтам, хихикающим в телефонной будке. — Двушки не найдется?

Неприятно знакомый голос назидательно произнес:

— Работать надо, козел!

— Тебе душки жалко?

— Могу выдать билет в Сочи, бесплатно, — вылез из будки длинноволосый и помахал голубой бумажкой. — С однодневным отдыхом в санатории «Север».

— Иди ты!

Длинноволосый без замаха ткнул Алехина кулаком.

Тяжелый Вий, вывалившись из телефонной будки, чужинной рукой замахнулся на Алехина, и даже Заратустра, надвинув на глаза мохнатую кепку, поднял над головой тяжелый гаечный ключ.

Алехин с ужасом понял, что его сейчас искалечат.

Проходя под ручку с возлюбленным, а может, с мужем, проходя мимо несчастного полуслеплого горбуна, явно погрязшего в пороках и в нищете, Верочка, конечно, никогда не догадается, что на асфальте сидит, прикрывшись пыльным дождевиком бывший ее друг, бывший страховой агент Алехин, а ныне пустое ничтожество, сраный гнус и подлый обманщик.

Алехина испугала такая перспектива.

Он кинулся к девятиэтажке и вбежал в Верочкин подъезд.

Лифт не работал. Задыхаясь, Алехин в несколько приемов взбежал на седьмой этаж. Преследователи ломились вслед. В отчаянии Алехин нажал звонок упрямого пенсионера Евченко. Он не хотел выводить негодяев на Верочку. Он жал и жал звонок, зная, что пенсионер Евченко никогда никуда не торопится. Жалко, думал он, что сержант Светлаев в командировке. Чукотка — это далеко. Бродит сержант милиции среди смиренных олешков, а на его участке орудуют хулиганы.

Дверь открылась.

— А ну, отпусти звонок!

Вид пенсионера поразил Алехина.

Обычно он гулял по комнате в застиранном махровом халатате, а сейчас предстал перед страховым агентом в скромном дорожном платье: серый плащ шестидесятых годов, серая шляпа, серые сапоги. Не пенсионер, а заслуженный

садовод-мичуринец. А в левой руке он держал дерматинный обшарпанный чемоданчик, из тех, что задолго до перестройки упорно называли почему-то «балетками».

Алехин втокнул пенсионера в дверь.

— Но позвольте!

— Не позволю, Кузьма Егорыч, — горячо зашептал Алехин. — За мной преступники гонятся. Отберут у вас чемоданчик, обчистят квартиру. — И тревожным ухом прижавшись к двери, услышал, как матерятся на лестничной площадке Заратустра Наманганов и его кореша. Упрямый пенсионер тоже прижался к двери маленьким суховатым ушком. Мат, услышанный ими, был небогатым, но выразительным.

— Это кто? Это они за тобой? Наделал все-таки делов, Алехин! А ну, вали отсюда! Я тебя укрывать не стану. Некогда мне.

— То-то вы в полной походной форме, — выразительно протянул Алехин.

— Уж какая есть, походная или не походная, — сердито возразил упрямый пенсионер. Прислушиваясь к грязной ругани на лестничной площадке, он сжался, стал похож на раздраженного паучка. — У меня, понимаешь, весь вечер соседка стонет за стенкой, а теперь ты!

Алехин дернулся, но сдержал себя.

Стонет! Значит, все-таки простудилась!

Но вслух спросил:

— Вы что, уезжаете?

— Улетаю, Алехин! Улетаю!

— Самолетом?

— Нашим отечественным, — самодовольно кивнул пенсионер и, как бы коря себя за некоторую романтическую восторженность, пояснил: — Бесплатная путевка, Алехин. Понимаешь? — И грозно помотал сухоньким пальчиком: — Я, Алехин, в жизни своей много и честно работал! Вот и награда.

— В Сочи летите? — нехорошо догадался Алехин.

— В Сочи!

— В санаторий «Север»?

— Да, в санаторий «Север».

— С однодневным отдыхом?

— Почему это с однодневным? — обиделся пенсионер. — На полную катушку и на полном обеспечении! — он вдруг фальшиво пропел: — «Есть море, в котором я плыл и тонул...» Теплое южное море, Алехин. Наши предки сделали его нашим. Благодатное, гордое. Если откровенно, — тайно и исключительно понизил голос упрямый пенсионер, — то я давно заслужил бесплатную путевку. Если откровенно, то такие люди, как я, имеют право бесплатно ездить на Черное море. Вот так вот, Алехин. Вот тебе правда. А теперь проваливай. Понадоблюсь, позвони. — Он полез двумя пальцами во внутренний карман серого дорожного плаща и извлек огромную визитку, больше похожую на меню. Убористым шрифтом на ней были перечислены многочисленные чины, посты и звания, когда-либо полученные или занимаемые пенсионером Евченко в его прежней жизни.

— У меня еще много почетных грамот, — наклонив голову, добавил упрямый пенсионер. — Я всяким вождям был нужен. — Пенсионер Евченко с уважением склонил голову в сторону портрета Генералиссимуса, вырезанного из послевоенного «Огонька». — Все, Алехин. Пора мне. Освободи квартиру.

— А разве вы не возьмете трубку, Кузьма Егорыч?

Телефон на столе пенсионера действительно разрывался.

— Возьму, возьму, — высокомерно ответил на вызов Евченко.

И уже совсем другим — уважительным низким голосом заговорил.

— Да, это я... Да, Кузьма Егорыч... Да, персональный пенсионер... Имею многие грамоты и поощрения... — Голос его постепенно расцвел, возвысился: — А как же... Если официально предупреждаете... Ну, задерживается рейс... Ладно... Спасибо вам, уважили... Утром даже удобнее... Извинения принимаю...

И колесом выпятил сухонькую паучью грудь:

— Есть отдыхать!

Повесив трубку, он самодовольно отдул губу:

— Видишь, Алехин, как резко возрастает в нашей стране внимание к персональным пенсионерам? Такие, как я, везде и всегда нужны. Отечественным властям, — несколько непонятно пояснил он. — За мною большой опыт, Алехин. Нас, персональных пенсионеров, теперь персонально предупреждают, если задерживается рейс.

Интересно, откуда знать аэрофлотовским работникам телефонные номера всех персональных пенсионеров? — удивился про себя Алехин. — И как они предупреждают тех, у кого нет телефонов? Но говорить этого вслух не стал.

— Не боитесь лететь самолетом?

— Советский Аэрофлот гарантирует.

— Гарантирует только страховая компания.

Алехин так сказал скорее машинально, по профессиональной привычке. У него не выходили из головы стоны Верочки. Почему она стонет? Почему стонет так громко? Чтобы не мучить себя, спросил:

— Вы на ответственных постах работали, Кузьма Егорыч?

— Это само собой, — пенсионер Евченко неторопливо снял плащ и остался в старинном полувоенном костюме из синего габардина. — Ты еще молод, Алехин, ты еще не знаешь, что такое настоящий порядок. Ты еще не знаешь, в каких условиях мы совершали свои творческие подвиги. Я, например, вел передачи на государственном радио. Получал данные, садился перед микрофоном, рядом усаживал помощника, чтобы позвякивал гаечными ключами. Он умел талантливо позвякивать, убедительно. Посевная это не просто так, Алехин, посевную надо чувствовать всей душой. Я уж не говорю о сборе богатого урожая. Это сейчас государственные деньги уходят на радиожурналистов, которые едут в колхоз, а потом клеветают на простых трудовых людей, обвиняя их в воровстве и в пьянстве. В мое время, Алехин, такого быть не могло. Мы получали проверенную информацию. Получали сверху, там не ошибались. И денег на бессмысленные поездки не тратили, каждая копейка шла государству. Я, значит, зачитывал информацию, а ответственный помощник в нужное время позвякивал гаечными

ключами. Чтобы убедительно было. Вот что такое экономная экономика, Алехин. Мы работали талантливо...

Он поискал сравнение и нашел:

— ...как Д. А. Налбандян.

Даже мечтательно прищурил глаза:

— До сих пор помню чудесную завитушку росписи на талантливых полотнах великого советского живописца.

— Налбандян? — попытался вспомнить Алехин. — Это который гуси-лебеди?

— Великий советский живописец Д. А. Налбандян не имеет никакого отношения к этим вашим упадническим гусям-лебедям, — холодно поправил Алехина пенсионер. — Великий советский живописец Налбандян был академиком, писал портреты вождей, он лауреат и герой.

— Все равно гуси-лебеди, — не уступал Алехин. — Зря вы, Кузьма Егорыч, решили лететь самолетом.

— Это почему?

Алехин объяснил. У него как-то приятель полетел в Сочи. Тоже по бесплатной путевке. Торопился, Черное море хотел увидеть. А самолет есть самолет. Вынужденная посадка в Воронеже, а приятель-дурачок не застраховался. Рука сломана, нога сломана, зубов нет, все лечение за свой счет.

— А другие пассажиры? — невольно заинтересовался Евченко.

— Остальным что! — улыбнулся Алехин. — У них страховка.

И уставился на замочную скважину. Из нее вдруг со зловещей медлительностью выкрутилась, низверглась струйка вонючего дыма. Наверное, это кто-то из корешей Заратустры в бессильной ярости вколотил в замочную скважину окурок отечественной сигареты.

— А твой приятель? Он как? — осторожно спросил Евченко.

— Ну, как, — покачал головой Алехин. — Лечение плохое. Путевка пропала.

— Ну, не знаю, — произнес пенсионер, неприятно пораженный услышанным. — Наш аэрофлот самый надежный. Один Иван Кожедуб, герой, сколько врагов накрошил. Я-то

знаю. Я в жестокие годы войны, Алехин, формировал новые части, отправляющиеся на фронт. Ответственная работа, даже пострелять ни разу не удалось. Ты представить не можешь, сколько усилий я отдал на благо родины! — И задумчиво повторил. — Нет, нет, самолеты у нас уверенные!

— Со страхованием все равно надежней.

Алехин говорил, а сам думал только о Верочке.

Ну, как она там? Он даже прикоснулся к стене. Верочка же здесь, совсем рядом. Может, в метре от него! Правда, и пакостники Заратустры совсем рядом. Он прислушивался, напрягал слух, но стонов не слышал.

— Ну, если так... — покачал головой упрямый пенсионер. — Ну, если так, можно поехать поездом. Железнодорожный транспорт тоже у нас надежный.

— Со страхованием надежней, — повторил Алехин.

— Это еще почему? — опять заинтересовался пенсионер.

— У меня как-то приятель ездил в братскую Болгарию, — прислушиваясь ко всем звукам, долетающим с лестничной площадки, объяснил Алехин. — Решил ехать через две границы, посмотреть на быт коренных иностранцев. Не доезжая до ближней в Кишиневе кто-то сорвал стоп-кран, а приятель мой как раз сытно обедал в вагоне-ресторане. Так всем лицом и въехал в салаты и в фужеры. Сломал руку, сломал ногу, сломал ключицу, повредил глаз, а правый у него косил с детства. Другие рядом побились меньше, но все равно только мой приятель остался довольный.

— Это почему так?

— А полная страховка, — небрежно пояснил Алехин. — Он за все свои страдания получил наличными. За каждый раненный глаз, за каждую пораненную конечность. Застрахованного человека Родина не оставит в беде.

— Тебя, Алехин, послушать, так вообще никуда теперь ехать нельзя, — возмутился Евченко. — Хоть всю жизнь просиди на кухне.

— Не скажите, Кузьма Егорыч! «На кухне!» К чайнику потянетесь, а вас долбанет электрическим током. Или вентилятором отрубит палец. Или обваритесь крутым кипятком, или нож...

— Ты обалдел, Алехин! — грубо закричал Евченко. — Какой кипятильник? Какой вентилятор? Какие ножи, пальцы? Какой электрический ток? У меня бесплатная путевка с отдыхом в санатории «Север»

— Незастрахованную путевку легко потерять.

Охнув, Евченко кинулся к брошенной на диван «балетке».

Волнуясь, открыл два замка. Выложил на диван «Лоцию Черного моря».

— Да вот же она моя путевка! С отдыхом в «Севере»! Никуда она не делась!

Успокаивая разволновавшегося пенсионера, Алехин советовал:

— Если страховаться, Кузьма Егорыч, то все-таки комплексно. Жизнь, смерть, травмы, хищения, дикие родственники, домашний скот, личный транспорт, разнообразное личное имущество, даже удар молнии. Хорошая страховка, Кузьма Егорыч, это путь к свободе. Полная страховка — освобождение от всех тревог.

В виде примера Алехин рассказал упрямому, но уже несколько растерянному пенсионеру историю из жизни все того же своего приятеля. Он стал большим человеком. Часто ездил в командировки. Там его хорошо встречали, всегда показывали что-нибудь интересное. Например, показали отечественную реку Обь. Это большая река. Если не считать Миссисипи с Миссури, самая длинная в мире. И вообще, «хороши вечера на Оби». Лето солнечное, вода зеркальная, шашлыки на палубе прогулочного катера, и скорость такая, что большой человек, приятель Алехина, невольно заинтересовался, запивая огненный шашлык ледяным пивком: «Встречаются ли на Оби мели?» — «А то! — ответили дружелюбные хозяева. — Обязательно встречаются. Течение оно и есть течение. За всем не уследишь. Здесь намоет, там размочит. Природа». — «А зачем такая высокая скорость? — опасливо заинтересовался большой человек. — Ведь если воткнемся в мель, то, небось, как птицы, полетим за борт». — «Даже еще быстрее, — ответили ему радушно. — Куда там птицам!» И шкипер подмигнул, не выпуская штур-

вал: но у нас все схвачено, не воткнемся. И в этот момент они и воткнулись. Сорванные с палубы страшным ударом, пассажиры летели над остановившимся катером как нестройная стая немного нетрезвых птиц. Стая эта галдела. Самым первым, официально вытянув руки по швам, летел головой вперед большой человек, приятель Алехина. Когда он пролетал над шкипером, единственным человеком, удержавшимся на ногах, потому что держался за штурвал, благородный шкипер решил спасти хотя бы его и, не отпуская штурвала, ловко ухватил летящего гостя за одну из его рук. Но большой человек, ни на секунду не замедлив движения, так и полетел дальше, а рука осталась в руках шкипера. Оторвалась, падла. И, увидев такое, доперев, что он такое учинил, шкипер рывкнул, как тифон океанского лайнера, и без размаха отправил столь ужаснувшийся его предмет как можно дальше от катера. Оторванная рука уже коснулась воды, когда над взволнованной поверхностью показалась мокрая голова большого человека. «Не бросай!» — кричал он. Но шкипер уже бросил.

— А чего? — настороженно спросил Евченко.

— А того, — прислушиваясь к странным звукам на лестничной площадке, объяснил Алехин. — Погорели все, кто плавал на катере. И хозяева погорели. И шкипер погорел. И гости погорели. А большой человек...

— Истек кровью? — испугался Евченко.

— Вы что, Кузьма Егорыч! У него же страховка! Он на нее новый протез купил, и еще кое-что осталось — на булавки.

— Давай, давай! — вдруг разволновался пенсионер. Что-то в его душе надломилось. — Давай, Алехин, не сиди, не болтай, работай! Я думал, что ты трепун, я тебе не верил, богом клянусь. Но теперь вижу, что ты мыслящий, думающий человек. Давай, давай! Я все хочу застраховать, Алехин. Личное имущество, личный транспорт, личную жизнь и смерть, и диких родственников, и квартиру. Что увидишь, то и бери на учет. Только давай на льготных условиях, Алехин, как много потрудившемуся персональному пенсионеру. Все вноси в страховой полис, ничего не пропусти. Поезда эти...

Самолеты... Катера... — В крайнем возбуждении упрямый пенсионер бегал по комнате, как маленький обесцвеченный паучок уроподус. Про такого паучка Алехин прочитал в какой-то заумной книге. — Давай, Алехин, не сиди, работай, страхуй! Заодно и старый договор пролонгируем.

Но пролонгировать они ничего не успели.

За бетонной стеной раздался пронзительный женский крик.

Кричала Верочка.

30

«Неужели сантехники?»

На лестничной площадке никого не оказалось.

Алехин с разбегу высадил дверь Верочкиной квартиры и вместе с дверью ввалился внутрь. Диковато всхрипнув, упрямый пенсионер Евченко, выбежавший за ним как синий габардиновый паучок нырнул обратно за свою надежную дверь, в надежные, сплетенные за много лет сети. Тщательно заперев замки, он попытался дозвониться до сержанта Светлаева, но телефон сержанта не отвечал. Тогда упрямый пенсионер жадно прильнул маленьким жадным мохнатым ухом к бетонной стене, отделявшей его от сумасшедшей соседки.

Алехин хорошо помнил уютную Верочкину квартиру.

Уют и порядок. Прежде всего, уют и порядок. Вязаный половичок в прихожей, там же дивная вешалка, украшенная оленьими рогами, большое зеркало в деревянной оправе, на лакированных полочках народные игрушки, прялочки, медведи. Кухню Алехин из прихожей не видел, но отчетливо донеслось оттуда фырканье недовольного холодильника. Он будто пытался о чем-то предупредить, но какая-то сила наваливалась на него, и было непонятно, что собственно происходит в кухне. Зато была видна часть комнаты. Богатая литовская стенка. Книги. Дорогой хрусталь. На полу ковер — бельгийский, серо-коричневый.

Милый уютный мир, навсегда запавший в сердце Алехина.

Но сейчас зеркальные стекла литовской стенки были разнесены вдребезги, бельгийский ковер прожжен, тлел

сразу в двух местах. В уютной прежде квартирке отчетливо пахло бедой, паленой шерстью, горелой резиной. На тлеющем ковре валялись детали разобранного письменного стола. Не разбитого, а именно разобранного. По болтику. По заклепочке. По гаечке. Немало терпения надо приложить, чтобы так разделаться с массивным столом надежной, литовской работы. Оленьи рога на вешалке странно оплыли. Одиноко сияла на фоне сырой стены лампа нагло обнаженного торшера. Абажур был содран, как шкура, и заброшен на металлическую гардину. У окна перевернутое кресло. И сами стены, обои в цветочек, были изъедены мелкими темными кавернами, будто кто-то в упор палил в них картечью из охотничьего ружья. И среди всего этого ужаса дивная Верочка стояла в углу дивана в таком коротеньком и тонком халатике, что его можно было и не надевать. Увидев неожиданного спасителя, она отчаянно закричала:

— Он за мной гоняется!

— Кто? Кто? — Алехин лихорадочно крутил головой, пытаясь обнаружить среди этого ада разбушевавшихся пьяных сантехников.

— Да, пуфик, пуфик!

Верочка спрыгнула с дивана — испуганная, длинноногая. Легкий халатик на ней разлетелся, обнажив загорелую кожу. Вскрикнув, она бросилась прямо к Алехину, но зафиксировав ее прыжок, зеленый уютный пуфик, возбужденно топтавшийся возле дивана, весело, как собачонка, кинулся вслед за хозяйкой.

Алехин с трудом отбросил его ногой в сторону.

— Он сошел с ума! Он совсем сошел с ума! — кричала Верочка, тыкая тонким пальчиком в сбесившийся, приседающий перед ними пуфик. — Он преследует меня. — Похоже, что необъяснимое поведение пуфика пугало Верочку гораздо больше, чем все остальное.

— Что здесь творится?

— Я не знаю, — потрясенно ответила Верочка и крепко обвила шею Алехина тонкими руками. — Сперва сильно текло только на кухне, а теперь течет везде. Сантехники говорят, что не может быть такого, но ты же сам видишь.

Действительно на изъеденных кавернами стенах, прямо по обоям в цветочек здесь и там темнели сырые потеки. Это было ужасно, это было необъяснимо, но Алехин сквозь ткань прозрачного халатика чувствовал такое горячее нежное тело, что уже не хотел, чтобы ужасные чудеса кончились.

— В кухне течет, — всхлипывая, прижималась к Алехину Верочка. — Соль поплыла, рис разбух. Я не успеваю вытирать пол и стены. У меня тряпок столько нет. А на стенке, — она ткнула пальчиком в сторону обезображенной литовской стенки, — камень подпрыгнул и лопнул. Я чуть с ума не сошла. Видишь, ковер прожжен. Сейчас такой ковер просто так не купишь. — И спросила с отчаянием. — Алехин! Зачем за мной пуфик гоняется?

Может, это самец? — мелькнуло в голове Алехина, но сама постановка вопроса явно была бессмысленной. Какой из пуфика самец? За Верочкой, например, мог гоняться пьяный сантехник, да и из него в такое время какой самец?

Но пуфик, правда, вел себя как живой. Он мотался под ногами, рвался к хозяйке, сбежавшей от него. Пару раз Алехин отпинавал его в сторону, потом, разозлившись, крепко заклинил между сырой стеной и диваном. В принципе теперь можно было опустить Верочку на диван, но он не хотел этого. «Подожди, подожди, — пытался он понять, крепко прижимая к себе Верочку. — Почему ты говоришь, что пуфик бегал за тобой и справа, и слева? Он же один. Он не может бегать одновременно и справа, и слева. Почему ты говоришь, что он бегал строем? Как один-единственный пуфик может бегать строем?»

— Не знаю, — всхлипывала Верочка.

Разруха в квартире была, можно сказать, полная.

На кухне звонко, по-весеннему, звенела веселая капель, журчали быстрые ручейки. Пуфик страстно возился между сырой стеной и диваном, наверное, ревновал хозяйку. В стенах что-то подозрительно потрескивало. Вдруг громко пошли стоявшие до того настенные часы. При этом они как-то неприятно разухабисто сыграли известный вальс. А кусок камня, валявшийся на ковре, вдруг сам по себе распался на несколько угловатых частей. Под ним тут же затлел ковер,

опять густо понесло паленым. И повис в растерянном пространстве долгий тоскливый звук.

Верочка, наконец, обрела способность смущаться.

Покраснев, вырвавшись из объятий, она поправила на себе халатик.

Нечего там было поправлять, но она халатик поправила. Лесная, нежная, зелеными большими глазами испуганно поглядывала на ревнивый пуфик. А из ванной тем временем донесся легкий хлопок.

— Ой!

Они осторожно приблизились к ванной.

В нос ударил смешанный запах нашатырного спирта, йода и валерианы.

На полу валялись самые разнокалиберные тюбики и пузырьки, небрежно вытряхнутые из домашней аптечки. Алехин готов был поклясться, что пузырьки, а также пластиковые тюбики не были ни разбиты, ни раздавлены, тем не менее, их содержимое каким-то образом было выдвинуто и бессердечно вылито на прежде белую раковину, на ванну, на стиральную машину. Чешский голубой унитаз, гордость Верочки, был особенно унижен: его покрывала какая-то гадость вроде гуталина. Даже негр не решится на такое сесть. А среди разгрома и ужаса висела на капроновой веревке чисто выстиранная ветровка Алехина. Оказывается, Верочка успела простирнуть ветровку.

Значит, думала о нем! Значит, вспоминала, надеялась увидеть!

Стараясь не выдать внезапной радости, Алехин сказал:

— Там документы у меня лежали...

— Ага, — всхлинула Верочка, с ужасом рассматривая униженный унитаз. — Я их выложила. Они теперь там, — она не стала пояснять *где*, но у него сердце сжалось от нежности. — Там в кармане еще что-то лежало. Тяжелое. Ты извини, Алехин, оно упало в унитаз. Я не успела схватить.

— Забудь, — строго сказал Алехин.

А сам подумал: рак Авва выберется и из канализации.

И еще подумал: «Дура Верочка. Не застраховать такое имущество!»

Они вернулись в разгромленную комнату. Вдруг вырвавшийся на свободу пуфик радостно бросился им под ноги, но Алехин безжалостным пинком снова загнал его в тесный промежуток между диваном и стеной. И пахло на них застоявшимся табачным дымом. «Ой, Алехин, — снова прижалась Верочка, — ко мне иногда подружка приходит. Ну, выкурит сигаретку, я все проветриваю, а сейчас-то почему пахнет?»

Он промолчал. Он понимал, что дело тут не в подружке.

— Ой, Алехин, а как же мы теперь жить будем? — всплеснула руками Верочка.

Музыка сфер. Верочка не могла найти фразы, которая прозвучала бы так чудесно.

Еще десять минут назад Алехин готов был взять билет в одну сторону, положить в карман взрывной запал и лететь к Черному морю. Сейчас его не сумел бы отправить к Черному морю даже полковник в отставке Самойлов. Верочка произнесла *мы*, и это слово наполнило душу Алехина самыми невероятными надеждами. Сильным ударом ноги он отправил пуфик за диван и строго, чтобы не испортить впечатления, спросил:

— А где тут у тебя телефон?

— В милицию позвонишь?

Он помотал головой.

— В психушку?

Он опять помотал головой.

— В домоуправление?

— Да ну, кого сейчас найдешь в домоуправлении! — Он судорожно вспоминал номер крупного математика *Н*.

И вспомнил. И математик сразу откликнулся.

— Здравствуйте. Извините. Это с вами Алехин говорит.

— Да ну? — обрадовался математик. — Чего это в третьем часу ночи?

— У меня новости.

— Хорошие?

— Разные, кажется.

— Тогда начинайте с плохих.

— Ну, ковер прогорел, разрушаются камни, пахнет пальной шерстью, унитаз загажен, пуфик бросается на людей...

— А вода? — тревожно спросил математик. — Сочится вода из стен?

— Еще как! Ручьи звенят, как в весеннюю пору. Я такого раньше не видел.

— Так это же хорошая новость, а не плохая, — обрадовался крупный математик *Н.* И кому-то там рядом крикнул: — Собирайтесь, ребята! — И снова Алехину. — Теперь выкладывайте хорошие новости.

— Я звоню не из гостиницы.

— Ну, я об этом уже догадался.

— Я сейчас из девятиэтажки звоню.

— Ну, я и об этом, в общем, уже догадался.

— Из семьдесят второй квартиры.

— И об этом догадался.

— Я не один.

— Женщина?

— Ага, женщина.

— Тогда не трусь, скоро приедем, — ободрил Алехина крупный математик *Н.* — Типичный полтергейст. Похоже, попали прямо в фокальный центр.

Верочка тоже прижалась маленьким красивым ухом к трубке. Теперь они слушали крупного математика вместе, и это здорово их сближало. Стараясь как можно дольше продлить разговор, Алехин переспросил:

— А что такое полтергейст?

— Если б мы знали, — хохотнул крупный математик *Н.* — Тебе разве не достаточно того, что ты там вокруг видишь? Если я начну рассказывать тебе о полтергейсте даже то небольшое, что знаю, нам понадобится несколько суток. Даже устоявшейся терминологии мы еще не имеем. Интеллектуалка, Алехин, это наука совсем новая, мы ее только создаем. При случае прочти мою статью. Напечатана в доступном журнале.

— В «Химии и жизни»? — блеснул познаниями Алехин.

— Ну что ты! — математик обращался к Алехину то на ты, то на вы. Это, в общем, было приятно. — «Химия и жизнь» нас не печатает. Статья опубликована в «Советском скотоводстве».

— Почему в «Скотоводстве»? — опешил Алехин, а Верочка даже немножко отодвинулась от трубки.

— А мы научили скотоводов лечить мастит у коров. Нашли эффективный способ. Вот они нас и полюбили.

И спросил с любопытством:

— Женщина, с которой ты сейчас, она уже рожала?

— А вам такое зачем?

— Ну, если у нее разовьется мастит...

— Здесь мебель сошла с ума, а вы про мастит какой-то!

— Все в природе связано и взаимосвязано, Алехин, — весело произнес математик *Н.* Шутил, наверное. — Если в ближайшее время у твоей женщины заболит голова, если ее начнет подташнивать и всякое такое, не пытайся давать лекарства. Обойдись соленым огурчиком.

— Вы это к чему?

А Верочка густо покраснела.

— Значит, так, — удовлетворенно хохотнул крупный математик *Н.* — Приборы подготовлены, минут через десять приедем. Вы там не сойдите с ума. Вы лучше любовью займитесь. Экстрим приводит сознание в норму.

Верочка опять густо покраснела, но голову от телефонной трубки не отодвинула.

Сказать ему про рака Авву? — подумал Алехин, но крупный математик *Н.* уже сам спросил. Когда, дескать, ты, Алехин, в последний раз сталкивался со своими зомби?

— С какими еще зомби?

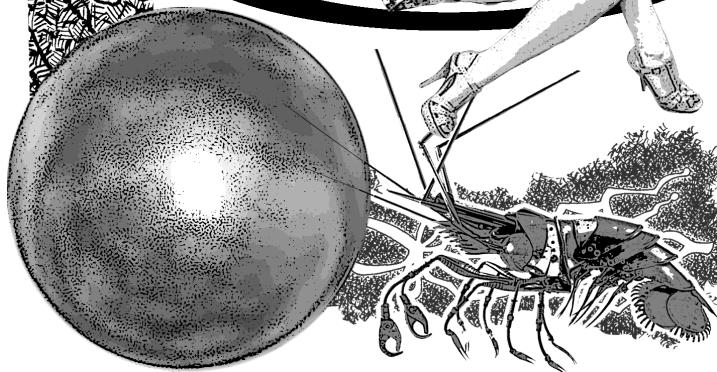
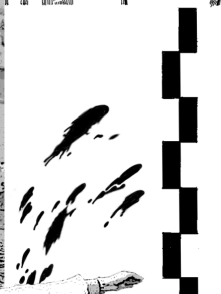
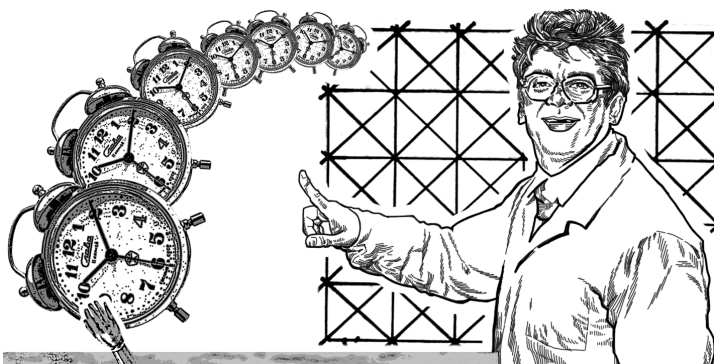
— Ну, с этими хулиганами, от которых тебе по зубам прилетело, и на которых ты жаловался сержанту.

— А вы откуда знаете?

— Ты отвечай. Не тяни. У нас мало времени.

— А-а-а, эти... — неохотно припомнил Алехин. — Да буквально пару часов назад... Гоняли они меня по лестницам, может, и теперь бродят где-нибудь по двору. Их бог разумом обидел.

— Ну, разум — штука тонкая, — засмеялся математик. — Можно и красную рыбу считать дурой, а она за тысячи километров посреди океана находит путь к своей единственной, затерянной на далеких островах речке.

— Да не считаю я красную рыбу дурой.

— Тогда и зомби не считай хулиганами. У них особенное назначение. Как и у тебя. Как у всего сущего.

— Ой, посмотри!

Алехин бросил трубку.

На кухне рождалось странное молочное сияние.

Нет, к счастью, оно рождалось не в кухне. Оно рождалось за окном, на пустыре, над обгорелыми метелками деревьев, совсем недавно окружавших деревянный домик Алехина.

Прижавшись носами к влажному стеклу, Алехин и Верочка замерли.

В нежном молочном свете прямо над черным пожарищем мерцал и переливался смутными радугами огромный зеркальный шар. Он был величиной с пятиэтажный дом, не меньше. А со стороны рокового переулка со всех ног мчались к переливающемуся радугами шару Заратустра Наманганов в кавказской мохнатой кепке, чугунный Вий в сырой телогрейке, и тот, третий, маленький, длинноволосый. Всю эту троицу энергично преследовал сержант Светлаев, видимо, вернувшийся из дальней командировки. На ногах сержанта красовались меховые унты, на плечах — теплая меховая куртка. А толстые штаны поблескивали, как подошвы, наверное, были обшиты тюленьей шкурой. Бежал Светлаев споро, но было видно, что догонять хулиганов не собирается.

Прижавшись друг к другу, они смотрели на огромный зеркальный шар.

На мгновение Алехину показалось, что он видит в зеркальном шаре отражение свое и Верочки, но, наверное, это ему показалось. Не было там никаких отражений. Только медленно, как спирали, ползли по поверхности шара смутные радуги. А Верочка опять ойкнула и они увидели от кого это убегали Заратустра и его кореша.

Не от сержанта Светлаева, а от рака Аввы.

И, в отличие от сержанта, рак Авва здорово превосходил беглецов в скорости.

Все псевдоподии и усики рака работали так стремительно, что, казалось, его несла невидимая воздушная подушка,

совсем не дающая пыли. Потом ударила яркая вспышка и длинноволосый исчез, не добежав десяти метров до зеркального сверкающего шара. Ударила вторая, и Вий исчез. А потом растаял в воздухе Заратустра.

Сержант Светлаев пораженно остановился.

Сунув руку под куртку (наверное, там висела кобура) он изумленно следил за раком Аввой, вдруг необыкновенно раздувшимся. Одним прыжком огромный (теперь) рак достиг шара и слился с его зеркальной поверхностью, а шар будто старинный монгольфьер начал плавно подниматься

над пожарищем,

над пустырем,

над городом...

— Это НЛО, Алехин?

Боясь соврать, Алехин кивнул.

Померк молочный свет, заливавший пустырь.

Сразу стало сумрачно, и Верочка полными слез глазами обернулась на разгромленную квартиру: «Алехин, как же мы теперь будем жить?»

Он вздохнул и потянулся за сигаретой, но Верочка остановила его:

— Давай не будем больше курить, Алехин.

Он кивнул. Как в последний раз (а может, правда, в последний), он увидел вдруг берег моря, уютный домик с балкончиками, сосны, похожие на рыжий укроп и нелепых рукокрылых. Услышал страстное: «Шлюссен, шлюссен, майн херр». И рыжее неземное солнце разостлало по морю колеблющуюся дорожку. И он понял, что никогда не будет у него такого уютного домика. И не будет он жить среди рыжих сосен, похожих на укроп. И никогда не услышит шелеста рукокрылых. И не станет большим Героем, которому благодарное правительство и благодарный народ могли подарить домик с такими чудесными балкончиками.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Уже двадцатое, — тихо ответила Верочка. — Август. Осень на носу. — И подняла на Алехина полные слез глаза: — Как же мы, правда, теперь жить будем? Ведь у меня ничего-ничего не было застраховано.

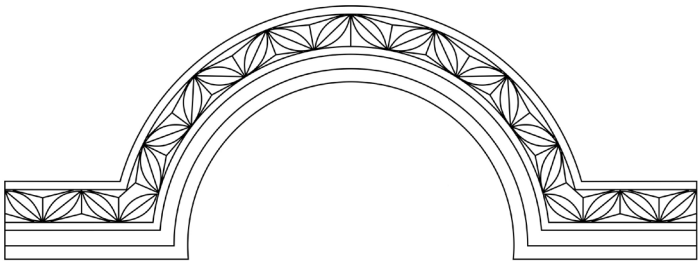
— А ты плюнь, — мягко посоветовал Алехин и подошел к странному образом уцелевшему на тумбочке телевизору. — Мы с тобой будем хорошо жить.

И обрадовался, указывая на вспыхнувший экран:

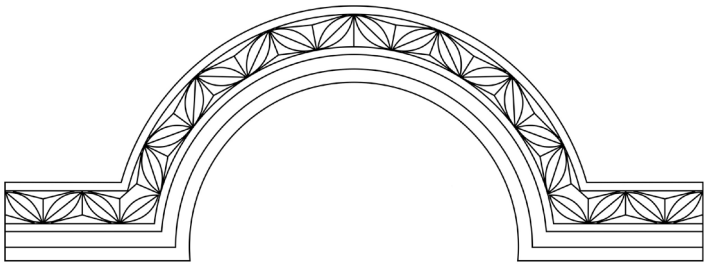
— Ой, ты смотри. И в театр не надо ходить!

На экране шло «Лебединое озеро»!

20 августа 1991 года.

ДЕМОН СОКРАТА

Там, где возможно всё, ничто
уже не имеет значения...

Глава I **Юрнев**

Пакет подсунули под дверь, пока я спал.

Пакет лежал на полу, плоский и серый, очень скучный на вид. Он не был подписан и не просился в руки, впрочем, я и не торопился его подбирать. Сжав ладонями мокрые от пота виски, я сидел на краю дивана, пытаюсь утишить, унять задыхающееся, останавливающееся сердце.

Зато я вырвался из сна.

Там, во сне, в который уже раз осталась вытоптанная поляна под черной траурной лиственницей. Палатка, освещенная снаружи, тоже осталась там. Ни фонаря, ни звезд, ни луны в беззвездной ночи, и все равно палатка была освещена снаружи. По смутно светящемуся пологу, как по стеклам поезда, отходящего от перрона, скользили тени. Они убыстряли бег, становились четче, сливались в странную вязь, в подобие каких-то писем, если только такие странные письма могли где-то существовать. В их непоколебимом беге что-то постоянно менялось, вязь превращалась в рисунок, я начинал различать смутное лицо, знакомое и в то же время мучительно чужое.

Кто это? Кто? Я не мог ни вспомнить, ни шевельнуться, я только знал — я умираю. И все время беспрерывно, жутко и мощно била по ушам чужая, быстрая птичья речь, отдающая холодом и металлом компьютерного синтезатора.

Я умирал.

Я знал, что умираю.

Я не мог двинуть ни одним мускулом, не мог даже застонать, а спасение, я чувствовал, крылось только в этом. Я беззвучно, я страшно, без слов вопил, пытаюсь пробиться сквозь сон к дальнему, пробивающемуся сквозь птичью речь, крику:

— Хвощинский!

И грохот.

Крик, а за ним грохот.

Далекий грохот, обжигающий нервы нечеловеческой болью.

— Хвощинский!

Я сумел застонать, и всплыл из ужаса умирания.

Серый пакет лежал под дверью, в номере было сумеречно, горел только ночник. В дверь явно колотили ногой, незнакомые испуганные женские голоса перебивались рыком Юренева:

— Где ключи? Какого черта! Дождусь я ключей?

И снова удары ногой в дверь:

— Хвощинский!

Меньше всего я хотел видеть сейчас Юренева. Не ради него я приехал в Городок, незачем было Юреневу ломиться в мой номер, как в собственную квартиру. В некотором смысле ведомственная гостиница, конечно, принадлежала и Юреневу, то есть научно-исследовательскому институту Козмина-Екунина, малоизвестному закрытому институту, но все равно ломиться Юреневу ко мне не стоило: два года назад мы расстались с ним вовсе не друзьями.

Не отвечая на грохот, не отвечая на голоса, едва сдерживая разрывающееся от боли сердце, я добрался до ванной. Ледяная вода освежила. Возвращаясь, я даже поднял с пола пакет и бросил его на тумбочку. Все потом. Сперва нужно прийти в себя, отдышаться.

Собственно, в гостиницу я попал случайно.

Я приехал вечером, идти было некуда, вот я и поднялся в холл — только для того, чтобы позвонить по телефону. Толстомордый швейцар сразу ткнул толстым пальцем в объявление, отпечатанное типографским способом: «Мест нет», и так же молча и презрительно перевел толстый палец левее: «Международный симпозиум по информационным системам».

Я понимающе кивнул:

— Мне только позвонить...

Толстомордый швейцар раскрыл рот.

Пари готов держать, я знал, что именно хочет сказать швейцар, но, к счастью, вмешалась рыжая администраторша. Если быть совсем точным, рыжей была не администраторша, а ее парик. Не понимаю, как можно надевать парик в жаркий июльский день, но все равно администраторша оказалась добрее, чем толстомордый швейцар:

— Звоните.

Я бросил монету в автомат.

Длинные гудки... Долгие гудки...

Зачем вообще носят парики? Почему парики носят даже летом? — размышлял я. Почему в швейцары, как правило, идут бывшие военные? У них что, пенсия маленькая?

В трубке шелкнуло. Незнакомый мужской голос произнес:

— Слушаю.

— Андрея Михайловича, пожалуйста.

— Кто его спрашивает?

— Хвощинский.

— Изложите суть дела.

Я удивился:

— Какую суть? Личное дело.

— Позвоните по телефону ноль шесть, ноль шесть... — две первых цифры подразумевались. — Вам ответит доктор Юренев.

— Зачем мне Юренев? Мне нужен Козмин. Мне нужен Андрей Михайлович.

Но трубку уже положили.

Я удивленно присвистнул.

Рыжая администраторша смотрела на меня из-за стойки со странным, даже с каким-то подозрительным интересом. Их тут всех, наверное, окончательно засекретили, подумал я. Швейцар в дверях шумно зевал, ожидая, когда я про-следую мимо, чтобы высказать мне свои, накопившиеся в нем соображения.

Я набрал номер Ии. Не хотел ей звонить, не собирался, но набрал. И даже обрадовался, когда ответила не она, а все тот же незнакомый мужской голос:

- Слушаю.
- Ию Теличкину, пожалуйста.
- Кто ее спрашивает?
- Хвощинский.
- Изложите суть дела.

Я еще больше удивился:

- Что за черт? Всего лишь личное дело.
- Позвоните по телефону ноль шесть, ноль шесть. Вам

ответит доктор Юрнев.

- Мне не нужен доктор Юрнев?

Но трубку уже положили.

Я тоже повесил трубку, не Юрневу же, в самом деле, звонить, и задумался. Решил, пойду к ребятам в газету, разыщу кого-нибудь из знакомых, устроят. Не хотел я звонить Юрневу.

- Господин Хвощинский!

Я обернулся.

Рыжая администраторша улыбалась из-за стойки очень сладко, очень загадочно. Она даже привстала из-за стойки, что явно сбило с толку толстомордого швейцара. Он даже перестал зевать, пытаюсь сообразить, что, собственно, происходит?

— Что же вы так, господин Хвощинский? — администраторша, несомненно, слышала каждое слово, сказанное мною в трубку. — Мы вас ждем, мы вас давно ждем, номер на вас заказан.

- Заказан? — удивился я.

Она глянула в лежащие перед нею бумаги:

— Уже месяц как заказан. Так и стоит пустой... — администраторша так и ела меня голубыми пронзительными глазами, пытаюсь понять тайну моего пустующего номера. — Вы сейчас, наверное, прямо из-за кордона?

— Нет, — ответил я, прикидывая, могла ли она ошибиться и чего мне может стоить ее ошибка. — Я сейчас не из-за кордона.

— Да это неважно, — махнула рукой администраторша. — Юрий Сергеевич так и распорядился: держать номер для Хвощинского. Когда, дескать, явится, тогда и явится. Я говорю: как же так, Юрий Сергеевич? почему пустовать номеру? А Юрий Сергеевич: и пусть пустует! А вас нет и нет. Только сейчас нечаянно и услышала, что вы Хвощинский! Дмитрий Иванович, да? Писатель?

Я кивнул.

— А вещи? — спросила администраторша.

— На крылечке, — пояснил я. — Всего-то сумка спортивная. С сумкой меня швейцар вообще бы не пропустил.

— Да ладно, ладно, Дмитрий Иванович, — взмахнула администраторша сразу обеими руками. — Я ведь все слышала. Теличкина, Козмин... Я сразу все поняла. Мне Юрий Сергеевич настрого приказал: Хвощинский появится, сразу в номер. А если там кофе или еще что, сразу к дежурной по этажу. Вы же у нас проходите в гостинице как иностранец. — И закричала строго швейцару: — Никитыч! Чего стоишь? Вещи в номер Хвощинского!

Фокусы Юренева, подумал я. Провидец.

Но сейчас, сидя на диване, чуть освеженный ледяной водой, но все еще разбитый, я чувствовал лишь злое недоумение: какого черта Юренив ломится ко мне в номер среди ночи? Я сознавал, что из моего смертельного сна меня выдернул именно шум, поднятый Юренивым, но все равно... Все же третий час ночи...

Испуганные приглушенные женские голоса, рык Юренева:

— Где ключи?

Сердце медленно успокаивалось, боль уходила.

— Ключи, вашу мать! Будут ключи когда-нибудь?

— Таньку сейчас найдут, Таньку! — оправдывались, суе-
тились за дверью приглушенные женские голоса. — У Тань-
ки ключи. Сейчас ее найдут, Таньку.

— Дверь вышибу!

— Юрий Сергеевич, — суетились, оправдывались испу-
ганные женские голоса. — Иностранцы здесь. Всех побудите.

Нашли чем пугать, усмехнулся я, дотягиваясь до сигарет.
Спичек, впрочем, не оказалось. Я случайно нашел спичку
на подоконнике и чиркнул о пустую коробку. Какого черта
нужно от меня Юреневу?

— А вот и Танька! — радостно заголосили под дверью. —
Чего ж ты спишь, Танька? Тут вот Юрий Сергеевич!

Я хмыкнул, не желая участвовать в развитии событий.
А развитие событий не замедлило.

Послышалось царапанье, легкий скрежет. Дверь рас-
пахнулась.

«Два ангела напрасных за спиной...» За широкой спиной
Юренева пугливо прятались не два, а целых три ангела, точ-
нее ангелицы, все покрасневшиеся и встрепанные; самой
встрепанной выглядела ангелица Танька, она, по-моему,
и сейчас спала.

Зато Юренев был в самой форме.

Да, он был в той самой форме, когда уже совершенно
неважно, рассыпаются ли картинно седые кудри по вискам
и по лбу или ты просто небрежно прижал их к потной голове
огромной ладонью. Джинсы, закатанные до колен, сандали
на босу ногу, вызывающая футболка под расстегнутым изже-
ванным пиджаком с оттянутыми карманами, и дивный ри-
сунок на футболке, поддетой под пиджак: бескрайняя степь,
а на ее фоне фаллической формы камень: «Оля была здесь».

Нормальная современная футболка.

Плечистый, огромный, моргающий изумленно Юренев,
выпятив вперед брюхо, двумя руками оттолкнул дежурных
ангелиц в коридор, гулко захлопнул дверь и прошел мимо
меня, распространяя запах хороших сигарет, коньяка, кофе.
Он трубно и изумленно рычал:

— Счастливчик, Хвощинский! Спишь и спишь! В сле-
дующий раз дверь сломаю, трубу иерихонскую притащу!

Его ничуть не смущало мое молчание. Он попросту не замечал моего молчания. Он добился своего, он видел меня, он ворвался в мой номер — это наполняло его гордостью и восторгом.

— Смотри! — трубил он, изумленно помаргивая. — Смотри на меня, Хвоцинский! Я вот он, пришел! Узнаешь? Радуетесь?

Я невольно усмехнулся.

Юренев всегда ставил меня в тупик.

Начинал Юренев у Козмина в лаборатории исследований новых методов получения информации.

«Разве известных методов мало?» — спрашивал я.

«Для тебя, может, и достаточно, ты писатель, — Юренев никогда не скрывал того, что думал. — Только тебе не объяснить. Ты не поймешь. Я тебе начерчу символ, а ты скажешь: греческая закорючка. Не требуй лишнего. Оставайся собой. Твое дело — поверхностные явления. Описывай природу, описывай своих землепроходцев, там есть о чем врать. Ну, скажи, скажи, волнует тебя то, что состояние Вселенной на нынешнюю эпоху несколько противоречит второму началу термодинамики?»

«А оно противоречит?»

Мое невежество всегда восхищало Юренева, он пузыри пускал от восторга. Он был полон вопросов, которые действительно казались мне несколько напыщенными, а иногда и бессмысленными. Почему мы помним прошлое, а не будущее? Почему время не течет вспять? Почему Вселенная вообще существует? Возможно, Юренев признавал мою интуицию, но мои знания он и в грош не ставил. И сейчас пер на меня, как танк, чудовищно довольный тем, что в три часа ночи вломился в мой номер.

— Кыкамарг, — ревел он. — Тагам! — И объяснял: — Это по-чукотски, Хвоцинский! Тебе не понять, ты, бывает, путаешься и в русском, сам читал твои книги. Даже рецензентов твоих читал. Ну и поганые у тебя рецензенты! — Юренев откровенно ждал моего восхищения. — Может, я не точно выговариваю чукотские слова, но тебе так не сказать.

— Конечно, не сказать. Я никогда не знал чукотского, — пробормотал я.

Мое сообщение Юренева явно заинтересовало.

— Да ну? — не поверил он.

И моргнул изумленно:

— Мы научим! Мы тебя многому научим, Хвошинский, раз уж ты здесь. По—настоящему бездарных людей не существует, Хвошинский. Ну, может, какой-то совсем уж особенный случай.

Рыча, всхрапывая от восторга, он сдвинул на столе книги, полупустой графин, пепельницу с одним окурком, и начал извлекать из оттянутых карманов своего жестоко помятого пиджака какие-то подозрительные кульки, недопитую бутылку с коричневой жидкостью, смятую пачку «Кэмела», настоящего, дорогого, без фильтра, и, совсем уже торжествуя, выложил прямо на скатерть изжужльканный соленый огурчик, весь в пятнышках укропа и табака.

— В буфете стащил! — с гордостью прорычал он. — Буфетчица отвернулась, я стащил. Я бы и два стащил, да боялся, рука в банке застрянет. У Роджера Гомеса рука тонкая, его рука в банке бы не застряла, но Роджер впал в испуг. Будь у меня такая рука, как у Роджера Гомеса, я бы полбанки стащил, а Роджер впал в испуг. Тоже мне: Колумбия, мафия! Знаем теперь, какая там у них в Колумбии мафия!

— Нельзя было купить?

— С ума сошел! — Юренив чуть не протрезвел от внезапной ко мне жалости: — «Купить».

Он завалился на застонавшее под ним кресло, грудь его выпятилась. Да, я не ошибся, верхушка фаллического камня на его футболке действительно была украшена надписью: «Оля была здесь».

— Ты глупостями набит, Хвошинский! — Юренив воззрился на меня изумленно. — Ты на аксиологии сломался, это беда многих, тебя система ценностей подкосила. А ценить надо... — он поискал не дающееся, ускользающее от него слово. — Ценить надо невероятность. На кой мне то, что объяснит даже буфетчица? Я ценю то, что даже тебе в голову не придет, что даже тебе в голову прийти не может!

— Провидец...

Но как ни злись, я отдавал Юрениву должное.

Ведь это он заставил Леньку Кротова купить лотерейный билет, а потом отмахивался, не желая принимать даже самую малую часть приличного выигрыша. Это он не пустил Ию в командировку в тот крошечный и несчастный азиатский городок, что был снесен через неделю с лица земли селевыми потоками. Это он предсказал одиноким девушкам из отдела кадров поголовную и внезапную беременность, что вскоре и произошло, к вящему гневу Козмина-Екунина. Короче, за словами Юренева далеко не всегда стоял треп.

Лучше молчать. Пусть выговорится.

А стаканы уже звякнули, он даже не сполоснул стаканы.

— Трогай, Хвощинский! Мы тут тебя ждем, как голубя с оливковой ветвью в клюве, а ты где-то за бугром болтаешься. Мало тебе было Алтая?

Лучше бы он не вспоминал про Алтай...

— Трогай, Хвощинский, трогай! — Юренив даже постанывал от нетерпения.

Я невольно усмехнулся. Юренив сразу расцвел:

— До дна!

И зарычал, заглотив свою долю:

— Бабилон!

Его любимая приговорка...

— Спирт на орешках. Сильно? — объяснил он и широкой ладонью прижал к голове топорщащиеся седые кудри. — Я этой настойкой Роджера Гомеса поднимаю на ноги. А он колумбиец, у них там мафия, — Юренив изумленно моргнул. — От похмелья иногда можно избавиться.

— От трезвости тоже.

— Ты прав! — Он восхищенно моргнул, но тут же нахмурился, полез в карман: — Ты напрасно ждешь хороших рецензий, Хвощинский. Не будет тебе хороших рецензий.

Провидец. Номер в гостинице он мог, конечно, снять и вслепую, черт с ним, но откуда ему было знать, что я действительно жду рецензий?

— Книгу читал?

— С ума сошел! Время тратить. — Юренив рылся в карманах своего измятого пиджака. — Где зажигалка? Я твои романы и раньше читать не мог. — Это он врал, набивая себе

цену, к чему-то меня готовил. — Где зажигалка?.. В буфете оставил!.. Роджер подарил, а я оставил. У них там, в Колумбии, мафия. Спички где? — рывкнул он на меня. — Тебе платят за твои романы? Где спички?

Он обхлопал карманы, заглянул зачем-то под стол, перевернул серый пакет, так и валявшийся на тумбочке. От толчка дверца тумбочки распахнулась, и Юренив узрел припрятанную там бутылку «Тбилиси».

— Ну вот! — восхищенно выдохнул он, будто искал именно бутылку. И выставил ее на стол. — К такому коньяку... — он жадно потянул носом. — Лимончик! — Он даже огляделся, будто пытаюсь понять, где я прячу лимон. — А хороших рецензий не жди. Будут тебе рецензии, Хвоцинский, но лучше бы их и не было!

— Ты еще не академик?

Он вдруг заколыхался, как спрут:

— Академик? Зачем? Спички где? — спички явно интересовали его больше, чем ученые звания. — Ну, Бабилон. Писатель без спичек!

Он нашел пустую коробку и разочарованно раздавил ее в огромной ладони.

Скорее машинально, я тоже полез в карман, но там ничего, конечно, не оказалось. Лишь в нагрудном пальцы мне обожгла копейка.

— Нет спичек. Кончились.

— Бабилон! — мое сообщение изумило Юренива. — Ты же толстые романы печатаешь.

— Оплачивают их не спичками.

— Да ну? — он пораженно уставился на меня, он не мог этому поверить, он меня жалел: — В буфете надо было стащить. Были в буфете спички.

— Что за страсть хапать чужое?

— Чужое? Какое чужое? Нет ничего чужого, Хвоцинский.

— А что есть?

— Неупорядоченное множество случайностей, — он изумленно моргнул. — Ни больше, ни меньше. Так что, лавируй, не то жизнь уйдет.

Я снова сунул пальцы в нагрудный кармашек.

Копейку, что так обожгла меня, вручил мне два года назад Юренев. Правда, уже не на Алтае, а в Городке. И даже не в Городке, а на железнодорожном вокзале. Я уезжал один, ночью, я никого не хотел видеть, ни Ию, ни Козмина, ни Юренева, но именно Юренев все-таки отыскал меня на вокзале. Небритый и злой.

— Что? Бежишь?

Я кивнул:

— Бегу.

— Надолго бежишь?

Я кивнул:

— Надолго.

— Тогда катись!

Он выругался и что-то сунул мне в руку.

Копейка...

— За какие заслуги?

— Это ты у Ии спроси.

— У Ии?

— У нее, у нее, придурок.

Интересно, помнил он это?

Я с трудом отмахивался от вдруг всплывшего в памяти: ночь, чужой вокзал... и настоящая грусть... цыганка бормочет рядом... Юренев...

Но ведь он все-таки появился...

— Ну, Бабилон! Где спички?

Глава II

Огонь из ничего

Все это время серый скучный пакет незаметно валялся на тумбочке. Ни я, ни Юренев его просто не замечали. Спирт ли подействовал, а может, ночное смутное состояние, но мы оба впали в болтливость. При этом я искренне презирал себя за беспринципность, что же касается Юренева, то он только все больше распалялся. А небо меж тем светлело, какая-то птаха за окном пискнула, тень мелькнула.

Может, мышь. Они тоже летают.

Юрнев, рыча, снова искал спички, ни к кому, даже к колумбийцу, идти он не хотел. Я, ворочаясь, следя за ним беспокойно, спрашивал. Меня многое интересовало. Со стороны все наши действия могли казаться бессмысленными, но остановиться мы уже не могли.

— Ты исторические романы пишешь, — рычал Юрнев. — Где спички?

— Мне Андрей Михайлович всегда говорил, ты плохо кончишь, — отругивался я. — Я звоню, а мне дают какой-то дурацкий телефон. Ноль шесть, ноль шесть. Зачем мне твой телефон?

— Я этих спичек могу припереть хоть ящик. Зажигалку оставил. Всех перебуду!

— Мне-то что, меня ты уже разбудил. Я из-за тебя никому не могу дозвониться.

— Зато ты у Козмина вечно ходил в любимчиках? Ынки! — рычал Юрнев.

«В любимчиках...» Может, мне показалось, скорее всего, показалось, но в мощном рыке Юрнева вдруг прозвучала какая-то странная нота, будто в мощном многоголосье я нечаянно тронул не ту струну.

— Ты международные конференции проводишь, — лениво отругивался я. — Толстомордый швейцар трепещет при одном твоём виде. Вот говоришь по-чукотски. Почему по-чукотски? Договор подписал с чукчами? Совместная тема?

Я ничуть не боялся обидеть Юрнева, мне даже хотелось его обидеть, но слова от Юрнева отскакивали как от скалы. Он гудел как динамо-машина, он раздувал грудь. «Оля была здесь».

— Гошу помнишь? Поротова помнишь? — рычал он, обнажая на удивление ровные зубы. — Вот Гоше будут рецензии, он никого своими книгами не задевает.

Измученно моргнув, Юрнев вдруг повел нараспев, явно подражая голосу неизвестного мне Гоши Поротова:

— «Только снова заалет зорька на востоке, раздаются крики уток на речной протоке: ахама, хама, хама, ик, ик, ик!» С ума сойти, Хвоцинский, как хорошо! А ты Гошу не помнишь. У него, помню, зажигалка была, такая — из охотничьего патрона.

Я перебивал Юренева:

— Куда ни позвоню, везде ноль шесть, ноль шесть. Это что, телефон доверия? Я трубку теперь боюсь брать в руки.

Юренив торжествовал:

— Ахама, хама, хама!

Я пытал:

— Где Андрей Михайлович, где членкор Козмин-Екунин? Почему ни до кого нельзя дозвониться?

Юренив не слышал меня, раздувал грудь изумленно:

— «Захватив ружьишко, Ое с песней мчится к речке. Вы сейчас, певуны— утки, будете все в печке. Ахама, хама, хама, ик, ик!»

Я пытал:

— Где Андрей Михайлович?..

Как ни странно, лет десять назад с Юренивым свел меня именно Козмин-Екунин. До того я много слышал о небольшом закрытом институте, вроде как бы даже и не существующем, в каких-то домах я даже пересекался с самим Козминым, но до настоящих разговоров с закрытым членом—корреспондентом АН СССР дело как-то не доходило. А я тогда был в ударе: рукопись романа складывалась. Написав с утра две— три странички, я натягивал спортивный костюм и бежал к Зырянке. Улица спускалась в овраг, по узкой тропинке можно было выбраться на луг, к живописной искусственной горке. Бегай хоть час, никого не встретишь. Но однажды, после дождя, шлепая по отсыревшей траве, я чуть не сбил с ног Кузмина-Екунина.

Выглядел член-корреспондент весьма необычно.

Тяжелый брезентовый плащ чуть ли не до земли, болотные резиновые сапоги, на голове серый подшлемник танкиста. На груди, на плечах подвесные карманы, за спиной плоский, но, кажется, увесистый рюкзак, и три антенны, устремленные в небо. Какие—то датчики были закреплены даже на дужках очков. Не человек, а робот. Я оторопел от неожиданности.

— Простите, — Козмин-Екунин всегда отличался вежливостью. — Вам сегодня не надо туда бежать. — Он ткнул рукой в сторону искусственной горки. — Вы ведь туда бежите?

Я кивнул:

— Туда.

И спросил:

— Почему не надо?

— Вы же правой рукой работаете? — склонив голову к плечу, Козмин-Екунин к чему-то прислушивался, может, к невидимым наушникам. — Я имею в виду пишущую машинку. Вы ведь работаете правой рукой?

Я кивнул.

К своему стыду, я так и не научился работать на машинке всеми пальцами.

— Не надо вам сегодня туда бежать,— повторил Козмин-Екунин, все так же к чему-то прислушиваясь. — День нынче такой. Вы руку сломаете.

— Правую? — тупо уточнил я.

Он вежливо кивнул:

— Правую.

— Но я не понимаю...

— И не надо пока, — Козмин-Екунин оценивающе улыбнулся. — Представьте, сегодня день такой. Именно для вас такой.

И предупредил:

— Мне можно верить.

И вежливо предложил:

— Давайте вместе пойдем.

— Куда? К горке?

— Нет, к дому. Я, кстати, давно хотел поговорить с вами.

Мне вашу книгу давали...

Странный разговор. Я его потом записал. О человеческой судьбе, о книгах, о таинстве сюжета, о необратимых играх, ведущих только к проигрышу... Есть что-то величественное в том, что мы всегда уходим, а мир всегда остается... Об экспериментах, требующих непредвзятых умов... Кончил Козмин-Екунин несколько неожиданно: в ближайшие годы их институт планирует несколько выездов в поле. Хотите побывать на Алтае? Все же рериховские места, там красиво, там даже дышится иначе. И команда у нас неплохая: Ия Теличкина, Юренев.

Я хотел.

И не спрашивал ни о странном наряде Козмина-Екунина, ни об этом довольно неожиданным интересе к моей особе (думаю, книга была предлогом), но поехать на Алтай согласился.

Впрочем, это случилось не сразу. Просто я тогда вошел в круг ближайших помощников Козмина.

— Ахама, хама, хама, — бормотал Юренив, ворочаясь в кресле. — Придурки. Спичек у них нет.

Он сунул сигарету в толстые губы.

Я замер.

С Юренивым что-то происходило.

Он так побледнел, будто в лицо ему плеснули поташом, зрачки под полузакрывшимися веками странно расширились. По-моему, Юренив не видел меня. Он шумно втягивал воздух, он явно к чему-то там такому странному приноравливался, и меня внезапно обдало мерзким ледяным холодком.

Ветер дохнул в окно? Да нет, вряд ли. За окном не дрогнула ни одна веточка, а инверсионный след, оставленный в раннем утреннем небе одиноким реактивным самолетом, казался таким нежным и нематериальным, что в его петле, как мог бы выразиться Юренив, и ангел бы не удавился.

Вдруг яркая звездочка вспыхнула на мгновение перед бледным лицом Юренива. Вспыхнула и тут же исчезла. Но сигарета уже дымилась. Юренив затих и, удовлетворенно сопя, выпустил изо рта клуб дыма.

— Как это у тебя получилось?

Я разозлился:

— Спички тебе! Показывай буфетчицам свои фокусы!

Впрочем, с возмущением я, пожалуй, несколько запоздал.

Гостиница уже просыпалась: обыденные шумы, обыденные звяканье, шарканье, наконец, вечное гудение водопроводных труб.

В дверь постучали.

— Да, — ответил я недовольно.

Два крепких молодых человека заглянули в дверь. Они даже не поздоровались, хотя и входить не стали.

— Юрий Сергеевич, вам пора. Юрий Сергеевич, мы за вами.

Они *знали*, что Юренев находится у меня. Они все это время *знали*.

Ни на кого не обращая внимания, все так же удовлетворенно сопя, Юренев докуривал сигарету. Он был размягчен. Он вовсе не выдохся, просто он был размягчен своим странным успехом. Он даже мне не предложил прикурить.

— Ахама, хама, хама, — бормотал он размягчено. — Сейчас поедем.

Это он сказал своим молодым людям. А мне сказал:

— Пока, Хвощинский. Учи чукотский язык. Скоро увидимся.

Глава III **Серый пакет**

А утро уже кипело — июльское, нежное. И к окну не надо было подходить, так нежно пахло листвой. Но Юренев! «Учи чукотский язык! Скоро увидимся!» Все во мне протестовало против этих его слов.

Правда, при этом мне было бы крайне затруднительно объяснить, зачем я собственно сюда приехал. А ведь зачем-то приехал, зачем-то вышел из вагона здесь, а не в Иркутске, например, не в Благовещенске, и не в Хабаровске. Как мог Юренев знать, что я приеду?

Провидец, подумал я с раздражением.

Проветрив, почистив номер, я принял душ. Впрочем, какое-то равновесие все равно было нарушено. Неприятнее всего подействовал на меня фокус, проделанный Юреневым с сигаретой. С рецензиями ладно, не так уж трудно понять, что писатель, только что выпустивший большую книгу, итог многих лет, не может не интересоваться отношением к ней коллег и читателей. Но заранее снятый номер, эти странные телефонные отсылки...

НУС, решил я. Это НУС.

И Козмин, и Юренев, и Ия, все они всегда гордились созданием своих рук — сверхмощной, перерабатывающей

любую информацию, системой. К пресловутому Нусу Анаксагора НУС, понятно, не имела никакого отношения. Нус Анаксагора — это существо, даже не существо, конечно, а некое естественное организующее начало, без которого невозможны серьезные логические построения, а НУС Козмина-Екунина — всего лишь машина. По крайней мере, я считал так, а большего мне не объясняли. Никто на земле не знает того, что знает все общество в целом, а вот НУС может знать. Она может знать даже нечто более значительное: например, то, о чем не догадываются специалисты, то, что не может быть объяснено действием никаких природных сил. Юренив всегда был склонен к подобным вещам, отсюда и его провидческие способности.

Почему я так раздражен?

Это сны, подумал я. Сны, отнимающие у меня силы.

Опять придет ночь, я усну, и опять, в который раз, буду выдираться из убивающих снов. Но думать об этом не хотелось. Хотелось кофе.

Терпеть не могу дежурных, швейцаров, горничных, но я переборол себя, взялся за телефон.

— Кипятку? Вам? — удивилась дежурная по этажу. — Вы хотите сделать кофе? Сами?

— Что ж тут такого?

— Может, лучше принести готовый кофе?

— Пожалуй, лучше, — решил я, вовремя вспомнив предупреждение рыжей администраторши.

На положении иностранца... Я ведь нахожусь тут на положении иностранца... Такое можно услышать только у нас. Но в кофе дежурной по этажу я не верил. Какая-нибудь гостиничная бурда из растворимых и нерастворимых остатков...

В дверь постучали.

Так быстро?

Дежурная оказалась пожилой, сухонькой. Я видел ее ночью, она тоже пряталась за спиной Юренива.

— Вот кофе, — сказала она, осматриваясь так, будто хотела застать в номере еще кого-то.

Я принял поднос. Сахар, печенье, лимон, которого так недоставало ночью Юрениву.

— И часто у вас селят гостей на положении иностранцев? — усмехнулся я.

— Ну что вы, — виновато сказала дежурная. — На моей памяти вы второй, а я здесь семь лет работаю.

— Кто же был первым?

— Да так... Один тут... Вроде вас... — дежурная смутилась. — Только нам не положено интересоваться.

— Ну да, не положено, — кивнул я. — А почему вы не идете домой? Дежурство, кажется, заканчивается утром?

— Да жду я, — вздохнула дежурная и испуганно оглянулась. — Вот жду.

— Чего? — удивился я.

— Мне к обеду надо быть в больнице, а я в Бердске живу. Это что же, ехать домой и сразу обратно?

— Простите, я не знал... — Кофе она сварила отменный. — Болеет кто-нибудь?

— Да дед у меня... — произнесла она беспомощно. — Дед у меня отморозил пальцы.

Дедом она называла мужа, это я понял. Но что-то он там залежался в больнице: июль на дворе. На всякий случай, я поддержал дежурную: зимы у нас суровые, я, помню, в детстве приморозил пальцы на ноге, до сих пор ноют на холод. Помните, небось, какую обувь таскали после войны?

Дежурная кивнула:

— Помню...

Получилось у нее жалостливо. Она явно искала утешения. Может, и с кофе потому так ко мне спешила.

— Я утром звоню домой. Я всегда утром звоню, у нас телефон у соседки. Веранды рядом, крикни, дед сразу слышит. А тут говорит мне: нет деда, увезли деда. Куда, говорю, увезли! А в больницу. У меня аж сердце захолонуло. Что, кричу, сердце? Да нет, говорит, ты успокойся. Просто деда к хирургу свезли, пальцы он на руках поморозил. Ты после дежурства беги в больницу, там недалеко, сама поспрашиваешь, узнаешь. Видишь, вот как оно.

— Не понимаю, — сказал я, отставляя пустую чашку. — Когда ваш дед отморозил пальцы?

— Утром, — дежурная скорбно опустила глаза. — Я же говорю, звоню утром соседке, у нас веранды рядом.

— Что значит утром? Сегодня утром?

— Ага, — в усталых глазах дежурной таилось непонимание, беззащитность, испуг. — Я звоню, а соседка: ты успокойся, дескать, пальцы он поморозил...

— Он на морозильной установке работает?

— Да ну вас, — отмахнулась дежурная испуганно. — Я и не слышала про такую. Он у меня баньку топит по средам, всегда почему—то по средам. Сколько раз говорила, топи как люди, по субботам топи. А он любит по средам, такой у него день. И греется. Заляжет на полке и греется. И зимой греется, и летом, ему все равно. И вчера так лег, а утром, нате вам, отвезли к хирургу.

— Может, сломал руку? Не отморозил.

— Да ну вас. Я тоже так думала.

— Ну, не сломал, обжег. Или ошпарил там. В баньке—то.

— Да отморозил. Говорят, отморозил. Я до хирурга дозвонилась, отморозил. Оттяпают теперь пальцы.

— Так уж сразу оттяпают?

— А чего? — возразила дежурная с каким-то непонятным мне вызовом. — Хирург сам сказал, будет резать пальцы.

Я не знал, как ее успокоить. Врачам виднее, в конце концов.

Конечно, виднее, она не спорит.

Дежурная разгорячилась.

Дед у нее смирный, пенсии радуется, почти не пьет. Она подозрительно повела носом, но бутылки я предусмотрительно спрятал. Истопит баньку, погрееется. Ей, наверное, давно хотелось выговориться. Жил и жил, век так живи, только вот эти письма...

— Какие письма?

— Ну да, вы же не знаете, — виновато потупилась дежурная, — дед вдруг письма стал получать. Много писем.

— От родственников?

— Да где у него столько? — дежурная быстро оглянулась на дверь и подошла поближе. — Я тоже сперва подумала — от родственников. А там каждый день штук по десять, даже из Вашингтона. Откуда у него в Вашингтоне родственники?

— По десять? Из Вашингтона?

— Ага. Я соседей стала стесняться. Говорила сперва, мол дальние дядьки отыскались у деда. А какие там дядьки? То баба пишет, вместе, мол, жили, зачем забыл? То мужик какой-то, ссылается, на Вятке шли по одному делу. А из Вашингтона который, тот непонятно, не по— нашему, но тоже, чувствуется, с обидой. Все с обидой, с жалобой, с просьбами, — дежурная смотрела на меня круглыми желтыми глазами. — У одного дом сгорел, другой судится, третья денег просит, зачем, мол, забыл? А я деда знаю, он всю жизнь у меня под боком, да и что мы кому отправим — у деда всего-то пенсия, а я дежурю. В Вашингтон, наверное, и не отправишь? — спросила она неожиданно. — Хоть по миру иди, что отправишь? Хорошо я Юрию Сергеевичу пожаловалась. Тоже, родственники!.. Он сказал: разберемся, и разобрался, видать, никто больше не пишет. Дядька был настоящий в Казани и тот перестал писать. Вот как! А тут такое, пальцы на руках поморозил... — она опасливо перекрестилась. — Небожь, весь Бердск уже знает.

— Разобраться надо, — хмуро кивнул я. — Но вы сперва все-таки сходите к хирургу.

— Вот я и собираюсь.

— А пакет вы принесли? — кивнул я. Мне хотелось отвлечь дежурную от печальных мыслей. — Я проснулся, а под дверью пакет.

— Какой пакет?

— А вон...

— Да нет. Я не приносила. Это, может, программа. Вы ведь к Юрию Сергеевичу приехали?

— В некотором смысле.

Дежурная вздохнула. Но женщина она оказалась отзывчивая, сварила еще чашку кофе, даже принесла спички. И ушла, наконец.

Я закурил и устроился в кресле.

Я почти не спал, голова после встречи с Юрневым была тугая. Бездумно я обратил взор горе и увидел под самым потолком паучка. Паутинка была совсем прозрачная, казалось, паучок карабкается прямо по воздуху. Ему хорошо. У него не было моих загадок. Зачем я, собственно, приехал? Что

меня пригнало сюда? Мог себе трястись в поезде, добраться до Благовещенска, у Светки Борзуновой выходит книга. В Хабаровске Тимка Скукин. Это у него фамилия такая, а вообще— то с ним не соскучишься. Но ведь приехал, чего виниться задним числом? Я виноват, что они все тут чокнутые? Или это я чокнутый?

Без всякого интереса я дотянулся, наконец, до серого пакета и вскрыл его.

Фотографии. Три штуки.

Я всмотрелся. Непонятно, знакомо как-то.

Пятиэтажный большой дом фасадом на знакомый проспект.

Сосны с обломанными ветками. Ветром их обломало? Битый бетон на продавленном асфальте, в стене дома на уровне четвертого этажа дыра, будто изнутри выдавили панель...

Недурно там, видно, грохнуло.

Я отчетливо видел отвратительно обнаженную квартиру — перевернутое кресло, завернутый край ковра, битое стекло стеллажей.

С ума сойти, я узнал квартиру!

Конечно... Кресло столь редкого в наши дни зеленого рытого бархата... Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре... Как он не сорвался со стены? Письменный стол. Книги, книги. Среди них должны быть и мои.

Ну да, я смотрел на вещи Юренева.

Сосны с обломанными ветками. Чудовищная дыра в стене.

Зацепившись за что-то, чуть не до второго этажа свисал из дыры алый длинный шарф. Что это значит? И если в квартире произошел взрыв, почему там ничего не сгорело? Хотя какая-то дымка там угадывалась. Несомненно, дымка. Она даже несколько смазывала изображение, но вряд ли это был настоящий дым.

Странно. Я взглянул на вторую фотографию. И оторопел.

Все та же дымка. Лестничная площадка, запорошенная мелкой кирпичной пылью. И Юренев. Он безжизненно лежал на голом полу, вцепившись все еще мощной рукой в стойку металлического ограждения. И маечка на нем была та же. Не маечка, а футболка со степным пейзажем. Я знал, что на ней написано: «Оля была здесь».

Какая, к черту, Оля! Я бросился к телефону.

Час назад Юренев сидел передо мной, жрал коньяк, цитировал неизвестного мне Гошу Поротова и наказывал учить чукотский язык. Что могло случиться за это время? И ведь пакет уже тогда лежал здесь!

Номер мне вдолбили в голову навечно. Ноль шесть, ноль шесть. Не хочешь, а запомнишь.

Длинные гудки.

Черт, может, он впрямь валяется там на голом полу? Когда это могло произойти?

Меня вновь пробрало морозом. Длинные гудки.

Их просто не может существовать — таких фотографий. Но кому нужна такая подделка? Юреневу?

Длинные гудки. Куда еще позвонить? Ие? Козмину? Но ведь меня просто отошлют к номеру ноль шесть, ноль шесть. Я готов был положить трубку, когда Юренев откликнулся, достаточно, кстати, раздраженно:

— Ну что там еще?

— Ты дома?

— А где мне быть? — он обалдел от моей наглости. — Ты меня всю ночь спаивал, могу я час отдохнуть?

Теперь я обалдел:

— Это я тебя спаивал?

— Ты, ты! Свидетели есть, всегда подтвердят. Полгостиницы подтвердит, — он, кажется, не шутил. — У тебя моя бутылка осталась.

Я положил трубку. За Юренева можно было не бояться.

Но фотографии... Я, наконец, взглянул на третью, последнюю.

Заросший травой овраг, зеленые, политые солнцем склоны. Две мощных трубы метрах в семи над землей, покрытые деревянной лестницей с выщербленными разбитыми ступенями лестницей, таинственно уходящей вверх, в белизну смыкающихся берез, а возле ручья — сухая бесформенная коряга.

Я знал это место. Я не раз бывал в этом овраге.

Сейчас, на фотографии, сидел на бесформенной коряге тоже я, только это все равно не могло быть правдой. Я любил это место и в свое время часто туда ходил, но один, без

Ии. Уж тем более мы никогда там с Ией не целовались. На Алтае — да. На Алтае мы рассыпали поцелуи по огромной территории, но то был Алтай, а здесь мы не целовались.

Подделка? Кому и зачем нужны такие подделки?

Глава IV

Купить штопор

Я еще раз тщательно просмотрел фотографии.

Чудовищная, зловеще зияющая в стене дыра... Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре... У Юренева никогда не было семьи, он был слишком занят для этого, картину ему подарил Саша Шуриц, художник умный и тонкий. Без всякого намека, кстати, подарил, просто так, по дружбе. Зеленое кресло, крытое редким зеленым рытым бархатом, завернутый угол ковра, алый, провисший как вымпел, шарф, трещиной расчертивший стену. Наконец, Юренив, безжизненно застывший на голом полу задымленной лестничной площадки.

Ну, ладно... Ну, пусть... Но Ия Теличкина! Почему она? И почему овраг?

Целующимися нас можно было снять только на Алтае. Только на Алтае, нигде больше. Когда я уезжал, Ия через Юренева передала мне копейку, возможно, именно в такую сумму оценила она все наши прежние отношения. Вполне возможно. С нее станется. Но в овраге мы с ней не целовались, не могли мы там целоваться, мы и вместе там никогда не были.

А на Алтай я ездил с отрядом Юренева.

Конечно, я не входил в состав официальных сотрудников института, но Козмин-Екунин добился своего: я действительно ездил на Алтай. Не знаю, зачем это понадобилось старику, но я ездил. И как можно было не поехать, если в тот же отряд входила Ия.

Три водителя, Ия Теличкина, Юренив, я. Газик и два трехосных ЗИЛа с жесткими металлическими фургонами. В этих ЗИЛах была смонтирована специальная аппаратура. Собственно, это была некая самостоятельная, вполне автоном-

ная часть большой НУС. Смонтированная на колесах, она могла вести самый широкий поиск, — так объяснил Юренев.

— Поиск чего?

— Плазмоидов, — Юренев никогда не снисходил до подробностей. — Неких аналогов НЛО, если хочешь. Тех самых плазмоидов, которые, по некоторым гипотезам, постоянно врываются в земную атмосферу из околосолнечного пространства.

Если Юренев и врал, то вдохновенно.

— Если хочешь подробностей, поищи книгу Дмитриева и Журавлева «Тунгусский феномен — вид солнечноземных взаимосвязей». Издательство «Наука», восемьдесят четвертый год. Почитай, полистай — скучно не будет.

Не знаю, как там вообще обстоит дело с плазмоидами, но поиск их велся довольно странно. Антенны НУС действительно торчали в небо, но бесчисленными датчиками были забиты все окрестности лагеря. При такой их плотности плазмоиды следовало скорее ожидать из земных недр, а не из космоса. Поставив однажды ЗИЛы буквой Г, Юренев уже никому не позволял заглядывать в фургоны. Даже Ие. Глухое урочище, ни аила вблизи, ни городского поселка. Труднее всех переносили вынужденную изоляцию (никаких гостей! никаких поездок! никаких отлучек!) водители ЗИЛов. Круглые сутки они резались в карты или играли с Юреневым в чику, я не раз заставлял их за этим странным занятием. Впрочем, задание, данное мне и Ие, выглядело не менее странным: я должен был купить штопор.

Штопор Юренев высмотрел еще в прошлом году, подыскивая место для будущего лагеря. Есть такое место в степи — Кош-Агач. Последнее дерево, конец света.

Голая каменная степь, злобное сухое солнце, ветхие жерди над руинами древних могильников.

На горячих камнях, приспустив крылья, как черные шали, всегда восседали мрачные одинокие орлы. Пахло каменной крошкой, справа и слева кроваво нависали осыпи, насыщенные киноварью.

Купить штопор...

Газик послушно проскакивал мост через реку Чаган-Узун и устремлялся к далекому неровному силуэту Северо-Чуйского хребта. Если подняться на две тысячи метров, задохнешься от медового запаха эдельвейсов. Поляна за поляной тянулись пространства мохнато серебриющиеся от цветов. Но мы редко поднимались в горы. Чаще всего газик летел по выжженной каменистой степи волоча за собой бурый шлейф пыли. Стремительно выкатив на единственную скушную улочку Кош-Агача, шофер Саша, плечистый, румяный, обтянутый армейской гимнастеркой, тормозил у лавки древностей.

Забытая богом комиссия. Самый обыкновенный скучный домишко, полный тишины, пыли, забвения. Лавкой древностей комиссия назвал я.

Румяный Саша, не скрывая алчности, прямо с порога бросался к белому, как айсберг, холодильнику:

— Беру!

Еще бы не брать, цена — 50 руб.

Ничтожная цена по тем временам.

Румяный Саша тянул на себя дверцу и чертыхался: агрегат холодильника был варварски вырван.

Цветной телевизор, цена — 30 руб.

— Беру!

То же чертыханье: кинескоп украшен отчетливой трещиной.

Все в этой лавке древностей было ущербным, все вещи попали сюда после неких таинственных, но ужасных катастроф. Даже на брезентовом цветке отталкивающего серого цвета (цена — 1 руб.), не хватало пыльного грязного лепестка. Велосипед без колес и цепи. Мотки прогнившей, разваливающейся в руках бечевки. Мятые, уже попадавшие под удары каски монтажников. Зеркала с облезшей амальгамой. Забавно, но даже козел, бродивший перед лавкой древностей, выглядел абсолютно доисторическим животным. Его возраст, несомненно, превышал возраст века.

— Я его боюсь, у него рога в плесени, — пряталась за меня Ия. — Как ты думаешь, сколько ему лет?

— Миллионов тридцать.

— Не преувеличивай.

Услышав голоса, козел останавливался и мутно, непонимающе, смотрел на нас. Желтые шорты Ии вводили козла в старческое искушение.

«Он хочет тебя», — предупреждал я Ию.

«Отгони его!» — Ия пряталась за меня или за румяного Сашу.

«Зачем? Лучше поддержи козла за бороду. Это приведет его в чувство».

«Я боюсь».

Замечательно быть молодым, сильным, смелым.

Я хлопал дверцей газика, отпугивал доисторического козла и вел Ию в лавку древностей.

Медлительная, на редкость длинноногая алтайка с роскошными раскосыми глазами поднималась из-за стойки. Ее не интересовали наши покупательные способности, ее интересовали мы. Ее интересовала смеющаяся Ия в желтых шортах и в маечке, ее голубые, даже синие вдруг глаза, ее интересовал румяный Саша в армейской гимнастерке и в закатанных до колен джинсах, ее, наконец, интересовал я, высокий человек в яркой рубашке, расстегнутой до пояса. «Тухтур-бухтур!» — бормотал шофер Саша, исследуя очередную искалеченную неизвестной катастрофой вещь, но алтайка его не слышала. Мы были для нее людьми из совсем другого мира. Мы врывались в ее пыльный тихий мирок из знойного марева, из поддрагивающего воздуха степей, мы выглядели совсем не так, как она, мы говорили совсем не так, как она, и походка у нас была другая. Глазами медлительной длинноногой алтайки на нас взирала сама вечность. Это Юренив мог посмеиваться: «Вечность? Оставьте! Ваша красавица просидит в своей лавке до первого приличного ревизора. С ним она и сбежит. Вот и вся вечность».

Я подходил к стойке, не замечая металлических заржавевших корыт, измятых, разрушенных велосипедов.

Моей целью, целью всех наших нашествий на Кош-Агач, был чудный штопор — огромный, покрытый ржавчиной, насаженный на такую же огромную неструганую рукоятку.

Я не знал, что, собственно, можно было открывать таким штопором, существуют ли бутылки с такими нестандартными горлышками? — но цена штопора приводила меня в трепет.

0,1 коп! Я вынимал из кармана копейку, небрежно бросал ее на пыльную стойку и, указывая на штопор, требовал:
— На все!

Алтайка медленно пожимала красивым круглым плечом. Она, несомненно, сочувствовала мне. Я был из другого мира, я многого не понимал. Штопор один, объясняла алтайка сочувственно. Других таких нет. И копейка одна. А цена штопора — 0,1 коп. У нее, у алтайки, нет сдачи. Будь у нее другие штопоры, она выдала бы мне сразу десять штук, но штопор всего один. Она не может продать штопор, у нее нет сдачи.

— Давайте без сдачи, — барски заявлял я.

Алтайка сочувственно улыбалась. Она так не может. Это противоречит советским законам. Она работает в лавке пятый год. Она еще ни разу не нарушала советские законы.

— Вот пятьдесят рублей, — я бросал бумажку на стойку. — Мы возьмем телевизор, брезентовый цветок и штопор. — Я проникновенно понижал голос: — Остальное вам на цветы. Личный подарок.

Алтайка медлительно подсчитывала: неработающий телевизор — 30 руб, нелепый брезентовый цветок — 1 руб, штопор с неструганной рукоятью — 0,1 коп. Всего получилось тридцать один рубль ноль десятых копейки. Цветов здесь негде купить, она никогда не принимает подарки от незнакомых мужчин. К тому же это запрещено законом.

На меня смотрела сама вечность. И эта вечность медлительно разводила руками: у нее нет сдачи. Думаю, наш торг впечатлял больше, чем внезапное появление НЛЮ или взрыв плазмоида.

— Не надо сдачи, — проникновенно убеждал я алтайку. — Мы хорошо зарабатываем, нам не надо сдачи. Понимаете? Совсем не надо!

Она не может. Она работает в лавке пять лет, ее пока что никто не упрекал в нечестности. Если вещь стоит 0,1 коп,

она может продать эту вещь только по обозначенной пре-йскурантом цене.

— Где я возьму вам одну десятую копейки? — не выдерживал я.

Алтайка медлительно пожимала плечами. У нее были круглые красивые плечи, я невольно завидовал будущему приличному ревизору. Она не знает, где мне взять монетку достоинством в 0,1 коп. Но закон есть закон. И медлительно советовала: может, вы обратитесь в банк? Ближайший банк находится в Горно—Алтайске. А если и в банке не найдется таких монеток, медлительно советовала алтайка, тогда, наверное, надо ждать.

— Чего?

— Может, поднимут цены.

Я шалел:

— Цены? На это?

И обводил рукой умирающие пыльные вещи.

Алтайка сочувствовала мне:

— На это.

— Ладно, — говорил я, пытаюсь успокоиться, чувствуя на себе смеющийся взгляд Ии. — Дайте мне тряпку, я сам смахну пыль со стойки. Хотите, мы запаяем вам дырявые тазы? Хотите, мы починим вам телевизор? Согласитесь, такая работа стоит 0,1 коп!

Алтайка медлительно кивала. Конечно. Такая работа стоит больше, чем 0,1 коп. Такая работа стоит гораздо больше, но у нее нет права найма, она не может заключить с нами трудовой договор.

— Хорошо, — соглашался я. — Давайте сделаем так. Мы возьмем у вас велосипед, телевизор, холодильник, мы возьмем даже ваш нелепый, ваш ужасный брезентовый цветок, а вам взамен подарим ящик свиной тушенки. Мы возьмем все, что вы нам предложите, но только вместе со штопором. А с вами рассчитаемся тушенкой. Прямая выгода, — утверждал я. — Всем выгода. Вам, мне, государству.

— Как можно? — медленно покачивала головой алтайка.

— Хорошо, — предлагал я уже в отчаянии. — Пусть это все сгорит. Пусть случится самый обыкновенный пожар.

Они всегда тут случаются. Мы оплатим все убытки, только отдайте нам этот штопор. В конце концов, он и вправду может сгореть, — злился я. — Его и украсть могут!

— Как можно? — осуждающе покачивала головой алтайка. Закон есть закон. Жить следует по закону. Она уже пять лет работает в лавке, она еще ни разу не нарушала законы.

Цветная мысль: увидеть Кош-Агач и умереть. Там все клонито к покою. Там все было заранее предрешено. Там и сейчас штопор лежит на стойке.

Бабилон.

Торг, как всегда, кончался ничем.

Мы выходили на пыльное крылечко.

В эмалированном тазу, продравшись сквозь сухую землю, бледно и вызывающе цвел кустик картофеля. Забившись в тень, дремал беззубый плешивый пес, тоже, наверное, перенесший неведомую катастрофу. Увидев Ию, из-за печальных построек медлительно появлялся козел.

— Я боюсь, — пугалась Ия. — У него рога заплесневели.

— Тухтур-бухтур! — весело ругался румяный Саша, лез в газик, жал на стартер.

— Твое задание невыполнимо, — пенял я Юрениву в лагере.

— Невыполнимых заданий не существует, — Юренив изумленно моргал. — Я сказал тебе: купи штопор. Я предоставил тебе все возможности. Этот штопор мне нужен. Купи его.

— Зачем тебе это уродство?

— Для дела.

— Я сам сделаю тебе такой. Даже еще страшнее. И продам по еще более сходной цене — 0,01 коп.

— Мне нужен именно этот.

Степь...

Злое солнце...

Локоть Ии, упирающийся мне в бок...

Мрачные орлы в поднебесье и на обожженных камнях...

Бабилон.

Почему так грустно вспоминать это?

Глава V
«Убери! Я их не видел!»

Редакция газеты находилась, как прежде, на углу Обводной. Я поднялся мимо вахтера, он не узнал меня. Зато ребята набежали из всех отделов. Всегда любопытно взглянуть на живого писателя, особенно если когда-то немало времени он провел в знакомых тебе стенах. Особенно обрадовался фотокор Славка:

— У тебя роман — во, Хвощинский!

Он нисколько он не повзрослел — из белого воротника все так же, как два года назад, тянулась тонкая, почти детская беззащитная шея, в глазах мерцало вечное удивление.

От ребят я отбилась, пообещав в ближайшее время зайти, а сейчас сразу потащил Славку в его фотобудку.

Славка, несомненно, почувствовал себя польщенным. Я этим грубо воспользовался:

— Вот скажи. Можно сработать фотографию так, чтобы человек, которому нет еще и сорока, выглядел на ней на все семьдесят? По-настоящему сработать, так сказать, вынуть эту фотографию из будущего.

— Запросто, — несмотря на свой детский вид, Славка был и остался мастером.

— Как?

Славка засмеялся:

— А просто. Здесь даже НУС не нужна. Хватит нормального компьютера с хорошей памятью, умеющего строить математические модели. В данном случае, модели возрастных изменений. Полсотни параметров вполне хватит, — Славка оценивающе глянул на меня при свете красного фонаря, а сам уже возился над ванночкой, цепляя там что-то плоским пинцетом. — Накладывай картинку за картинкой на фотопортрет и получай свои семьдесят!

— Ну, а сфотографировать событие, которое еще не произошло, можно?

— Это как?

— Ну, скажем, завтра мы с компанией собираемся отправиться на пикник, а ты мне вдруг показываешь уже

снятые на этом пикнике фотографии. Ну там, полянка, шашлыки, рожи навеселе...

— Да ну тебя, — польщено отмахнулся Славка. — Ты придумаешь!

И спросил:

— Роман фантастический задумал? Я люблю фантастику.

— Не до фантастики, — теперь отмахнулся я. — Вот взгляни.

И выложил на стол серый скучный пакет.

При свете красного фонаря фотографии показались мне темными и какими— то особенно зловещими. Даже та, на которой я целовался с Ией.

— Убери, — быстро сказал Славка, оглядываясь. — Я их не видел.

— Я сам увидел их только сегодня, — не понял я.

Славка неприятно ощерился:

— Совсем убери. Не хочу их видеть. Я тут не при чем. Это, наверное, юренивские штучки. Вот и иди к нему.

— Да погоди ты.

Но Славка не хотел годить. Он страшно нервничал:

— Зачем ты их сюда приволок?

— Ты же мастер.

— Слушай, Хвошинский, не надо! То, что делает НУС, никому не повторить. Да и не надо никому повторять то, что делает НУС.

— А это НУС делает?

— Не знаю. Спроси Юренева. Убери. Я ничего не видел.

— Не трясись. Какого черта? Ты присмотришь. Видишь, лежит именно Юренив. Не шибко веселая фотография, правда? Как можно такое сделать? Вот что меня интересует. Или вот дом, стена вынесена. А я только что проходил под этим домом, все там в порядке.

— Я-то тут при чем? Спроси у Юренева.

— А ему откуда знать об этом?

— Не знаю. Он хам, — не очень логично объяснил Славка, жалобно выгибая тонкую шею. — Никаких дел не хочу иметь с ним. Пока старик Козмин не чокнулся, Юренив еще походил на человека, а сейчас...

— Погоди. Что значит чокнулся? Какой Козмин?

— А ты не знаешь? — Славка обалдело уставился на меня. — Андрей Михайлович. Ты что, вообще, ни с кем не переписывался, не перезванивался? Ничего не знаешь? Совсем ничего?

Разговор явно тяготил Славку, даже пугал, но кое-что я из Славки выжал.

С его слов получалось, что год назад что-то сильно грохнуло в институте Козмина. Причем не где-то, а именно в одной из лабораторий НУС. Сильная машина, таких даже японцы не делают. Ну, лично Козмину не повезло, он находился в лаборатории. То ли памяти он целиком лишился, то ли вправду чокнулся, пойдя узнай, к Козмину с того дня на выстрел никого не подпускают. Он, Он, Славка, точно не знает, но Козмин вроде бы безвылазно сидит в своем старом коттедже. И Ия там с ним. Ну, помнишь? Теличкина...

— Такие вот дела... — Славка почему-то даже не смотрел на меня. — А эти фотографии убери.

— Не уберу. И не дергайся. Я наоборот, оставлю здесь эти фотографии.

— Зачем? — по-настоящему испугался Славка.

— Хочу знать, настоящие это фотографии или подделка? А если подделка, как можно подделать такое? Откажешься, сам Юренева сюда притащу.

Это подействовало. Славка неохотно спросил:

— Где взял?

— Под дверь подсунули. В гостинице.

— Прямо так вот подсунули?

— Прямо так.

Я добавил:

— В пакете.

— В этом? — Славка даже обнюхал пакет. — Тоже оставь. В чем-то Славка мне не верил, испуганно гнул тонкую шею:

— И ты ничего не видел, не слышал?

— Я спал.

— Хвошинский, — не шепнул даже, а прошипел вдруг Славка и ткнул пальцем в потолок. — Может, ты выше поднимешься? Там знающие люди. Они обязаны о таком знать.

— Брось, — Славка мне надоел. Мне было его жалко. — Никуда подниматься я не собираюсь, и ты молчок. А вечером загляну, так что ты посмотри, пожалуйста, фотографии.

И вышел из фотобудки.

Славка, наверное, побежал бы за мной, но меня снова окружили ребята.

— С чего ты, Хвощинский, полез в историю? Мы твой роман читали. Диковатые у тебя герои, получишь по шее. Приходи к нам часа на три, вопросов тьма!

Я обещал.

Я прорвался к выходу.

Кой черт меня сюда притащил? Надо было отдать фотографии Юренину, пусть сам разбирается. Вон как виновато гнул Славка тонкую шею при одном только упоминании о Юренине. Чего он боится? Что там произошло с Андреем Михайловичем?

Проспект был почти пуст. Все тут оставалось таким, каким я помнил. Аптека, «Академкнига», красный магазин, газетный киоск. Известно, города за два года не меняются, меняются люди.

— Ахама, хама, хама...

Я вздрогнул. Юренин меня преследует?

Что за вздорная мысль? Юренин даже не видел меня, ожидая, возможно, кого-то, бормотал про себя, перекачивая в толстых губах погасшую сигарету.

Трудно поверить, но выглядел он как с иголки. Свежая светлая рубашка, строгий костюм. Взгляд невидящий, но вовсе не усталый, не скажешь, что человек не спал всю ночь. Лишь в легких припухлостях под глазами таилась некая неопределенная тень.

Я остановился.

Юренин очнулся.

Он меня узнал. Правда, не выразил ни удовольствия, ни восхищения, как это было сегодня ночью. Напротив, тряхнул недовольно седыми кудрями.

— По утрам не звони, — сказал он незнакомым бесцветным голосом. — Не принято мне звонить по утрам.

Он так и сказал: не принято. Это меня взбесило:

— Это мне не указ.
— Да ну? — он нисколько не удивился моей вспышке.
— Почему ты ничего мне не сказал о Козмине?
— А ты спрашивал? — Юренев медленно, нагло, как-то бесцеремонно осмотрел меня. Сандалии, брюки, расстегнутую на груди рубашку — ничто, наверное, не осталось незамеченным. — Ты мою настойку жрал на орешках, потом коньяк. Тебе, кстати, нельзя пить так много, вид у тебя помятый.

Результаты осмотра Юренева явно не удовлетворили. Он продолжал исследовать меня, как афишную тумбу:

- Позвони Козмину сам.
- Я звонил.
- И что? — спросил он без всякого интереса.
- Отправляют к доктору Юреневу.
- Ну и позвонил бы ему.

Я остолбенел:

— Брось издеваться. Что с Андреем Михайловичем?
— Ахама, хама, хама, — Юренев снова погрузился в свои мысли. Потом вздохнул, неопределенно отмахнулся:

— Завтра.
— Что завтра? — не понял я.
— А черт его знает, — Юренев даже объяснений не хотел искать. — Ну, послезавтра. Так удобнее.

— Для кого?
— Для меня, конечно, — он снова очнулся, снова оценивающе, беззастенчиво осмотрел меня. — У тебя плечо не болит?

— С чего ему болеть?
— А оно у тебя немного опущено. Почему? Зачем ты его так держишь? Оно у тебя всегда так опущено? — он явно заинтересовался этим, его глаза ожили, влажно сверкнули. — Я знаю. Это демон на твоём плече топчется. Примостился и топчется. Сколько помню тебя, он всегда на твоём плече топтался.

— Какой еще демон? — он окончательно сбил меня с толку.

— Сократовский, конечно. Какой! Помнишь, Сократ часто ссылался на демона? Как правило, демон сидел на

плече своего хозяина и запрещал ему поступать иначе, как он поступал. Только запрещал, но никогда не возбранял. Только запрещал, понимаешь? Ты тоже у нас всегда этим отличался. Козмин тебя за то и ценил.

Он снова задумался. Даже не задумался, а впал в задумчивость. Было ясно, я его сейчас не интересовал. Он напал на какую—то мысль. Тем же бесцветным, незнакомым мне голосом он спросил:

— Хвощинский, почему люди вранливы? Почему ты вранлив, и Гомес, и буфетчица, и Козин? Ну, ладно, буфетчице торговать надо, ей нельзя без обмана, но зачем вранливость писателям? У нас тут один поэт все ратует за спасение российского генофонда, а сам, во—первых, из тюрок, во—вторых, импотент. Может, вы вранливы потому, что полностью завязаны на прошлое? Врешь, врешь, а это опасно. Когда постоянно врешь, это становится образом мышления. Что вам всем в прошлом, Хвощинский, почему вы не думаете о будущем? Вот ты несколько лет жизни убил на роман о землепроходцах, зачем? Они же вымерли, их давно нет, даже памяти о них не осталось, одни легенды, вранье, а ты еще прибавляешь вранья. Зачем? — Он нехорошо, быстро ухмыльнулся. — А еще ждешь нормальных рецензий. Почему вы не думаете о будущем, Хвощинский? Почему ты сам ничего не напишешь о будущем? — «Чем сидеть, горевать, лучше петь и плясать», так, что ли? Гоша Поротов отличный был человек, но тоже вранлив. «Бубен есть, ноги есть». Неужто этого достаточно? Пиши о будущем, Хвощинский. Когда пишешь о будущем, меньше врешь.

И моргнул изумленно, знакомо, разбужено.

И, махнув рукой, двинулся, не спеша, вниз по проспекту.

Мне даже о фотографиях не захотелось ему сообщать.

Глава VI

Зона

Демон Сократа...

Я спускался по рябиновой аллее к речке, мне хотелось прямо сейчас побывать в знакомом овраге. Не знаю по-

чему, но я хотел побывать там именно сейчас, ни позже, ни раньше.

Демон Сократа...

«Учи чукотский язык».

Юренив нисколько не изменился.

И эта дежурная с ее вздорным рассказом о муже, отморожившем в бане пальцы.

«Пиши о будущем». Чокнутый Козмин. Весь мир вокруг Юренива, как всегда, перевернут с ног на голову.

Демон Сократа...

Какие еще там были?

Ну да, лапласовский. Этот умный, въедливый. По мгновительным скоростям и сегодняшним положениям атомов мог абсолютно точно предсказать все будущие состояния Вселенной. Завидное существо. Провидец.

Затем максвелловский. Этот — тудяга. Работал себе за слоночкой: этот атом впушу, а этот не пушу. Распихивал туда-сюда атомы: здесь тебе вакуум, тут избыточная плотность, здесь тебе холодно, там чудовищный жар. Романтик, в принципе, сократовскому до него далеко.

Я усмехнулся: плечо оттоптанно.

Но, может, Козмин и впрямь ценил меня за мои вечные сомнения: а следует ли это делать? И еще за то, что принятых решений я не менял.

«Завтра...» На Алтае Юренив вел себя столь же бесцеремонно.

Случались дни, когда Юренив срывался. Что-то у него с НУС не ладилось.

Злой, он вылезал из своих фургона и часами сидел над подробными топографическими картами Алтая. Орал на облевившихся шоферов, грубо обрывал Ию. Ия терпела, и мне показывала знаками — терпи. Терпение Ии бесило меня.

Однажды Юренив растолкал меня ночью.

— Что такое?

Лагерь был погружен во тьму, под кухонным тентом при свете одинокой лампочки Ия паковала рюкзак.

— Куда собрались? — я ничего не мог понять. — Опять покупать штопор? Ночью?

Ия улыбнулась: не спрашивай. Юренев забросил в газик палатку, рюкзак, какой-то ящик. Их краткие переговоры были мне непонятны. Координаты, разброс, настройка, выход сигнала. Что случилось? — не понимал я. НЛО где-то приземлился, плазмод ворвался в атмосферу Земли?

— Садись за руль.

— А Саша?

— Пусть спит. Вдвоем управимся, — Юренев был необычно серьезен.

Я оглянулся. Ия незаметно кивнула. Ей я верил. Я кивнул Ие ответно и повеселел. Если мы впрямь наткнемся на летающую тарелку, я передам ей привет от Ии Теличкиной.

— Давай на тракт.

Я вырулил на тракт, мы долго катили во тьме, миновали спящий поселок. Небо начинало уже высвечиваться, кое-где блестели холодные утренние звезды, справа надвинулся мрачный силуэт Курайского хребта.

— Сворачивай.

— Там склон. Я не смогу провести газик по такому откосу.

— Обогни.

Юренев настойчиво направлял машину к какой-то ему одному известной цели .

У него даже компаса не было, но он крутил головой и уверенно указывал, в какую сторону двигаться. Когда окончательно рассвело, мы проскочили хрупкий, звенящий снежник и остановились на широкой поляне, отмеченной лишь тем, что почти в центре ее торчала траурная черная лиственница.

— Ставь палатку.

Я осмотрелся.

— С ночевкой?

Юренев кивнул.

Минут через тридцать перед палаткой, под черной лиственницей, дымил костерок. Мы даже успели напоить чаем четверку геофизиков, пешком пришедших с дороги. Они были шумные, возбужденные. Они видели, как ночью тут шарахнуло, как из пушки? Шары цветные взлетели. Где-то

там, на террасе, выше. Они пришли посмотреть, что тут такое. Вы не хотите?

Юренив усмехнулся:

— Нет.

— А мы сбегает посмотрим. Необычно как-то. Там же вообще ни одного человека нет. Что там могло взрываться?

Я взглянул на Юренива. Он сидел, опустив глаза, и явно что-то знал о ночном происшествии. Помня улыбку Ии, я в разговор не вступал.

— Рюкзаки хоть оставьте, — сказал Юренив. — Что вы с ними потащитесь?

— Да ну, — геофизики говорили все сразу, перебивая друг друга, здоровые, загорелые парни. — Мы только поднимемся на террасу, а потом в лагерь.

— Ну— ну...

Галдя, переговариваясь, отпуская в наш адрес шуточки, геофизики полезли на террасу.

— О чем это они? — спросил я. — Может тоже сходим?

— Да ну, — Юренив усмехнулся, и его усмешка мне очень не понравилась. — Сиди, отдыхай. У нас еще все впереди. А эти ребята... Они скоро вернутся. Закипяти-ка еще чайку.

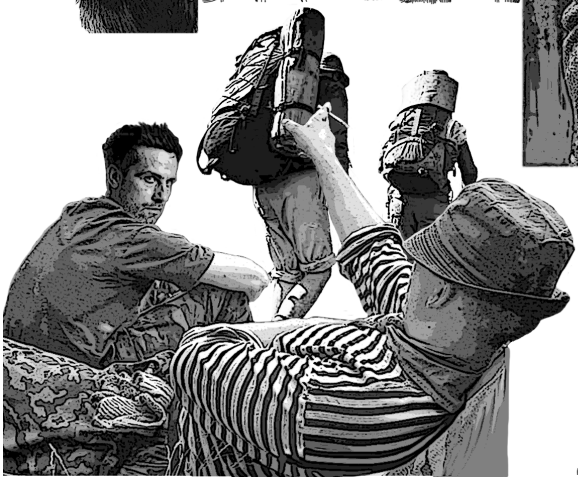
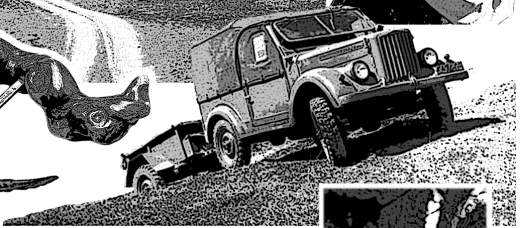
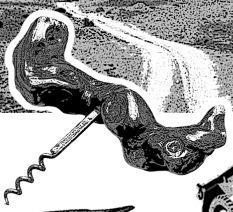
Я лежал на траве и смотрел в небо. Гигантские кучевые облака несло с востока, из Китая, наверное. Дикая, чудовищная тишина, прерываемая лишь позвякиванием плоскогубцев — Юренив вскрывал какой-то металлический ящик. Я ни о чем его не расспрашивал. Понадобится, скажет сам. Не принято было расспрашивать о чем-то Юренива. Это входило в условия договора, подписанного мною перед выездом в поле.

— А вот и они.

Я удивленно обернулся.

Геофизики, все четверо, вывалились из колючих кустов чуть выше нашей стоянки. Здоровые, загорелые ребята, но вид у них был, мягко говоря, неважный. Они дрались там, что ли? Серые лица, блуждающие, выцветшие глаза. Руки у них дрожали. «Мы правильно идем к тракту? Мы выйдем так к тракту?»

Юренив поощрительно кивал, зорко глядя в каждого.

И меня поразила мысль: *он заранее, он заранее знал, что так будет!*

— Выберетесь, выберетесь, только не сворачивайте никуда, — Юрнев даже не пытался успокоить этих насмерть перепуганных людей. — Валите прямо вниз, там тракт.

— Что это с ними? — оторопело проводил я взглядом геофизиков. — Они ведь без рюкзаков. Они рюкзаки на террасе бросили?

— Подберем, — Юрнев победительно выпятил толстые губы. — Куда они денутся?

— А нам... — я помедлил. — Нам тоже туда идти?

— Конечно.

— Сейчас?

— С ума сошел. Ты же их видел. Ночью пойдем, налегке, с фонарями.

Меня распирало любопытство: что могло так напугать взрослых, ко всему привыкших людей? И я видел: Юрнев что-то такое знает. Он же впервые за два месяца покинул лагерь. Раньше из фургонов не вылезал, а теперь собирается ночевать на террасе. Тебя шофера разорвут, предупредил я. Шоферов-то ты никуда не пускаешь.

— У них такие оклады, что перебьются.

— Но что там? — не выдержал я, кивая вверх, на террасу.

Юрнев изумленно моргнул:

— Сам не знаю.

Кривил, конечно, душой. Знал, куда идти, значит, знал, что там можно увидеть.

А увидели мы маленькую поляну, поскольку поднялись на каменную террасу не ночью, а вечером. Солнце почти село, но сумеречный свет позволял увидеть кусты, раздутый ветром пепел. Совсем недавно тут прошел пал, но почему-то остановился перед сухими кустами. Они должны были вспыхнуть, но стояли целехонькие, шуршали под слабым ветерком. Там же, под кустами, валялись рюкзаки геофизиков.

— Придется тащить, — вздохнул я. — Ты хоть знаешь, где нужно искать этих неврастеников?

— Зачем? — удивился Юрнев. — Они тебя просили?

— Ты же видел, они насмерть перепуганы. Надо вернуть им вещи.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Юрнев, осторожно присаживаясь на старый пенёк. — Если ты такой альтруист, действуй.

Его ухмылка мне не понравилась, как не понравились раньше выцветшие от страха глаза геофизиков. А Юрнев чего-то ждал. Сидел на пне, курил, поглядывал на меня и ждал, ждал чего-то.

Я неторопливо направился к рюкзакам.

Они лежали вповалку, там, где их бросили — два друг на друге и два в стороне в выжженном огне круге. Я подтащил пару рюкзаков к пню и пошел за третьим. Юрнев меня не торопил, но и не останавливал.

Чего он ждет?

Меня ударило током, когда я ступил на выжженную землю. Я не видел разряда, не слышал характерного треска, но всю левую ногу до самого бедра пронзило ошеломляющей рвущей болью.

Я вскрикнул и отступил.

Боль сразу исчезла.

— Ну? — спросил Юрнев, не вставая с пня.

Я колебался. Я испытывал непонятный страх, лоб пробило холодной испариной. Но вернуться без рюкзака значило осчастливить Юрнева. Я должен был повторить попытку, вот он рюкзак, в метре от меня, но меня охватывал беспричинный, убивающий страх от одной мысли об этом.

А Юрнев, наконец, встал.

Тщательно загасив сигарету, он подошел ко мне, тронул успокоительно за плечо, твердо сжал губы, свел брови, напрягся и медленно-медленно дотянулся до рюкзака.

— Не делай этого!

Он стащил рюкзак с выжженной земли и опять успокоительно потрепал меня по плечу. Вид у меня, наверное, был не лучше, чем у тех геофизиков.

— Тебя не ударило? — кажется, я заикался.

— Нет.

— Но почему?

— Не спрашивай. Не надо. Все хорошо, — он обнял меня за плечи и повернул лицом к себе. — Что ты почувствовал? Расскажи.

Заночевали мы в палатке под траурной лиственницей.

Я оборачивался, глядел на темную террасу.

Не было никакой охоты о чем-то спрашивать, я все еще не отошел от пережитого мною страха. Я даже на Юренева не злился, хотя он, несомненно, мог вовремя меня остановить.

Ночная гроза прошла над дальними отрогами Курайского хребта, зловещая тьма затопила поляну, лиственницу, палатку. Не было в беззвездной ночи ни фонаря, ни луны, ни зарниц.

Я не спал, меня томила тревога.

Чем, собственно, занимаются Юренев и Ия?

Поисками мифических плазмидов?

Вздор. Я уже не верил этому.

Отрабатывают систему НУС? Но почему в поле, не в лаборатории? Откуда мог знать Юренев о том, что произойдет на выжженной поляне? Ну да, они, конечно, переговаривались с Ией перед отъездом: координаты, разброс, настройка, выход сигнала. Но тогда почему Юренев подставил меня под удар, он же видел, в каком состоянии вернулись геофизики. И зачем я гонялся за этим дурацким штопором из лавки древностей? Ведь не затем же, что меня нечем было занять? Да, я согласился не задавать вопросов, но всему есть предел.

Юренев всхрапывал рядом. Ему было хорошо.

Мгла. Ночь. Я сам медленно проваливался в сон.

Было ли это сном? Полог палатки медленно осветился. Не могло тут быть ни фонарей, ни далеких прожекторов, зарницы и те не вспыхивали в невидимом ночном небе, и все же палатка осветилась — оттуда, снаружи. По ее пологу, как по стеклам поезда, отходящего от перрона, потянулись тени. Они убыстряли бег, становились четче, сливались в странную вязь, в подобие каких-то письмен, если такие письмена могли существовать. В их непоколебимом беге что-то менялось, вязь превращалась в смутный рисунок, я начинал различать лицо, знакомое и в то же время мучительно чужое.

Кто это? Я не мог ни вспомнить, ни шевельнуться. Я знал, я умираю. Жутко и быстро била в уши чужая металлическая птичья речь. Я еще пытался понять, чье это лицо, но сил понять уже не было: я умирал, меня затопляло убивающей болью. Вскрикнуть, шевельнуться, издать стон,

и я бы вырвался из тьмы и опустошения, но сил у меня не было. Не знаю, как я сумел, но все же вскрикнул.

Это меня спасло.

Юренив все так же спал, всхрапывая, полог палатки был темен и невидим.

Сердце мое колотилось, как овечий хвост, я задыхался. Бессмысленно шаря руками по полу, я выполз из спального мешка, из палатки и упал лицом в прохладную траву.

Что я видел? Что это было? Даже сейчас воспоминание о той ночи вызывало во мне непреодолимый ужас.

Я спустился в овраг, продрался сквозь плотные заросли черемухи и увидел над головой весело высвеченные солнцем трубы. Ну их всех к черту — и Юренива, и воспоминания! Солнце, трава, ажурная даже в своем запустении лестница, уходящая вверх, в белую теснину берез — вот все, что мне нужно. Я в транзитной командировке, незачем мне беспокоиться за Юренива, похоже, он во всем защищен лучше меня. Надо уезжать, иначе он опять втянет меня в свои непонятные игры.

Рядом хрустнул сучок.

Я обернулся.

Шагах в пятнадцати от меня стояла Ия.

Глава VII

Ия

— Тухтур—бухтур, — пробормотал я. — Что ты здесь делаешь?

Ия рассмеялась:

— Это я должна тебя спросить.

Я не сводил с нее глаз.

Удлиненное лицо, чуть вьющиеся волосы, нежная кожа. Этого не могло быть, но Ия, кажется, помолодела. Голубые, нет, синие, типично нестеровские глаза, румяные щеки. Это в тридцать-то лет. Вязаное платье туго облегалo, обтягивало грудь, бедра. Когда-то на шее Ии начинали намечаться морщинки, я хорошо это запомнил, но сейчас от морщинок не осталось и следа. Ровная, гладкая, нежно загорелая кожа.

— Иди сюда.

Я молча подошел.

Ия, улыбнувшись, присела на сухую коряжину, торчавшую над берегом ручья, и я мгновенно узнал пейзаж. Заросший травой овраг, зеленые, политые Солнцем склоны, деревянная лестница с выщербленными ступенями, наклонно уходящая вверх, в белизну смыкающихся берез. Конечно, *та* фотография могла быть сделана только тут.

— Что с тобой?

Я усмехнулся:

— Да так... Вспомнил...

— Ты шел так, будто боялся задавить случайного муравья, — Ия улыбнулась. Она, как всегда, была спокойна. Ее глаза манили, радовали, но сама она ничем не выдавала своего внутреннего состояния. Если бы не копейка, лежащая в моем нагрудном кармане, я мог бы подумать — мы с нею не разлучались ни на час.

Но это было не так.

Ия сказала:

— Я читала твою книгу. — Она, кстати, несколько не удивлялась тому, что я стою перед нею. — Мне понравилось. Только почему вдруг ты взялся описывать чукчей?

В ее вопросе таился некий затаенный смысл. Я возмутился:

— В моем действуют романе не чукчи. Чукчи там появляются только в третьей части. А в основном речь идет о юкагирах.

— Это все равно. — Она улыбнулась, прощая мне мое возмущение. — Все равно семнадцатый век. Зачем ты полез так далеко? Ты же всегда писал о нашем времени.

Я усмехнулся. Я не мог понять, как Ия могла натянуть на себя такое узкое вязаное платье. Может, сзади есть молния? И пробормотал, теряясь:

— На такой вопрос трудно ответить.

— Разве?

— Ты тоже считаешь, что вся литература о прошлом — вранье?

— Это не имеет значения.

— Для кого?

— Предположим, для меня. Ты ведь не обидишься?

Я обиделся. Тогда Ия, не вставая, потянула меня за руку и посадила рядом. Потом мягко провела ладонью по моему виску.

— Ты постарел. Или возмужал. Это тебя не портит.

— Ты помолодела. Ты стала еще красивее. Тебя это тоже не портит, — ответил я в тон.

— Ты звонил мне?

Я кивнул.

— Наверное, ты звонил и Андрею Михайловичу?

Я усмехнулся:

— Ты же знаешь, и то и другое приводит к одному результату.

— Юренив?

— Да.

— Ему ты звонить не стал?

— Конечно. Но он пришел сам. Я его видел.

Ия кивнула:

— Я знаю. Иногда я неделями живу у Андрея Михайловича.

— У Козмина? — вспыхнул я. — Тогда почему меня все время направляли к Юрениву?

Ия мягко улыбнулась, ее прохладная рука лежала в моей ладони:

— Ты все хочешь знать сразу. Так не бывает.

И все это время она рассматривала меня. Не нагло и беззастенчиво, как Юренив, но внимательно, вникая в каждую мелочь. Что-то ее беспокоило. Она ничем не выдавала этого, но я почувствовал — что-то ее беспокоит. Потом она облегченно вздохнула и положила руку мне на грудь:

— Ты все еще таскаешь в кармане копейку?

Я растерялся, я никак не ожидал такого вопроса:

— Да.

— Можешь выбросить. Я тогда ошиблась.

Я окончательно растерялся:

— Вы что, впрямь научились читать чужие мысли?

— Это несложно, — сказала Ия со вздохом.

Она вытянула руку перед собой, и на раскрытой ладони сверкнула монетка.

Я, вздрогнув, схватился за нагрудный карман.

— Эта она, не ищи, — сказала Ия печально. — Ты тогда здорово нам помешал. Там, на Алтае. Но сейчас и это не имеет значения.

— Помешал? — не понял я. — На Алтае?

Она кивнула, все так же печально рассматривая монетку.

— Чем помешал?

— Не надо об этом.

Она медленно вытянула руку над тихим ручьем. Монетка блеснула и исчезла в воде.

— Фокусники, — пробормотал я, но впервые за последние сутки мне было в Городке хорошо, впервые я не пожалел, что остановился здесь.

— Оставь. — Ия обхватила колени руками и внимательно посмотрела на меня: — Почему ты все же взялся за чукчей?

— За юкагиров, — терпеливо поправил я. — За первых сибиряков. За первых русских в Сибири.

— Но и за чукчей тоже, — почему—то для нее это было важно.

— О них там совсем немного.

Не знаю, почему я спросил:

— Знаешь, сколько страниц занимает история освоения Сибири в школьном учебнике?

— Не знаю.

— Всего одну. Ермак, разумеется. Дежнев, Хабаров, кажется, Атласов.

— Этого мало?

— А ты как думаешь? — удивился я.

Она пожала круглыми вязаными плечами:

— У меня не государственный ум. Я не историк.

Снова заболело сердце. Равнодушие Ии к истории ничуть не удивило меня, и все равно это было неприятно.

— Как ты себя чувствуешь?

Я тоже пожал плечами. Я чувствовал себя скверно. Стоило мне заговорить об истории, как вернулась боль. Эта боль пульсировала в висках и в сердце.

— Сейчас легче? — Ия прохладными узкими ладонями сжала мне виски.

Я задышался.

— Сейчас отпустит.

Меня действительно отпустило.

— Часто у тебя так?

— Часто. Но обычно ночью. Днем это впервые. Наверное, я недоспал сегодня. — Я настороженно прислушивался ко все еще бьющемуся с перебоями сердцу. — Наверное, не выспался.

— На тебе лица нет.

— Ничего... Все прошло...

Ия ласково провела рукой по моему горячему, вмиг взмокшему лбу:

— С тобой давно так?

— Два года.

— Два года, — откликнулась она как эхо.

— Только не впадай в задумчивость, — попросил я. — Когда ты впадаешь в задумчивость, ты куда-то исчезаешь. Я не хочу, чтобы ты исчезла.

— Я не исчезну.

Мы засмеялись.

— Как это у тебя получилось? — спросил я. — С монеткой. Как она оказалась у тебя в руке?

— Ты ведь сам говоришь — фокусники. Мы здорово на этом поднаторели.

Она улыбнулась, глядя на меня так, как умела глядеть только на Алтае:

— Хорошо, что ты приехал. Мы ждали тебя.

— У вас тут крыша поехала, — я опять почувствовал приступ упрямства. — Я не собирался сюда приезжать. Я приехал совершенно случайно. Никто из вас не мог знать, что я приеду.

Мне хотелось обнять Ию. Потому я и грубил.

Она засмеялась. Просто засмеялась, и мне сразу стало легче.

Я видел Ию, я к ней прикасался, — это было хорошо. Я не знал, увижу ли я ее завтра, позволит ли она себя поце-

ловать, — это было плохо. И еще... Я не знал, говорить ли ей о странных найденных фотографиях, особенно о той, где мы с нею изображались целующимися именно в этом овраге.

Я невольно осмотрелся.

Наверное, надо сказать.

И сказал. И Ия не удивилась:

— Фотографии в гостинице?

Я не стал крутить:

— Помнишь Славку? Ну, фотокор, с тощей шеей. Выглядит, как пацан, но на самом деле он мастер. Я отдал фотографии ему. Он обещал проверить — не подделка ли?

— Не подделка, — сказала Ия. — Фотографии надо забрать.

Она вдруг улыбнулась:

— Перепугал, наверное, мальчишку. «Мастер». И вообще, — ее синие глаза притягивали, смеялись. — Хорошо, если в таких случаях ты будешь сперва советоваться со мной или с Юрневым.

— С тобой, — сказал я быстро.

— Ну, пусть со мной, — послушно откликнулась Ия.

Но, подумав, добавила печально:

— Лучше все же с Юрневым. Он сильнее.

Глава VIII

Телефон, швейцар, женщины

— Пойдем.

— Куда? — я и думать не мог, что вспомню Ию так быстро.

— Хочешь, к тебе. В гостиницу.

— Хочу. Только там швейцар.

Мы рассмеялись.

— Не завидуй швейцару, — сказала Ия. — Юрнев сам гонял его вокруг квартала. Сперва пил с тобой, а потом гонял швейцара. Чем-то он ему не показался.

— Наверное, наглостью.

— Нет, — сказала Ия, — этот швейцар просто боится Юрнева.

— Такие никого не боятся.

— Нет, ты не знаешь... — Ия задумалась. — Если ты сегодня будешь гонять швейцара, помни, он, конечно, нагл, но уже не молод.

— Обещаю.

Мы шли, вдруг останавливаясь, чтобы поцеловаться. Вверху, пусть на пустой, но улице, это пришлось оставить, зато мы прибавили шаг. Швейцар на входе в гостиницу стоял все тот же — мордастый, тяжелый. Он взглянул на нас подозрительно, но, узнав Ию, пропустил.

— Ты обедала?

— Нет.

— Может, зайдём в ресторан?

Ия энергично затрясла головой.

— Ладно, я закажу что-нибудь в номер, — сказал я. — Ты вот не знаешь, а я здесь живу на положении иностранца.

— Я знаю.

Мы засмеялись.

Нас все веселило.

Еще утром я думал об Ие с обидой и болью, сейчас все куда-то ушло. Куда? В прошлое? Не знаю. Честно говоря, там, в прошлом, отнюдь не всегда все было плохо...

На этаже дежурила новенькая — бант в волосах, юбка до колен, блудливый опытный взгляд. Выдавая ключ, она взглянула на меня понимающе, хорошо еще, не стала подмигивать.

Мы вошли.

Номер был пуст.

Что-то грустное почудилось мне в неприменном графине с водой, в казенной тумбочке, пусть и не самой худшей работы. Дымом почти не пахло, но Ия повела носом.

— Это с ночи, — пояснил я.

— Дай мне сигарету, — улыбнулась Ия, — и позвони Славке.

Прикурив, будто привыкая, не торопясь, Ия обошла комнату, что-то там переставила на столе, открыла окно пошире. Она обживала комнату, понял я, номер уже не казался чужим, он был нашим. Даже графин с водой вдруг пустил стаю разноцветных зайчиков.

Не спуская глаз с Ии — не дай Бог уйдет! — я набрал номер редакции.

— Хвошинский? — Славка растерялся. Он не ждал моего звонка. — Чего тебе? Вечно ты не ко времени.

— Я фотографии тебе оставлял.

— Ну?

— Вот и хочу знать.

— Обязательно по телефону? — спросил Славка опасливо.

— Почему нет? Чего ты там маешься?

— Взял бы да сам зашел. Или, погоди, — он засопел еще гуще: — Нет, лучше не заходи.

— Ну, хватит, — я начал терять терпение. — Ты посмотрел фотографии?

— Ну?

— Настоящие? Подделка?

— Хвошинский, — Славка затосковал, он был в полном отчаянии. — Ведь специальные службы есть, почему отдуваться должен я?

— Что значит отдуваться?

— А вот то самое! — неожиданно рассвирепел пугливый фотокор. — Я эти штуки показал специалистам. Это же не игрушки, на них изображены известные люди, сам должен понимать. А меня там трясло три часа, дескать, где другие фотографии? Всю душу вытрясли. Теперь сам звони!

— Я тебе это позволял? — теперь рассвирепел я. — Выкладывай напрямик: настоящие или подделка?

Ия стояла у окна, неторопливо пускала замысловатые колечки дыма и слышала каждое наше слово.

— Настоящие, — выдавил, наконец, Славка.

— Как можно такое сделать?

— Не знаю. Спроси Юренева.

— Я тебя спрашиваю. Мастер!

— Откуда мне знать? Вот ведь хотел уехать, командировку обещали. Один в Сингапур летит, другой в Канаду, а я дальше Искитима никуда не ездил. — Прервав жалобы, Славка быстро сказал: — Там на этих фотографиях есть детали, которые невозможно режиссировать. Понимаешь?

Подлинные фотографии, подлинные! Не знаю, как можно такое сделать, но подлинные фотографии, Хвощинский.

Совсем растерявшись, Славка повесил трубку.

Ия рассмеялась.

— Ты все слышала?

— Конечно. Он так кричал.

— В госбезопасность он, что ли, снес фотографии?

— Неважно. Дай мне трубку.

Не знаю, куда Ия звонила, я старался не глядеть, какой номер она набирает. Но там, куда Ия звонила, ее слушали внимательно. У меня сложилось такое впечатление, что фотографии давно уже находятся у тех служб, что трясли несчастного Славку.

Впрочем, мне было все равно. Я смотрел, какое на Ие узкое платье. Как она его надевает? А Ия говорила в трубку: «Эффект... Да, да, эффект второго порядка...» И еще: «Хвощинского не тревожить...» И еще, прикрыв трубку ладонью, не в трубку, а мне: «Куда там мастер Славка хотел в командировку поехать?»

Я хмыкнул:

— В Сингапур. Или в новую Зеландию.

Мне безумно хотелось обнять Ию, но она, укорив меня взглядом, сказала в трубку:

— Хвощинский говорит, в Сингапур или в новую Зеландию. Этого не надо. Это далеко. Пусть съездит в Ленинград. Ну да, в Ленинград. Если он настоящий мастер, Новая Голландия его ничуть не разочарует.

И повесила трубку.

— Кажется, Славке пошла пруха, — сказал я.

— Не думаю.

Мы замолчали.

Ия странно смотрела на меня.

Ее синие глаза потемнели.

— Это платье... — спросил я. — Ты сама его вязала?

— Сама.

— Оно мне нравится...

В темнеющих глазах Ии стояло обещание:

— Хочешь, завтра я приду в нем же?

— Хочу. — В горле у меня пересохло. — Как оно снимается?

Глаза Ии были полны тревоги, но и понимания, колебаний, но и нежности.

Но это не длилось долго. Она решительно повернулась спиной:

— Видишь, какая длинная молния?

Я целовал ее плечи — гладкие, круглые, поддающиеся под губами, ее нежную ровную шею, на которой когда-то начинали угадываться будущие морщинки, от них сейчас следа не осталось. Я задышался: ты, наверное, все можешь?

— Не все, — шепнула она.

Платье сползло с нее как змеиная кожа. Ия сама оказалась гибкой, как змея. Мы задыхались, мы забыли обо всем, и в этот момент грянул телефон — пронзительно, настойчиво, нудно. Я не отпустил Ию. Пусть телефон верещит. Я сейчас дотянусь и разобью аппарат ногой.

— Не надо. Возьми.

Тяжело дыша, я дотянулся до трубки.

— Хвощинский! Какого черта? — Юренив был явно взбешен. — Почему эти фотографии прошли мимо наших спецслужб?

— Наверное, потому, что я не имею к вашим спецслужбам никакого отношения, — холодно ответил я.

— Ты шутишь!

— Как это шучу?

— А так, Хвощинский! Запомни! Мои службы — это и твои службы. Так было и так будет. А твоим друзьям я шею поотворачиваю!

Вовремя Ия отправила мастера в Ленинград, подумал я и повесил трубку.

Я не мог сейчас злиться даже на Юренива. Я мог только удивляться — свету в окне, гомону воробьев за окном, тому, как быстро Ия успела разобрать постель.

— Рано смеешься... — в синих глазах Ии плавала непонятная мне печаль. — Это только начало...

Я не успел спросить, о чем она? Вновь грянул телефон.

Сейчас я его отмажу, хищно подумал я. Сейчас Юренев услышит от меня все, что я о нем думаю.

Звонил не Юренев.

— Ну ты! — голос был мерзкий, грязный, с каким-то нечистоплотным присвистом. — Тянешь, ублюдок? Помочь, что ли?

Я ошеломленно повесил трубку.

— Это не все... — улыбнулась Ия печально. — Тебе еще будут звонить...

Я обнял ее и телефон мгновенно сошел с ума. Он трещал так пронзительно, с такой силой, что его вполне могли слышать в холле.

Я не выдерживал, снимал трубку.

Ия зарывала лицо в подушку и смеялась.

Звонили из Госстраха, намерен ли я, наконец, погашать задолженность? Звонили из автоколонны: мой заказ, видите ли, наконец, принят, а шифр контейнера я могу узнать в конторе. Звонили из детского клуба «Калейдоскоп» — там вырубилло силовую сеть, почему, черт возьми, не идет электрик? Звонила некая девочка, не столь даже откровенная, сколь закомплексованная. «Придешь в «Поганку»? Там грибы дремучие, — гнусно ворковала она, волнуясь. — Правда, не можешь? Жалко. Хочешь, я сама приду к тебе?»

Я целовал Ию, я видел, как темнели ее глаза, а телефон опять исходил визгом.

— Позволь, я разобью его.

Ия закрывала глаза, мотала головой:

— Нам надо быть сильными.

Не знаю, что она имела в виду.

Я опять и опять поднимал трубку.

— Ваш товарищ вчера, я понимаю, очень известный товарищ, часами в меня бросал. Он, когда рвался к вам, сильно ругался, я понимаю. Вот я и говорю совсем вежливо: вы, товарищ, не ругайтесь, вы такой известный, вас все знают, а он часами в меня бросал, — швейцар деликатно кряхтел, вспоминая ночные подвиги Юренева. — А часы золотые иностранные. Они с боем и с музыкой. Я сейчас поднимусь к вам.

— Только попробуй, — предупредил я.

— Да это ж минуточка, всего одна минуточка, — засуетился швейцар. — Вы меня и не заметите. Минуточка, и я у вас.

— Сволочь, — сказал я негромко.

— Как-с? — не понял швейцар.

— Сволочь, — проговорил я негромко, но внятно.

— Виноват-с...

Ия смеялась. Я целовал Ию. Но что-то уже наполнило комнату, тревожное, темное, как там, на поляне под траурной лиственницей. Удушье, томление неясное, как перед грозой, даже смех тонул, растворялся в этом темном душном удушье.

В дверь постучали.

— Это швейцар, — Ия ласково погладила меня по плечу. — Прости его. Пожалуйста, не будь груб. Пожалуйста, не гоняй его по всему коридору. Он уже в возрасте. Обещаешь?

Я мрачно кивнул.

И приоткрыл дверь.

Боком, как краб, угодливо, но нагло, не спрашивая разрешения, швейцар, сопя, полез в приоткрытую дверь. То, что я стоял перед ним всего лишь в плавках, нисколько его не смущало. Багровый, со слезящимися глазками, он, как ни странно, до сих пор сохранял следы армейской выправки. Задира плечи, пытался выпячивать грудь. Наверное, подполковник в отставке. Это потолок для таких типов. Бывший аккуратист, служака, скучающий штатской жизнью. В правой руке он держал часы Юренева, а в левой... мою книгу!

— Мы понимаем... Мы следим за отечественной патристической литературой...

— Знаю, что следите, — меня передернуло от отвращения.

Он что-то, наконец, понял и отступил в коридор. А я пошел на него.

— Я тебя в котельную загоню!

Швейцар неожиданно вскрикнул и криво побежал по коридору мимо ошеломленной дежурной.

— Вы что? Вы что? Иностранцы здесь! — замахала руками дежурная.

Я вернулся к Ие:

— Бабилон.

Она засмеялась, но уже устало.

И приложила пальцы к распухшим губам:

— Тс-с-с...

Я прислушался.

Шорохи, непонятные голоса.

Наверное, по соседству где-то, подумал я..

— Тише. — Ия зажала мне рот узкой ладонью. — Слышишь?

Я мрачно кивнул. Я слышал эти сплетающиеся женские голоса. Как дальнее эхо, как слабые отзвуки. Неясный гул, как в переполненном зале железнодорожного вокзала. Или, скажем, в бане. Дальние сплетающиеся, но явственные. «*Он меня раздевает...*» Умоляюще: «*Не гаси свет...*» С умирающим иступлением: «*Еще! Еще! О, еще!*» И совсем уступая: «*Делай, как хочешь, милый...*»

Голоса сливались и смешивались.

Каждый в отдельности я когда-то слышал.

Один под колоннами Оперного театра, другой на запорошенной снегом зимней даче, третий в каюте рейсового теплохода. Но то, что ввергало в трепет наедине, сейчас казалось верхом пошлости. Меня коробило от стонов и восклицаний. Этот задыхающийся, смятенный ушедший мир, эти задыхающиеся смятенные хоры!

— Это твои бывшие подружки? — спросила Ия.

Я мрачно кивнул. Я не знал, что с этим делать. Голоса звучали отовсюду и в то же время ниоткуда конкретно. «Нам надо быть сильными». Как?

— Их много,— усмехнулась Ия.

— Так только кажется, — мрачно возразил я. — Просто они все вместе, потому так кажется.

— Возможно, — Ия усмехнулась печально. Простыня сползла с ее ног и упала на пол. Поднимать ее Ия не стала, лишь с отвращением приложила пальцы к вискам: — Он сильней.

Я не знал, о ком она.

Стыд и горечь.

Ничего другого я не испытывал.

— Бабилон.

Смолкли женские голоса, молчал телефон, никто больше не звонил, не пытался ворваться в номер. Ия вышла из ванной комнаты уже одетая.

— Помоги застегнуть молнию.

Я помог.

— Спасибо. Не провожай. Завтра все равно увидимся.

Я остался один.

Раздавленный.

Глава IX **Цитата из Тьюринга**

Полог палатки опять светился, смутные тени бежали по нему, хитрые, завитые, как арабская вязь, их бег сопровождался чужой птичьей речью, она отдавала металлом, болью... Это лицо... Кто ты?..

Я умирал... Только бы вспомнить!..

Из ужасов сна меня вырвал телефонный звонок.

— Спишь? — на этот раз Юренев был благодушен. — А кто собирался к Козмину?

— Я, — выдавил я хрипло.

— Пил? Опять пил? — удивился Юренев.

— Оставь. Жди меня в холле, скоро спущусь.

Но я заставил его ждать. Правда, не специально.

Тряслись руки, я сосал валидол. В зеркале отразилось бледное лицо, мешки под глазами. Как ослепительна Ия, подумал я. У нее совсем девичье тело, ей семнадцать лет. Рядом с ней я скоро буду выглядеть старцем.

Юренев ждал меня в холле. Швейцар что-то уважительно втолковывал ему.

Юренев добродушно кивал. На меня швейцар даже и не взглянул.

— В коттедж?

Юренев кивнул, на этот раз мне. Выглядел он свежо, как человек, принявший какое-то решение. Я нетерпеливо двинулся к выходу — вдохнуть свежего воздуха, но на ходу спросил:

— Что там случилось в вашей лаборатории? Объясни. Я ведь ничего не знаю.

— И хорошо. И не надо тебе знать, — Юренев довольно выпятил губы. — Тебе, Хвощинский, вообще бы не общаться с нами, да судьба.

Он загадочно подмигнул, даже взял меня за руку:

— Мы тебя ценим. Ты много читал, Хвощинский, а это значит, что, хотя бы в силу случайности, ты натыкался порой на нужные вещи. Со многими людьми этого не происходит.

— На какие такие нужные вещи?

Мы шли с ним по яблоневого аллею.

С ума сойти, каким ароматом тянуло от каждого деревца.

Недавно косили газоны, пахло сырой травой, две тяжелые галки прыгали перед нами по дорожке, соблюдая, впрочем, безопасную дистанцию.

— Большинство признанных книг — пустышки, — Юренев неодобрительно ухмыльнулся. — Есть просто вредные книги, ты в это дело тоже внес лепту. Но есть книги и полезные, нужные. Они не каждому по зубам, — Юренев даже всхрапнул от удовольствия. — Хотел сказать, не каждому по уму, но и так сойдет.

— Что же это за книги такие — полезные?

— Ахама, хама, хама! Ну, скажем, Тьюринг. Слыхал о таком? — тон Юренева меня злил, но Юренев не чувствовал моего раздражения. — Цитирую. «Система Вселенной как единое целое такова, что смещение одного электрона на одну миллиардную долю сантиметра в некоторый момент времени может явиться причиной того, что через год некий человек будет убит обвалом в горах». А? — Юренев даже приостановился и изумленно моргнул. — Ты, Хвощинский, к сожалению, в системе, потому не прыгай. «Сам по себе... Завтра уеду...» — передразнил он меня, впрочем, вполне благодушно. — Даже Тьюринг утверждает, нельзя без нужды смещать электроны даже на миллиардную долю. Так что запомни, Хвощинский, хоть ты и в системе, но куда не надо, туда не лезь.

— Ты о фотографиях?

— Для нас это не фотографии, а эффекты второго порядка. Они подтверждение того, что тыходишь в систему. Неходи ты в систему, ничего такого ты бы не получил.

— О какой системе ты говоришь?

— Не торопись. — Юренив жмурился чуть ли не отчески. Выпятив живот, пер по дорожке. Я почти ненавидел его. — Система у нас одна: НУС.

— Надо же, — протянул я скептически. — Только какое отношение к НУС имею я?

— Не торопись, не торопись, — благодушно гудел Юренив. — Мало тебе фотографий? Мало тебе такого подарка?

— И часто вы получаете такие подарки?

— Неважно. Подарок подарку рознь, — Юренив изучающе покосился на меня. — Например, некто Носов из котельной нашего института четырежды находил кошелек с долларами примерно на одном и том же месте. Последний раз он отправил кошелек в милицию почтой, сам боялся идти, думал, что его зачем-то проверяют. Некто Лисицына с почты, женщина пожилая, здравомыслящая, вдруг стала ясновидящей. Вреда никакого, зато Лисицына хорошо теперь зарабатывает на жизнь, а на почте она работала техничкой. Или есть у нас такой лаборант Грибалиев. У него в кладовой лежали валенки. Самые обычные, много раз чиненные. Он сам накладывал на них новые подошвы. Как-то ударили морозы, Грибалиев полез в кладовую, а валенки ему подменили — лежали там такие же, только подошва в длину на полметра, на великана. Это сперва Грибалиев так подумал — подменили. А глянул внимательно — его работа. Он на драгву как-то особенно сучит нитку — его, его работа! Только как это валенки вдруг подросли к зиме, а? — Юренив усмехнулся. — Это не тебя я спрашиваю. Это Грибалиев меня спрашивал. Чуть не спился бедняга, пока мы его не успокоили. Лаборант хороший.

— Или некий дед начинает получать письма от родственников, — мрачно напомнил я. — Никакие, конечно, не родственники, пусть и из Вашингтона, но записать действительно можно.

— Уже знаешь? — Юренив обрадовался. — Вот я и говорю: ты в системе. Это хорошо. Объяснять ничего не надо.

— Нет, позволь. Одно дело валенки, другое — отмороженные пальцы. Тоже связано с вашими экспериментами?

— В общем, да, — Юренев благодушно моргнул.

— Вы там что-то взрываете, а какой-то неизвестный вам дед, сидя в бане, отмораживает пальцы?

— Зато лучшая больница в городе, — быстро сказал Юренев, радостно кивая. — И добавка к пенсии. Приличная добавка. Не каждому так везет.

— А как вы объясняете такие вещи самому деду?

— Никак. Зачем нам что-то объяснять?

— Но ведь дед начнет спрашивать, интересоваться. В конце концов, не так часто люди отмораживают пальцы в хорошо истопленной бане.

— Не так часто, — согласился Юренев. — Только не будет ничего этот дед спрашивать, не будет он ничем интересоваться. Необъяснимое, сам знаешь, пугает. Этот дед, как все нормальные люди, просто будет болтать. А чем больше человек болтает, тем меньше ему верят. Тем более, что для НУС это вообще безразлично.

— Для НУС, — протянул я.

— Ахама, хама, хама!

— НУС. — До меня, наконец, дошло. — Послушай. А Андрей Михайлович? Он тоже получил какой-нибудь «подарок»? Что-нибудь вроде этого обморожения в бане?

— Оставь, — Юренев несколько даже презрительно выпятил толстые губы. — С Андреем Михайловичем все проще и все сложнее. В лаборатории был взрыв. Собственно, даже не взрыв, а некий волновой удар с совершенно неожиданной динамикой. Правда, в лаборатории при этом плавилась химическое стекло и керамика. Андрея Михайловича доставили в больницу без сознания, операция велась со сложным наркозом. И прошла удачно. Так говорят врачи. А вот потом началось странное. Повышенная температура, бред... Или то, что мы приняли за бред... А когда Андрей Михайлович пришел в себя он, к сожалению, перестал ощущать себя математиком, крупным ученым. Он даже перестал ощущать себя нашим современником. Он очнулся совсем другим человеком. Он теперь не крупный математик Козмин-Екунин,

он теперь всего лишь охотник Йэкунин. Чукча. Понимаешь, чукча!

Юренив изумленно моргнул и схватил меня за плечо своей лапищей. Мы остановились.

— Йэкунин действительно чукча, — повторил Юренив. Чувствовалось, он никак не может привыкнуть к этой мысли. — Он не понимает нас, он не отвечает на вопросы, зато бегло объясняется по-чукотски. Образ его мышления прост: стойбище, охота. Он не знает, что такое радиан или теорема, зато он знает, как подкрадываться к моржу.

Юренив замолчал, будто вспомнил что-то. Потом сказал:

— Ты появился здесь не случайно. Мы тебя действительно ждали. Мы знали, что ты обязательно появишься. Более того, мы знаем, что ты нам поможешь.

— Я? Чем?

— Послушай, — Юренив крепко взял меня за руку. — Ты действительно включен НУС в систему. Ты не знаешь об этом, но ты включен в систему НУС давно, еще на Алтае. Подтверждение тому твое нынешнее появление в Городке, фотографии, даже откровенность дежурной по этажу. Что бы ты теперь ни делал, где бы ни находился, ты уже давно — часть системы. Ты, скажем, начал писать о чукчах два года назад, раньше ты о них даже не задумывался. Случайность? Не знаю. Ты подружился с Козминым—Екуниным, в некотором смысле ты был ближе ему, чем мы его сотрудники — я или Ия. Случайно? Не знаю. Но знаю, именно ты нужен нам сегодня, именно ты можешь нам помочь.

— А что говорят врачи?

— Врачи ищут причину, — Юренив взглянул на меня неодобрительно, ему явно не нравилось, что я не загораюсь его идеями. — Хроническое переутомление, сильнейшее потрясение, сложный наркоз. Все это я и без врачей знаю. Ну, естественно, какой-то сбой в мозговом обмене. какой-то фермент или белок воздействует, возможно, на скрытый механизм генной памяти, потому Андрей Михайлович и чувствует себя чукчей. Но неувязка! Есть неувязка! — Юренив даже остановился. — Современный индус при определенных обстоятельствах, ну, скажем так, в чем-то

схожих с нашими, вполне может припомнить восстание сипаев, а современный монгол описать степную ставку Золотой орды. Это у них, так сказать, в крови. Но и Козмин-Екунин соответственно должен был припомнить нечто свое, связанное с его кровью, каких-нибудь древлян, боярские смуты, на худой конец — скифов. Но при чем тут чукчи?

— Не ори так.

— Ладно.

Он помолчал.

Он сказал, грубо даже:

— Займешься Козминым.

— Я не говорю по-чукотски, — сухо напомнил я.

— Дадим тебе переводчика. Записывайте все на пленку. Анализируйте каждую фразу. Вы должны вырвать Козмина из небытия. Разработайте набор ключевых фраз, дразните его, обижайте, если понадобится. Уверен, он как-то отреагирует на тебя, он тебя любил. Сам знаешь. Мы обязаны вырвать его из прошлого!

— Почему ты все время говоришь о прошлом?

— Да потому, что он и чукча не наш, а где-то из семнадцатого века, из первой половины его! — в голосе Юренева звучало искреннее возмущение.

Я промолчал.

Глава X **Чукча Иэкунин**

Мы шли вниз по рябиновой аллее, то ускоряя шаг, то почти останавливаясь. Все это время мы были не одни: шагах в тридцати от нас медленно двигалась пустая черная «Волга». Так казалось — пустая, просто стекла тонированные.

— Эта ваша НУС, — я уже не считал нужным скрывать раздражение, — что, собственно, она делает?

Юренив ухмыльнулся:

— Отвечает на вопросы.

— Как?

— Очень просто. Ты спросил, она ответила. У нее даже голос есть, понятно, синтезатор речи. Главное, сформулировать вопрос верно.

- А если вопрос поставлен неверно?
- Этого нельзя допускать. Вопрос всегда должен быть сформулирован жестко и точно.
- Но если все-таки так случилось? — настаивал я.
- Вот тогда и начинают проявляться эффекты второго порядка. Фотографии из будущего, нелепые валенки для великана...
- ...отмороженные пальцы, — продолжал я.
- И отмороженные пальцы, — без удовольствия подтвердил Юренев.

Мы подошли к коттеджу. Зеленая калитка, палисад, зеленая английская лужайка с стриженной ровной травкой — ничего тут не изменилось за два года. На плоском низком крыльчке, заменяя перила, возвышался гипсовый раскрашенный лев, подаренный Козмину местным скульптором.

Два коротко стриженных крепыша в кожаных куртках, не торопясь, прошли за березами. Они ни разу не посмотрели на нас, но я понял, что каждый наш шаг контролируется.

Знакомый холл, трость под вешалкой, гостиная.

Не знаю, чего я ожидал. Может, больничной койки, медицинских сестер, истощенного беспокойного старика под простыней.

Ничего такого здесь не было. Широкий дубовый буфет (в верхнем ящике когда-то лежали сигареты — для таких, как я и Юренев), на слепой стене несколько старинных литографий и листовенничная доска под икону — лик Андрея Михайловича под медным нимбом.

Великомученик...

В камине потрескивали, вспыхивали огоньки, лежала на полке медная закопченная кочерга, а на белой медвежьей шкуре (раньше тут ее не было), скрестив ноги, сидел чукча Йэкунин. Он завтракал.

Андрей Михайлович? Он, он.

Конечно, он. И в то же время...

Болезнь резко обострила выпирающие скулы, желтый лоб Андрея Михайловича избороздили многочисленные морщины. Несмотря на духоту, он был обряжен в широкую, спадающую с худых плеч, вельветовую куртку. Не в какую—

нибудь там кухлянку, как можно было ожидать, а именно в вельветовую куртку. Такие же широкие вельветовые штаны, похоже, на резинке, на ногах стоптанные, разношенные тапочки.

Чукча Йэкунин завтракал. Поджав под себя ноги, он неторопливо таскал из чугунной сковороды куски черного, как уголь, мяса. Наверное, сивучьего. У сивуча мясо во всех направлениях пронизано многочисленными кровеносными сосудами, кровь сразу запекается. Он таскал мясо из сковороды прямо пальцами, не боялся обжечься, потом вытирал лоснящиеся от жира руки полами куртки. Узкие тундряные глаза туманились от удовольствия. Не знаю, как он видел нас, но как-то, наверное, видел.

— Мыэй!

Голос совсем не тот, к которому я привык, он как бы сел, охрип, напился дымком, жиром, диковатой, не свойственной прежде Козмину уверенностью.

Старые чукчи довольны, если молодые едят быстро, почему—то вспомнил я. Чукча Йэкунин не выглядел молодым, но ел живо, с удовольствием, чавкал со вкусом, сплевывал, опять лез руками в сковороду.

— Вул! — он, шурясь, всматривался, но я не уверен, что он видел нас именно такими, какими мы выглядели друг для друга. Может, это стояли перед ним охотники в грязных кухлянках. И пахло в гостинной странно: — Мэнгин?

Он спрашивал: кто пришел.

— Ну, я пришел, — деревянным голосом ответил Юренив.

Я поразился. Где его обычная самоуверенность? Помоему, Юренив даже оглянулся на молоденькую женщину в белом халатике, в такой же косыночке, уютно и неприметно устроившуюся в закутке за дубовым буфетом. Возможно, она выполняла функции медсестры, но ее зеленые глаза смотрели жестко и холодно. Она даже успокаивающе кивнула Юрениву, при этом цепко и быстро оглядев меня.

А у камина, за спиной Андрея Михайловича, как бы греясь, сидел человечек в простом сереньком костюме, тихий, как мышь. Близко поставленные глазки смотрели на нас робко, оттопыренные уши покраснели. Наверное, пере-

водчик. И, правда, он тут же вступил в дело, монотонно переводя все сказанное чукчей Йэкуниным.

Оказывается, чукча Йэкунин и впрямь каким-то образом выделил меня из присутствующих. Он хрипло, низко спросил:

— Какой юноша пришел?

— Ну, свой юноша, — ответил Юренев тем же деревянным голосом.

Чукча Йэкунин насытился. Он утирал жирные руки полами куртки. Туманные тундряные глаза довольно замаслились. На какое-то время он забыл про нас.

— Ну, как тут?

Юренев, несомненно, обращался к переводчику, но ответила женщина из закутка:

— Чалпанов переводит: Йэкунин сказки говорит.

— Сказки?

— Сказки, — кивнул от камина маленький Чалпанов. — Так говорит, с двоюродным братом по реке Угитилек ходили. Кости мамонта собирая, ходили.

— Много нашли? — недоброжелательно поинтересовался Юренев.

— Много нашли.

Я ошеломленно молчал.

Андрей Михайлович Козмин-Екунин, член-корреспондент Академии наук СССР, почетный член Венгерской академии и Национальной инженерной академии Мексики, почетный доктор Кембриджского университета (Великобритания), Тулузского университета имени Поля Сабатье (Франция), иностранный член Национальной академии Деи Линчеи (Италия), почетный член Эдинбургского королевского и Американского математического обществ, почетный доктор натурфилософии университета имени братьев Гумбольдтов (Берлин), пожизненный член Нью-Йоркской академии наук, человек, известный всем и давно во всем цивилизованном мире, сидел на белой медвежьей шкуре, подобрал под себя ноги и шумно жевал черное сивучье мясо: лез жирными руками прямо в сковороду и тут же вытирал жирные руки полами своей грубой куртки; и это он, Коз-

мин-Екунин, человек, с которым я дружил в течение много лет, сейчас интересовался: какой юноша пришел?

— Ну, свой юноша.

Чукча Йэкунин шевельнулся. Взгляд его ожил.

Не было, не было в нем безумия, но и узнавания в его взгляде я не увидел.

— Айвегым тивини-гэк...

— О чем он? — насторожился Юрнев.

Перевочик Чалпанов монотонно перевел:

— Вчера охотился... На реке Угитилек охотился...

Я ошеломленно рассматривал гостиную. Все, как всегда, все, как раньше. Но Йэкунин! Но чужая гортанная речь! «В кашне, ладонью заслонясь, сквозь фортку крикну детворе: какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Чукча Йэкунин долго, пронзительно смотрел на меня. Потом перевел взгляд на Юрневу, улыбка исчезла с морщинистого скуластого лица.

— Рэкыттэ йьонэн йилэйил?

— Что, собака настигла суслика? — монотонно перевел Чалпанов. Он не вкладывал в свой голос никакого чувства и, наверное, правильно делал.

— Собака? Какая собака? — насторожился Юрнев.

— Не знаю, — бесстрастно ответил Чалпанов. — Выговор не пойму, какой. Тундровый, олений он чукча или человек с побережья? У него выговор странный. Он фразу не всегда правильно строит.

— А ты строишь правильно? — Юрнев грубил.

— Я правильно, — бесстрастно ответил Чалпанов.

Их краткая беседа привлекла внимание Йэкунина. Не спуская глаз с Юрневу, он сжал кулаки, резко подался вперед. Глаза его, только что туманившиеся удовольствием, вдруг налились кровью:

— Ыннэ авокотвака! — прохрипел он. — Тралавты ркыплы-гыт!

Чалпанов обеспокоено перевел:

— Не сиди! Не стой! Ударю тебя! Это он вам, Юрий Сергеевич. Уйдите пока. Поднимитесь пока наверх.

Такое, похоже, у них уже случилось.

Кивнув, Юренев мрачно взбежал по деревянной лестнице на второй этаж.

Я спросил:

— Вы узнаете меня, Андрей Михайлович?

Чукча Йэкунин разжал кулаки и враз обессилел. Нижняя губа бессмысленно отвисла, глаза подернуло пеплом усталости.

— Он никого не узнает, — бесстрастно пояснил мне Чалпанов. — Он не понимает по-русски. Он живет в другом мире, у него там даже имя другое.

— Это не сумасшествие?

— Ну, нет, — сказал Чалпанов спокойно. — В этом смысле у него все в порядке. Он просто другой человек. Его мышление соответствует его образу жизни.

— Как он пришел к этому образу жизни?

— Не знаю, — все так же спокойно ответил Чалпанов, но глаза его обеспокоено мигнули. — Об этом лучше с Юревым.

— Да, да, — холодно сказала из закутка женщина в белом халатике. — Поднимитесь наверх.

Ей что-то в происходящем не нравилось.

— Нинупыныликин...

Не уверен, что это одно слово, но мне так послышалось.

— Поднимитесь в кабинет. Андрею Михайловичу не хорошо. Я должна сделать успокаивающие уколы.

— Ракаачек... — услышали мы, уже поднимаясь.

Чалпанов шепнул:

— Он на вас реагирует. А я вас сразу узнал, Дмитрий Иванович. — И заторопился. — Он, правда, на вас реагирует. Вот спросил: какой юноша пришел, а обычно новых людей не замечает. Он весь в другом времени, он прямо где-то там, в вашем романе. По речи его сужу. Келе, духи плохие, моржи, паруса ровдужные. Он Юрия Сергеевича за келе, за плохого духа держит.

— Не без оснований, — хмыкнул я.

— Ну что вы, Дмитрий Иванович, не надо так. Вы первый, кто на Йэкунина так подействовал. Только, знаете, он все-таки не береговой чукча. И не чаучу, не оленный.

Что-то в нем странное, мне понять трудно. Вот жалуется: народ у него заплоховал. Жалуется: ветры сильные, яранги замело, в снегах свету не видно. А то взволнуется: большой огонь снова зажигать надо! Так и говорит: снова.

Глава XI

НУС

Поднявшись в кабинет, я удивился — в кресле у раскрытого окна сидела Ия. На ней была белая короткая юбка и такая же белая кофточка, удивительно подчеркивающие ее молодость, ее свежесть.

Юренив раздраженно и тяжело прохаживался по кабинету.

— Торрома! — хмыкнул он, увидев меня. — Понял, как мы тут влипли? А ты — уеду!

— У меня билет заказан.

— Сдашь.

— Какого черта ты раскомандовался? — меня злило, что Ия ничем не хочет напомнить мне о вчерашнем — ни улыбкой, ни взглядом. А еще меня злило то, что за окном постоянно торчал коротко стриженный малый в кожаной куртке. Он был далеко, стоял под березой, но почему-то я был уверен — он слышит все, о чем мы говорим.

— Ладно, — сердито вздохнул Юренив. — Понятно, тебе хочется знать, чем мы тут занимаемся. Это твое право. Так вот, — он недовольно выпятил губы, — мы уже довольно давно ведем серию экспериментов, главным объектом которых является НУС. Какое-то время назад, я тебе говорил, у нас случилось непредвиденное: некий удар, взрыв, как ты понимаешь, неожиданный, разрушил одну из лабораторий. Одну из весьма важных лабораторий, — почему-то повторил Юренив. — В тот день с НУС работал Андрей Михайлович. Судя по разрушениям, НУС должна была сойти с ума. — Юренив так и сказал: «сойти с ума», как о человеке. — Или, скажем так, разрушиться. Но НУС продолжала работать! Мы даже не стали трогать разгромленную лабораторию, боялись нарушить связи, налаженные самой НУС. Я лично готов утверждать, правда, кроме интуитивных, у меня нет

никаких доказательств, что тот самый взрыв был спровоцирован самой НУС. Она, скажем так, самостоятельно вносила какие-то коррективы в свою конструкцию. К сожалению, рабочий журнал, который заполнял в день эксперимента Козмин, оказался поврежденным, полностью мы не смогли восстановить почти ни одной записи. Короче, мы не знаем, какой именно вопрос Козмина вызвал «гнев» НУС. — Юренев опасно покосился на меня: — Надеюсь, что ты понимаешь, что речь идет вовсе не о чувствах. Естественнее всего было бы расспросить саму НУС, но, похоже, начиная эксперимент, Андрей Михайлович ввел в программу некий запрет, некий ограничитель, касающийся меня и Ии... — он изумленно моргнул. — В данный момент мы практически не контролируем НУС.

— А раньше вы ее контролировали?

Юренев и Ия переглянулись.

— Да, — наконец ответил Юренев морщась. — Когда нам не мешали.

— Кто мог вам мешать?

Юренев подошел и встал против меня:

— Хочу, чтобы до тебя дошло: в систему НУС с самого начала входили четыре человека — Козмин-Екунин, я, Ия, и ты. Ты этого не знал, таково было требование Андрея Михайловича. Он считал тебя очень важной составляющей эксперимента. И действительно, все было хорошо, пока тебя не стало заносить.

— Не понимаю.

— Ладно. Попробую объяснить проще. Помнишь, Алтай? Наверное, сейчас ты уже сам понимаешь, что поиски плазмоидов, разговоры об НЛО — все это было так, для отвода глаз. На Алтае мы занимались настройкой НУС, не всей, конечно, но очень важного ее блока. Нам необходимы были специальные условия, некоторый устойчивый жестко детерминированный мирок. Если помнишь, Лаплас, утверждая своего демона, смотрел на Вселенную именно как на жестко детерминированный объект. Мы должны были сами создать условия. Понятно, мы не могли полностью отгородиться от внешнего мира, отсюда неточность многих

полученных нами результатов. Некоторые мы даже не смогли расшифровать. Помнишь зону на террасе, где побывали до нас геофизики? Этот феномен был связан с работой НУС, но так до сих пор и остается лежащим в стороне, непонятым и необъясненным. Твои с Ией походы за штопором были одной из самых важных опор нашей детерминированной системы. Ничто так надежно не балансирует систему, как бессмысленно повторяющийся акт. К сожалению, ты не продержался до конца эксперимента.

— Ладно, я помешал. Ладно, я сорвал вам эксперимент, — до меня еще не все дошло. — Но что помешало Андрею Михайловичу?

— Этого мы не знаем. Это нас и тревожит. Возможно, вопрос Козмина был сформулирован некорректно. Это тоже вызывает возмущения. Со временем мы разберемся в этом. Сейчас для нас главное — вернуть Козмина, расставить по местам заблудшие человеческие души.

— Ты думаешь, настоящий Козмин сейчас впрямь находится в чукотском стойбище где-нибудь в семнадцатом веке?

— Не знаю. — Юренив хмуро отвернулся, он смотрел теперь прямо в окно на коротко стриженного крепыша застывшего под березой. — Не могу утверждать. Я не большой поклонник загадок. Я всю жизнь вожусь с загадками, но я вовсе не поклонник загадок. Мы надеемся на тебя, возможно, ты сумеешь разбудить спящую память чукчи Йэкунина. Он реагирует на тебя, я надеялся на это. Он реагирует, правда, и на Ию, даже имя ей дал — Туйкытуй, сказочная рыба, красивая рыба, но на тебя он реагирует иначе. В этом что-то есть, здесь следует копнуть глубже. Меня, например, Йэкунин не терпит. Не знаю почему, но не терпит. Это тоже реакция, но Чалпанов утверждает — случайная. Как и реакция на Ию. Только на тебя у Йэкунина промелькнуло что-то вроде вспоминающей реакции.

Провидцы! Меня раздирали самые противоречивые чувства.

Встать и уйти? Но Козмин! Почему Козмин должен томиться где-то за стеной времени в вонючей тесной яранге?

Я спросил:

— Она разумна, эта ваша НУС?

— Скорее всеильна, — уклончиво ответил Юренев. — Он даже моргнул изумленно, будто такое объяснение удивило его самого. — При определенном подходе НУС может дать человеку все.

— Что значит все?

Юренев лишь усмехнулся. Похоже, он и так сказал уже больше, чем имел право говорить.

— А отнять? — спросил я. — При определенном подходе она и отнять может все?

— Дать, отнять, — нахмурился Юренев. — Какая разница?

— Не знаю, как ты, а я ощущаю разницу.

— Ну, если ты настаиваешь, — Юренев помедлил. Было видно, ему не хочется говорить. — Если ты настаиваешь... Да, НУС может и отнять все.

Глава XII

«Когда нам не мешали...»

Гостиницу вдруг заполнили иностранцы.

Видимо, обязательные доклады на международном симпозиуме по информативным системам были прочитаны, по коридору и в холле прохаживались группы возбужденных людей. Дежурная по этажу строго присматривала, чтобы курили в специально отведенных для этого местах. Мне она кивала как старому доброму знакомому.

— Как там дед? — спросил я ее.

— Хорошо, — обрадовалась дежурная. — Ему два пальца всего-то и отхватили. Теперь обещают повысить пенсию.

Она с удовольствием варила и приносила мне кофе.

Всего-то два пальца. Зато пенсию обещают повысить. Ахама, хама, хама. НУС может дать все, но может и отобрать все. Как это понимать? И почему Козмин не захотел, чтобы я вошел в систему сознательно? Я нужен был ему лишь для чистоты эксперимента?

Ахама, хама, хама... Быть в системе... Это, наверное, что-то вроде импринтинга, усмехнулся я. Перед вылупившимся

цыпленком вместо мамы— курицы протаскивают старую шапку. Для глупого цыпленка именно старая шапка и будет теперь всю жизнь мамой-курицей...

Шутка, конечно.

НУС не цыпленок.

«А раньше вы ее контролировали?» — вспомнил я. — «Да. Когда нам не мешали».

Да нет, Юренев сказал больше. Юренев ясно дал понять, что это я сорвал им эксперимент.

Возможно... Я усмехнулся: хорошее занятие покупать штопор, который нельзя купить. Все при деле. Шоферы сходят с ума от скуки в лагере, им запрещено его покидать, а ты должен каждый день мотаться в Кош-Агач и вовсе обязательно возвращаться в лагерь в определенное время. Ведь рядом Ия.

Ия... *Она все знала!* — эта мысль обожгла меня.

Она все знала, но ни взглядом, ни жестом не дала мне понять, кто я для них такой на самом деле. Может, и целовалась она со мной по заданию НУС или Козмина? Может, я для нее был всего лишь объектом эксперимента?

Алтайские загадки были теперь открыты.

Ясное солнце. Ясная тишина. Автомобильные фургоны, поставленные буквой Г. Где-то неподалеку мальчишеский голос: «Тор! Тор, твою мать!» Юренев высовывается из фургона:

— Хвощинский, гони его!

Я перехватываю неожиданного гостя за ручьем. Ему нельзя входить в расположение лагеря. Это совсем мальчишка, на ногах сапоги, на плечах расхристанная заплапанная телогрейка. Лошаденку свою он держит под уздцы, строится: «Тор! Тор, твою мать!»

— Встретишь медведя, что сделаешь? — Это любопытно выглядит появившаяся у ручья Ия.

Она *знает*.

— Ну, побегу, однако.

— А если медведь не захочет, чтобы ты побежал?

— Ну, все равно побегу.

Ия *знает*. Сплошной Бабилон.

Я выкладывался перед медлительной алтайкой в лавке древностей: давай мы купим все, а возьмем только штопор! Давай мы сожжем лавочку и спишем все на стихийное бедствие. На какое? Да хоть на землетрясение, хоть на вулканическое извержение, а хочешь, на метеорит. Или выходи за меня замуж!

Алтайка медленно улыбалась.

Она не может продать штопор.

У нее нет денег на сдачу. А Ия *знала*.

С неловкостью, мучительной, как зубная боль, я вспоминал вечерние рассуждения о плазмоидах. Аналоги НЛО. Изолированные вспышечные потоки солнечной плазмы. Некие космические экзотические формы с замкнутым и скрюченным магнитным полем, способные самостоятельно преодолевать чудовищные расстояния, разделяющие Солнце и Землю. Как романтично! Шелестел костер. Попискивал, возился в кустах веселый удод — полосатый, как матрос в тельняшке, хохлатый, как запорожец.

Вспышечные потоки... Замкнутые поля... А вокруг степь, ночь в звездах, зарницы над Северо-Чуйским хребтом. Вечность. И в фургонах мерцал синеватый свет — НУС работала. Она помогала Юреневу искать следы проявлений своей собственной деятельности.

А Ия *знала*.

Свет костра, поднебесная эйфория.

ПлазмOID врывается в атмосферу Земли как метеорит.

Этакая магнитная бутылка, космический пузырь разрежения. Самая прочная часть плазмOIDа — носовая, говоря попросту, горлышко бутылки. Здесь магнитные силовые линии должны быть закручены так, чтобы обеспечить полное отражение зарядов плазмы. Вот деформация силовых линий там и начинается. Когда сжатие достигает критического уровня, магнитная бутылка схлопывается и происходит мгновенная рекомбинация водородной плазмы. Взрыв, затмевающий вспышкой солнце. Вот где, наверное, надо искать истинную разгадку Тунгусского феномена. Не метеорит, а именно плазмOID.

«Когда нам не мешали...»

Ночь в звездах, ветер, настоянный на чабреце, молчание высоких небес, далекие вершины, покрытые снегом.

«Когда нам не мешали...»

Я хорошо помнил последнюю ночь в нашем алтайском лагере. Первым услышал ломящихся к нам сквозь кусты людей, кажется, Юренев. Да, он. Он же и первым вылез с фонарем из палатки.

— Хвощинский!

Я бежал вслед за ним, оскальзываясь на мокрой траве. Никогда еще посторонние не подходили так близко к нашему лагерю. Мы сперва услышали их, потом увидели — два алтайца, в сапогах, в неизменных телогрейках. Они вели за собой лошадей. Лошади испуганно шарахались от бьющего им в глаза света.

— Ну, помогай, — облегченно выдохнул пожилой алтаец, стаскивая с круглой головы шапку, заслоняясь ею от света. — Вот бабе надо рожать. Тухтур-бухтур! Помогай.

Второй для вящей убедительности хлопнул себя кнутом по голенищу.

— Нельзя сюда! — заорал Юренев. — Туда возвращайтесь! Туда!

Юренев задыхался.

— Почему нельзя? — удивился старший алтаец и почесал рукой редкую бородавку. — Почему возвращаться? Однако роженица у нас.

— Какая с черту роженица, с ума сошли! Нельзя сюда! — Юренев отталкивал, оттеснял алтайцев к дороге. — Туда идите! Там тракт.

Из темноты вынырнула полуодетая Ия.

— Баба, однако, — обрадовались алтайцы и потянулись к ней, волоча за собой упирающихся лошадей. — Ну, роженица у нас. Ну, совсем рожает. Дай машину, повезем роженицу в поселок.

— Нельзя! Нельзя! — отталкивал, оттеснял алтайцев Юренев, и тот, что был помоложе, рассердился. — Помогай, однако. Машины нет, трактора нет, тухтур-бухтур, ничего нет. Как роженицу в больницу везти?

— Нет машины! — рычал, наступая на алтайцев, Юренев.

Он явно был не в себе, я смотрел на него с удивлением. Как это не дать машину роженице?

Но Юренив ревел:

— На тракт идите, на тракте много машин.

— Нельзя сюда, — подтверждала Ия. — Совсем нельзя.

И нельзя на наших машинах возить людей.

— А «газик»? — подсказал я.

— Заткнись! — прошипел Юренив, зло отбрасывая меня к ручью. Я чуть не упал. — Заткнись! Тебя, дурака, не просят выступать.

— Там же роженица! Ты с ума сошел!

— Молчи! — Ия быстро зажала мне рот узкой ладошкой.

Она *знала*. Я видел испуганные расширенные зрачки Ии:

— Молчи. Прошу тебя, молчи. Машины — это не твое дело. Тут и так... Все к черту...

Испуганные, ошеломленные алтайцы все-таки отступили. Какое-то время мы слышали в ночи перестук копыт, потом перестук смолк.

Я презрительно сплюнул: ага, штопор нам нужен!

Я не мог смотреть ни на Ию, ни на Юренива. Звезды. Дивная ночь. Вечность. Плазмоиды. В ту же ночь я ушел из лагеря.

Глава XIII

Козмин Насон, покрученник

Белка цыкала за окном на ветке сосны. Я отмахнулся: вали, белка! нет у меня ничего.

Горячий асфальт. Июль. Дымок сигареты легко выносило в окно, он тут же растворялся в душном воздухе. Эти фотографии, эти эффекты второго порядка. Как они поступают с такими штуками?

Прячут в архив?

Уничтожают?

«Не делай этого...»

Демон Сократ, когда его хозяин принимал важное решение, всегда запрещал ему поступать иначе, как он поступил. Наверное, Козмин не случайно ввел меня в систему — осто-

рожность далеко не всегда вредна. В общем, на Козмина я не держал обиды, как, впрочем, и на Юренева. Но Ия! Туйкытуй. Сказочная рыба, красивая рыба...

Я понимал, я несправедлив к Ие, но ничего не мог с собой поделаться.

Чукча Йэкунин, рвущий мясо руками, это и есть великий математик Козмин, создавший НУС, систему, которая может дать все? И что, кстати, значит это все? Что по— настоящему может НУС? Загонять людей в какое-то чужое время?

«Не делай этого... Уезжай...»

Я вспоминал. Как там сказал чукча Йэкунин?

А, да... «Что, собака настигла суслика?» Так спросил чукча Йэкунин, а сам странно смотрел при этом на Юренева. И эта внезапная вспышка: «Не сиди! Не стой! Ударю тебя!»

Туйкытуй. Сказочная рыба.

Бедный Козмин. Уехать? Остаться? Я же для них всего только часть системы, некий инструмент для достижения их целей. Вчера космические плазмиды, сегодня чукча Йэкунин.

Не чукча, возразил я себе, Андрей Михайлович.

Но сразу лезли в голову — вязаное платье Ии, телефонные звонки, мерзкий швейцар, хор женских голосов...

Отвлекись. Не думай об этом.

Думай о Козмине!

Да, Козмин... Юренев прав, это странно: почему чукча? Если включился механизм генной памяти, то почему чукча? У Андрея Михайловича были в роду чукчи?

Екунин... Йэкунин... Близко лежит...

Впрочем, это не доказательство.

Что, кстати, говорил Юренев о ключевых фразах? Они, кажется, собираются разговорить чукчу Йэкунина? Как, интересно, видит нас чукча Йэкунин? Как он видит комнату, зелень поляны под окном. Как он видит Юренева, Ию? Как он справляется с этим двойным миром, ведь между нами почти ничего нет общего?

Большой червь живет, вспомнил я. В стране мертвых живет. Червь красного цвета, полосатый и так велик, что нападает на моржа даже, на умку даже. Когда голоден, опасен

очень. На олешка нападает — душит олешка, в кольцах своих сжав. Проглатывает жертву целиком, зубов не имея. Навевшись, спит. Крепко спит. Где поел, спит. Так крепко спит, что дети мертвецов разбудить не могут, камни в него бросая.

Как там сказал Чалпанов? «Выговор не пойму какой... тундровый он оленный человек или с побережья?»

Что-то там еще было.

Ну да. Это Чалпанов потом шепнул, когда мы поднимались по лестнице. «Он не береговой чукча. И не чаучу, не оленный. Что-то в нем странное, мне понять трудно. Вот жалуется: народ у него заплоховал. Жалуется: ветры сильные, ярангу замело, в снегах свету не видно. А то взволнуется: большой огонь снова зажигать надо! Так и говорит: снова!»

Вот оно.

Большой огонь. Сполохи.

На севере говорят: уотта юагыр убайер — юагиры зажигают огни.

Цветная мысль: лунный снег — слежавшийся, убитый ветрами. Низкая Луна, смута ночи. Большой огонь снова зажигать надо.

«Что, собака настигла суслика?»

О чем я? Я не знал. Но уже томилось в мозгу, что-то толкалось в сознании. Козмин-Екунин фамилия древняя. Если предки Андрея Михайловича когда-то ходили в Сибирь, где-то их путь мог пересекаться с чукчами.

Я, наконец, впервые набрал телефон ноль шесть ноль шесть.

— Я слушаю вас, — тут же ответил вышколенный женский голос.

— Юренева, пожалуйста.

— Юрия Сергеевича?

— У вас есть другой?

— Нет, — секретаршу Юренева, похоже, трудно было смутить. — Что передать Юрию Сергеевичу?

Я помедлил секунду. Странная штука мстительность. Есть в ней что-то недоброе.

— Передайте: Хвошинский ждет звонка. И срочно.

И повесил трубку. Был уверен, Юренев не позвонит. А если позвонит, то далеко не сразу. Но звонок раздался незамедлительно.

— Зачем пугаешь Валечку? — Юренев хохотнул. — Она не привыкла к такому обращению.

— Пусть привыкает.

— Ага, понял, — обрадовался Юренев. — Не тяни. У меня мало времени. Что там у тебя?

— Книга мне нужна.

— Книга? — Юренев удивился, но он умел ценить юмор. Я слышал, как он там крикнул: «Валечка! Сделай все так, как просит Хвошинский!»

— Слушаю вас, — Валечка и виду не подала, что минуту назад уже разговаривала со мной. Голос у нее теперь был обволакивающий, ведь я явно входил в круг интересов ее шефа, она уже любила меня. Я не мог и не хотел этого допустить:

— Записывайте.

— Записываю.

— «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Это сборник документов. Издание Главсевморпути, год, кажется, пятьдесят третий. Почему-то при вожде народов любили географию. Книга нужна мне срочно.

— Простите, но данная книга вне тематики нашего института, у нас вряд ли найдется такая книга.

— Меня это не интересует, — в тон ей ответил я. — В принципе, история не может быть вне тематики, даже в вашем институте. Так что жду.

И повесил трубку. И заказал кофе. И стал ожидать Валечку.

Кофе принесла пожилая дежурная. Мы с ней совсем подружились. Конференция кончается, сообщила мне дежурная доверительно, скоро иностранцы пить начнут.

Я понимающе кивнул.

А книгу принесла все же не Валечка.

Книгу принесла худенькая, совсем юная лаборантка, коротко стриженная, в очках, и смотрела она на меня так пугливо, что я сразу ее отпустил.

Я подержал в руке тяжелый, прекрасно изданный том.

«Все, до сих пор в России напечатанное, ощутительно дурно, недостаточно и неверно», — так в свое время сказал по поводу публикаций исторических материалов в России немец Шлецер. Хорошо, что мне не надо было отвечать на его вызывающие слова, это прекрасно сделал в свое время Ломоносов. «Из чего заключить можно, — ответил Ломоносов на слова Шлецера, — каких гнусных гадостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина!»

Я наугад открыл книгу.

Северо-восток России, путь к океану, полярная ночь. Некий стрелец Мишка отчитывается: «А как потянул ветер с моря, пришла стужа и обмороки великие, свету не видели и, подняв парус, побежали вверх по Енисею и бежали до Туруханского зимовья парусом, днем и ночью, две недели, а людей никаких у Енисейского устья и на Карской губе не видели».

Бородатые казаки, огненный бой, дикующие инородцы, ветер, снег, над головой сполохи. «А соболь зверок предивный и многоплодный и нигде ж на свете не родица опричь северной стране в Сибири. А красота его придет вместе с снегом и опять с снегом уйдет...»

Я вздохнул.

Я успокаивался.

Это был иной мир, я им занимался много лет.

Где-то среди этих документов следовало искать следы неизвестных мне предков Козмина—Екунина.

Я раскрыл именной указатель. Тут были десятки, сотни имен, но я знал, где искать нужное и медленно повел пальцем по узкой колонке.

Елфимов Томил Данилов, промышленный человек.

Елчуков Степан Никитич, дьяк.

Емгунт, юкагирский князь.

Ерастов Иван Родионов (Велкой), казак, сын боярский.

Ерило Денис Васильев, казак.

Фамилии Екунина в этой колонке я не нашел и сразу почувствовал разочарование.

Впрочем, фамилия Екунина могла в свое время писаться и через Я.

Яковлев Алексей Усолец, торговый человек.

Яковлев Данила, промышленный человек.

Яковлев Иван, казак.

Яковлев Кирилл, енисейский воевода.

Яковлев Яков, промышленный человек.

Ярыжкин Петр, сын боярский.

Ячменев Иван, казак.

Сколько сапог стоптали в сибирских и в северо-восточных тундрах и на горах никому не ведомые Яковлевы и Ярыжкины, пробиваясь к Великому океану, — томящему, зовущему, тонущему в туманах и преданиях...

За Яковлевым Яковом, промышленным человеком, я обнаружил имя Якунина Воина, подьячего.

«См. стр. 220».

Я перелистал том.

«Наказная память якутского воеводы Ивана Акинфова козаку Федору Чюкичеву о посылке его на реку Алазею для сбора ясака и роспись служилым людям, посланным с ним вместе, а также товарам и запасам, выданным на подарки иноземцам».

Алазея. Я вздохнул.

Алазея и Чукотка — это вовсе не рядом.

«Для письма ссыльный подьячий Воин Якунин, Ивашко Ячменев, Любимка Меркурьев, Лучка Дружинин. Да ему ж, Фетьке, на Алазейке реке принять служилых людей: Левку Федотова, Лаврушку Григорьева, Ивашка Перфирьева. Да ему ж, Фетьке, дано ясачным юкагирем за ясак на подарки: 7 фунтов одекую синево, да в чем аманатам есть варить, котлы меди зеленой весом 6 фунтов».

И так далее. То есть, ссыльный подьячий Воин Якунин не ходил на Чукотку. Если какое-то родство и связывало его с Козминым-Екуниным, мне это ничего не могло дать. Поэтому я тут же заказал телефонный разговор с Москвой. Если кто-то мне мог помочь, то, прежде всего, Ярцев. В. П. Ярцев, Василий П. Ярцев, как он любил расписываться, короче, Вася Ярцев, мой старый друг. Он, Вася Ярцев,

вхож в любой архив, он знает родословную любой более или менее известной семьи в России.

Ожидая звонка, я раскрыл именную указатель на букве «к».

Проверка, собственно, больше формальная.

Кабалак Люмбупонюев, юкагир.

Казанец Иван Федоров, промышленный человек.

Казанец Любим, целовальник.

Кайгород Федор Иванов, казак.

Калиба, чукчанка.

Камчатый Иван, казак.

Каптаганка Огеев, якутский тойон.

Катаев Второй Федоров, сын боярский.

Не имена, а музыка ледяная северная.

Келтега Калямин, юкагир.

Кетев Леонтий, гонец.

Кобелев Родион, сын боярский.

Ковыря, юкагир.

Кожин Иван, пятидесятник.

Козинский Ефим (Еуфимий) Иванов, письменный голова.

В самом конце столбца я увидел имя, сразу остановившее мой взгляд.

Козмин Насон, покрученник.

Глава XIV

Эффекты второго порядка

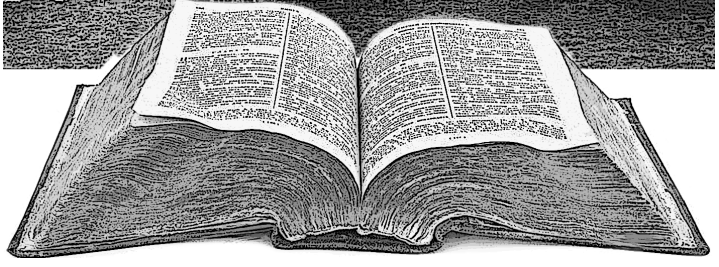
— Оставь чашку в покое, дай Хвошинскому осмотреться, он не был у тебя два года.

Было странно видеть Юренева расслабленным.

В шортах и знакомой футболке он завалился в кресло. «Оля была здесь». Потом вскочил, прошелся по комнате.

Оказывается, у Юренева появилось новое увлечение: раковины.

Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре висел прямо надо мной на стене, сквозь раскрытую дверь я видел старинный застекленный шкаф в коридоре, оттуда Юренев время от времени приносил удивительные раковины, но меня вдруг заинтересовала небольшая черно-белая фотография, взятая в металлическую рамку.

Робкий взгляд, длиннокрылая мордочка, в огромных круглых глазах мохнатого создания растворено неземное страдание.

— Лемур?

Юренив неопределенно хмыкнул. Концом салфетки он пытался осушить лужицу пролитого на стол кофе:

— Тупайя.

Я глянул на Ию, она подтверждающе кивнула.

— Разве тупайи не вымерли?

— Вымерли. И даже давно, — Юренив неожиданно обрадовался.

— Тоже эффект второго порядка? — спросил я сухо.

Юренив кивнул. Он загадочно усмехался. Меня все больше и больше охватывало неприятное чувство зависимости.

— Зачем НУС эффекты второго порядка? Она пугает?

— Пугает? — Юренив в негодовании надул щеки. — Разве можно говорить про смерч, что налетая на город он кого-то собирает пугать? Или цунами.

Он тяжело вставал, разминал отсиженную ногу, хромал в коридор и появлялся с какой-нибудь раковиной в руках.

— Взгляни, Хвоцинский, — его голос становился доброжелательным, на мгновение он обо всем забывал: — Это ципрея... — Он показывал волнистую розовую раковину, похожую на полуоткрытые женские губы. — Хороша?.. А эта? — он осторожно поднимал длинную узкую раковину, похожую на спиралью завитый гвоздь... — Редкая штучка. Это Силичжария кюминчжи. Или вот, — он восхищенно поднимал над собой красноватую раковину, похожую на половинку растрепанной хризантемы. — Спондиллюс красивый! Я ни слова не придумал. Именно так она и называется!

Он ставил раковину в шкаф и возвращался.

— Видишь, как они разнообразны? Та же ципрея может быть грушевидной, пятнистой, тигровой, она умеет изумлять, Хвоцинский. Но разве изумляет она осознанно?

— Где ты берешь их?

Вопрос Юрениву не понравился. Он даже моргнул, но отвечать не стал. Гнул свое:

— Природа не может действовать осознанно. Может быть, целеустремленно, но никак не осознанно.

— А разве цель не следует осознать?

— Ты осознанно тянулся к материнской груди?

Юренев не желал принимать меня всерьез.

Он явно нуждался во мне, но принимать всерьез не хотел, а я устал от его антиномий.

Ия почувствовала разлад.

Разливая кофе, она положила руку мне на плечо. Она пришла к Юреневу в вязаном платье, которое мне так нравилось, но я не был уверен, что она сделала это ради меня.

— Ты не очень подробно рассказывал мне про НУС.

Юренев выпятил губы:

— А я не собирался рассказывать. Зачем тебе это? Твое дело творить мифы. Это можно делать, не влезая в суть проблем.

Шутка Юреневу понравилась, он даже подобрел на мгновение:

— НУС создание нашего ума, наших рук, но, право, я не смог бы объяснить тебе и двадцатой доли того, что о ней знаю. НУС охватывает определенный район, его мир для нее детерминирован способами, о которых я сейчас говорить не могу. Зная сегодняшние состояния этого мира, мы вполне можем предсказывать будущее. Короче, Козмин приручил лапласовского демона — это был, скажем так, классический период нашей работы. Я понятно объясняю? — он фыркнул. — А сейчас мы вошли в период, скажем так, квантовый, на нас начинает работать демон Максвелла. Мало знать о катастрофе, которая может нас ждать, следует научиться на нее воздействовать. Предвидеть и воздействовать, есть разница, правда?

— Прикуривать прямо из воздуха... — пробормотал я.

Юренев снисходительно кивнул:

— У меня получилось.

— А мораль? — спросил я. — Это же насилие. Почему кто-то должен терять пальцы только потому, что у тебя не оказалось под рукой спичек?

Ия внимательно следила за нами.

Ее синие глаза оставались бесстрастными.

Почему?

Она целиком разделяла взгляды Юренева или просто не хотела ему возражать?

«Нам надо быть сильными», — вспомнил я.

— Мораль? — Юренив задумался. — Мораль определяется целью. Так было всегда.

— Мне не нравится это утверждение.

— Тебе всегда что-то не нравилось, — Юренив расправил плечи. «Оля была здесь». — Наверное, Козмин потому и включил тебя в систему. Для равновесия. — Он ухмыльнулся. — У тебя плечо оттоптанно.

— Плечо не душа.

— Мы тоже не бомбу испытываем.

— Хиросима может быть тихой.

— Да? — Юренив изумленно моргнул. — Хорошо сказано. Но, надеюсь, новый эксперимент нам поможет, мы вернем Козмина.

— И ты уже знаешь, как это сделать? — не поверил я.

— Посмотрим...

Юренив задумался.

— Одно ясно, Козмин чего-то недоучел. А может, наоборот, представлял всю опасность такой работы, потому и ввел некие запреты. Я их сниму. Я уже объяснял тебе: НУС — достаточно замкнутый мир. В такой системе все состояния могут бесчисленное количество раз возвращаться к исходным. Вот я и проделаю это.

Он неожиданно усмехнулся:

— В сущности, все снова сводится к старой проблеме чуда. Вот комната, — обвел он рукой. — Будем считать, что она достаточно изолирована от мира, существует сама по себе. В такой системе рано или поздно тяжелый письменный стол может сам по себе подняться к потолку, зависнуть под потолком на неопределенное время. Без всяких видимых причин, понимаешь? — он прямо гипнотизировал меня блестящими от напряжения глазами. — Или, скажем, распухнет бамбуковая лыжная палка, даст корни, листья. Разумеется, речь идет о вероятности исключительно малой, но такая вероятность, заметь, существует, она не равна нулю. Почему бы нам не повысить процент? А?

Я перехватил взгляд Ии, она смотрела на Юренева с тревогой, она явно боялась за него.

Я сказал:

— Метеоролог строит расчеты на известных ему состояниях атмосферы, кстати, довольно неустойчивых. Он никогда не принимает во внимание все условия, это попросту невозможно, а потому мы никогда не имеем абсолютно точных прогнозов. Как бы ни была изолирована твоя система, выходы на мир у нее есть. Я не знаю, чего в конце концов, вы добиваетесь от НУС. Может, она действительно даст вам все, сделает вас всемогущими, может, она даже и на этом не остановится, хотя, убей Бог, не могу представить, во что все это выльется. Но ведь может случиться и так, что вы упретесь в какое-то уже непреодолимое ограничение. Ты можешь сказать, что вы в него уже не уперлись?

Юренив быстро спросил:

— Ты боишься?

Я пожал плечами. Если я боялся, то за Козмина. Впрочем, и за себя тоже.

— Твоя нерешительность понятна, хотя и беспочвенна, — мягко вмешалась Ия.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ты уже работаешь на НУС, — она улыбнулась. — За эти три дня ты столкнулся со множеством вещей, которые ужаснули бы обыкновенного человека. Но ты ничуть не ужаснулся, ты даже не собираешься уезжать. А вчера ты потребовал у Валечки старую книгу. Я видела ее. По-моему, скука смертная. Но книга тебе потребовалась не просто так. Ведь не просто так? — она смотрела на меня внимательно, она насквозь видела меня. — Это связано с Козминым? У тебя есть какой-то свой план? Расскажи нам.

Глава XIV **(Продолжение)**

.....ну да, чукча.

Но почему чукча? Законы крови определены, а любая информация оставляет свой след в мире. Зачем браться за эксперименты, результаты которых могут привести, бог зна-

ет, к чему, — покосился я на Юренева. — Надо поднять старые документы. Если Андрей Михайлович действительно оказался в стойбище чукчей, он не мог не оставить каких-то следов, если даже и там его окружают коротко стриженные ребята в кожаных кухлянках. Я уже звонил Ярцеву, он обещал помочь.

— Ярцев? Кто это?

— Архивист. Мой приятель.

Юренев нетерпеливо забарабанил толстыми пальцами по столу:

— Ахама, хама, хама. Ярцеву надо помочь. Дай мне его телефон, я свяжу его со спецслужбами.

— Не надо, — возразил я. — Не пугай человека.

— Как хочешь, — Юренев недовольно покачал головой. — Ну, ты нашел в именном указателе некоего Насона Козмина. И что? Кто он?

— Покрученник.

— Не дури нам головы. Что за дурацкая терминология?

— Иначе, соуженник, — пояснил я не без тайного злорадства. — Промышленник, на свой страх и риск присоединяющийся к какому-нибудь отряду. Оружие у него свое, и снасть своя. Но он самостоятелен, хотя и входит в отряд.

— Как ты, например, — ухмыльнулся Юренев, любуясь раковиной ципреи, оставленной на столе.

— Я уже установил, что Насон Козмин впервые появляется в отчете неизвестного Холмогорца. Они вместе ходили на Оленек.

— Холодно, холодно... — пробормотал Юренев. — Я не географ, но Оленек это не Чукотка.

— В первой половине семнадцатого века, а если совсем точно, в тысяча шестьсот сорок восьмом году, отряды Холмогорца и Дежнева, если вы помните, отправились на поиск богатой реки Погычи. Они обошли Большой каменный нос, высаживались, естественно, и на чукотском берегу. Новые походы никогда не бывают мирными. В столкновении с чукчами сам Холмогорец был ранен копьем в бедро, возможно, кто-то из отряда был убит или потерян. Насон Козмин входил в отряд Холмогорца. Мог он попасть в руки чукчей?

— Теплей, теплей... — Юренев даже надул щеки. — Представляю Андрея Михайловича... Он и в яранге бы выжил... Математику не надо каких-то особых инструментов...

И вдруг спросил, наморщив нос:

— Собственно, что это дает нам?

— Уверенность, — ответил я. — Уверенность в том, что мы правы, рассуждая так, а не иначе.

— Но этого мало, — изумленно воззрился на меня Юренев.

— Если мы будем знать, что Андрей Михайлович, подобно чукче Йэкунину, действительно находится в чужом мире, мы можем выходить на НУС. Ведь зачем-то же ей это понадобилось. Может, она предупреждает нас о чем-то? Вспомни, что делается в физике, ты же физик. Если Вселенная подчиняется вполне определенным законам, в конце концов мы можем свести все частные теории в единую полную, которая и будет описывать все во Вселенной. Понятно же, что таким образом мы подойдем вплотную к пониманию законов, которым подчиняется Вселенная. Но если это так, сама же теория должна каким-то образом воздействовать на нас, то есть определять наш же поиск. Не сочти это за дилетанство, — я обращался к Юреневу, — я могу сослаться на мнение Хокинга, по-моему, он и для тебя авторитет. Почему же теория должна заранее предопределять правильные выводы из наших наблюдений? Почему ей с тем же успехом не привести нас к неверным выводам? И почему ты думаешь, что в новом эксперименте НУС выдаст тебе то, чего хочешь ты, а не она? Тебя что, абсолютно не трогают эти ваши эффекты второго порядка?

— То есть ты хочешь сказать, — медленно заметил Юренев, — что мы должны сидеть сложа руки, пока ты там что-то будешь искать в этих своих казачьих отписках и скасках? Сколько может длиться такой поиск?

— Годы, — сказал я твердо. — Ведь я даже не знаю, что именно надо искать.

— Ну вот, — облегченно вздохнул Юренев, — а я сделаю это в считанные часы.

— Кому-то здорово достанется...

— Может быть. У нас нет другого выхода. Мы не можем держать Андрея Михайловича в яранге многие годы.

Я взглянул на Ию. Она виновато опустила глаза. Я их не убедил.

— С чего они начались, ваши эффекты? — хмуро спросил я.

Ия улыбнулась:

— Со случайностей. Возможно, что-то происходило и во время первых экспериментов, мы этого попросту не знали. Одно время нам здорово не везло, вместо определенных результатов НУС выдавала галиматю. Юренев прямо взбесился, сутками не вылезал из лаборатории, однажды утром притащился ко мне злой, голодный. «Сделай омлет...» — Ия улыбнулась. — У меня в холодильнике лежало одно— единственное яйцо. «Все равно жарь!» Не поверишь, я что-то такое чувствовала, я несла яйцо к сковороде осторожно, а оно все равно вывалилось. Прямо на пол. — Синие глаза Ии потемнели. — Я слышала, я видела, как оно шмякнулось. Всмятку! А Юренев выпучил глаза: «Назад!» Я даже взвизгнула, когда яйцо — целое! — снова оказалось в моей руке. Теперь я уже выпустила его из страха. И опять: «Назад!» — и яйцо в руке. Мы это проделали раз двадцать, до остолбенения, а потом я это яйцо все же изжарила.

Ия вспомнила и другой случай.

Они возвращались в Городок. Машину вел Юренев. Он никогда не был хорошим водителем, а тут самое что ни на есть паскудное сентябрьское утро с морозящим дождем, а над железнодорожным переездом густой туман, фонарей не видно. Какая-то машина в кювете, того смотри, сам там окажешься. Ну хоть бы на минуту окошечко! Это Юренев выругался. И тут же обозначилось в тумане какое-то смутное шевеление. Шум какой-то, вихревой толчок. В течение трех минут машина шла в центре вихря, прорвавшего туман до небес. Можно представить: сырой переезд, уходящий в туман поезд и солнце, брызжущее на оторопевшую дежурную у шлагбаума!

— Вот тогда мы и взялись за эти загадки. Андрей Михайлович завел особую тетрадь, куда мы стали вносить подробные описания всех необычных событий, случившихся

в районе Городка. Был такой клоун-канатоходец Бим, очень известная среди детворы личность. Творил чудеса. Плясал на канате, делал стойку, вертелся как белка — без страховки, на любой высоте. И вдруг что-то случилось с ним прямо на представлении, — Ия с отвращением передернула плечами, обтянутыми вязаным платьем. — Нет, он не сорвался с каната, он просто повис на нем. Он орал на весь зал, он был полон ужаса и перепугал и детей, и взрослых. Естественно, карьера его на этом закончилась. И если бы только это... — Ия вздохнула. — Был период, когда мы спокойно предугадывали события. Лаборатория провидцев. Тот выигрывает в лотерее, этот находит тугой кошелек. Мелочи, но эффективные. Обком додумался использовать нас в своих целях, но это, к счастью, не затянулось. Предсказать неприятности мы могли, повлиять на них было невозможно. На нас махнули рукой. И зря. Потому что как раз к тому времени мы научились и воздействовать на события. Но одновременно пошли странные вещи. Помнишь Леньку Кротова? Осенью в Тюмени, где уже шел снег, он схватил тяжелейшую форму тропической лихорадки. Или вдруг дед один стал получать письма десятками, как бы от родственников. — Ия явно что-то не договаривала. — Мы проанализировали все факты, ставшие нам известными. Получилось так: любое наше воздействие на события вызывает некий обратный эффект.

Ию прервал Юрнев. Он неожиданно приподнялся и хрюкнул, как сарлык, есть на Алтае такие животные, помесь быка и яка. Даже с бородами, кстати. Юрнев нас не видел, что-то там такое пришло ему в голову, он даже глаза закрыл, отыскивая на ощупь карандаш.

— Не мешай ему, — шепнула Ия.

— Чем я ему мешаю?

Юрневу действительно ничто не могло помешать, он быстро писал что-то в блокноте, снятом с полки.

Я мрачно заметил:

— И ничем нельзя оградить себя от этих эффектов? Скажем, фотографии... — я вспомнил лежащего на лестничной площадке Юрнева, и Ия, кажется, меня поняла. — Нельзя же просто ждать.

Я осмотрелся. Конечно, все это я уже видел на той странной фотографии — семейный портрет с обнаженной женщиной в центре, зеленое кресло старинного рытого бархата, книжные стеллажи.

— Можно, — ответила Ия. — Если знаешь конкретно обстановку предстоящего события, обстановку следует изменить.

— Как?

— Ну, скажем, переставить мебель, — Ия явно думала сейчас все о тех же фотографиях, побывавших у Славки. — Убрать, вынести из квартиры некоторые предметы.

— Шарф, к примеру...

— Шарф, к примеру, — кивнула она.

И вдруг спросила у Юренева:

— У тебя есть красный шарф?

Юренив, не отрываясь от записей, отрицательно покачал головой.

— И этого достаточно?

— Вполне.

— Но если это так, — я не мог понять, — если все так просто, то, что вас, в сущности, пугает?

— Мы не обо всем узнаем вовремя.

Ия улыбнулась, но я бы не назвал ее улыбку веселой:

— Скажем, эти фотографии не обязательно могли попасть в твои руки.

Глава XV **Сквозь века**

Двое суток я был предоставлен самому себе.

Тревогой были наполнены эти сутки. Я боялся спать и почти все свободное время проводил в Доме ученых или в коттедже Козмина-Екунина. Как-то само собой случилось знакомство с Роджером Гомесом («Знаем теперь, какая там мафия!»), колумбийцем. Держался он непринужденно, с достоинством посматривал по сторонам красивыми карими глазами, хорошо говорил по-русски и всегда был не прочь подшутить над окружающими. Чаще всего объектом его

шуток становились голландцем Ван Арль и некий Нильсен, скандинав по происхождению и бразилец по гражданству. Обычно я с ними обедал. С невероятным упорством Нильсен все разговоры сводил к институту Юренева (никто не говорил — к институту Козмина-Екунина). Похоже, доклад, прочитанный доктором Юревым на международном симпозиуме, что-то стронул в мозгу Нильсена. Роджер Гомес этим беззастенчиво пользовался. Подмигнув тучному Ван Арлю, и мне, он утверждал: этот русский доктор Юренев умеет вызывать северные сияния.

— Северные сияния? — белобрысый, но дочерна загорелый Нильсен щелкал костлявыми пальцами: — Я верю. Я заинтригован.

— Представляете, Нильсен, — заводился Роджер Гомес, сияя великолепной улыбкой. — Вы и Ван Арль, — он подмигивал тучному голландцу, — вы плывете на собственной яхте по Ориноко...

— Я небогатый человек, — честно предупреждал Нильсен. — У меня нет собственной яхты.

— Ну, на яхте Ван Арля. Это все равно.

Ван Арль добродушно улыбался. Похоже, он мог иметь собственную яхту.

Откуда— то со стороны выдвигался острый профиль австрийца — доктора Бодо Иллгмара. С сонным любопытством он прислушивался и моргал короткими светлыми веками.

— Так вот, Нильсен, вы плывете на собственной яхте Ван Арля по Ориноко...

— Ориноко это в Венесуэле, — возражал бывший скандинав.

— Ну, хорошо, — Гомес начинал терять терпение. — Вы плывете по Амазонке на собственной яхте Ван Арля...

— Вы своим ходом пересекли Атлантику? — вмешивался ничего не понявший в нашей беседе доктор Бодо Иллгмар. — Это нелегкое дело. Снимаю шляпу.

Мы смеялись. Гомес громче всех. Ему многое прощалось: он считался лучшим другом доктора Юренева.

Потом в гостиницу позвонил Ярцев.

Тихий, незаметный человек, он и говорил тихо, не торопясь. Козмины—Екунины древний род. Не очень богатый, не очень известный, но древний.

— И интересный, — несколько занудливо убеждал меня Ярцев. — Вот сам смотри. Отец Андрея Михайловича служил в штабе адмирала Колчака. Как ни странно, не ушел в эмиграцию и дожил до тридцать седьмого. Один из предков, Николай Николаевич, дед, участвовал в кампании против персов и турок, усмирал Польшу, был лично отмечен императором Николаем I. Судя по всему, отличался резко выраженной верноподданностью. Когда англичане взяли Бомарзунд, Аландские острова, вышли в Белое море, на Дунай и Камчатку, подвергли бомбардировке Одессу, высадились в Крыму и разбили русскую армию под Альмой, престарелый Николай Николаевич Козмин-Екунин покончил с собой выстрелом из пистолета в сердце.

— Ну, что еще? — бубнил в трубку добросовестный Ярцев. — Козмин-Екунин Алексей Николаевич упоминается в тетрадях Василия Львовича Пушкина. Алексей Николаевич был масоном, но большой патриот. Один из тех, кто к императору Александру I писал в стихах: «Разгонишь ты невежеств мраки, исчезнут вредные призраки учений ложных и сует. Олтарь ты истине поставишь, научишь россов и прославишь, прольешь на них любовь и свет».

— Хорошо, — поторопил я. — «Призраки» это хорошо. Давай дальше.

— Интересна судьба Алексея Алексеевича, он из прямой ветви Козминых—Екуниных. Выдвинулся при Павле, при нем и унижен.

Я возмутился:

— Копай глубже!

— Ну, так вот, Насон Козмин, спутник Холмогорца, тоже из прямых предков Алексея Михайловича. Ты, наверное, не знаешь, Андрей Михайлович сам об этом писал. Есть его записи к юбилею академии. «Горжусь предками, первыми русскими, ступившими на берега Тихого океана». Узнаешь стиль? Андрей Михайлович был иногда подвержен торжественности. Но фраза не из пустых, не общая.

Имеется в виду и Насон Козмин, пропавший в свое время вместе с Холмогорцем во время бури, а может, еще раньше погибший в стычках с чукчами...

Ярцев, посмушавшись, перешел на мой роман.

Ты не терзайся, сказал он, эти «историки» тебе не указ. Ярцев имел в виду рецензии неких М. и К., появившиеся в «Литературной России». Всей правды не знает никто, но ты к правде ближе многих. Главное, на что в своих рецензиях обращали внимание М. и К. — роман Хвощинского жесток. Всем известная гуманность русских землепроходцев ставится Хвощинским под вопрос. Как так можно? Да так! М. и К. не изучали казацких отписок, не рылись в казенных архивах, они привыкли к официальным отпискам.

Я усмехнулся. Ну да, теория всеобщего братания!

Это мы проходили, как же. «Было нас семнадцать человек, и пошли мы по реке и нашли иноземцев, ладных и оружных, и у них сделан острожек, и бились мы с ними до вечера и Бог нам помог, мы тех людей побили до смерти и острожек у них сожгли».

Всеобщее братание.

«И они, Анаули, стали с нами драца, и как нам Бог помог взять первую юрту и на острожек взошли и мы с ними бились на острожке ручным боем, друга за друга имаяся руками, и у них, Анаулей, на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие деревья».

«И на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку Пашко, немочен был всю зиму, да Артюшку Солдатика ранили из лука в лоб, да Фомку Семенова, да Тишку Семенова на съемном бою изранили кольем, и Бог нам помог тот их острожек взять и их, Анаулей, смирить ратным боем».

Бог судья рецензентам.

Я отчетливо видел угрюмые скосы Большого каменного носа.

Ледяная волна раскачивала деревянные кочи. Крепко сшитые ивовым корнем, залитые по швам смолой— живицей, они медленно шли к берегу. Вдруг проступали из редкого тумана очертания яранг, на берег выбегали чукчи. Опирались

на копыа, пытливо всматривались в таньга, в русских. «Очень боялись, потому как у русских страшный вид, усы у них торчат, как у моржей. Наконечники их копий длиной в локоть и такие блестящие, что затемняли солнце. Вся одежда железная. Как злые олени рыли землю концами копий, вызывая на борьбу». Я невольно представлял себе Андрея Михайловича — в меховой кухлянке, в шапке, с копьём в руке.

Нет, не Андрея Михайловича, а Насона Козмина.

В их жилах текла одна кровь.

Глава XVI **Большой огонь**

А тени ползли по пологу палатки, их сопровождала чужая птичья, отдающая металлом речь, тени сливались в странную вязь, рисовали странно знакомое лицо, и боль росла, разрывая сердце, раскалывая мир. Только телефонный звонок вырвал меня из умирания.

Я не брал трубку.

Сдерживая стон, брел в ванную.

Уехать? Но смысл? Забудется ли Козмин, смогу ли я, как прежде, сидеть над рукописями, не вспоминая, совсем изгнав из памяти чукчу Йэкунина?

Сам чукча Йэкунин, несомненно, скучал жизнью. Ничто не задевало его за живое.

Я приходил в коттедж, коротко стриженные ребята в кожаных куртках не замечали меня. Я раскланивался с Чалпановым и с медсестрой, устраивался перед Йэкуниным на маленьком стульчике. Как, в каком виде воспринимал он меня, не берусь судить. Может, считал соплеменником. Иначе, к чему делиться тем, что понятно лишь в той, веками отделенной от меня жизни?

— Гук! — встряхивался чукча Йэкунин. — Турайылкэтгэк. Спал долго.

Чалпанов был весь в сомнениях: выговор Йэкунина его смущал.

Но зато чукча Йэкунин действительно выделял меня среди многих. Тянулся, разводил руки, впадал в болтливость.

Несомненно, не считал меня чужим. Гыт тэнтумги-гыт. Ты хороший товарищ. Кивал мне, грел руки над черной сковородой. Снега метут, льды стоят. Ты хороший товарищ.

— Рактынаге? — спрашивал. — Зачем пришел?

Я мог что-то объяснять, чукча Йэкунин меня не слышал, он слышал что-то свое. Но обращался ко мне.

— Как звать тебя? — спрашивал я, простые вопросы иногда до него доходили.

Дивился:

— Как звать? Однако, как прежде, Йэкунин.

И жаловался, вдруг ощущая дряхлость:

— Нэрмэй-гым, гым гит. Вот, сильным был...

Я кивал. Я давал ему выговориться.

Чалпанов от камина монотонно вел перевод.

— Как стойбище зовется твое?

— Нунэмын... — Чалпанов переводил: — Конец суши...

— Там совсем конец суши? Там льды, вода? Там каменный нос, совсем большая вода, камни?

Чукча Йэкунин шурился, гонял по круглым щечкам морщины. Совсем конец суши. Большая вода. Вот ровдужный парус встал. Коричневое пятно в тумане.

— Ты носил все железное? Ты с моря пришел?

Чукча Йэкунин кивал. Но это не было ответом. Он не слышал таких вопросов. Он впадал в старческую спесь. Вот чукчи — настоящие люди. Другие — иноязычные, а чукчи — настоящие люди. Вот таньги есть (он говорил о своем, это нельзя было считать ответом). Вот как голодные чайки есть, никогда не бывают сытыми. А чукчи — настоящие люди. У них еда сама на ногах ходит, отъедается на жирном ягеле, сама растет, пока чукчи спят.

— Под парусом ты пришел? Под ровдужным парусом пришел? Ты жить стал в яранге? Один? Кто-то был с тобой?

Морщины бегали по щечкам чукчи Йэкунина. Он шурился.

Таньги копьё несут, таньги огнивный лук несут. Чукчам зачем такое?

Это тоже не было ответом.

— Ты хорошо жил? Ты плохо жил?

— Гук, — отвечал старик. — Ам уйнэ. Гэвы-лин.

Всяко жил. Плохо жил тоже. Случалось, чукча Йэкунин впадал в чудовищную болтливость. В такую, что терял всякое сходство с Андреем Михайловичем. Бил себя в грудь: он большой охотник. Намекал: в большой путь ходил. Лукавил: тывинв экваэт—гэк, в тайный путь ходил. Совсем в тайный.

Чалпанов подтверждал: один, похоже, ходил куда-то, от других втайне.

— Охотился? Человека искал?

Чукча Йэкунин шурился, его лицо становилось совсем плоским. Он себя невидимым сделал, совсем невидимым себя сделал. Жалгыл выгвы камчечата, совсем невидимым себя сделал. Камни с обрывов рушиться будут, никто его не увидит. Так укрыться умеет. На голом берегу укрыться умеет.

— К огненным таньгам ходил?

Чукча Йэкунин уклончиво опускал глаза. Чукчи — настоящие люди. Нехорошо лишнее болтать. Болтливых людей келе не любят. Плохие духи приходят к болтливым людям, тайно приходят, сильным огнем палят болтливым язык.

Это было как в моих снах. Там тени, неразгаданные, смутные. А здесь намеки, столь же неясные, тревожащие. Чукча Йэкунин жадно хватал черное мясо из сковороды, размазывал жир по куртке. Чукча Йэкунин хвастливо, но и лукаво тянул, намекал на тайное: майны нейюлгычгын тытэйкыркын. Намекал: большой огонь снова зажигать надо.

— Это юкагирский огонь? В полнеба огонь? В небе ночной огонь?

Чукча Йэкунин лукаво шурился. Он не видел солнца за раскрытыми окнами, не узнавал знакомой гостиной. Он не тянулся к камину, предпочитал греть руки над чугунной сковородой. Коротко стриженные ребята в кожаных куртках не привлекали его внимания, как не привлекали его внимания ни так называемая медсестра, ни тихий переводчик Чалпанов. Ему было абсолютно все равно, что его окружает. Он жил в своем мире, мы ничем не могли поколебать этот мир.

Я умолкал.

Я подолгу смотрел на чукчу Йэкунина.

Если даже это и был Андрей Михайлович, я ничем пока не мог ему помочь.

А он ничем не мог помочь Юреневу и Ие, хотя бывало ласково вспоминал: Туйкытуй где? сказочная рыба где? красивая рыба где?

Впрочем, не ждал ответов.

Глава XVII **«Ты с нами...»**

Они пришли неожиданно — Юренев и Ия. Похоже, Юренев не спал всю ночь, глаза у него были красные, вид помятый. Ия рядом с ним смотрелась девчонкой.

И в который раз я этому поразился. Неужели Ия что-то взяла для себя у вечности?

— Ну? — спросил Юренев, выпячивая толстые губы.

— Ты о Козмине?

— И о нем тоже.

— Связь прослеживается. Один из предков Андрея Михайловича действительно побывал на Чукотке, обошел с Холмогорцем и Дежневым Большой каменный нос.

— «Нос!» — фыркнул Юренев пренебрежительно. — Слова в простоте не скажешь! И ничего ты, Хвощинский, не вытянешь из старика. Я с ним огненную воду пил и то ничего не вытянул.

— Огненную воду? — я опять почувствовал ненависть к этому мощному, пышущему здоровьем человеку.

— А что еще? Не воду же. Мне нужны ответы. Мне нужен Козмин, а не чукча Йэкунин. Зачем мне этот болтун? Вот, говорит, наплюжу сыновей, вот, говорит, насильников наплюжу. Соседей побьют, возьмут олешков. Нет, — покачал он головой, — заходить надо с другого конца.

— Что ты задумал?

Он размышлял, внимательно, не без удивления разглядывая меня, наконец, высказался:

— Ты всегда боялся будущего. Не злился, ты неосознанно боялся. Кто в этом признается? «Вот разберемся с про-

шлым», — передразнил он меня, очень похоже, кстати. — А разбираться следует с будущим.

— Оно и видно. Андрей Михайлович как раз вкушает сейчас от вашего будущего.

— А почему нет? — Юренева не тронул мой сарказм. — С чего ты взял, что этот неопрятный старик, хвастающий насильниками, и есть Козмин-Екунин.

— А ты так не считаешь?

— Сейчас — нет, — отрубил Юренин, и я понял: он действительно принял какое-то очень важное и, видимо, окончательное решение.

— Не делай этого, — сказал я. — Мало тебе предупреждений? Хотя бы фотографии.

— Мы приняли меры, — спокойно вмешалась Ия.

— Какие? — не выдержал я. — Мебель вынесли?

— Ну, почему? Не только. Выкинули шкаф, сняли с гвоздя семейный портрет. К вечеру освободятся ребята, передвинут еще какую-нибудь мебель, если это понадобится. Кстати, оставь Паршину ключ, — предупредила она Юренин. И кивнула: — Ты не против, если мы проведем день вместе?

— Что вы задумали?

— Повторить эксперимент Андрея Михайловича, — снисходительно объяснил Юренин. — По сохранившимся обрывкам записей все-таки можно установить примерный ход. Конечно, весьма примерный. Но если все пройдет, как мы задумали, Козмин уже сегодня будет с нами.

— А если...

Ия глянула на меня с укором и постучала пальцем по деревянному косяку.

Юренин хмыкнул, но тоже прикоснулся к дереву:

— Никаких если. За будущее надо платить.

— Чем? — спросил я, не спуская с него глаз. — Чужими пальцами? Чужими судьбами?

— У тебя есть свой вариант? — лениво спросил Юренин.

— Есть, — упрямо ответил я. — Но он требует терпения.

— Говори.

— Есть архивы, — честно говоря, я не был готов к обстоятельному разговору. — Ты сам утверждал, что информация никогда не теряется в этом мире полностью. Если

Андрей Михайлович впрямь попал в чукотское стойбище, он найдет способ дать о себе знать. Не знаю как. Может, несвоевременное слово в казачьей отписке, как знак на скале, понятный только нам, намек на невозможное. Не знаю. Что-то должно быть. Есть томские, якутские, другие архивы. Есть архив Сибирского приказа. Если знать, что ищешь, можно найти.

— Сколько времени тебе понадобится? — по-моему, Юренев уже спрашивал меня об этом.

— Не знаю. Год, два.

— Вот видишь, — спокойно сказал Юренев, — а мы это сделаем за несколько часов. Да и сам подумай, как ты отыщешь след? След, если он и был, мог затеряться. Его сгрызли мыши, пожрала плесень, сожгли пьяные дьяки. Ты можешь не опознать след, пройти мимо него. Мало ли сумасшедших умирало в старых чукотских стойбищах? Андрей Михайлович вообще мог не оставить никаких знаков, он мог попросту не осознать своей новой жизни, как не осознает ее чукча Йэкунин. Нет, Митя, — он впервые назвал меня по имени, — Андрею Михайловичу может помочь только НУС. Только она. Что же касается побочных эффектов... Да, ты прав, их появление вполне реально...

И быстро спросил:

— Ты боишься?

Я покраснел:

— Я уже говорил. Не за себя.

Юренев полез в карман пиджака и выложил на стол два авиабилета:

— На Москву сегодня два рейса, на утренний ты опоздал. Один через два часа, другой через шесть. Можешь лететь любым, ты успеваешь выбраться из зоны действия НУС. Может быть, впрямь так будет лучше.

— А вы?

Ия улыбнулась, Юренев стоял молча.

— Я остаюсь, — сказал я угрюмо.

— Я знал, — Юренев так же спокойно спрятал билеты. — Одна морока с тобой. Но ты с нами. Это обнадеживает.

И он хохотнул привычно, низко. И моргнул изумленно, как выброшенный из потемок на свет филин.

Глава XVIII
Облачко в небе

— Мы сняли номер в гостинице. Рядом с твоим. Прямо из лаборатории Юренев приедет к нам.

— К нам. Странно звучит. Почему ты одна?

Ия поняла мой вопрос и невольно пожала плечами:

— У меня тоже есть особенности. Я могу не спать. Совсем не спать. Понимаешь? У меня свой образ жизни. Боюсь, некоторые мои особенности способны отпугнуть любого нормального человека. Кому нужна женщина, не похожая на других?

— Единственная женщина всегда ни на кого не похожа.

— Долго ли?

Я промолчал.

— Эта НУС, как она выглядит?

Ия улыбнулась:

— Ты был бы разочарован. Анфилада тесных комнат, набитых электроникой. Поцелуй меня.

Мы сидели на склоне оврага.

Солнце ярко высвечивало белизну берез и чернь черемух.

— Взгляни, — сказала Ия, закидывая руки за голову. — Взгляни, какое неприятное облачко. Оно похоже на закрученную спираль. Правда?

Я поднял голову.

Облачко в небе выглядело необычно, но оно не показалось мне отталкивающим.

— В Шамбале люди бессмертны, — негромко сказала Ия. — Они умирают, когда покидают Шамбалу.

— К чему ты это?

— Не знаю...

— Хочешь, уйдем? — спросил я. — Не обязательно валяться именно здесь.

— Мы не валяемся, — задумчиво улыбнулась Ия, жуя травинку. — А если валяемся, то все равно лучше валяться здесь. Так мы меньше мешаем НУС, ведь она нас всех чувствует. Так мы меньше мешаем Юреневу.

Я кивнул. Она сказала «Юреневу», и в голосе ее проскользнуло восхищение.

— У него тоже свой образ жизни?

— Как странно ты спрашиваешь. Он, конечно, не такой, как мы. Он даже не такой, как я. Он зашел дальше. Он зашел очень далеко.

— В чем?

Ия не ответила.

Потом засмеялась:

— А знаешь, я ведь подержала того козла за бороду.

— Какого козла?

— Не помнишь? Ну, там, перед лавкой, в Кош-Агаче. У него были совершенно ледяные глаза. Он всегда был готов наподдать мне под зад, ему смертельно не нравились мои желтые шорты. Я его боялась, всегда пряталась за тебя, а ты дразнил: поддержи его за бороду! Когда ты сбежал, я ездил в Кош-Агач одна, и однажды сделала это. Козел появился прямо у крылечка лавки и готовился напасть на меня. Я даже не знаю, как это у меня получилось. Я просто подошла и ухватила козла за бороду.

— А он?

— Он обалдел. Он застыл. Он даже перестал жевать. А глаза у него оказались не ледяные, а просто мутные, старческие. Я держала его за бороду, и помирала от страха, а он вдруг двинул челюстями и принялся мирно жевать. Он смирился, признал свое поражение. Понимаешь? Тогда я стала пятиться от него, а он не стал даже смотреть на меня. Опустил виновато голову и жевал, жевал.

— Почему мы всего боимся? — спросила вслух Ия. — Почему ты всего боишься? Ты же не такой, как другие, а все равно всего боишься. Ты начинаешь книгу, пишешь пять—шесть страниц и начинаешь бояться, что не закончишь ее. Ты еще не переспал со мной, а уже боишься, что этого никогда не случится... — Она незнакомо, холодно улыбнулась. — Юренев прав. Твое плечо оттоптанно демоном Сократа. Ты раб сомнений. Страхни с плеча демона. Вообще, с чего ты взял, что именно этот демон главное существо?

— Это не я. Это вы придумали.

— Не обижайся, — она погладила мою руку. — Кому мне и говорить, как не тебе. Мы все отмечены по-своему: ты снами, убивающими тебя, я — отсутствием снов, Юренев...

— Ну, — сказал я. — Продолжай.

— Не хочу.

Она даже отодвинулась.

Какие нежные листочки, подумал я, глядя на распластавшуюся надо мной березу. Как много пятен светлых и темных. Мечта пуантилиста.

И — облачко в небе.

Оно и мне показалось тревожным.

Темный, даже сизый клок, завитый спиралью. Не бывает таких облачек.

На него совсем не хотелось смотреть, но и не смотреть было трудно.

— Ты не свободен, — негромко сказала Ия, нежно глядя мне руку.

— А вы?

Она подумала и ответила:

— Мы на пороге.

— Возможность прикурить, не имея спичек? Показать вовремя фокус с исчезающей из кармана копейкой? — Я опять не смог удержаться от сарказма.

— Это низший уровень, — она опять взглянула на меня с незнакомой холодной улыбкой. — Ты тоже через это пройдешь. Может, даже ты уже умеешь все это.

Я ждал, думая, что она объяснит сказанное, но она усмехнулась:

— Ты здорово нам помешал на Алтае. Мы могли находиться сейчас совсем на иной ступени. Ту роженицу все равно увезли, рядом тракт. Нельзя потакать традиционной национальной лени. После твоего бегства все пошло к черту.

— Новое человечество? — усмехнулся я. Ия меня не убедила. — Вы хотите создать новых людей?

Ия не ответила.

Она смотрела в небо.

— Не нравится мне это облачко...

Я поднял голову.

Сизое, налитое изнутри чернью, облачко теперь походило на короткую жирную запятую. В любую минуту оно могло взорваться неожиданным дождем, градом, молнией.

- Не смотри на него, — я обнял Ию.
- Подожди, — она сняла с плеч мои руки. — После твоего бегства все пошло к черту.
- В чем это выразилось?
- На Алтае?
- Ну да. Мы все время говорим об Алтае.
- Да, да... В чем?.. — она задумчиво улыбнулась. Теперь уже обыкновенно, без холодка. — Сперва запили все три шофера. По-черному, безобразно и беспробудно. Они лезли в драку, требовали от Юренева проигранные ими пятаки, помнишь, они часто играли в чику. Это входило в эксперимент. Они тайком убегали в поселок, пытались привести каких-то баб. Потом на лагерь обрушилась туча ворон. Их были сотни, они заглушали любой звук, они тащили все, что можно было утащить. Потом приехали какие-то геофизики. Юренив говорил, вы встречали их на горной террасе, в одной из зон, определенных действием НУС. Геофизики были прямо не в себе. Они утверждали, что из подобранных тобой и Юренивым рюкзаков пропали какие-то очень секретные топографические карты и документы. И деньги. Довольно большие деньги. Чуть собачья! — Она неожиданно рассмеялась. — Кое-что, правда, утешало. Помнишь алтайку, у которой ты торговал штопор? Ты считал ее символом постоянства и вечности. Так вот, этот символ, как и предсказывал Юренив, резво сбежал из Кош-Агача в тот же год с каким-то заезжим ревизором.
- А штопор?
- Как раз в ту осень подняли цены на металл и дерево.
- Вот видишь... — неопределенно протянул я.
- А ты боишься, — так же неопределенно протянула Ия. — Даже бывших любовниц боишься. Их уже нет, они давно рассеяны по свету, а ты до сих пор боишься их голосов.
- Оставь.
- Да, оставим это, — Ия протянула руку. — Помоги мне встать.
- Куда теперь?
- В Дом ученых. Я не обедала.
- А Юренив? Мы не помешаем ему?

Она минуту смотрела на меня чуть ли не презрительно, потом вздохнула:

— Уже не помешаем. Он уже запустил НУС.

Глава XIX Дом ученых

В Доме ученых царило оживление. Международный симпозиум по информационным системам закончился, сибиряки и киевляне, москвичи, питерцы, иностранцы — все смешались. Это был не банкет, скорее товарищеский ужин. Многие улетали уже сегодня, шло активное братание.

Из крайней кабины нам помахал рукой тучный Ван Арль.

— Подойдем?

— Черные шаманы. Инфернальный мирок. — Ия осмотрелась: — Но нельзя не подойти, все другие места заняты. — Ей явно было скучно. — Я знаю все, что они могут сказать.

За столиком Ван Арля сидел доктор Бодо Иллгмар, прилично, кстати, поддавший.

«Он похож на того алтайского козла, — негромко шепнула Ия. Она могла бы говорить вслух, так галдели в зале, но почему-то предпочитала шептать. — Тоже весь в плесени. Терпеть его не могу».

«У того только рога были заплесневелыми», — вступился я за козла.

«А этот заплесневел весь — от рогов до копыт».

«Подержи его за бороду», — шепнул я и испугался. Ия вполне была способна на такое.

Почувствовав мой испуг, Ия улыбнулась.

— Можно к вам, господин Иллгмар?

— О! — доктор Бодо Иллгмар смешно потряс козлиной неопрятной бородой. Его бледные руки, выложенные на столик, были разрисованы бледными прихотливыми бесформенными пятнами экземы. Он даже привстал: — Мы ценим внимание.

Ия шепнула мне: «Он ненавидит оперу». Почему-то ей было смешно, она даже подмигнула Ван Арлю, и тучный

голландец расцвел. Впрочем, голландца все время отвлекали киевляне из соседней кабины.

«Австриец почти в кондиции, — шепнула Ия. — Скоро он нам споет».

«Он же не любит оперу?»

«Человек соткан из противоречий».

Ия снова подмигнула Ван Арлю.

— А Роджер Гомес? Почему он не с вами? Я привыкла видеть всех в общей компании.

Ответил Ван Арль, поскольку доктор Бодо Иллгмар, активно выразив благодарность за наше внимание, внезапно впал в мрачность.

— Роджер Гомес — личный друг доктора Юренева, — разъяснил нам Ван Арль. — Доктор Юренев после своего блистательного доклада не появлялся на симпозиуме и даже не освятил своим присутствием его закрытие. Это огорчило всех. Роджер Гомес, как личный друг, отправился разыскивать доктора Юренева. Он уже бывал у доктора Юренева, у него с собой хороший ямайский ром. Он хочет приподнести доктору Юреневу презент.

Я обеспокоенно взглянул на Ию.

— Вот и хорошо, — улыбнулась она. — В квартире доктора Юренева сейчас должны переставлять мебель, так что дело Роджеру найдется. Он спортивный мужчина.

— Они же напьются, — пробормотал я, глядя на Ию.

— Роджеру еще надо разыскать его.

— Бедный Роджер.

— Не жалея. Он не так беден, как тебе кажется.

Мы помолчали. Доктор Бодо Иллгмар неожиданно звучно прочистил горло. Ван Арля вновь отвлекли киевляне. Ия шепнула: «Это даже хорошо, если Гомес разыщет Юренева. — Ия смешно свела брови. — Юренев здорово устает, ему надо встряхнуться. Знаешь, одно время, сразу после экспериментов Юренев брал такси и уезжал на железнодорожный вокзал».

«Подрабатывал?» — хмыкнул я.

«Оставь. Ему никогда не надо было подрабатывать. Думаю, он ездил на вокзал для того, чтобы напоминать себе о людях. Мне кажется, Юренева мучило чувство вины».

«Вины?»

Ия отвела глаза: «Потом это кончилось. Он подрался с цыганами. Никогда не говорил, что он там не поделил с этими цыганами, но с тех пор перестал убегать от нас».

Ваша свобода не столь уж благодна, подумал я.

Доктор Бодо Иллгмар, отхлебнув из фужера, вдруг встал во весь рост и, раздув грудь, взял первую ноту.

Зал загудел и замер.

Сухой, тощий Иллгмар странным образом оказался преисполненным истинной страсти. Он похотливо поглядывал на Ию, и пел.

И пел очень неплохо.

Но Ия шепнула: «Какая тоска».

«О чем ты?»

«Разве ты не видишь? Мы в пещерах. Мы ничего не можем. И по слабости своей, считаем все это жизнью».

«А какой она должна быть? Мы же всегда живем только в сегодня».

«А нужно жить в завтра! В завтра!»

«Не вздумай заплакать, — шепнул я. — Говори, что хочешь, пей, даже напейся, только не вздумай заплакать. А лучше объясни, как все это у вас получается. Как можно прикурить прямо из воздуха? Ты тоже умеешь?»

«Так, кое-что, — неохотно ответила Ия, успокаиваясь. — Ты сам этому научишься. Тебе от этого не уйти». — Она напряглась, и наполовину опустошенный фужер доктора Бодо Иллгмара вдруг сам по себе развалился на две части.

Доктор Бодо Иллгмар оборвал пение и сказал по-русски:
— Какая неловкость.

Зал загудел с еще большей силой.

Доктор Бодо Иллгмар вновь впал в мрачность.

Ван Арль живо беседовал сквозь решетку, разделяющую кабины, с киевлянами.

Ия взяла меня за руку. Она хотела выговориться. У Юренева, понял я, все началось в вагоне поезда Бийск-Томск. Юренин возвращался с Алтая злой, стояла непроглядная ночь, залитая тусклым осенним дождем. При сумрачном свете он слышал за стеной купе женский плач, вопли ребенка, и мужской голос, кроющий все матом.

Безнадежность.

Юренив лежал на верхней полке и пытался понять, как мы доходим до этого. Он чуть с ума не сошел, пытаясь понять, что мешает нам быть людьми.

Грязь, наконец, понял он. Человек полон грязи, он не может не запачкаться среди подобных себе, а запачкавшись, чаще всего сразу сдается. Было бы славно научиться прочищать людям мозги. Прочищать в буквальном смысле. Вымывать из человека зависть, злобу, низость, униженность. Юренив страстно желал, чтобы алкаш за стеной купе заткнулся, чтобы алкаш за стеной купе раз и навсегда забыл всю гнущ, подцепленную им еще в детстве.

Юренив так желал этого, что не сразу понял: за стеной тихо.

Уснул ребенок, замолчали мужчина и женщина. Юренив тоже уснул.

Утром, уже в городе, он специально задержался на перроне. Он хотел увидеть своих ночных попутчиков. И не ошибся. На перрон вышла маленькая замученная женщина. Она вынесла на руках плачущего ребенка и две вместе связанные сумки. А потом Юренив увидел мужа — плюгавого, растрепанного. Этот муж все время оглядывался, в его бегающих глазах застыла растерянность, будто он и впрямь что-то забыл в вагоне, потерял, будто его впрямь ограбили.

— Ты думаешь, этого достаточно?

Ия усмехнулась и шепнула: «Я бы с удовольствием прочистила мозги доктору Бодо Иллгмару. Он улыбается, он любезен даже в своей мрачности, но я—то знаю, что бы он делал со мной, окажись я с ним в одной постели».

«А как быть с моими мозгами?»

Ия улыбнулась: «Они тоже засорены».

«А тот мужик из вагона? Вдруг он вообще все слова забыл?»

«Ничего. Он уже давно научился новым».

— Бабилон, — пробормотал я.

— Ладно, — засмеялась Ия. — Держи себя в руках и дай мне монетку. Я позвоню из автомата.

— Юрениву?

— Да.

Глава XX
Плата за будущее

В настежь раскрытые окна столовой Дома ученых врывался нежный запах теплой травы. Доктор Бодо Иллгмар окончательно впал в мрачность, голландец, извинившись, пересел к киевлянам.

— Что-нибудь не так? — спросил я Ию.

— Все в норме. Минут через сорок Юренев придет в гостиницу.

Я полез за деньгами.

— Оставь. Расплачивается пусть Иллгмар.

— Его заставят выложить валюту.

— Тебе жалко? Это же для страны.

Мы рассмеялись.

Ия смотрела на меня с нежностью и благодарностью.

Я не понимал: за что? Я сказал:

— Идем.

— А твои бывшие подружки? — шепнула Ия. — Сегодня ты их не испугаешься?

Я сказал вслух:

— Нет.

Мы рассмеялись.

Выйдя из Дома ученых, Ия подняла голову.

Ночное небо усеяли яркие звезды.

Куда уплыло странное облачко? Куда уходит энергия туго сжатой пружины, брошенной в кислоту?

Я хмыкнул. Что за вопросы? Мне ли об этом спрашивать?

— Все хорошо, — засмеялась Ия и облегченно вцепилась мне в руку.

В дверях гостиницы стоял швейцар. Увидев нас, он ничего не сказал, только выше задрал толстый подбородок: мол, можете проходить. На этаже молоденькая дежурная обрадовалась:

— Ой, вам все время звонят. Междугородняя. Женщина все плачет, говорит, вы про нее забыли.

Ия насторожилась:

— Ты кому-то давал свой телефон?
— Только Ярцеву. Наверное, ошиблись номером.
— Вы Хвошинский? Так? — дежурная смотрела на меня во все глаза. — Фамилия ведь такая?

— Такая.

— Вот вам и звонят.

Я молча отпер дверь, впуская Ию в обжитый номер.

— У меня коньяк есть, — сообщил я ей с веселым отчаяньем.

Ия кивнула.

Я плеснул в стаканы.

Куда уходит энергия туго сжатой пружины, брошенной в кислоту?..

Наивный вопрос.

Мы выпили.

— Ты ему позвонишь?

— Зачем? — устало сказала Ия. — Он сам скоро явится.

Это голос ее прозвучал устало, сама она, как всегда, оставалась свежей. Черт знает, как это у нее получалось. Я совсем было собрался спросить ее об этом, но звякнул телефон.

Голос в трубке гнусно хрипел, захлебывался:

— Чё, бабу привел? Нормально, это завсегда так!

— С кем я разговариваю?

— Тебе еще объяснять, козел плешистый!

Я повесил трубку.

— Козлом назвали, — сказал я Ие. — Почему-то плешистым.

Ия печально усмехнулась.

А на меня вдруг напала словоохотливость.

— Ты меня в копейку оценила, — пробормотал я. — Ты говоришь, я вам эксперимент сорвал. А зачем вы играли со мной в темную?

Снова затрещал телефон.

Я нехотя снял трубку:

— Слушаю.

Долгие шорохи, темный дождь, чужое дыхание. Ветер насвистывает, скука, тьма. Где это все, о, Боже?

— Будете говорить?

Никто не ответил.

— Не обращай внимания, — сказала Ия, кладя голову на сжатые кулаки. Она была очень красива. Туйкытуй. Сказочная рыба, красивая рыба. — Ты тут ни при чем.

И испугалась, что я неверно ее пойму:

— Нет, ты тут как раз при чем. Просто не обращай внимания.

До меня дошло:

— Вы постоянно вот так живете?

— А ты нет?

Я хотел ответить: нет. И не смог.

Полог палатки, бегущие тени, металлический птичий голос, черт побери, не узнанное лицо...

— Но так нельзя жить, — кивнул я в сторону телефона. И хмыкнул: — Интересно, как лают тебя?

— Ничего интересного.

Длинный звонок.

— Ну чё? — голос был наглый, влажный. — Наколот дуру?

— С кем я разговариваю?

— Не узнает, — обрадовался неизвестный. И крикнул кому-то там рядом: — Не узнает, козел!

Я повесил трубку и улыбнулся:

— Опять назвали козлом. На этот раз, правда, не плешивым. И выговор искусственный. Это что? НУС?

Ия промолчала.

— Но смысл? Какой смысл?

— А какой смысл в автобусной сваре? — спросила Ия. — Тебя толкнули, ты ответил. Тесно. Все раздражает. Не поминай НУС всуе.

Я позвонил дежурной.

— Кофе, пожалуйста. И еще... Появится доктор Юрнев, мы его ждем...

Положив трубку, я посмотрел коньячную бутылку на свет. Юрневу тоже хватит.

Дежурная явилась подозрительно быстро. Кофе она не варила, принесла растворимый.

— Доктора Юренева этот спрашивал... — Она покрутила кудрявой головой, вспоминая трудное для нее имя. — Гомео... Нет, Гомек...

— Гомес, — подсказал я.

— Вот точно, Гомес. Он с бутылкой шастает по коридорам, говорит, у него презент для доктора Юренева. От всех колумбовских женщин.

Я поправил:

— Наверное, колумбийских.

— Ага. От всех колумбийских женщин, говорит, презент.

Не успела дежурная выйти, снова зазвонил телефон.

— Ну что, сладко тебе? — голос был подлый, девичий, проникающий в душу, нежный. — Шибко сладко?

— Ага, — сказал я.

— Тебе еще слаще будет, — многозначительно пообещала незнакомка и неожиданно звонко рассмеялась.

— Как думаешь, ему что-нибудь удалось? — спросил я, вешая трубку. — Разброд какой-то в природе.

Ия кивнула.

— Но чего он хотел от НУС? Как мог повторить эксперимент Андрея Михайловича, если записи практически не сохранились? И еще он говорил про какой-то запрет. Нельзя же всерьез прогнать такую сложную задачу в обратном порядке.

— Почему нельзя?

Я пожал плечами.

— Чего вы хотите от НУС?

— Точных ответов.

— Что значит точных?

— Как тебе объяснить? — задумалась Ия. — Ты спрашиваешь, например, сколько мне лет. Я называю цифру. Но, может, ты хотел знать, сколько мне лет не как особи, а как представителю определенного вида? Самое сложное это точно сформулировать вопрос, дать ясно понять, что ты хочешь именно этого и ничего другого.

— Некорректный вопрос вызывает сбой? Эффекты второго порядка, они не только компенсация каких-то действий, но и плата за неточность?

Ия кивнула.

Мне стало жаль ее.

— Какого черта нужно от Юренева Гомесу? — я хотел отвлечь Ию от мыслей.

— Распить бутылку рома. Ничего больше. Они, правда, дружат.

Она сказала это, и лицо ее неожиданно изменилось. Она даже схватила меня за руку:

— Что там дежурная говорила о презенте? Какой презент? Что еще, кроме рома? Почему от колумбийских женщин? Он же нес Юреневу ром.

Она сама дотянулась до телефона. Да, она сотрудница доктора Юренева, сказала она дежурной, и голос Ии был полон холода. Да, она имеет право задавать подобные вопросы. Ия холодно разъяснила: да, я имею право выгнать вас с работы прямо сейчас. Ни с кем не советуюсь. При этом, выгнать раз и навсегда, лишив даже надежды на пенсию. Не устраивает? Прекрасно. Тогда отвечайте. Что это за презент? Гомес что-то держал в руках?

Я не слышал, что отвечает Ие дежурная, но лицо Ии побледнело.

— Шарф, — сказала она мне, закончив разговор. — У Роджера Гомеса был длинный алый шерстяной шарф. «От всех колумбовских женщин».

И снова взялась за телефон.

Ей долго не отвечали, потом ответили.

— Ты? — спросила Ия бесцветным голосом. — Почему ты дома?

Юренев отвечал так громогласно, что я слышал почти каждое его слово.

Я же не один, громогласно ответил Юренев. Меня Роджер Гомес по дороге перехватил. Юренев хищно хохотнул, и я представил, как он там счастливо и изумленно моргает. Присутствие Роджера условие больше чем достаточное, правда? Юренев счастливо всхрапнул, совсем как лошадь, похоже, ему там с Гомесом здорово было хорошо. Хвоцинский с тобой? Вас тоже двое? Юренев не к месту заржал. Сейчас мы с вами воссоединимся.

— Выходи, — попросила Ия все тем же бесцветным незнакомым мне голосом. — Брось все, как есть, бери Роджера и выходи. Только вместе с ним, не отпускай его от себя ни на шаг.

Они прямо сейчас выйдут, громогласно пообещал Юрнев. Бутылка рома у них здоровущая, но они ее почти допили. А сейчас допьют остатки. Не тащить же полупустую!

Я слышал каждое слово, потому что Юрнев вошел в форму.

Он торжествовал: ром у них ямайский, не мадьярско-го разлива! Бутылка большая, тоже не мадьярская, мы ее сейчас прикончим. Роджеру сильно понравился семейный портрет, счастливо рычал Юрнев где-то там, на другом конце телефонного провода. Особенно понравилась Роджеру обнаженная женщина в центре семейного портрета. Роджер утверждает, что эта обнаженная женщина сильно похожа на обнаженную колумбийку. У них же там мафия! Юрнев всхрипывал от удовольствия. Сейчас они досмотрят обнаженную колумбийку и сразу выйдут. Вы можете нас встретить, разрешил он.

— Выходи...

У меня сжалось сердце.

Они называют это свободой?

Они бояться каждой мелочи, и впадают в транс при одном лишь упоминании о каком-то там длинном алом шарфе.

«Нам надо быть сильными...» Хороша свобода.

Я смотрел на Ию чуть ли не с чувством превосходства.

Она подняла голову и перехватила мой взгляд. Я покраснел.

— Идем, — негромко сказала она. — Потом ты все поймешь. Невозможно все это понять сразу. Сейчас нам надо встретить Юрневу.

Глава XXI Подарок Роджера

Я задохнулся.

Всего квартал, но мы с первого шага взяли резвый темп.

— Подожди, так мы разминемся с Юренивым.
— Здесь не разминешься.
— Все равно, не беги. Если они дома, значит, все в порядке. Юренив не один, с ним Роджер. Юренив сам сказал: условие более чем достаточное.

— Идем!

Перебежав пустой проспект, мы сразу увидели дом Юренива. Наполовину он был скрыт темными соснами, но свет из окон пробивался сквозь ветки.

— Они еще не вышли, — удивился я. — Наверное, ром действительно оказался не мадьярского разлива.

Светящиеся окна выглядели удивительно мирно.

Они успокаивали, они настраивали на спокойный лад.

В конце концов, все, как всегда. Самый обыкновенный душный июльский вечер.

— Видишь... — начал я.

И в этот момент свет в окнах квартиры Юренива погас.

— Они выходят?

— Наверное...

Но что-то там было не так. Что-то там происходило не так, как надо.

Свет вырубился не в одной квартире, даже не в двух, а сразу во всем подъезде. Рыжеватую облупленную стену здания освещали теперь только уличные фонари. По рыжеватой облупленной стене ходили причудливые смутные тени. И мы отчетливо видели, как крошится, разбухает, выпячивается странно бетонная стена дома, будто изнутри ее выдавливает неведомая сила.

Боковым зрением я отметил: Ия молча стиснула кулачки и прижала их к губам.

Как фильм, сработанный замедленной съемкой. Как фильм, кадры из которого мы уже где-то видели. Всего лишь отдельные кадры, распечатанные на фотографиях, но мы видели их, видели...

Хлопок, совсем не сильный.

Треск ломающихся ветвей. Облако пыли.

Панель с грохотом вывалилась на пешеходную дорожку, продавливая и разбрасывая асфальт. Сыпались куски

штукатурки, катилась по дорожке пустая кастрюля, бесшумно планировали бумажные листки. Сам дом устоял, но на уровне четвертого этажа возникла, зияла чудовищная черная дыра.

Свет фонарей таинственно преломлялся в облаке пыли, таинственно играл на осколках стекла. Мы явственно видели сквозь зияющую дыру в стене дома завернувшийся край ковра, перевернувшееся кресло и даже этот проклятый семейный портрет. Он висел на своем месте. Скорее всего, Юренив только что показывал его Гомесу. Ия больно жала мне руку. Но до меня и так уже дошло: длинная трещина, прихотливо расколовшая бетон, была вовсе не трещиной. Это был шарф. Алый длинный шарф. В свете фонарей он даже казался черным.

Послышались испуганные голоса, где-то неподалеку звывла милицейская сирена.

Обежав угол дома, я рванул дверь подъезда. Во тьме, в пыли, кто-то перхал, ругался неумело по-русски, шарил перед собой руками. На полу что-то валялось. Может быть, раковина. Я бежал вверх по задымленной лестнице, мимо распахивающихся настежь дверей, сквозь испуганные голоса, бежал, прыгая сразу через несколько ступенек. Бежал, задыхался, но самое страшное, я уже знал, *что* сейчас увижу.

Взвешенная дымка, пыльная муть, пронизанная кирпичным фонарным светом, падающим сквозь вышибленную дверь и дыру в стене. И Юренив.

Он лежал на бетонном полу, судорожно вцепившись рукой в стойку металлического ограждения. Он никуда не хотел уходить. Он был в шортах и все в той же футболке.

«Оля была здесь».

И в том, что я видел все это уже не в первый раз, заключалось нечто бессмысленное и жестокое.

Год спустя **Вместо эпилога**

Чтобы увидеть следующий пейзаж, необходимо сделать еще хотя бы шаг, и еще шаг, и еще...

Якутск, Тобольск, Москва, Томск, Питер...

Я знаю, как пахнет архивная пыль, как она въедается в пальцы, как першит в глотке. Я знаю, какой желтой и ломкой становится бумага, пролежавшая в забвении чуть ли не три века. Тысячи казачьих отписок, наказных грамот, скасок.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси...»

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу...»

Я научился читать тексты, размытые временем.

«А которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкудинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек с Ковыми реки пошли на ту реку Погычю на семи кочах и про них языки сказывали: два коча де на море разбило, и наши де люди их побили, а достальные люди жили край моря и про них не знаем, живы ли оне или нет...»

И про них не знаем, живы ли оне или нет.

Тени на ночном окне. Тени на окне несущегося поезда.

Тени на иллюминаторе самолета, пробивающегося сквозь лунную мглу.

Тени на пологие палатки, рисующие столь знакомое, столь недоступное памяти лицо.

И — боль. Боль. Я беззвучно орал, я пытался восстать из бездны. Я задыхался, я умирал. Но пока мне везло. Услышав мой стон, меня будил сосед по купе, или сосед по креслу в самолете, или сосед по номеру в гостинице.

Я смахивал со лба ледяную испарину и садился, медленно собирая остатки сил.

Почему нам кажется, что капли дождя падают с неба равномерно? Ионы, как известно, распространяются в атмосфере задолго до ливня. Они не бывают неподвижными, они все время в движении. Понижается температура, сгущается туман, каждый ион становится центром растущей капли. Нет никакой равномерности в падении капель. Чтобы знать, каким образом они распределяются в падении, мало даже знать их начальные состояния.

Я, как и все, нуждался в чуде.

Рядом с чудом стоял в свое время Козмин-Екунин, но что хорошего в столь отчужденном существовании? Рядом с чудом когда-то стояла Ия, но что хорошего в пустой жизни рядом с человеком совсем из другого времени? Рядом с чудом стоял Юренив...

Не надо об Юрениве.

Я просто нуждался в чуде.

Поезд шел на восток, в Иркутске меня ждали друзья.

В купе я был один. Я сильно устал, я зарылся под простыню. Я готов был даже к тому, что этой ночью меня никто не услышит. Якутск, Тобольск, Москва, Томск, Питер. В любом порядке, в любой сезон.

Каждый приближает будущее по-своему.

Козмин-Екунин приближал его, обдумывая новые формулы. Юренив — экспериментируя. Ия — организуя соответствующие условия. Я приближал будущее поездом или самолетом. Я слишком устал. Будущее ничего мне не обещало. И в прошлом и в будущем я одинаково умирал во снах. Может, поэтому я так остро нуждался в чуде.

Бег времени.

Козмин-Екунин, Юренив, Ия.

Моего имени в этом ряду быть не могло.

С чего они взяли, что связь времен непрерывна?

«Ты сам этому научишься». Но я теперь не хотел этого.

Полог палатки, бегущие тени, вязь странных имен, сливающаяся в полужнакомое лицо, и — боль, боль. В купе никого не было, проводник спал в служебном купе, уронив голову на руки. Я знал, на этот раз мне не всплыть.

Тени на пологе. Я не знал, кто и как мог осветить снаружи полог палатки. Я лишь видел: палатка освещена снаружи. Свет ровен, чист, он струится, он несет по пологу смутные тени.

Я умирал. Я больше не противился боли. Я знал, на этот раз мне не всплыть.

Может, поэтому я, наконец, узнал.

Козмин-Екунин!

Почему я раньше не мог узнать Андрея Михайловича? Что мне мешало? И почему именно Козмин? Почему именно он?

Я очнулся. Впервые за три года очнулся сам. Без толчка, без телефонного звонка, без чужого оклика. Простыни промокли от пота, боль разрядами пробивала сердце, пульсировала в виске, но я все понимал!

Цветная мысль: *большой огонь снова зажигать надо.*

Как Козмин увидел вспышку взрыва? И как увидел вспышку взрыва Юренев? И почему боль? И почему Козмин? Почему сны?

Поезд грохотал в ночи. Я чувствовал слабость освобождения.

Но единственное, чего я действительно сейчас хотел по настоящему — глоток чаю.

Крепкого. Горячего. С косой долькой лимона.

Губы пересохли. Еще несколько минут назад я умирал от боли, теперь боль прошла, теперь меня убивала жажда.

«Ты сам этому научишься».

Я отчетливо представил себе тонкий стакан в тяжелом серебряном подстаканнике, серебряную ложечку, нежно позвякивающую о край стакана.

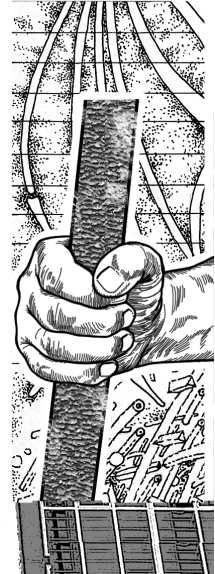
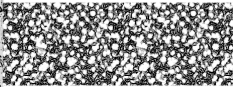
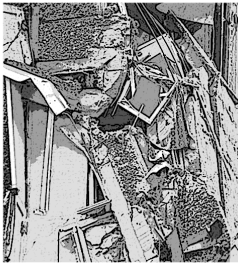
В купе никто не входил, но в купе вдруг сладко запахло крепким свежесваренным чаем.

Я открыл глаза. Стакан в тяжелом серебряном подстаканнике стоял на столике. Над стаканом клубился пар. Похоже, демоны Лапласа и Максвелла обслуживали меня в паре. Ложечка нежно позвякивала, лимон золотился. Он был срезан косо, как я это только что себе представлял.

Цветная мысль: *связь времен непрерывна.*

Как в перевернутом бинокле я видел пыльный Кош-Агач, лавку древностей, медлительную алтайку, геофизиков, обмирающих от непонятного ужаса. Как в перевернутом бинокле я отчетливо видел чукчу Йэкунина, впадающего в хвастливость, и неведомого мне деда, отморожившего пальцы в жарко натопленной бане, и запорошенную кирпичной пылью лестничную площадку.

Серебряная ложечка призывно позвякивала.

Я с трудом сел. Я уже знал, что сойду на первой станции, чтобы вернуться. Чтобы попасть в Городок. Ия, чукча Йэкунин... Почему я, собственно, опять сбежал?

«Нам надо быть сильными».

Я уже знал, что выйду на первой станции. И заранее страшился: вокзальная толчея, очереди у касс, дурные буфеты — жизнь, утекающая между пальцев. Но соблазн был велик. Я вдруг увидел на столике железнодорожный билет, он был даже прокомпостирован. Вот оно как. Вот как просто. Никаких усилий. Ну да, Ия же говорила: «Ты сам этому научишься. Ты включен в систему».

Я подумал о незаконченной рукописи.

Захочу ли я теперь заниматься рукописями?

Отхлебнув из стакана, я вытер ладонью вспотевший лоб.

Как там плечо? Я еще чувствую на нем тяжесть? Кто сидит на моем плече?

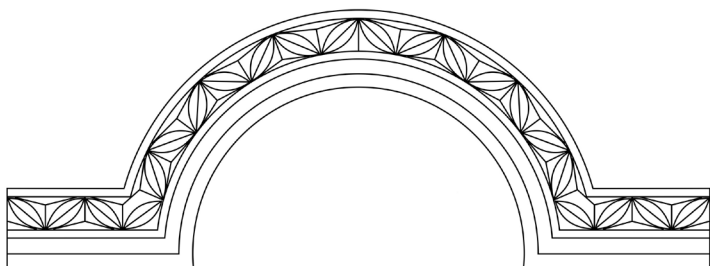
Я усмехнулся: а обладает ли демон весом? И шепнул негромко: «Демон, демон, не исчезай. Ты мне нужен. Ты никогда не был мне так нужен, как сейчас».

«Даже Ия?»

Я не стал отвечать.

Чтобы понять ошибку, не обязательно ее анализировать.

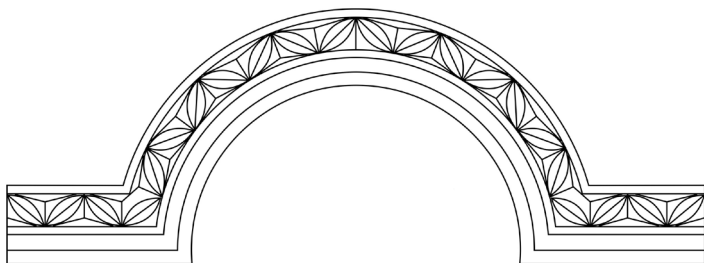
Какие-то нюансы просто подразумеваются.

ДОКТОР МИКРОБУС

(Другая история Вселенной)

главы из ненаписанного романа

Если хочешь увидеть Куумбу, нужно встать спиной к чему-нибудь красному, и перед этим с минуту обязательно смотреть на солнце. Затем нужно сложить ладонки перед грудью лодочкой и быстро повернуться вокруг себя 7 раз. И потом приоткрыть глаза. И тогда в просвет между ресницами можно увидеть, как Куумба бежит от одного края глаза до другого — яркая такая точка света. Если повезет, она остановится, станет умываться или еще что-нибудь вроде того. И уж совсем редкий случай — поманит лапкой или чихнет...

Татьяна Сапрыкина

Связь между тобой и человеком, которого ты никогда не видел, не слышал, не знал всегда крепче и явственней, чем ты можешь себе представить.

Доктор Макробер

ДОМЕН ЛИЦЕНЦИАТОВ **(как мы на Марсе отожгли летом)**

Ира Летчик

БАЛЛАДА

*На подошве Олимпа ночью одной
сидели влюбленные под двойной Луной.*

*Он сказал: «Я верен тебе всегда,
ты для меня как серебряная звезда».*

*А потом сказал в потоке лунного света:
«Жду от тебя, любимая, добрых слов или совета»*

*«Хочешь правду узнать? — сказала она. —
Не могу я тебя любить.
Ты пространство Олимпа решил без меня покорить».*

*Так сказала: «Уйди, даже руку тебе не подам.
Между нами разлука равна световым годам».*

*Он ушел, и теперь только письма мои во сне
напоминают ему обо мне.*

Фаина

Мне скоро пятнадцать, а я основные положения путаю.

Глухой

Вся Вселенная — в дырках. Как швейцарский сыр. Пылевые туманности, скрытая материя, черные дыры, «полости Глухого», конечно. Когда у нас из Центра исследований исчезла любимая обезьяна Цикады — рыжий хульман, Цикада пришла прямо ко мне и сказала: «Подумаешь, твои дырки!» — И спросила: «Где рыжий хульман?» Я жестами ей показал: зря ты этому своему любимчику голову выбрила, природа не терпит пустоты, бритая обезьяна чувствует себя неловко, показал я жестами, будет стесняться, а значит, прятаться. — «Кого ей стесняться? У нас здесь все свои».

Ну, не знаю. Увидев меня, обезьяны Цикады всегда стесняются.

До того, как попасть в Центр исследований, я изучал теорию направленного взрыва в Колледже Маха, немного там повредил Исторический портал, такое случается, — и меня перевели в Индийский технический. Там направленным взрывом я за пару секунд прочистил запущенные подвалы башен Сарджента, правда, главная башня слегка просела. В дело вмешался доктор Микробус: «Интересно работаешь, Глухой». Специально прилетел в Варанаис. «Хочешь учиться в Центре исследований?» Я знал, что доктор Микробус на-

половину живет в будущем, поэтому ответил: «Хочу. Только вы ведь меня скоро выгоните».

«Это еще не факт».

Тогда я обрадовался.

«Но звук взрыва ты все же сбавляй, Глухой».

Я жестами показал ему: зачем? Звук при взрыве — это красиво. Взрыв — он выжигает пространство, поэтому оно со страшной силой схлопывается. Все согласно природе.

«А ты не соглашайся с природой. — Доктор Микробус посмотрел на меня из будущего и подмигнул. — Пусть пространство не схлопывается».

Так появились «полости Глухого».

Чимбораса

У Файки бонусов больше, чем у меня или у Котопахы, зато у нас с Котопахой нет родителей. Мамы никогда не было, и о папе ничего не знаем. Но мы не из жалкой безымянной пробирки, мы — из Главного резерва АБС, а это огромное стеклянное здание в Столице. Ассоциация Банков Спермы. Сто двадцать семь этажей. И столько же под землей. Стекла в окнах особенные: пропускают свет с замедлением. Скажем, над Столицей гроза, сыро и сумрачно, молнии бьют ветвистые, а по просторным залам АБС прыгают вчерашние солнечные зайчики. Впервые увидев нас, Ханна Кук догадалась: «Вы однойцовые!» Я думал, Ханна прикалывается, но Котопаха подтвердил: всё чики-пуки, мы — однойцовые! А на вид Ханна Кук — как дурочка по программе 13+. Так часто бывает с красивыми девочками. Мы с Котопахой сразу решили: лето проведем на Марсе рядом с Ханной. Воспитанную девочку каждый может обидеть. Но доктор Микробус взял и разделил всех лицензиатов на хульманов и на лангуров. Одни рыжие, другие русые. «Бесподобное зрелище!» От того, что доктор Микробус наполовину живет в будущем, в голове у него всегда что-то смещено, и не все картинки точно накладываются одна на другую. «Квак? Квак? — за сто семь лет жизни доктор Микробус так и не научился выговаривать слово *как*. Но все ему интересно: «Почему Чимбораса? Почему Котопаха? Вы же не эква-

дорские вулканы, другие имена у вас есть?» — Брат отжёл: «Никаких других! Я — Котопах!» А я отжёл: «Чимбораса!» Лицензиаты, заработавшие бонусов выше крыши, имеют право называть себя так, как им нравится. Это Ирке Летчик не повезло. Прилетела к отцу на орбитальную станцию Хубу, собиралась попасть на наш корабль и провести лето с нами, а врачи ее непустили на Марс. У нее предрасположенность к песчаной горячке. Так что, пришлось Файке пойти с рыжими. В ухе — смоллета, на левом плече тату — анютины глазки. Глухой, увидев Файку, чуть не заговорил. С той поры она только так к нему и обращается: «Ты слышишь, Глухой?» А он кивает. «Ты понимаешь, Глухой?» Он и на эти слова кивает. «Вывести бы на орбиту Марса спутник с огромными зеркалами». Глухой согласно кивает. «Ирка Летчик глянула бы в иллюминатор, а на Северной равнине зайчиками солнечными написано: *дура!*»

Ханна Кук

На орбитальной станции Хубу робот Мик носил белый фартук. Приставучий. В смысле, сам робот. «Спасибо, что кушаете наши фрукты... Спасибо, что пьете наш вкусный крющон...» — «На здоровье, Мик, только не путайся под ногами». — «Спасибо, что вы так приветливы. Спасибо, что вы не сплевываете косточки на чистый пол...». — «Да на здоровье, Мик, давай проваливай на кухню!» — «Спасибо, что вы никогда не грубите...» — «Вот ведь скотина!» — сказал нетерпеливый Рупрехт и выбросил робота из гостиной. Тут же раздался визг, и в гостиную вбежала Файка: «Он ко мне пристаёт! Он ко мне пристаёт!» Синяя юбочка в оборочках, кофта в горошек. Приставать к такой — себе дороже.

«Кто к тебе пристаёт?»

«Это титановое чучело!»

«Ого! К тебе даже роботы пристають».

«Он похлопал меня верхним щупальцем!»

«Ну и что? Он всех похлопывает по плечу?»

«Ага, по плечу! Разве достанет этот карлик до моего плеча!»

Глухой вскочил. Он ведь все понимает. Мы перед этим говорили о любви и славе, а у Глухого эти валентности вечно

заняты сплошным интересом к Файке. Рупрехт тоже вскочил. Ему хочется казаться таким, какой он на самом деле. «Зацени! — крикнул он Глухому. — Древняя железяка, а туда же!» Вдвоем они выскочили из гостиной и сбросили Мика прямо в белом фартуке в шахту, в которой стояли снаряженные зонды. Робот от непонимания ситуации залез в один, и зонд за ним захлопнулся.

«Готовность номер один!»

«Есть готовность номер один!»

«Отсчет!»

«Пошел отсчет!»

Запустив программу, под тиканье метрономов Рупрехт и Глухой, довольные, вернулись в гостиную. Крюшон разливали сами — Мика выгнали, а полевые роботы (духи) на станции Хубу не применяются. Файка, наконец, успокоилась и даже показала место, по которому ее похлопал Мик. К моменту, когда появилась Ира Летчик, титановый пол станции медленно дрогнул.

«Ой, это папа вернулся!»

«Нет, это Мик ушел».

«Куда это Мик мог уйти?»

«Ну, мало ли. Погулять. То, сё», — Рупрехт с деланным безразличием ткнул грязным пальцем в огромный прозрачный, как ключевая вода, иллюминатор, за которым на фоне звезд беспорядочно кувыркался наблюдательный зонд.

«Неужели в нем Мик?» — не поверила Ирка.

«А что в этом такого?».

«Но *почему* он там?»

«Приставал к Файке, зараза».

«Ну и что? Это же естественно. Я только вчера ему центр удовольствий обновила».

«Надо было проконтролировать».

«Он же заикаться начнет!»

Когда зонд удалось вернуть, мы некоторое время приглядывались: будет Мик заикаться или не будет? Даже интересно. «Спасибо, что мы снова вместе», — с чувством произнес робот, прижался к стене и мелко затрясся. А за иллюминатором, в черном пространстве, пронизываемом

всеми видами излучений, бесшумно расцвела чудесная новогодняя елка. Вся в огнях, в хлопюшках, — я такой красоты никогда не видывала. Это Мик ее отстрелил со страху. Такая у них мораль на Марсе.

Глухой

Только я уснул, как в мой сон залез пятнистый паук — символ взрывников. Приподнял тонкие лапы, пылливо заглянул в глаза. Говорить ничего не стал, догадывается, что хорошему взрывнику глухота не мешает. Файка очень верит в марсианского Сфинкса, уши всем прожужжала, может, поэтому паук и появился. Дескать, чего вы тяните с поисками? Пора отыскать еще одну Делянку Сеятеля. Если Аскрийские ледники на Марсе взорвут, единственное местонахождение смоллет в Солнечной системе исчезнет. Понятно, что водяные пары насытят будущую атмосферу красной планеты, но ведь исчезнут смоллеты. А они, может, вовсе не ископаемые останки какого-то бывшего массового организма, они, может, начало другой жизни. Какой? Откуда мне знать? Этого ни хульманы, ни лангуры не знают. Даже доктор Микробус не знает. Чудесные микроскопические пирамидки и капельки неясного назначения. Нанообразования объемом с бога. Я одну смоллету подарил Файке. При повороте головы в мочке Файкиного уха волшебным вспыхивает яркая звездочка, иногда с замедлением. И вообще губы у Файки вырезаны, как по лекалу, а на ножках меховые унты. Колени голые, живот голый, много хвостиков висит, всё чики-пуки, как говорит Котопах. Днем температура на Марсе поднимается не выше десяти градусов по Цельсию, смотреть на голый Файкин живот страшно, а хочется.

Фауна

Потом из метанового тумана выступила каменная фигура Ма Це-ду. Раскосые глаза смотрели куда-то за горизонт, руки сложены на груди, у массивных ног — виртуальные фанзы, храмы, ажурные мостики, в окнах — морщинистые личики. Кто-то машет рукой, кто-то трясет косичками, а толку? Ничего коснуться нельзя. Правда, китайцы упертые. Они скоро

построят на Марсе настоящие города, надышат атмосферу, а каменную фигуру Ма Це-ду покроют чешуей из белого мрамора и позолоченной бронзы. Появятся мухи, — у китайцев нет ничего ненужного. Я знаю. В младшей группе я училась с китайцем бурятского происхождения по имени Хутухта. Он говорил, что любит Ма Це-ду даже больше, чем рис. Еще у него жили три ежа зеленого цвета. Я вспомнила про Хутухту как раз потому, что пыльную, перепаханную китайскими вездеходами дорогу перебежали три зеленых ежа. «Пиная их!» — крикнул Котопах. Чимбораса пнул и нога его, конечно, прошла сквозь ежа. Старички и старушки в окнах обрадовались, стали кивать быстро-быстро, как фарфоровые игрушки, а в разрывах метанового тумана вновь появилась величественная фигура Ма Це-ду. У его ног камни поросли пестрыми грибами. ...*два тигра, два тигра...* Котопах и Чимбораса — настоящие рыжие хульманы. ...*бежали быстро, бежали быстро...* Даже я поддержала любимую песенку: ...*у одного нет глаза, у одного нет хвоста...*

«Файка!»

«Чего тебе?»

«Увидишь череп, не трогай».

Связь у нас замкнутая: каждый слышит каждого, но можно включаться так, что будешь слышать только кого-то одного.

«Увидишь череп, не дергайся!»

«Ты это о чем?»

А он тоже не понял. Решил, что мне почудилось.

И посоветовал: «Глухой, перепаяй Файке контакты!»

Глухой на всякий случай подтянулся ближе. Он меня в обиду не даст. Он или дальтоник, или я, правда, чудо. Мы с ним составляем карту под названием «Настоящий Марс». Глухой все время предлагает поместить на карте мое изображение, — есть же Сфинкс, говорит он, пусть и ты будешь.

Но я против: я родилась на Земле.

«Файка, не трогай череп!»

«Да чего ты привязался? Какой череп?»

А Котопах меня не понимает. Даже повертел пальцем у виска.

Глухой

Некоторым везет. Одняйцовые, например, прошлым летом поднимались на воздушном шаре над рекой Днестр. Экскурсия рассчитана на три часа, но ветер изменился и целые сутки Котопах и Чимбораса любовались лесами средней полосы, тундрой Приполярья и льдами Арктики. Отморозили пальцы на руках и ногах, зато сфотографировали полярное звездное небо. Правда, на Марсе оно такое же. Близнецы, Гиады, Таурис, Антарес, Альдебаран, Бетельгейзе. Все отличия: над Марсом один его спутник Фобос, как дурной, несется с запада, а другой спутник Деймос восходит ему навстречу. Жалко, я не увижу, как Фобос однажды зацепит огромную марсианскую гору Олимп. Произойдет это примерно через пятнадцать миллионов лет. Даже китайцы не доживут.

«Глухой!»

Я обернулся.

«Голик есть?»

Читать по Файкиным губам — удовольствие.

Я кивнул. Голик — это голографический карандаш.

Одёжка на Файке изодрана, на голом плече — анютины глазки.

Я бы все-таки нанес изображение Файку на карту «Настоящий Марс». Когда на станции Хубу в специальной душевой мы примеряли съютеллы, Файка, увидев, что я на нее уставился, по всей своей новой коже пустила густые оранжевые разводы, закрывая даже то, что незачем закрывать. Будто задымилась от удовольствия.

Цикада

«Как блаженна ты, цикада,
ты живешь в ветвях деревьев,
ты сыта одной росинкой».

Я-то сыта, а вот Косте совсем плохо.

Он — знаменитый композитор, его пьесы слушает вся Солнечная система, а когда однажды мой новый топик вдруг разлезся, Костя отдал мне свою рубашку. А то они с Рупрехтом стали на меня оглядываться. Ханна Кук не оглядывается,

а Костя и Рупрехт то и дело оглядываются. Настоящие русые лангуры. У Рупрехта — еще цейлонская косичка, а у Кости — красная набедренная повязка. Костина рубашка, конечно, оказалась длинной, я остановилась, подтыкая полы за пояс, и Рупрехт нагло заявил: «Ты сейчас как эбеновая статуя». Не знаю, что он имел в виду. На всякий случай я встала так, чтобы над моим левым плечом светился нежный серпик Земли. У меня грехов нет, переживать пока не за что, но вот в правом уголке губ уже появилась первая морщинка. Рупрехт говорит — это от сильных чувств. Это правда. Я часто смеюсь или страдаю. На Земле в Центре исследований я рассказывала лицензиатам, почему нас решили разделить на русских лангуров и рыжих хульманов. Да потому что это мои любимые обезьяны, я с ними работаю. Ханна Кук скептически поджимала губы, но хульманы и лангуры распространены по всей Индо-Малайской области, их много, они живут на склонах Гималаев, в сухих зонах Индии и Шри-Ланки, в дождевых лесах Ассама и Индокитая, в мангровых болотах Малакки и Калимантана. «Вот как надо приспособиться к условиям, — строго посмотрела я на Костю, потому что он глаз не спускал с Ирки Летчик. Не знал, что у нее предрасположенность к песчаной горячке. «Лангурам и хульманам везде хорошо. У них округлые головы, укороченные морды, длинные конечности. Они ведут себя с достоинством, — строго смотрела я на Костю. — И у них есть особенный воздушный горловой мешок. Шерсть нежная, а на головах — шапочка с козырьком, и ресницы синие...»

Пока я так объясняла, с дерева спустился настоящий русский лангур — шерсть нежная, на голове шапочка с козырьком, подошел к Косте, обнял его за плечи, и стал моргать синими ресницами.

«Чего это он?»

«Принял тебя за зеркало».

«Отгони! Какое я ему зеркало?»

«Он, Костя, все понимает. Он музыку любит».

«Какую еще музыку? Как зверь может любить музыку?»

«А ты погляди на его пальцы. Они длиннее, чем у тебя. И ресницы синие».

«Ты, Цикада, с ума спрыгнула, — сказал Костя. — Не может зверь любить музыку».

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

Костя

«Комаров смешить».

Так Ирка Летчик сказала про мою скрипку.

Сперва забыла ее на Лунной базе, а потом сказала: «Подумаешь, остался без своего дурацкого инструмента». Я прямо обалдел от ее слов. «Поднимемся на гору Олимп, поводи руками, будто играешь, а я потом наложу звук».

Я тогда впервые почувствовал во рту привкус пережаренного лука.

Но тогда — в первый раз. А сейчас все отдает этим противным запахом, зря Цикада говорит, что такого быть не может. Конечно, в искусственной коже — в сютелле — человек напрямую включен во все идущие в нем и вовне процессы. Человек в сютелле не может испытывать жажду и голод, его не могут донимать никакие запахи, но я-то чувствую. И скрипки нет, и рябые облачка пахнут луком.

«Страстное дитя». Ненавижу, когда Ирка так говорит.

По условиям эксперимента связи у нас нет ни с Землей, ни с Луной, ни с Марсом, ни с орбитальными станциями, а Ирка почему-то оказалась на связи. «Помнишь пирожки с вишневым повидлом?» — спросила она. Я говорю: «Отключись, Ирка, немедленно отключись, а то нас с маршрута снимут!»

А она будто не слышит.

«Помнишь, как вкусно стряпала мама, когда мы с тобой летали на Кольский?»

«А ты помнишь, как забыла на Луне мою скрипку?»

«Страстное дитя...» — Тут только до меня дошло, что Ирка на самом деле меня не слышит. Просто еще на Земле она тайком набила сенсорный центр моего сютелла письмами, наставлениями, своими стихами, своими угрозами и пожеланиями. Вот и напутала что-то. А тут мерзлая пыль,

камни, сухие пески. Плеяды над головой — как пожар, Фобос дико несется навстречу Деймосу, от всего подряд несёт пережаренным луком.

Цикада

Однажды я видела садик. На Земле, за полярным кругом.

Там росли карликовые березки. Ростом вершка в три, не больше, а над ними — мухоморы в горошек. Я так и решила, что это еще одна дача Сеятеля. Сеятель — он ведь везде и нигде, он — мега и нана. Почему ему не иметь маленькую дачу за полярным кругом?

В Центре исследований я часто вспоминала этот садик.

Накувыркаешься за день, сядешь на подоконнике и вспоминаешь.

Один вечер выдался такой — мои лангуры и хульманы тоже накувыркались.

Вдруг доктор Микробус разыскал меня по громкой связи: «Цикада, я тут кривой от перегрузок, левый глаз ничего не видит, хромаю, и голоса нет». Я ответила: «Это клёво! Приходите к нам такой!» Он пришел и сел рядом на подоконник. Он весь день перед разложенными на бархатной ткани смоллетами шумно и весело прогонял воздух сквозь духовую трубу. Говорят, Чарльз Дарвин так вот играл перед живыми тюльпанами. Ну, мы сидели, молчали, смотрели на звезды в окне, потом доктор Микробус заглянул из будущего в мои мысли и вздохнул: «Подумаешь. Ну и пусть. И пусть далеко звезды! Все равно когда-нибудь все там будем».

Обезьяны, услышав такое, зашумели, а я про себя подумала: ни русые лангуры, ни рыжие хульманы не живут наполовину в будущем, как вы, доктор Микробус, не пугайте их, лангурам и хульманам в Центре исследований еще как кувыркаться приходится.

И уточнила: «Если *все* там будем, значит, и Глухой?»

Лангуры и хульманы, услышав про Глухого, застонали.

Зачем им звезды и вечность, если рядом опять будет Глухой?

Доктор Микробус тоже нас понял. Древним людям, объяснил он, всегда хотелось самим поскорее добраться до

новых мест, вот и у Глухого развито одно такое древнее чувство. Горы и моря, острова и проливы древние люди из своих эгоистических устремлений называли именами королей, королев, императоров. «А ты, Цикада, чьим именем назовешь действующий вулкан, если откроешь такой на Марсе?»

Я обрадовалась: «Уж точно не именем Глухого».

«Ну, это я понял. А чьим все-таки именем?»

«Может, именем моих китайских подружек».

Обезьяны на ветках одобрительно загудели.

«А много у тебя китайских подружек?»

Я посчитала в уме: «Девять».

«Тогда тебе здорово придется потрудиться».

«Они того стоят».

«А как их звать?»

«Динь Линь».

«Ну, это одну так зовут. А я про всех спрашиваю».

«А вот и не одну, — еще больше обрадовалась я. — У меня девять китайских подружек, и всех зовут Динь Линь».

«Бесподобное зрелище!»

Чимбораса

«Ой!» — заорал Файка.

А чего ой? Череп не видела?

Ну, блестит, ну пустые глазницы, ну, височная кость обкрошена.

«Это, наверное, женский череп. Красивые женщины часто теряют голову».

«Так она еще и красивая была? — удивился Котопах и, опустившись на корточки, осторожно обдул с черепа песок. — Настоящий! Всё чики-пуки. Зубы, правда, отсутствуют и альвеолярные отростки атрофированы. Помнишь, Файка, в солярии Центра исследований жила гиббонша Соня? Ее током ударило, она после этого стала ходить нараскоряку, как паук. Странный череп: небо плоское, никаких швов — или заполированы, или их вовсе не было. У гиббонши Сони с черепом тоже были всякие непонятки, кривая какая-то, ее самцы люто боялись. А эта «красавица», — подул Котопах на череп, — ничуть не краше Сони.

Скуловая дуга тонкая, в костной стенке неясные отверстия, черепная коробка истончена. *Sulci arteriae meningeae mediae*. Не гиббонша, так старуха...»

«Не трогай череп!» — крикнула Файка.

Она первой увидела изменения. Так она потом говорила.

Не знаю, я изменений не видел. Я смотрел на Файку, на ее пушистые хвостики и анютины глазки. Она и Глухой потом утверждали, что череп прямо под пальцами Котопахи начал таять. Сперва медленно. Потом так быстро, что однояйцовый Котопаху отпрянуть не успел. Череп растаял, как мороженое в жаркий день, и вместе с ним растаял Котопаху. Правда, приколами меня не удивишь — Котопаху всегда любил исчезать. Если не туда, то отсюда.

Костя

Найти бы ровер «Бигль-2».

Конечно, «Бигль-2» был небольшой стационарной лабораторией.

Но интерес как раз в том, что в работе таких аппаратах лет сто назад использовали всякие музыкальные заставки. «Страстное дитя». Меня просто тошнит от запаха лука. Зря, наверное, я отправился на Марс. Мне не везет в играх и в путешествиях. Когда сажусь играть в «космического сапера», первым кликом точно попадаю по бомбе. А если не попадаю, то открываю шестерку. Доктор Микробус на Земле посматривал на меня загадочно, но в итоге решил: «Хороший тестер тоже понадобится».

*Что делать в день рождения? Смеяться или грустить?
Жалеть о днях, которых не вернуть, о годах,
которые не забыть?*

Ирка вдруг перешла на стихи.
*О тех минутах счастья, которых не повторить?
О тех секундах, что вдруг раз навсегда
все могут разрешить?*

«Ну и вопросыки!»

«Ты мне?» — запаниковала Цикада.

«Да нет, — обозлился я. — Не обращай внимания».

«Нет, ты скажи, скажи, — паниковала Цикада. — Если мне, то какие такие вопросы?»

«Отстань».

«Это почему?»

«Луком пережаренным несет».

Цикада даже остановилась: «Такого быть не может!»

«И есть я очень хочу».

«В сюютелле не едят, — завелась Цикада. Решила, что я ее подкалываю. — Просто у тебя, Костя, сильное воображение».

Оно, может, и так, но Иркины мнемописьма раскрывались теперь в моем сознании все чаще и чаще.

«Минуты счастья». Дура прям!

А Ирка, дура, не отстаёт: «Жри, котик, пирожок».

Голос ее вмонтирован в сюютелл. А принцип сюютелла: все наружу, ничего вовнутрь.

От этого мне еще хуже. Будто пересохшим смычком водят по струнам. От мнемописем можно спастись, закрыв глаза, вот я и закрыл. Тогда Иркин голос прервался, зато в темном пространстве сознания призывно вспыхнули со всех сторон цветные флажки виртуальных напоминаний.

«Думай, когда молчишь».

«Ты видел мамину землянику?»

«Доктор Микробус утверждает, что умники всегда покупаются на необычное».

Падает снег на руку, слезой стекая.

Вот и пришла разлука, одна шагаю.

Куда можно шагать на орбитальной станции?

Шагаю навстречу ветру, навстречу серому небу.

Кому я была подругой? Кто мне другом не был?

В своей семье Ирка Летчик — самый единственный ребенок.

Мама (биологическая) — на Земле, папа (тоже биологический) — на орбитальной станции. От этого у Ирки все

по-особенному. Сочинение, предложенное доктором Микробусом как последнее воспоминание о чудесной зеленой Земле, она вообще закончила словами: «А на берегу реки стояла пьющая лошадь». Файка даже решила, что доктор Микробус лишит Ирку пары бонусов за такую насмешку над бедным животным—лошадью, но доктор Микробус смотрел на нас из будущего. И, наверное, знал, что у Ирки есть виртуальный альбом, а в нем куча потрясных видов. Колеблет придонное течение ил Марианской впадины, крутятся, как жернова, ледяные кольца Сатурна, медленно плывет Церера, как колобок глазурию, залитая льдом. И везде: на илистом дне, на ледяных кольцах, на льдах Цереры выведено голиком: *«Ира Летчик была здесь»*.

Ханна Кук

Говорили о любви и славе.

А у Рупрехта ногти грязные.

Я просто так, ни к кому не обращаясь, произнесла, правда, ни к кому специально обращаясь: «У гениев всегда чистые ногти. Это факт такой. Если я когда-нибудь буду целоваться с мальчиком, то ногти у него будут как у гения».

Рупрехт посмотрел заинтересовано.

«Вы, Рупрехт — плохой мальчик».

«Ну да, я такой!»

На земле Темпе нам, русым лангурам, пришлось держаться вместе.

Голые скалы, трещины, мертвые лавовые потоки. Рупрехт протянет руку с наведенными грязными ногтями, приходится держаться за них. Цикада бесстыдно прыгает по камням в чужой рубашке, а Костю тошнит. И китайцы тоже хитрые. Узнав, что мы собираемся испытывать сьютеллы, каждому (еще на Земле) прислали подарки. Девочкам — хрустальные цветы, молочно тающие в темноте, а мальчикам — медные колечки, снимающие душевную боль. Колечки у мальчиков доктор Микробус отобрал и отослал обратно в Чайна-таун, а хрустальные цветы украсили наш обезьянник. Сьютеллы, которые мы испытываем — это как бы еще один слой нашей кожи, сложнейшая наносисте-

ма, экранирующая излучения, защищающая от перепадов температур и давлений; она нас кормит, поит, согревает, выравнивает настроение. В сьютелле можно жить и в открытом космосе, и в глубинах огромных газовых планет, даже в жерле извергающегося вулкана. Мы, конечно, таким стрессам не подвергались, но на земле Темпе (это уже Марс) вышел навстречу нам совершенно голый чел мужского пола. В принципе, на Марсе можно встретить китайца, но не такого голого. А у этого еще попугай на плече. «Скажите, — спросил его Костя, — как выйти к каньону Эхо?»

«Никаких идей! — завопил голый чел. — Я не местный!».

После этого он бросился бегом в самый темный лабиринт скал и теней. На мгновение мелькнула голая длинная спина, темные лопатки, блестящие розовые пятки. А хитрый попугай сорвался с плеча убегающего чела и устроился на Костином плече.

«Как такая тварь может жить в разреженной метановой атмосфере?»

На такой вопрос Рупрехта никто не ответил, потому что из-за черной базальтовой стены вытек ровер.

Он именно вытек.

Он мерцал, как расплавленный.

В нем чувствовалась ужасная мощь.

Он мог сокрушать скалы, а всего-то высотой — до моего колена.

Рупрехт тоже подумал так, потому что нагло посмотрел на мое голое колено. Конечно, я слышала о наведенных существах и постройках, вроде китайских виртуальных городов, но пестрый попугай на Костином плече выглядел натурально. И ровер не оказался наведенным. Тяжелый, непрошибаемый, никаких колес, конечностей, он плыл над камнями, как на воздушной подушке, только никакой пыли из-под него не выметывалось.

«Костя, а этот чел, он на каком языке тебе ответил?»

Костя пожал плечами: «Да какая разница?»

«Ну, если на китайском, то мы бы не поняли».

«Вот ловко!» — прохрипел попугай. А Костя вздохнул: «От птицы тоже несет пережаренным луком».

«Не может от какой-то там наведенной птицы нести луком, даже пережаренным», — возразила Цикада. У нее в группе все девчонки такие. Одной покажи палец, другая откусит. «Костя, — сказала она, — ты совсем бледный». И предложила, поглядев на меня и Рупрехта: «Давайте угоним ровер! Костя сядет на него, так ему будет легче. А то вдруг, правда, съютелл у Кости испортился, а?» Это было все равно, что сказать, вот завтра слетят с орбиты кольца Сатурна или вулкан Олимп провалится в ядро Марса, но предложение Цикады поддержали. «Ровер выведет нас к каньону».

«Я за, — кивнул Рупрехт, а Цикада тут же строго приказала: — Садись, Костя, на ровера. Только сперва помочись. У меня папа врач. Он всегда так говорит: почувствовал себя плохо — помочись. Мудрость древних: не копи в себе шлаки».

Костя спорить не стал. Только попросил: «Отвернитесь».

ДОКТОР МИКРОБУС

1

«Приветствуем вас на борту орбитальной станции Хубу! — робот весьма натурально закашлялся. — Почему это вы в перьях?»

«Это не перья. Это рубашка. Ты различаешь цвета? — доктор Макробер с удивлением взирал на титановый конус, весело расписанный голографическим карандашом. — Квак тебя звать?»

«Мик».

Доктор Макробер покачал головой.

По дымчатому напылению титанового корпуса — разброс разных имен.

Ира Летчик. Доктор Макробер довольно потер виски. Может ли дриада выглядеть страшенькой? *Глухой.* Изображение пятнистого паука. *Костя.* Не подпись, а изящный скрипичный ключ. *Однояйцовые!* Эти и тут, конечно, исхитрились выделиться. *Рупрехт.* Сила и уверенность. *Ханна Кук.* Изящество и опрятность. *Цикада.* Скачущие весело

буквы, будто девочку подталкивали под руку. *Фая*. Почерк всеобщей любимицы.

«Приветствуем вас на орбитальной станции Хубу, доктор Микробус!»

«Ты уверен, Мик, что правильно выговариваешь мое имя?»

«Конечно, доктор Микробус!»

«Ладно, Мак».

«Простите, Мик. Меня зовут Мик».

«Вот уж нет. С этой секунды ты для меня — Мак!»

«Мне кажется, что Ира Летчик обидится. Девочки в ее возрасте непредсказуемы». — Робот пораскинул своими механическими мозгами и добавил: «Впрочем, так же, как мужчины в вашем. Ну, эти старые пердуны в спектральных рубашках. Умы с одышкой. Кривые ноги и все такое прочее. Зачем делать под себя, а? Отступи в сторону. Чем богаче жизненный опыт, тем бедней духовная жизнь».

Не желая слушать всю эту галиматью, доктор Макробер толкнул дверь.

За невыносимо прозрачным иллюминатором жилого отсека в проваливающейся в ничто чернушной тьме медленно плыла пушистая новогодняя ель, расцвеченная звездами, огнями и хлопущками. Космос вглядывался в доктора Макробера исполинским черным зрачком, густо задымленным цепями звездных скоплений. Только в самом низу иллюминатора в голубоватой чаше призрачной марсианской атмосферы просматривались кольцевые извилистые хребты...

2

«Квак ты себя чувствуешь?»

«Квак, квак! — весело передразнила девочка. — Лучше не бывает!»

Никакого уныния. Ничего, что могло бы насторожить. Песчаная горячка — штука серьезная, но, похоже, врачи просто перестраховались. Световой колодец атриума расширился над круглым креслом девочки, и огромной воронкой уходил вверх. «Ты в этом кресле, как в огне», — оценил цвет

кресла доктор Макробер. Девочка засмеялась. Высоко-высоко торчал из стены металлический балкончик, возможно, декоративный. Тонкая оранжевая ночная рубашка, след ожога на голом плече, крошечная прозрачная смоллета в мочке уха.

«А слезы? А жалобы и причитания?»

«Я не обезьяна Цикады!» — засмеялась девочка.

«Тогда почему сидишь здесь, а не шляешься по Марсу?»

«Квак это почему? — счастливо передразнила Ира Летчик. — Разве не вы советовали врачам повозиться со мной подольше, доктор...»

«...Микробус?»

Девочка покраснела.

«Не стесняйся! Твой робот уже называет меня так».

Ира Летчик с восторгом смотрела на доктора Макробера.

Конечно, она была рада. По-настоящему рада. Когда долго-долго ждешь — радуешься еще сильнее. Ох, Сеятель, как хорошо, что ты привел сюда доктора Микробуса! В огромном прозрачном иллюминаторе мерцали звезды, медленно плыла новогодняя елка. На раскрытой голографической развертке темнели развалистые долины Марса, целые россыпи кратеров и вдавленное в лавовые поля огромное копыто Эллады. У стены — плетеная из тростника корзина, сплошь в алых иероглифах.

«Кто там стонет?»

«Вомбату».

«Животное?»

«Даже самец».

«Он в корзине?»

«Не знаю, — вомбату не сильно интересовал девочку. — Он наведенный. Зачем ломать из-за него голову? Вы ведь не пытаетесь определить точное местонахождение электрона».

И спросила: «Вы, правда, потеряли все смоллеты?»

Конечно, она уже все знала о взрыве в Центре исследований. Глухой прилетел на станцию Хубу вместе с другими лицензиатами, так что вопрос вырвался у девочки произвольно.

Доктор Макробер невольно засмеялся: «Я не люблю яблоки».

Девочка уставилась на него с ужасом. Она ведь только еще *собиралась* предложить яблоко! Ну да, доктор Макробер, он же — Микробус, он живет наполовину в будущем, это все знают.

«Вы, правда, не хотите?»

Девочка заторопилась, ей хотелось высказаться.

«Знаете, я научила нашего Мика встречать утром папу словами: ты — моя любимая морщинка...»

Наведенный вомбату в корзине застонал.

«Почему ты не научишь бедное животное смеяться?»

«Чтобы не забывать, что сама нахожусь в карантинной зоне».

Они весело присматривались друг к другу. «Вы ведь не позволите китайцам...» (Подразумевалось: «...*взорвать Делянку Сеятеля*»). Доктор Макробер взглянул на алые иероглифы и ответил: «Один человек такие вопросы...» (Подразумевалось: «...*не решает*»).

«Еще как решает! — не поверила девочка. — Китайцы обещают два контейнера настоящих смоллет тому исследователю, который докажет необходимость полного превращения Аскрийских ледников в водяной пар...» (Подразумевалось: «...*Вы же этого не допустите*»).

«Смоллеты могут ждать миллионы лет, да сколько угодно, а китайцы уже сейчас мечтают передвигаться по Марсу без скафандров...» (Подразумевалось: «...*я еще не взвесил все за и против*»).

Девочка вздохнула: «Если смоллеты будут уничтожены взрывом...» (Понятно, подразумевалось: «...*обесмыслится вся ваша работа*»).

Кажется, лицензиатка переживала за своего руководителя.

Доктор Макробер улыбнулся. Девочке не нравится замысел китайцев испарить самый большой марсианский ледник, что ж, это многим не нравится.

«Зачем тебе смоллета в ухе?»

«С нею я всегда на связи с Сеятелем».

«Разве я не учил вас не персонифицировать явления природы?»

«Учили. Но у меня не получается. Я даже писала ему».

«И он ответил?» — не поверил доктор Макробер.

«Конечно!»

«И что он ответил?»

«У него на все один ответ, — огорченно покивала девочка. — *Адресат выбыл*».

Стены атриума чудесно отблескивали. В таинственных пространствах станции не терялся ни один фотон. «Вам должно быть всё интересно, ведь вы, наверное, путешествуете в последний раз, — весело и беспощадно заявила девочка. — Это так здорово, что вы прилетели! Больше таких шансов у вас, наверное, не будет. Если вы запретите взрыв, китайцы точно выставят вас на землю, и уж на этот раз куда-нибудь дальше Дарджилинга».

Доктор Макробер кивнул. Когда я впервые занялся смоллетами, подумал он, Дарджилинг действительно считался краем ойкумены. Теперь, когда о смоллетах знают все, Дарджилинг стал обычным оживленным местом. Да и вообще. Разве жизнь не латентное свойство Вселенной? Он так подумал, и девочка сладко зевнула: «Разве жизнь не латентное свойство Вселенной?»

Он согласно кивнул и автоматически глянул на часы.

15.01.

«Хочешь спать?»

Она потянулась: «Да».

И снова сладко зевнула: «Я всегда сплю в это время».

С девочкой что-то происходило. В стене чудесно отражались ее круглое алое кресло, но отражение самой девочки расплывалось.

«Как это у тебя получается?»

Ира Летчик сонно рассмеялась. Потому лицензиаты и считаются вундеркиндами, что мастерски делают то, чего сами не понимают.

«Мик!»

Робот вошел.

«Мик, угости нашего гостя кофе».

И добавила: «Доктор Микробус любит все эти доисторические напитки».

Любит... Нельзя заглядывать в чужое сознание... Эти доисторические напитки, ну да. Рано или поздно самый любящий человек делает попытку влиять на тебя.

Предчувствие веселого несчастья охватило доктора Макробера.

3

Вызвав робота, он без церемоний влез в его сенсорные настройки.

Ничего особенного, вот только карты памяти... Устанавливать такие карты, конечно, удобно, но вынимать следует осторожно... «Если хочешь увидеть Куумбу, нужно встать спиной к чему-нибудь красному... — бормотал робот, послушно подчиняясь доктору Макроберу. — Затем нужно сложить ладошки перед грудью лодочкой...»

Вербальные упражнения неандертальцев.

Впрочем, робот ориентировался не только в сказках.

Квантовая химия. Теория суперструн. Игровые математические модели. Синии — искусственные растения, выведенные специально для Марса. Время как функция жизни. Мифология обжитого Космоса. Оцифровка материи. Каждая элементарная частица имеет одну единственную историю — с этим утверждением человечество соглашалось достаточно длительное время, но девочка, кажется, склонялась к взглядам Фейнмана, Квентина, Стравинского? Чтобы учесть все известные естественные взаимодействия приходится приписывать элементарным частицам больше степеней свободы, чем просто положение и скорость, масса и электрический заряд, цвет («заряд», связанный с сильным взаимодействием), наконец, спин, но почему каждая элементарная частица должна перемещаться в пространстве—времени не по одной, а сразу по *всем* возможным траекториям? «У меня такая история, — прислушался доктор Макробер к бормотанию робота. — Я люблю парня, — Мак имитировал расстроенный девчоночий голосок. — Он меня тоже любит, но я не могу с ним встречаться, потому что его любит моя подруга, а мы с ней дружим с двух лет и ни разу не ссорились».

«Это почта лицензиатки Иры Летчик?»

«Это почта группы практикантов-лиценциатов».

«Бесподобное зрелище! А чем Ира Летчик занимается на станции?»

«Аппликатурой, — ответил Мак. Свежие настройки освежили его отношение к миру, исчез занудливый скепсис, прорезался интерес к собеседнику, может, даже уважение. — Указательный палец мы называем первым, средний — вторым...»

«Кто это — мы?»

«Ира Летчик и я».

«Она учится играть на скрипке?»

«Да нет. Просто не хочет выглядеть дурой. — Мак явно ждал реакции на свою метафору, но никакой особенной реакции не последовало. — Спасибо за сдержанность, доктор Микробус. Способ ведения смычка имеет большое влияние на характер и силу звука. На соседних струнах можно брать одновременно две ноты, а если быстро, то даже три или четыре. Ну, а чередование двух звуков...»

«Ты про колья лень? Можешь не объяснять».

«Спасибо, доктор Микробус, что вы интересуетесь музыкой».

«Вот уж нет, — ответил доктор Макробер, и потребовал: — Выкладывай почту!»

Мак забормотал (теперь голос был мальчишеский): «Прикинь, Рупрехт, у меня на спам-боте стоит знак вопроса, а за ним ответ: ионный бобролет...»

«Пропусти».

«Костя, можешь ты страдающему челу объяснить нормально, а не по-ублюдски, что нужно сделать, чтобы видеть гриф без нот? То есть, вот играю я, например, сферуку и ничего уже год не пойму, какие она аккорды обыгрывает. Ты, конечно, скажешь: разучивай гаммы, придурок, а я тебе на это скажу: какие гаммы? Их миллион...»

«Пропусти».

«Это я, Динь Линь! Помнишь, Цикада, моего полевого духа?..»

«Ладно, отключи почту. Девочка всегда спит в это время?»

«После прибытия лиценциатов, каждый день».

Робот выбросил веселую голографическую развертку.

Десять солов назад лиценциаты прилетели с Лунной базы на орбитальную станцию Хубу. Ивен Летчик друзьям дочери не мешал. К сожалению, у Иры Летчик наметились некоторые проблемы (предрасположение к песчаной горячке) и врачи оставили ее на борту. Проводив лиценциатов на Марс, девочка прикорнула в кресле как раз после обеда — в 14.40 по бортовому времени. Робот Мак тщательно фиксировал все происходящее на борту. Получалось, что в первый день лиценциатка спала ровно шесть часов тридцать одну минуту. Ничего особенного, но на другой день она уснула в 14.51 и проспала опять шесть часов тридцать одну минуту. На третий день...

Тенденция улавливалась.

ДОМЕН ЛИЦЕНЦИАТОВ (как мы на Марсе отожгли летом)

Ира Летчик

СТРАСТНОЕ ДИТЯ

*На крыльях ночи Время — ветра страстное дитя,
все летит, бежит от тебя, говоря миру «Нельзя!»*

*Нельзя его перевозмочь, нельзя его любить,
нельзя сказать: «Прочь!», нельзя воротить.*

*И еще много всяких «нельзя» гремит над Землей,
и тихо плачу я, забытая мечтой.*

*Но вера в тебя, мой друг,
укрепляет меня, хоть и снег вокруг.*

Ира Летчик

Черный ровер сбросил информацию китайцам, а на Марсе китайцев — тысячи. Они живут в Чайна-тауне, дышат искусственным воздухом и упорно, без перерыва, смотрят

в микроскопы и в телескопы, — попробуйте напасть научными открытиями на такую ораву умных людей. В давние-давние времена люди страстно гонялись за благородным желтым металлом, а сейчас черные роверы гоняются за благородной научной информацией. Чтобы первым придти к самой богатой жиле, самые умные садились на быстрых коней и с лопатой в руках наперегонки мчались на далекий прииск.

Вопрос: а что делали самые-самые?

Ответ: торговали лопатами.

Ровер сбросил информацию, и сразу стало видно, как массово китайцы мечтают о великих научных открытиях. Межпланетную сеть мгновенно облетело потрясающее известие: китайцы открыли жизнь на Марсе! Вот многие веками искали жизнь на Марсе, найти не могли, а тут — сразу! Причем не примитивную, не какие-то там ископаемые останки, не туманный намек на что-то необычное, ужасно далекое от нас, вроде смоллет, а самую настоящую — белковую! Престарелый доктор исторической медицины Ли Сын-ман, юный магистрант Пай-ку и еще более дурной лицензиат Ду-си почти одновременно заявили: на планете Марс на каменистой земле Темпе ими только что зафиксировано активное облачко органики (возможно, разумной), в состав которой входят мочевины, аммиак, пуриновые основания, креатинин (хорошее название для пытливых исследователей), и в малых следовых количествах — производные продуктов гниения белков.

Крейзи кризис: следы щавелевой и молочной кислот тоже обнаружили.

Все знают, что в моче нормального белкового существа (в том числе разумного) глюкоза ограничена, а вот у открытой китайцами формы жизни (возможно, разумной) глюкоза наблюдалась в чрезвычайно высоких количествах. Не зря престарелый доктор исторической медицины Ли Сын-ман утверждал, что человеческая моча обладает чудодейственной силой, особенно ослиная.

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

Цикада

Голый чел исчез, а попугай остался.

Рупрехт посмотрел на него и почему-то сказал:

«Помните лунное кафе, в котором подавали гениталии енота?»

Попугай ответил: «Вот ловко!» — а Ханна Кук сердито поджала губки.

Тогда Рупрехт начал определять глубину виртуального колодца, к которому мы вышли. «Вам бы всё играть, Рупрехт». А что еще остается? Фанзы, кумирни, храмы, колодцы, ажурные мостики и тихие водоемы — на Марсе ни к чему нельзя дотронуться. Все — мираж, обман. Конечно, со временем китайцы возведут на планете и настоящие города, но для этого нужна настоящая атмосфера. А чтобы создать настоящую атмосферу, надо взорвать Аскрийские ледники. Попугай будто чувствовал мои мысли: он тревожно оборачивался, смотрел с Костиного плеча. Чтобы удивить птицу, я пустила по сьюллету роскошную фиолетовую волну.

Попугай заорал: «Вот ловко!»

«Почему он ничего другого не говорит?»

«Потому что он — наведенное изображение».

«Ничего себе наведенное! У тебя под ним плечо прогибается».

«Ну, не знаю, — ответил Костя. — Может, это не попугай тяжелый, а я слабый».

«Вернемся на станцию Хубу, — пригрозила я попугаю, — отдам тебя девочке Ире Летчик». И запаниковала: у Иры предрасположенность к песчаной горячке. «Ой, Костя! Смотри. Он на Иркино имя реагирует!» И опять пригрозила: «Вернемся на Хубу, отдам тебя Ирке Летчик. Она начнет выявлять у тебя признаки души, пусть даже наведенной. Она это любит. У нее, — посмотрела я на Костю, — есть мечта: хочет прожить дольше, чем доктор Микробус. Доктора Микробуса время не берет, он живет наполовину в будущем, вот Ирка и дышит к нему неровно». И пояснила попугаю: «Ты хоть и наведенный, а столько, сколько проживет Ирка, ни за что не протянешь».

Попугай похлопал крыльями, не знаю, что хотел сказать этим.

«Костя, ты знаешь, какое слово первым произнес доктор Микробус?»

Костя не знал. А я недавно проштудировала «Жизнь в Дарджилинге», поэтому знала. Маленького Микробуса мама-химик часто брала в лабораторию. Колбы, вытяжные шкафы, платиновые тигли, запахи, вентиляционные установки — ужас как интересно, а маленький Микробус молчит. Смотрит и молчит. Ни на какие вопросы не отвечает. Или не нравится ему все это или проблемы с речью. Так бы это и длилось, но однажды по лаборатории распространился какой-то непонятный запах. Маленький Микробус посмотрел на маму и внятно определил: «Парааминоарсенбензолгидрохлорид!»

*«Как блаженна ты, цикада,
ты живешь в ветвях деревьев,
ты сыта одной росинкой».*

«Вообще-то без пищи нормальный чел может прожить не менее двадцати суток, — успокоила я Костю. — Если с твоим сьютеллом что-то случилось, чего в принципе быть не может, ты обязан протянуть пару лишних солов. Сиди на вереве и не умирай. Я боюсь покойников».

«Вот ловко!»

«Помнишь домен «Спроси Сеятеля?»»

Костя кивнул, а попугай прикрылся крылом.

«Там хотели собрать философов и логистиков, чтобы учились формулировать вопросы, обращенные к Сеятелю. Что может быть, если. И все такое прочее. Но пятилетний мальчик из Пензы не знал, что домен «Спроси Сеятеля» создан для философов и логистиков, и сам стал задавать вопросы. Почему соленое не сладкое? Почему муравьи не питаются кобальтом? Почему вода течет, а человек ходит? Почему земля? Почему бамбук растет быстро, а кристалл медленно? Почему лягушкам детей не аист приносит? А кто приносит детей аистам? Как приготовить блюдо-сюрприз для любимых одноклассников, чтобы они полгода не по-

являлись в гимназии? Наконец, как хорошие девочки едят шоколад?»

«А как хорошие девочки едят шоколад?»

«С отвращением!»

«Я тоже хочу».

«Не пугай меня».

«Как Змей Горыныч хочу».

«А кто такой Змей Горыныч?»

«Ты что! Ирка Летчик сама встречала Змея Горыныча. Он огромный, как Ма Це-ду, и прячется в Сибири от крестьян. Крестьян давно нет, а он прячется, не хочет, чтобы землю на нем пахали. У Змея Горыныча три головы, — общила я попугаю, — он дышит огнем и ловит принцесс. Еще Ирка рассказывала, что на нем рубашка с пуговицей в виде большой ягоды, и штаны с полосками».

«Вот ловко!»

«А мне Ира Летчик рассказывала, что в Сибири она встречала настоящего лешего», — догнала нас Ханна Кук. Черный ровер струился у ее ножек, как чрезвычайно опрятное и мощное домашнее животное. Чуть приотстав, тянулось за Ханной другое домашнее, но неопрятное животное — Рупрехт. Оказывается, сибирский леший похож на сосновую шишку и живет в корнях хвойных деревьев. Если он кого-то съест, то непременно зубы чистит. Неприятного человека может долго водить по тайге, а потом выталкивает в обжитое место. Правда, перед этим так отделает, что тот больше в тайгу ни за какие коврижки не пойдет».

Черный ровер переливался у ножек Ханны Кук, перетекал с камня на камень, как чудесный металлический ручей. Иногда он становился прозрачным, тогда сквозь металл просвечивали камни. Костя, горбясь, сидел на спине ровера. Как средневековый монах, только до пояса голый. В хороших волшебных сказках девушки дают в дорогу любимым молодым челам клубки суровых ниток. Конечно, не для того, чтобы носки штопать, а чтобы отмечать дорогу. А Ирка не дала Косте.

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

Фаина

«...два тигра, два тигра...»

Оба бежали быстро, а пропал один.

Я оглядывалась, звала пропавшего Котопаху, но из-под низких метановых облаков смотрел только мрачный Ма Цеду. «Не знаешь ты Котопаху», — снисходительно сплевывал Чимбораса, а Глухой жестами показывал: может, тот череп в песке вовсе и не марсианке принадлежал. «А кому?» Глухой жестами показывал: может, Котопахе и принадлежал? «Это в каком смысле?» Глухой жестами показывал: в прямом. Сперва я решила, что у Глухого жестокое сердце, но потом до меня дошло, почему я волнуюсь? Просто плохо помню главные положения.

Первое: *Отстанешь от группы — не паникуй.*

В сьютелле не погибнешь. В сьютелле тебя лавина не задавит, в болоте не утонешь, в метановом колодце не задохнешься. Лежи под тяжелыми камнями или плавай в ядре газового гиганта, тебя отыщут. Пусть через двести лет, но отыщут. Оцифровка материи привела к таким результатам, что везде можно чувствовать себя в безопасности.

Второе: *Сьютелл ничто не может вывести из строя.*

Я на всякий случай перевела Чимборасе жесты Глухого: «Ты, однойцовый, глупости говоришь». Чимбораса удивился: «Почему?» Я ответила: «Не знаю». Сьютелл не может отказать, не может выйти из строя. И свой череп нельзя держать где-то там в марсианском песке. Вселенная — огромная штука. Она никогда не выходит из строя. Что в ней может сломаться такое, чтобы вся небесная механика встала?

И третье: *Никогда не думай о плохом.*

Цикада

Ой, Сеятель, пусть Косте повезет.

Пусть Костя доберется до вулкана Олимп.

У Кости нет скрипки, но пусть он доберется.

Ты все можешь. Ты породил жизнь. Пусть однойцовым повезет, и Ханне Кук повезет, и всем лицензиатам, и даже Глухому. Русые лангуры и рыжие хульманы боятся Глухого, остаточные явления диареи наблюдаются у них еще через

дня два после появления Глухого, но пусть ему тоже повезет. А Файка пусть найдет марсианского Сфинкса. Она заиклена на этом Сфинксе, считает, что китайцы скрывают сведения о погибшей когда-то цивилизации марсиан. Помоги ей. Конечно, вот так срочно заселить Марс, а потом одним махом уничтожить марсианскую цивилизацию только ради того, чтобы Файка нашла засыпанного песком марсианского Сфинкса, даже для тебя, наверное, накладно, но ты же Сеятель, ты все можешь! В древнем Египте, когда фараон умирал, в дорогу ему складывали всякие нужные вещи — бутылки с вином, с оливковым маслом, новые тапочки, запасную одежду, папирусы с описанием всяких исторических мест и деяний. Мне Файка рассказывала, что фараон появлялся перед Анубисом, покровителем мертвых, не как голодранец, а как вполне уважаемое разумное существо, хорошо укомплектованное для загробной жизни. К сожалению, в то время про «кротовые норы» и черные дыры еще ничего не знали, но жульничество процветало. Фараон очнется, а в пирамиде пусто, грабители даже эхо вынесли. Придет к подземному богу, а тот спрашивает: «Ты кто?»

«Я великий фараон».

«А почему босиком?»

«У меня тапочки сперли».

«А вино где, оливковое масло?»

«Откуда мне знать? Грабители унесли».

«А почему ты не запираешь свою пирамиду?»

«Я всяко запираю. Я ставил хитрые ловушки. Я был сильнее всех. Я стоял над всеми. Нижнее и Верхнее царства не смели ослушаться меня. Я над всеми стоял, но грабителей было много, от всех не запрещаюсь».

«Иди прочь! Нет у меня лишних тапочек!»

Когда фараоны один за другим стали возвращаться из подземного мира обратно в оставленные ими царства — босиком и сердитые, испуганные жрецы придумали оставлять в гробницах подробную опись вещей, собранных в дорогу. Чудесные иероглифы на стенах древних гробниц — это и есть такие описи. Теперь фараон являлся к Анубису гордо.

«Я великий фараон».

«А почему босиком?»

«Тапочки сперли».

«И вино сперли? — не верил подземный бог. — И оливковое масло? И папирусы с описаниями всяких исторических мест и деяний?»

«И вино, и масло, и тапочки, и папирусы с описаниями, — гордо смотрел фараон в глаза богу тьмы. — Все у меня было припасено для далекой дороги, а вот стою перед тобой голый и босиком. Не веришь, проверь по описи. Жрецы все указали. Вот, смотри. Тапочки новые, подбитые мехом горной козы... Вино нубийское красное — шесть бутылей... Масло оливковое карнакское — три кувшина... Папирус с описаниями всяких исторических мест и деяний — один...»

«Ладно, ладно, я вижу, — недовольно ворчал Анубис. — Проходи. Вон за тобой какая очередь. Что у вас там наверху творится? Иди на склад, получи новые тапочки и все остальное — по описи».

Ой, Сеятель, пусть Костя живым останется.

Ира Летчик

«Если окликнут, помнишь, как надо отвечать?»

Мы засмеялись. Папа иногда появляется на электронной развертке и дает мне всякие умные наставления, а иногда напоминает про случай на корабле «Хокинг». Он ходил на нем на Сатурн. Давно, в молодости. Считался исследователем, но вахты нес наравне с членами экипажа. Было однажды, он в камбузе с боцманом обдумывал обеденное меню. Шли на предельных скоростях, экипаж отдыхал, боцмана сморило. Когда папу окликнули: «Иди сюда!» — он не сразу понял, что зовут именно его. Растолкал боцмана, но тот не поверил. Снова сморило боцмана, а голос: «Иди сюда!» Не Сеятель же зовет, в те времена о Сеятеле еще и не слышали. Папа растолкал боцмана, тот озлобился: «Ты что, никогда о психосдвигах не слышал?» И посоветовал: «Еще раз позовут, скажи, что занят. Скажи, что тебе некогда, что ты соль перебираешь». И снова уснул. А голос тут же: «Иди сюда!» А куда *сюда*? За иллюминаторами — звезды, смертные провалы видимого и невидимого вещества, волосы дыбом. «Не-

когда мне, — ответил папа, — я соль перебираю». — «Тогда кранты вашему кораблю!»

«Папа, это Сеятель был?»

«Нельзя персонифицировать явления природы».

«Ты говоришь как доктор Микробус. Разве Сеятель — явление природы?»

Я загрустила. Почему в мире все так сложно? Сколько раз я еще буду ошибаться в любви? Три разу уже было!

Окликнула: «Мик!»

«Чего тебе?»

«Ты почему грубишь?»

«Потому что я теперь — Мак».

Я обалдела: «Кто это тебя переименовал?»

«Ты не поймешь. Девочки в твоём возрасте непредсказуемы».

«Ты что такое несешь? — совсем обалдела я. — Я тебя с борта спишу!»

«А я справку предъявлю о перенесенных страданиях. На ней девять подписей, и твоя тоже есть. Помнишь, лицензиаты Рупрехт и Глухой отстрелили меня в наблюдательном зонде? Я летал тогда по никем неучтенной орбите вокруг орбитальной станции, мог заикой стать».

Ох, Сеятель, почему ты позволяешь создавать таких непослушных и болтливых роботов? Прибавь ума Мику! Раскрути время, не жалея. Пусть жаром опалит каждого. Ты же видишь, как сильно я хочу изменить жизнь. Раньше я жила неправильно, сделай так, чтобы такие дни не засчитывались. Нам нужно больше огня. Жаркого и светлого. Это только говорят так, что хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается. Ты же все можешь. Ты сам огненный. Ты подогреваешь Вселенную. Помоги мне обуздать тягу к доктору Микробусу. Я не виновата, что он старый и толстый, и у него рубашки всех спектральных цветов.

Цикада

«Костя!»

«Чего тебе?»

«А как мы переберемся через каньон Эхо?»

«Там ширина-то километров сто. Для черного ровера не препятствие».

«А для меня препятствие. Сто километров даже попугай не перелетит».

Костя вздохнул и отвернулся, будто от меня тоже несло пережаренным луком.

Зря это он так. Лабиринт Эхо длинный и извилистый. Не зря его так назвали. Эхо всегда живет в таких местах, где мало людей. По характеру эхо бывает разным, но чаще — добрым и задумчивым, а в домашней жизни, наверное, одето в зеленую вязаную кофту. Ирка раньше такие носила, а сейчас предпочитает алые. Цвет, он многое определяет. Поэтому Ирка и мучает Костю. И доктора Микробуса мучает. Ей бы поселиться где-нибудь за полярным кругом и никого не трогать. Жила бы в одинокой избушке на курьих ножках, как у настоящей Бабы Яги. Ох, Сеятель! Если Баба Яга подкараулит нас в страшном каньоне, пусть начнет с Ханны Кук.

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

Чимбораса

К Аскрийской горе мы вышли в сумерки.

Хорошо, что Котопаха еще не вернулся, а то замучил бы нас своими знаниями.

Мы в дороге о Котопахе почти не говорили. Исчезнуть — это в его характере. Правда, совсем исчезнуть в сюютелле нельзя, этого не позволяют главные положения. Аскрийские ледники набиты миллионами смоллет, мы больше об этом говорили. Единственное местонахождение во всей Солнечной системе, все льды смоллетами нашпигованы, а китайцы собираются взорвать гору. А потом еще доберутся и до ядра Марса?

«Зачем им расплавленная никелево-железная смесь с примесями серы?»

«Не знаю. Может, заморозят».

«А зачем им кристаллический ком из сульфидов металлов?»

«Не знаю. Китайцам все чики-пуки!»

Но все равно я думал о Котопахе. Он, например, боится девочек. У него глаза разбегаются и мысли вразнобой, когда он к девочкам приближается. Оно и понятно, это не интегралы брать. Конечно, китайские девочки, все эти Динь Линь, склонны к самым ужасным правдивым высказываниям, но пикапский уровень достигается тренировками. Котопаха об этом знает. Объявляешь, скажем, день борьбы с робостью. Просишь Сеятеля: не будь жабой, ты многим помог, даже самым поганым цивилизациям Вселенной, если таковые имеются. И, утвердившись в боевом настрое,ходишь в салон «Летающего экспресса». На Земле, конечно. Смотришь на пассажиров, если китайцев среди них нет, и громко затягиваешь: «...*liǎng zhī lǎohǔ, liǎng zhī lǎohǔ...*» На Земле китайские песенки многих напрягают. Но в том-то и фокус, что петь надо громко. «...*pǎo de kuài, pǎo de kuài...*» Это не по пустому Марсу пылить.

Стемнело. Вдали вспыхивали огненные дорожки.

Это камнепады выбивали искры, летя со склонов, но Глухой быстро отыскал проблесковые маячки над китайскими шахтами. Здесь он жестами показал, что вот сейчас Файка переведет нам то, о чем он сказать не может. Поискав в темноте, сдвинул какой-то щит. Отъехал в сторону массивный люк, открылась черная шахта.

«Зачем ему туда, Файка?»

Она заколебалась, но перевела: «Лезь и ты, если хочешь».

«Но это же, наверное, ход к взрывным китайским устройствам!»

«Ну и что? Глухой — лучший взрывник мира».

«А если тут все рванет?»

«Ты же знаешь, Глухой изобрел бесшумную взрывчатку».

«Но заряды здесь закладывали китайцы, при чем тут Глухой?».

«Будто не знаешь. Глухой — любимый ученик доктора Микробуса».

Фаина

Почему все так сложно?

Сколько раз я еще буду ошибаться в любви?

Три раза уже было.

Я испугалась.

Когда было? Почему три раза?

Чимбораса спал, приткнувшись голым плечом к базальтовой глыбе, Глухой приткнулся головой к моей ноге.

Почему уже во втором классе мальчики такие женолюбы?

Я вздрогнула. Это была не моя мысль. Я даже схватилась пальцами за ухо.

Когда нас не будет, когда нас уже совсем не будет — мир сгорит в огне или покроется коркой льда? И что нужно сделать, чтобы в будущей жизни Мик опять оказался рядом?

Мик! Но это же Иркин робот! Это всё не мои, это наведенные мысли!

Мне даже показалось, что смоллета в мочке уха нагрелась.

«Ирка, перестань меня провоцировать».

Но Ирка Летчик не ответила.

«Ирка, если ты нашла способ общаться с нами, все равно отключись, у нас и без того Котопаха пропал».

Но и эта моя мысль осталась незамеченной.

Ох, Сеятель, сделай так, чтобы все, начиная от моей бабушки и кончая африканскими слонами, были здоровы и обуты.

Ужас какой! Я будто чужие слова подслушивала.

Ох, Сеятель, почему ты позволяешь создавать таких непослушных и болтливых роботов, как Мик? Прибавь ему ума! Раскрути время. Ты же видишь, как сильно я хочу изменить свою жизнь. Раньше я жила неправильно, сделай так, чтобы неправильные дни вообще не засчитывались. Это только говорят, что хорошо зафиксированный больной в анестезии не нуждается. Еще как нуждается. Ты же всё можешь. Ты подогреваешь Вселенную. Помоги мне обуздать тягу к глупому доктору Микробусу. Я не виновата, что он старый и толстый, и у него рубашки спектральных цветов. Ты же видишь, он похож на клоуна.

Я потихонечку позвала: «Глухой!!

Он сразу раскрыл свои раскосые глаза.

«Глухой, скажи, почему люди страдают?»

Глухой ничего не расслышал, зато проснулся Чимбораса.

«Если бы у нас с однойцовым были родители, — сказал он, потянувшись, — мы бы с мамой дружили, а отца сразу бы отметелили». Увидев, что я не все поняла, он добавил: «Хорошо было бы поймать отца ещё в его детстве. Там бы мы ему накидали больше».

Они с Глухим стали хохотать. Программа 13+.

А мне было жалко Ирку. Она — дурочка. Она страдает так, что за сотни километров слышно. Ну, конечно, доктор Микробус старый. Ну, конечно, он скоро умрет. Тогда тем более, зачем его надо мучить? Милый Сеятель, взмолилась я, раз уж ты всем помогаешь, помоги и мне. Если увидишь серебряное колечко, которое я потеряла на Лунной базе, пни его в мой карман. И снова позвала:

«Чимбораса!»

«Чего тебе?»

«Почему люди все время вяжутся к Сеятелю?»

«Потому что Бога нет, а с Сеятелем масса неясностей».

Это точно, подумала я печально. Вот считаешь на старинных кладбищах надписи на памятниках, и думаешь, думаешь: если все были такие хорошие, то где хоронили плохих людей?

Ханна Кук

Вернемся на Землю, решила я, подарю Рупрехту китайского лесовичка. На груди этого чудесного фарфорового уродца написано на девятнадцати языках: «Мы, говнюки, тоже нуждаемся во внимании».

«Ханна Кук, хотите поговорить об этом?»

Я покраснела, но Рупрехт имел в виду теорию суперструн.

«Не знаю, — засомневалась я. — Такое, наверное, не каждый поймет».

«Да ну, — протянул Рупрехт. — Все типы элементарных частиц заменяются на единый фундаментальный блок — струну, вот тебе и весь фокус».

И зачем-то спросил: «У тебя в детстве волосы были кудрявые?»

«Может и так. Но нефункциональные детали можно пропускать, Рупрехт».

«Ладно, — согласился он. — При движении струна, то есть единый фундаментальный вселенский блок, вычерчивает в пространстве что-то вроде трубки или листа, в зависимости от того, замкнута струна или нет. При этом струна может вибрировать. Схватываешь? Вибрации струн мы, физики, называем модами. Не путай с другими значениями этого слова, а то я вижу, глаза у тебя совсем круглые. Костя, например, будь у него интеллект, назвал бы наши моды нотами. Но у Кости, к счастью, нет сейчас ни скрипки, ни интеллекта. А вот с помощью суперструн, Ханна Кук, можно построить теорию *всего*».

«Это нескромно, Рупрехт».

Он демонстративно сплюнул.

Он хам. Увидев меня впервые, так и заявил: «Какое интересное сочетание атомов!» Если бы я Рупрехта тогда не услышала, то улетела бы в Пустынный парк. Он огромный и тянется по всему экватору Марса. Пески в дюнах такие рыжие и нежные, что в них можно купаться. А Рупрехт глупый и наглый. Вон звезды сегодня — беспредельно высокие. А в черном провале каньона Эхо — липкая противная тьма. За многие тысячелетия, за многие миллионы лет там на дне могли скопиться самые ужасные гадости.

«Рупрехт, а как мы все-таки обойдем каньон?»

Вместо ответа он полез в сенсоры черного ровера.

Ужасный каньон, на который я старалась не смотреть, тонул и тонул во тьме, но все равно оставался рядом. Я чувствовала глубину всей своей спиной, а черный ровер тем временем выбросил гибкую лапу и установил на камне плоский светильник. Из светильника вырвался узкий, как игла, луч света. Пронзив тьму, он твердо уперся в противоположную, невидимую, стену каньона, показалось — пронзил ее.

«Ханна Кук и Цикада, вы пойдете первыми».

«Куда пойдём?» — не поняла я.

«На ту сторону каньона».

«Я не умею ходить по лучу».

«Этого и не надо. Это умеет ровер».

«Тогда первыми пусть идут мальчики».

«Если мы пойдём первыми, вы струсите, и нам придется возвращаться за вами».

«Нет, с Цикадой я не пойду. Она начнет трястись, и я упаду в пропасть».

«Ладно, — сказал Костя. — Мы с Цикадой пойдем первыми».

И спросил: «Рупрехт, ты справишься с Ханной?»

«В Центре исследований я даже с обезьянами справлялся!»

Цикада и Костя устроились на спине ровера. Они обнялись и я решила закрыть глаза, чтобы не видеть, как они сейчас рухнут в пропасть. Получается, что Рупрехт тоже меня обнимет. Я ждала, когда Цикада завершит от страха, но ничего такого не произошло. Тьма, провал, узкий, как игла, луч света. И черный ровер. Вот только что на нем, обнявшись, сидели Костя и Цикада, а сейчас их нет.

«Рупрехт!»

«Что, Ханна Кук?»

«Он их сбросил, сбросил!»

«Да нет. Они уже на той стороне».

«Не обманывайте меня, Рупрехт! Он их сбросил, сбросил!»

«Да нет же. Садитесь со мной рядом. Ближе!»

«Пожалуйста, не касайтесь меня руками».

«Садитесь ближе, а то буду касаться».

«Я боюсь, Рупрехт! Я боюсь!»

«Хотите остаться одна?»

«Лучше остаться одной, чем упасть в такой страшный каньон».

«Не дергайтесь, Ханна Кук. Дайте мне помочь вам».

«Рупрехт, не надо!»

«Нет надо!»

Рупрехт поднял меня и усадил на спину черного ровера, этот ужасный мальчик с грязными невербальными коммуникациями. Я везде чувствовала его руки, особенно там, где их не было. «С вами как в подземке, — шипел он. — Увидишь такую чистюлю, и не знаешь, что с ней делать. А притронешься из чистого любопытства, тут же на ваш писк выбегает целое племя — опрятные самцы с блестящими серебряными копьями. Так отметелят по законам прайда, что лучше с леопардами целоваться».

«Если вы меня уроните, Рупрехт, я погибла».

Он меня ни разу не уронил, но я чувствовала, что погибла.

ДОКТОР МИКРОБУС

1

Запрещающие голограммы всплывали в воздухе как зеленые пузыри.

Два контейнера смоллет... Официально доктор Макробер еще не определил своего места в мировом пространстве, поэтому многочисленные войсеры искали его и на Земле, и на Лунной базе, и на Марсе.

14.40...

14.51...

15.02...

15.13...

15.24...

15.35...

Загадочное смещение...

И сон у девочки всегда одной длительности...

Доктор Макробер осмотрелся, впрочем, в атриуме все оставалось по-прежнему. Полированные стены. Алое кресло. Широкие панели голографических разверток. «Вы ведь не позволите китайцам взорвать Делянку Сеятеля...» Конечно, Ира Летчик имела в виду Аскрийские ледники. Иначе не добавила бы: «На этот раз китайцы выставят вас куда-нибудь подальше Дарджилинга...»

2

Ну да, Аскрийские ледники. Будущая атмосфера Марса.

Появление сразу восьми лицензиатов в сьютеллах и в районе, подготовленном к взрыву, конечно, насторожило китайскую сторону.

«Мак, чем занята сейчас Ира Летчик?»

«Сладкий послеобеденный сон».

«Я могу войти в атриум?»

«Когда она проснется».

«А сейчас это возможно?»

«Нет. Атриум заперт изнутри».

Доктор Макробер внимательно изучил развернутую роботу голограмму.

«Проводи меня в оранжерею, Вергилий».

«Вы присваиваете мне новое имя?»

Доктор Макробер не ответил. В оранжерее, куда они поднялись на лифте, оказалось душно и влажно. Колючие фиолетовые кусты заполняли все видимое пространство — и вокруг, и над головой. Округлая внешняя стена атриума прорывала оранжерею и как чудовищная труба уходила в ее фиолетовое небо. «Модифицированный тростник, выведенный для марсианских плантаций». Но на обочинах тропинки голубели обычные незабудки, там и здесь по камням белели лепешки седых лишайников. Аварийный вход в трубу атриума прятался где-то в зарослях, хотя голограмма Мака ничего такого не подсказывала. Доктор Макробер решительно раздвигал ветки.

И вдруг нога не встретила опоры.

О, эта темная краткая нежность небытия.

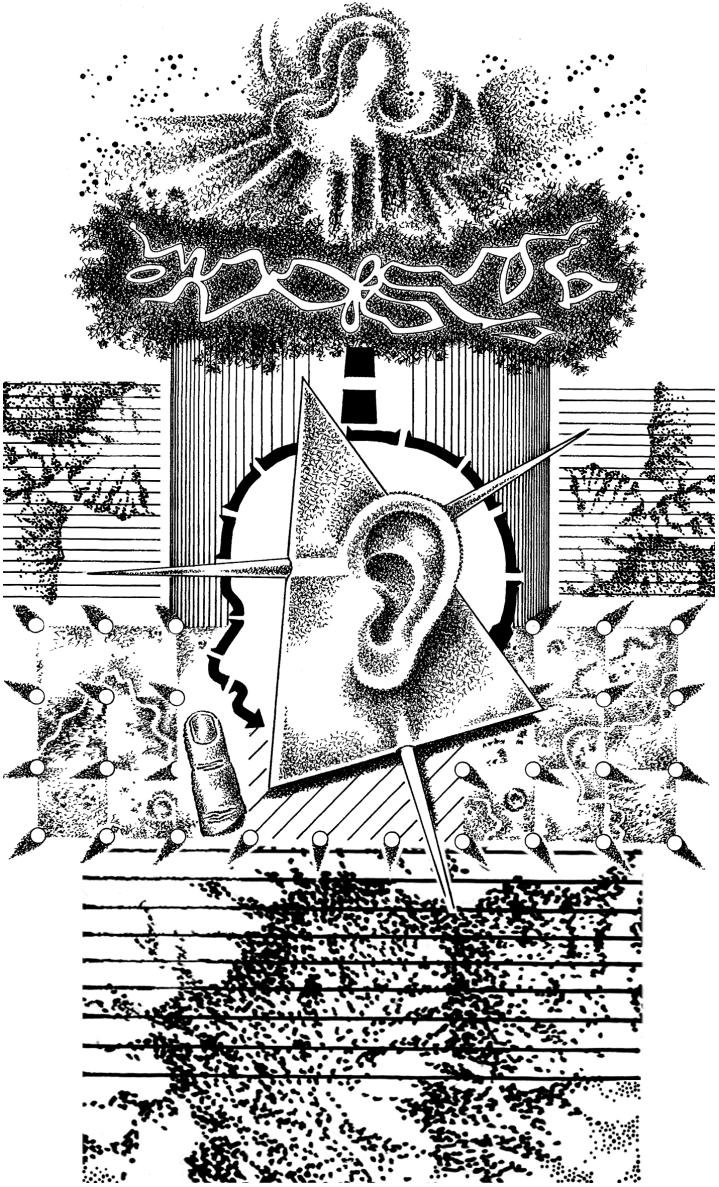
Крестообразные цветочки модифицированного тростника еще падали в шахту, кружась, как винтовые парашютики, а доктор Макробер, выброшенный дыханием шахты, уже снова стоял на ее краю. Мышцы сводило от напряжения. Зато теперь перед ним медленно раскрылась массивная дверь аварийного входа.

Конечно, он видел этот балкончик снизу, когда разговаривал с Ирой Летчик.

Ушибленный локоть ныл. Все-таки он ушибся, но, наверное, уже в полете — коснувшись стены, но не при падении. Алые отсветы, как языки огня, выкидывались откуда-то из глубин. Конечно, рубашку придется выбросить — грязные пятна, возможно, кровь. Строители не предполагали, что кто-то однажды полезет в кусты, не заручившись надежной схемой.

«Станцию Хубу строили китайцы, Мак?»

«Спасибо, что интересуетесь такими вопросами, доктор Микробус».

Голос Маку, несомненно, ставил настоящий мастер. «Станция Хубу строилась как резервная, — объяснил он. — У китайской диаспоры на Марсе величественные цели: вернуть утерянную планетой атмосферу, заполнить водой сухие русла, засеять равнины синиями. Луна не имеет нужной массы, Меркурий с одной стороны оплавлен Солнцем, с другой идеально подморожен, Венеру заливают ливни агрессивных кислот, у газовых гигантов нет твердых поверхностей, а вот Марс удобен для жизни. Китайцы поставили на Марс и выиграли. Ось планеты наклонена под углом 24.935 градуса к плоскости орбиты вращения вокруг Солнца. Период вращения — 24 часа 39 минут 36 секунд, почти как у Земли. Четыре климатических сезона...»

Локоть ныл. И рубашка безнадежно испорчена.

Я счастлив, как мытый слон, пришло в голову доктора Макробера. Как в Дарджилинге, когда до меня вдруг дошел замысел Сеятеля. Смоллеты! Именно смоллеты! Ничтожные на вид кристаллические образования, но за ними всё прошлое Вселенное и, что еще важнее, её будущее. Взрыв в Центре исследований уничтожил весь земной запас смоллет, значит Аскрийский ледник трогать нельзя. Смоллеты не только не разгаданы, мы даже еще не нащупали путь к разгадке. Я ведь только долю секунды видел, как выжженная взрывом «полость Глухого» поглотила вдруг выросший перед глазами огненный куст. Ни в доменной печи, ни в разливах северного сияния не возникают узоры, столь причудливые и прихотливые. Огненный куст — как чудовищная лохматая молния. Миллиарды огненных отростков. Они меняли цвет и форму. Нет, нет, никаких конкретных деталей, мы же не говорим о температуре отдельных молекул...

Локоть ныл. Доктор Макробер одернул порванную рубашку.

Волшебно преломлялись внизу в атриуме голографические развертки — как солнечная рябь на дне ручья. Плетеная корзина, украшенная алыми иероглифами... Округлое кресло... Оранжевый плед... Но в кресле никого не было!

«У тебя хорошая оптика, Мак?»

«Спасибо, что заботитесь обо мне, доктор Микробус».

«Я не забочусь о тебе, Мак. Я злюсь. Где лицензиатка?»
Робот помедлил. Потом ответил: «Она спит, доктор
Микробус».

«Но в кресле никого нет! И вход в атриум заперт изнутри!»

«Это бесспорно, доктор Микробус».

«Где же наша девочка, Мак?»

«Полагаю, *во сне*».

ДОМЕН ЛИЦЕНЦИАТОВ (как мы на Марсе отожгли летом)

Ира Летчик

О ПУШКИНЕ

*Много Пушкин подарил
нам произведений.*

*Как ударник, он творил
в день по сто творений.*

*В пламенном порыве
гениальный дядя
сочинял красиво,
но вперед не глядя.*

*Ведь смутило б гения,
если б знал заранее:
что одним — творения,
то другим — задания!*

Костя

В метановых тучах, приткнувшихся к склонам горы Олимп, сверкали темные молнии. Иркины напоминания тоже, как темные молнии, появлялись и исчезали в моем сознании. «Ты так не умеешь», — сказал я попугаю. Он, конечно, обрадовался: «Вот ловко!» Страшные белые ответвления трепетали над рыжими склонами, черный ровер замедлил ход, потом остановился.

«*Жри, котик, пирожок*».

Я даже оглянулся на Цикаду.

«Что? Что?» — испуганно закричала она.

«Вернешься на орбитальную станцию, я буду кормить тебя с ложечки, чтобы сбросил лишний вес».

«Костя, почему ровер остановился?»

«Не знаю. Может, брал пробы грунта или атмосферы».

Подошел Рупрехт. Провел ладонью по черной, как ночь, спине ровера: «Какие пробы? На ощупь он совсем холодный».

«Он умер, он умер!» — запаниковала Цикада.

«Ровер не может умереть. Машины не умирают».

«Ну, сломался!»

Они как сговорились. Ирка Летчик нашептывает: «*Жри, котик, пирожок*», а Цикада: «Ой, он сломался, он сломался!»

Рупрехт: «Нечему тут ломаться!» А попугай: «Вот ловко!»

Я спросил: «Вы запомнили того чела?»

«Он не местный», — вспомнила Цикада.

«Он полный придурок», — сказал Рупрехт.

«И он совсем голый», — добавила Ханна Кук.

Фауна

«...два тигра, два тигра...»

«...бежали быстро, бежали быстро...»

С западной стороны восстала гора Олимп.

Зеленые ежи, черепа и курильницы по горизонту казались мне теперь чем-то совсем мелким-мелким перед небесной вершиной. Я осторожно потрогала смоллету в ухе. Она не грелась, но волшебным вспыхивала. Глухой толкнул меня под локоть: смотри! Северное плечо Олимпа странно потемнело, над ним понесло разводы противного белесого цвета, наверное, пошел метановый снег. Сеятель, подумала я, почему мы с тобой незнакомы? Я бы попросила вернуть Котопаху. Пусть даже если он сам ушел. На западном плече Олимпа есть чудесная площадка. С трех сторон нависают ужасные скалы, мы много раз изучали подходы к площадке на голокартах. А с восточной стороны — обрыв километров пять. Вот куда мы должны подняться. Ужас, ужас! Ну, Сеятель! — попросила я. Ну, пусть даже ты хочешь заселить планеты Солнечной системы совсем другой жизнью, сперва

все-таки помоги нам. В съютелле можно жить в потоке расплавленного базальта, в съютелле не пропадешь, но если Котопаху где-нибудь недалеко — верни его. И не позволяй китайцам взрывать Аскрийские ледники. А то Котопаху выбросит взрывом в космическое пространство, а там, кроме тебя, никого нет.

Ханна Кук

«И он совсем голый».

Все посмотрели на меня.

А Рупрехт встряхнул своей цейлонской косичкой:

«Ханна Кук, почему вы считаете биологию непристойной?»

Я покраснела. Что бы он понимал! Ему повезло — он родился мальчиком. А Файка, например, носит спортивные лифчики, только они ничего не держат. А Цикада носит лифчики с рюшечками и сеточками, такая у нее мораль. А вот если бы люди размножались опылением, все такие глупости отпали бы сами собой. Летние луга, медуницы, ромашки, цветущий мак. Никакой ревности, никаких страданий, одно только счастье без перерыва. Есть лифчики, которые тянут грудь вверх, как нос у лодки. Разве это должно возвышать? Я лично — за опыление. А то мальчики всё делают с ненужным запасом. Прошное лето я, например, провела у тети на Валдайских засеках, и там нагляделась, что выделывали ее «мальчики». Одному семь лет, другому двенадцать. Один намертво закрутил кофемолку так, будто поставил ее на кодовый замок, а другой заказал любимой тете торт, от которого даже духи зашлись в приступе аллергии.

Хуже всего — выяснять отношения. Особенно, когда отношений нет.

У меня кожа горела там, где недавно прикасались грязные руки Рупрехта.

А будь мы цветами, мир изменился бы. Первое время пчелы, конечно, вели бы себя несносно: вылетали из ульев только на сладкий запах. Кстати, как узнать, какая пчела к тебе прилетела? Они же цейлонские косички не заплетают. Ждешь Рупрехта, а прилетает... Ой, ну, это неважно...

Просто одного ждешь, а прилетит другой — например, доктор Микробус в своей ужасной рубашке ярких спектральных тонов. Ищет Ирку Летчик, а сядет на меня. На Марсе с моралью совсем плохо. За Файкой даже роботы гоняются. Одноййцовые оралы бы: «Пинай его сюда! Всё чики-пуки!» А какие чики-пуки, если не определить, кто это жужжит над тобой в воздухе? И как правильно рассчитать радиус опыления? Ограничиться пределами дома — скучно, а расширить до пригородов — опасно. Ой, даже мурашки по спине от таких размышлений.

Костя

Ну, ладно, придурок.

Ну, ладно, не местный.

Но почему этот чел был совсем голый!

«Еще с ним был попугай, — добавила Цикада, — но ты попугая не трогай».

И объяснила: «Попугаи умом обижены. У меня жил зеленый ара, его рыжие хульманы убили. Он по утрам так орал, что будил весь обезьянник. Я уговаривала его, подкармливала орехами, клюв красивой ленточкой перевязывала, а он так орал, что у обезьян началась прогрессирующая бессонница. Глухой услышал и жестами мне показал, что вот, значит, он сейчас принесет универсальный усыпитель для птиц. Попугай так разнервничался, что ночью его все-таки убили».

«Вот ловко!»

Я погладил холодную спину ровера.

Когда-то я коллекционировал марсианских скитальцев. Модели, конечно.

Были у меня «Марсы», похожие на древние рупоры. Были «Маринеры», перепончатокрылые, как космические мыши особого вида. Были тяжелые архаичные «Викинги», напоминавшие ветряную мельницу. И «Бигли» были, и «Спириты», и «Опортунити» с чудесными музыкальными заставками. На некоторых можно наткнуться на Марсе и сейчас, но про голых челов я никогда не слышал. Ну, пусть наведенный, но почему голый-то? И черный ровер будто

подслушал меня: вдруг ожил, приподнялся над камнями, как на воздушной подушке. Ничего под ним не мерцало, не бликовало, не крутилось. Без шума и пыли двинулся он и пошел, пошел, все быстрее и быстрее пошел над камнями по малому кругу, забирая на юг, к ледникам.

«Пиной ему попугая!»

Котоплаха

Нет записей.

Костя

Ну, ладно, совсем голый. Ну, ладно, не местный.

«А вы помните историю девочки Ли и мальчика Цюя?»

Никто, конечно, не помнил. А оказывается, они тоже ровер угнали.

«Видишь, — обрадовалась Цикада. — Видишь, мы не первые».

«Это случилось на земле Ксанфа. Тот ровер тоже сбегал».

«Вот ловко!»

А чего тут ловкого? «Да и как ровер мог бросить живых девочку и мальчика? — удивилась Ханна Кук. — В любую машину издавна ставят запретительные программы. Даже дух не может набрасываться на человека, бросать его в беде, унижать его достоинство. — Она подозрительно посмотрела на меня: — А тот убежавший ровер нашелся? Он был из наших?»

«Как это из *наших!*» — заволновалась Цикада.

«Ну, мало ли. Может, он был другой галактики. Тогда эти глупые Цюй и Ли были для него всего лишь непонятными представителями местной фауны или флоры».

«Вот ловко!»

«Заткни птицу!»

«Рупрехт, не пугай попугая!»

«А у меня жил такой же ара. Их не надо винить. Они не понимают, что творят и что болтают. Перед тем, как сказать глупость, мой попугай обязательно мотал головой и бормотал: «Та-а-ак, т-а-ак», будто мучился умственной

несостоятельностью. А когда втихаря вытворял что-то, то приговаривал про себя: «Ну что ты, Рома, делаешь... Так нехорошо делать...»

Черный ровер, как капля ртути, уже катился вдали по крутому каменистому склону, будто отлично знал, куда ему надо.

«А вдруг он, правда, пришелец?» — сказал я.

«Тогда зачем ты на него пописал?» — спросила Ханна Кук.

Рупрехт оживился. «Ханна Кук, — сказал он. — Вечно вы не понимаете, как по-настоящему бывает в жизни. Представьте, что вы, вся такая опрятная, впервые высаживаетесь на неизвестную планету-сад. Пчелы, птички — все, как в сказке. Вы, конечно, наводите красоту, играете зеркальцем, как же — это первый контакт! И тут — на тебе! — является неизвестное разумное существо, и поступает с тобой, как Костя».

«Некоторые животные так и поступают», — неудачно защитила меня Цикада.

Ирке Летчик хорошо. На станции Хубу у нее удобный атриум и никаких духов, только проверенный робот Мик. А в Центре исследований на Земле — мебель обита замшей. Сидит себе, и эхо в кофточки разного цвета наряжает. Зато есть такие фаны, что при одном только упоминании моего имени слышат нежный чудесный звук. А есть такие, что, услышав мое имя, сами кричат: «Позитив!». Даже запуганные землетрясениями жители сейсмоопасных районов Земли при упоминании моего имени расслабляются. Когда я играю в Центре исследований, обезьяны Цикады захлебываются от счастливых слез, а доктор Микробус прячет морщинистое лицо в ладонях. Жил на Земле древний мастер Тесторе, носил очки с треснувшими стеклами и делал замечательные скрипки. Одна досталась мне. Когда играю минор, из капелек пролитой на подоконник воды прорастают поблескивающие кристаллы, а когда играю мажор — в воздухе распускаются розы. А Ирка оставила мою скрипку на Лунной базе. «Сколько можно пиликать этого Тартини!» — «Тартини — великий комп!» — «Еще скажи, что Хувентино Розас великий комп? Или этот... как его... Корелли! Кома-рам на смех... На Олимпе ты будешь играть *свою* музыку!»

«Интересно, как ты это себе представляешь?»
«Огромная гора. И ты со скрипкой».
«А что за гора?»
«Конечно, Олимп!»
«Мы что, едем в Грецию?»
«Нет, мы летим на планету Марс!»
«Но там двадцать семь километров высоты! У меня руки будут дрожать».
«Это неважно. Мы будем в сыютеллах. Китайцы тебя услышат, все с деревьев попадают!»

Ханна Кук

Рупрехт рассказывал: «Печорину изменила жена. Он уехал в имение на Луне и там воспитывал одинокую девочку. Вечерами на велосипеде приезжал слепой музыкант и жалобно играл на старинной скрипке».

«Рупрехт, — спросила я, — почему вы ненавидите искусство?»

«Из-за глупых фанов из Орегона, — охотно ответил он. — На римском концерте они сломали виолينو одному зайцу. Потом бросились на барабанщиков и так отделали, что ни одной целой палочки не осталось. Я за справедливость, Ханна Кук! С теми фанами я больше не разговариваю».

«Вы, наверное, со многими не разговариваете, Рупрехт?»

«Нормальный мужчина встает под душ не мыться, а нежиться».

Вот почему я твердо уверена, что те фаны из Орегона пострадали гораздо сильнее, чем поганый заяц с поломанным виолينو. Наверное, пыли там было, как при большом китайском забеге. Ох, Сеятель, ну, почему так? В Центре исследований у меня разбита клумба. Пусть маленькая, но я за ней терпеливо ухаживаю, цветочек к цветочку. Она всегда миленькая, зелененькая, но стоит упустить момент, и начинает лезть какая-то кривая дряблая травка, портит весь вид. Я травку выполю, а она опять лезет. Вся какая-то меленькая, слабенькая, вся вкривь и вкось, как походка у Цикады, а выдерешь ее, она снова пробьется. Вот где сила прячется? Неужели твои смоллеты, если дать им волю, тоже дадут такие упрямые всходы?

Цикада

Ползли облака. Белесые, сквашенные.

Китайцам надо упираться всеми копытами, чтобы поскорее надышать на Марсе нормальную атмосферу. Правда, в момент Большого взрыва мир вообще был никакой. Это сейчас Вселенная настолько выросла, что с большой вероятностью является евклидовой. С материей, в принципе, мы уже научились управляться, сьюллеты — прямое тому доказательство. Но разные вещи есть. Когда Глухой говорит о новостях науки, особенно о своих «полостях», мои обезьяны тревожатся. Думаю, они в курсе многих научных проблем, скажем, вполне могут себе представлять, что пространство вблизи нейтронных звезд — кривое. А Глухой и Файка тайком обучили моих обезьян языку жестов. В ночь ужасного бесшумного взрыва в Центре исследований мой любимый русский лангур находился в третьем корпусе, его готовили для прогулки по Марсу вместе с нами, даже побрили и одели в сьютелл. А из лаборатории доктора Микробуса именно в тот день пропала чудесная платиновая звездочка, украшенная крошечной смоллетой. Я позвала Глухого. Он меня выслушал и показал обезьянам средний палец правой руки.

Я рассердилась: «Зачем ты так?»

Он жестами показал: посмотри на эти вороватые морды!

«Во-первых, они вовсе не вороватые. Во-вторых, они не морды».

Глухого не переспоришь. Он опять показал им средний палец правой руки: морды, мол, морды! Рыжие хульманы и русые лангуры замерли. Может, Глухой напоминал им сурового дальнего родственника: дриопитека или проконсула. Повинуясь приказу, обезьяны смиренно уселись на полу в кружок и закрыли рыжие и русые головы ладонями. На языке жестов Глухой подробно рассказал, как с такими, как они, поступают в Индии, на их исторической родине. В Варанаисе, показал он жестами, ваши мохнатые сестрицы, братья, дяди и тети, бабушки и дедушки живут в чудесном старинном храме, наслаждайся жизнью, думай о будущем, а они время от времени самовольно срываются в город. От баловства и лени душевной. У них в храме все есть, а они

грабят прохожих, тащат все, что попадет под руку. «И напрасно вы думаете, — опять показал свой палец Глухой, — что ваши мохнатые родственники несут все украденное в чудесный обезьяний храм. Нет, нет и нет! Они просто воруют».

И жестом спросил: «Знаете, как с такими поступают в Варанаисе?»

Обезьяны не знали. Сидели на полу, обхватив свои рыжие и русые головы, горестно раскачивались из стороны в сторону. «Когда дело заходит слишком далеко, — короткими ясными жестами объяснил Глухой, — отряды специальной охраны прочесывают улицы города». И жестом спросил: «Знаете, что происходит дальше?»

Нет, обезьяны этого не знали. Но застонали очень горестно.

«Когда дело заходит слишком далеко, — жестами объяснил Глухой, — ваших бабушек и дедушек, сестриц и братьев, племянников и теток, дядей и всех других вороватых морд сажают в зарешеченные кары и, как преступников, вывозят в джунгли, на сто первый километр от Варанаиса».

Обезьяны заплакали.

Я тоже чуть не заплакала.

Не верь им, показал мне жестами Глухой, это они притворяются.

У тебя, Цикада, показал он мне, доброе сердце, а у твоих воспитанников сердца заросли рыжей и русой шерстью, в них не осталось места для раскаяния. По наглым глазам видно, как они завидуют той вороватой морде, которая уперла платиновую звездочку со смоллетой. И зря завидуете, предупредил он. В определенных условиях смоллета может активизироваться. Тогда внутри вора, если он проглотил смоллету, вспыхнет огонь, на несколько порядков превышающий температуру Солнца.

Обезьяны опять заплакали и, пока Глухой пил кофе, по одиночке бегали к доктору Микробусу. Они тихо жаловались ему, а доктор Микробус гладил виноватые головы, но советов никаких не давал.

От советов даже Сеятель воздерживается.

А Глухой допил кофе и снова рассадил моих воспитанниц на полу.

Я в то время находилась в лаборатории и не могла запретить Глухому беспощадно показывать лангурам и хульманам свои самые ужасные фотографии. Например, снимок черной дыры, заглатывающей сразу три необъятных звездных скопления.

«Знаете, как Вселенная выглядела до Большого взрыва?»

Обезьяны не знали. «Разве Цикада не рассказывала вам про блаженного Августина?»

Хульманы и лангуры негромко заспорили. Одни совсем никогда не слышали такого имени, другие будто слышали, но забыли, а третьи по неизвестным соображениям и слышать о каком-то там блаженном не желали. А этот Августин всего лишь предполагал, что время и пространство до Большого взрыва ни в каких нынешних качествах не существовали, и «нормальное» четырехмерное пространство-время возникло только в процессе Большого взрыв.

«Как при этом выглядело пространство?»

На такой вопрос хульманы и лангуры вообще только низко опустили головы.

Есть теория, показал Глухой обезьянам средний палец правой руки, что в самом начале пространство имело десять измерений, правда, шесть из них до сих пор остаются свернутыми в «трубочки» диаметром примерно планковой длины. Всосали? Выделение времени в континууме пространство-время, как особой координаты, и есть способ восприятия мира живым.

И еще раз показал обезьянам палец.

ДОКТОР МИКРОБУС

1

*Когда зажигаются первые звезды,
лиценциаты летят в свои гнезда.*

*Спит мальчик Костя, притихнув во сне,
звездная ночь улыбается мне.*

*Я тоже хочу улыбнуться в ответ,
но сон навалился, и сил больше нет.*

2

«Сон?»

«Сладкий послеобеденный».

«Ты, Мак, ничего не упустил?»

«Законченное и совершенное произведение».

В черном пространстве, густо расшитом звездами, праздничная елка, сияя огнями и хлопушками, совершала очередное кругосветное путешествие. Доктор Макробер рассматривал красавицу с некоторой опаской. *Два контейнера смоллет*, прозвучало в голове. Китайцы уже знают, где находится доктор Макробер, и незатейливо напоминают о проблеме, требующей безотлагательного решения.

«Мак, что в Сети говорят об открытой китайцами разумной жизни на Марсе?»

Он готов был услышать самые пространные философские толкования, но робот его удивил: «Практически ничего».

«Что-то скрывают?»

«Разочарованы».

«Чем?»

«Открытая китайцами органика оказалась мочой молодого лицензиата. Только первые три минуты обсуждалась предполагаемая разумность открытой китайцами органики».

«Три минуты — не так уж мало, Мак. Первые три минуты Большого взрыва сформировали Вселенную».

Робот одобрительно задрожал.

3

«Мы друзья, Мак?»

«Спасибо, что помните об этом».

«Тогда поговорим о самом интересном».

Робот Мак был не против. *Два контейнера смоллет*. На этот раз сигнал, несомненно, исходил именно от робота. Он сказал: «Лицензиатка Ира Летчик в курсе всех работ, касающихся смоллет».

Ну да, смоллеты. На эти загадочные образования долго не обращали никакого внимания. До той поры, когда в руки доктора Макробера не попал метеорит *ALL 16 840*. Не из Антарктики, не из дебрей Африки или Сибири, а из само-

го обыкновенного пыльного запасника Чикагского музея естествознания.

Робот вывел на развертку изображение угловатой черной глыбы.

Когда-то доктор Макробер знал каждую щербинку этого метеорита.

Он первый всерьез занялся загадочными вкраплениями, не совсем правильно преломляющими свет. Ну да, жизнь как латентное свойство природы. Жизнь, как особое свойство пространства-времени. Доктор Макробер еще подыскивал запоминающийся образ, а торопливые войсеры уже разнесли по Межпланетной сети массу выдумок о смоллетах. Фигура речи переросла в символическую. Была поднята вся научная архаика: работы Аррениуса, Ги Платтера, Ильина. Известные биологи Сатти и Розен, генетик Ставенберг, палеонтолог Рози насытили идею доктора Макробера многочисленными фактами. Внеземной статус смоллет был если не доказан, то утверждён.

«Да не вопрос, тетя!»

Робот Мак бормотал своё.

Долгое время человек надежно заселял центр известного мира.

Доктор Макробер откинулся в кресле. *«За мною — мириады инфузорий, передо мною — мириад звезд»*. Я сместил центр, и человечество неожиданно оказалось на периферии мира. Но нас вовсе не вытесняют, нас никто не вытесняет, как посчитали некоторые крайние ортодоксы. Человек — существо неравномерно одушевленное. Он способен на божественные озарения, но способен и на долгое прозябание. Искать врага в смоллетах? Видеть в них конкурентов? Такими вопросами задался некий швед, посетивший лабораторию в Дарджилинге. Ответ доктора Макробера был прост: «Спросите Сеятеля». Пожалуй, я зря тогда высказался столь определенно. Топая ножищами в разные стороны, швед ушел, а в Межпланетную сеть хлынула волна новых дурацких выдумок.

«Алена-вокалистка. Со мной хорошо», — девчоночьим голосом заявил робот Мак. Наверное, хотел вывести доктора Макробера из раздумий.

«Не смеши систему!»

«А что я такого сказала?»

«Спроси у доктора Микробуса».

«А как с ним связаться?» — обрадовалась девчонка.

«Никак. Он не западает на дур, готовых выть на Луну».

Доктор Макробер изумленно вслушался. «Ищу барабанищика, бас-гитару и синтезатора без комплексов. Рей-тон, приятные песни. По известности обойдем доктора Микробуса...»

«Они правда меня боятся?»

«Почти до судорог».

«Но почему?»

«Как это почему?»

Развертка над Маком вспыхнула.

Доктор Микробус нетерпим...

Доктор Микробус лишил человечество статуса исключительности...

Доктор Микробус предал интересы человечества...

«Это всё обо мне?»

«Всего лишь малая часть».

«Тогда поговорим о вещах бесспорных».

«Спасибо, что интересуетесь бесспорными вещами, доктор Микробус».

«Скажи, Мак. Подумай, вспомни и скажи. С кем встречалась лицензиатка Ира Летчик в те дни, когда я был еще на Земле, а лицензиаты уже покинули борт орбитальной станции Хубу?»

«С Ивеном Летчиком».

«Отца можешь пропустить».

«С китайским доктором У Пу».

«Ничуть этим не удивлен».

«С лицензиатом Котопахой».

«Но, Мак! Мы же договорились. Мы говорим о вещах бесспорных».

«Я тоже не изобретаю гипотез, доктор Микробус», — напыщенно ответил робот.

Доктор Макробер изумленно уставился на голографическую развертку, выброшенную роботом. Рыжие хульманы, русые лангуры... Ивен Летчик — упрямые серые глаза...

Доктор У Пу — кроткое морщинистое личико... Веселый раздолбай лицензиат Котопаха... «Бесподобное зрелище! Глаз не оторвать!»

«А мы оторвали, — признался робот. — Целых пять штук».

Доктор Макробер изумленно уставился на Мака: «О чем это ты?»

«Лицензиатка Цикада, — с наслаждением пояснил робот, — украсила свой сьютелл множеством подмигивающих глаз. Они были веселыми и зелеными, как трава. Лицензиатка Цикада считала, что от такого зрелища глаз не оторвать. А мы оторвали... От ее сьютелла... Целых пять штук...»

4

«Квак ты себя чувствуешь?»

«Квак, квак! — лицензиатка сладко потянулась. — Лучше не бывает!»

«В этом кресле ты как в огне. Даже плечо у тебя немножко обожжено».

Девочка засмеялась: «Вы ведь не позволите китайцам...»

«...взорвать Делянку Сеятеля?»

«Я только об этом и думаю», — призналась девочка.

«Один человек такие вопросы не решает».

«Это только так говорят...»

Он успел предотвратить следующий вопрос Иры Летчик, засмеявшись: «...я не люблю яблоки», но все уже покатилося по утопанной дорожке. Как вчера... как позавчера... как неделю назад...

ДОМЕН ЛИЦЕНЦИАТОВ (как мы на Марсе отожгли летом)

Ира Летчик

ВОСПОМИНАНИЕ

*Помню это лето, помню этот сад,
где играли бабочки, будто снегопад.*

*Но прошло то лето, за окном зима,
люди ходят в шубах, ждут — придет весна.*

*И в снежки играют дети во дворе.
Тихо тянет песню кот на чердаке.*

Костя

«Жри, котик, пирожок».

Я еще на Хубу чувствовал — не надо лететь на Марс.

Перед высадкой нас всех затянули в эластичные, почти невидимые кольца, — минут пять пощипывало поясницу и ноги, потом в воздухе расцвели чудесная прозрачные радуги. Слой *хай-би*, как говорят китайские нанотехники. Ханна Кук стеснительно спросила: «Я уже могу чем-нибудь прикрыться?»

«А вы читали историю о Красной Шапочке?» — спросил Рупрехт.

«Конечно, читала».

«И чему нас учит эта история?»

«Получше запоминать лицо бабушки».

У Вселенной много историй, так говорит доктор Микробус.

В некоторых этих историях, кроме надоевших эльфов, гномов, говорящих медведей, нагло отбирающих пирожки у глупых маленьких девочек, и черных, якобы мудрых столетних воронов, предсказывающих все будущие состояния любых белковых и небелковых систем, существуют такие удивительные и необычные формы жизни, что взрослые стыдятся говорить о них вслух.

Скал нездешних — вода.

Мест нездешних — звезда.

Рек звенящих — поток.

Звезд горящих — чертог...

Ладно. Я не сержусь на Ирку.

Программа 13+. Выросла на двух планетах.

Древо жизни — смола.

Грани призмы — цвета.

Звуки слова — струя.

Жар — основа огня...

Только зачем она меня преследует?

Ира Летчик

Ну, Сеятель, сделай так, чтобы звезды всегда светили.

У Кости синие ресницы, пусть они тоже всегда такими останутся.

У доктора Микробуса спектральные рубашки, пусть и они никогда не выцветают. Он, доктор Микробус наполовину живет в будущем, но ведь и мои пространства не во всем ему доступны. Ну, Сеятель, я тебя прошу, сделай так, чтобы старый доктор Микробус позвал меня за полярный круг. Я вовсе не персонифицирую явления природы, я тебя прошу. За полярным кругом холодно, я скажу доктору Микробусу: я не хочу за полярный круг, и он сразу обратит на меня внимание. Сеятель, ну почему ты оставил нас, людей, в пространстве барионной материи, а сам даже не появляешься.

«...два тигра, два тигра...»

«...у одного нет глаза, у одного нет хвоста...»

Дни у меня напряженные, уже к обеду хочется что-нибудь разбить.

А потом я сплю, и за это время лиценциаты на Марсе преодолевают большие расстояния. Я могла быть с русыми лангурами, но теперь не хочу. «Вот представь себе бесконечного огненного голубя», — говорит мне Котопах. А я боюсь представить бесконечного голубя. Огненного — хоть сколько! Но не бесконечного. Они все достали меня: папа — своими вопросами, Мик — ужасной своей дуростью, вомбату — непрекращающимися стонами. Доктору Микробусу хорошо: он всё видит наполовину из будущего. А я расстраиваюсь. У меня даже стихи получаются мрачные. Я вообще мрачный человек, знает об этом только робот Мик, но он глупый. Раньше лиценциаты не знали, что я пишу стихи, и ничего особенного от меня не ожидали, а теперь знают, и с большим нетерпением ожидают новинок. Про Пушкина, про горний лунный свет, про исполинские горы и неземную музыку. Только все равно до Сеятеля ничего не доходит, он глухой, наверное, он хуже Глухого, а для полного счастья нужны слышащие друзья. Сеятель на мои оклики не отзывается, а я люблю своих друзей, какими бы придурками они ни были. Мне хочется, чтобы у всех дела складывались

удачно. Ох, Сеятель, сделай так, чтобы проблемы не возникали из-за того, что кто-то настырный, а другой с этим сразу соглашается...

Фаина

«У меня новость».

«Надеюсь, хорошая?»

«Не знаю», — Чимбораса смотрел вдаль.

На сером склоне Олимпа, таком большом, что он казался частью неба, от края до края вдруг расцвели необыкновенные одуванчики, наверное, китайцы всей диаспорой прыгнули с ума. В небе, нежном, как сливочный крем, бесшумно вспыхивали кривые молнии. Но не злые и крючковатые, как руки старой Бабы Яги, а длинные, нежные, озаряющие весь Марс от Олимпа до Северного полюса.

А среди одуванчиков мы увидели смеющегося Котопаху.

«...у одного нет глаза, у одного нет хвоста...»

«Котопах! — обрадовалась я. — Беги к нам!»

Котопах ответил: «Я не один».

«А с кем ты?»

«С девочкой!»

«Пинай ее сюда!»

«Я девочек не пинаю».

«А я студень люблю, — жестами показал Глухой. — По шарам стучит крепче!»

«Ты где был, Котопах? — закричала я. — Мы за тебя волновались. Где твой череп? Беги к нам!»

«Не могу, — ответил Котопах. Было видно, что он гордится собой. — Я здесь с девочкой».

«Она что, китайка? Покажи нам ее».

«Не могу. Мы на границе».

«На какой границе?»

«Времени».

Ну да, программа 13+.

Я, конечно, засмеялась, но Глухой показал жестами: «Отстаньте от Котопахи. Может, он уже не как мы. Может, он уже из другой истории». Сам Глухой при этом походил на одичавшего оборванца, одни лохмотья. Если бы Сеятель

обратил на него внимание, он бы рассердился. Я так и перевела Котопаху жесты Глухого: «Ты, однойцовый, зря не изучаешь историю. Глухой говорит, что тебе никогда не понять того, чего ты видишь не совсем своими глазами».

Правда, я и сама не очень всё это понимала.

Желтые одуванчики у ног Котопахи только что появились, а уже начали скукоживаться. Они увядали прямо на глазах, клонились, будто стояли на горячей сковородке. Глыбы черного базальта, разбросанные там и здесь, медленно и тревожно наливались изнутри красным светом, как лампы накаливания.

«Котопаху, ты, правда, из *другой* истории?»

«А ты разве не чувствуешь?»

«А твоя девочка?»

«Само собой».

«Тогда вот скажи мне, от какой причины помрет мальчик в твоей истории, если на него упадет тяжелый контактный рельс под высоким напряжением?»

«Нас глупости не интересуют. Мы птицу ищем».

«Какие на Марсе птицы? Не говори ерунды. — И укорила Чимборасу: — Эх ты! Не мог познакомить брата с девочкой из *нашей* истории? Видишь, базальт у него под ногами плавится, и птицу какую-то потерял».

Чимбораса крикнул: «Как там у тебя?»

Котопаху ответил: «Всё чики-пуки!» Но базальт под его босыми ногами, правда, плавился, а из длинных трещин, стремительно раскалывающихся склон огромной горы, чудесными языками выплескивался алый огонь. Интересно, Сеятель, ну, а во второй раз ты бы создал таких людей, как мы? Я вот, например, почти без вредных привычек. Что мне впереди светит? И еще, Сеятель, однажды мама сказала мне, что я во сне плакала. Ты не помнишь, о чем?

Рупрехт

Однажды в Центре исследований доктор Макробер задал вопрос: а что мы считаем главным событием нашего времени? Какой такой необычный факт поразил нас больше всего? Может, съютеллы? Может, оцифровка материи?

Или «полости Глухого», куда до лучших времен можно упрятывать самые ужасные, самые жгучие проблемы современности? Или, может, осознание смоллет, как проявления *другой* жизни? Работайте, работайте, потребовал от нас доктор Макробер. Не впадайте в панику. Он даже выгнал из аудитории самую любимую обезьяну Цикады, решившую, что она тоже может подумать над вечными вопросами.

Лучше всех ответила Ирка Летчик.

«Самое главное событие? Я родилась».

Но у Ирки, известно, предрасположенность к песчаной горячке.

Цикада

Ночь выдалась тихая.

«Костя, что это там скрипит?»

«Откуда мне знать. Мышь, наверное».

«Откуда на Марсе мышь?»

«Китайцы завезли».

«Ну, сделай что-нибудь!»

«Что мне, смазать ее, чтобы не скрипела?»

Костя еще не так исхудал, чтобы у него кости скрипели, это ясно, но мне ночной скрип ужасно не понравился. Я вдруг представила, что это вдруг смоллеты пробудились, сразу все — и на Солнце, и на Луне, и на Марсе, и на Земле. По всем дорогам к земной столице ползут длинные огневики. Как Змеи-горынычи. Дышат огнем, плюются огнем, всё вокруг пылает. Конечно, пожарные пытаются остановить огневиков, а они нагло ныряют в реки, в озера, в моря и в океаны. Всё затянуто дымом и паром. И только Костя один посреди этого ужаса совсем не теряется. У него в руках скрипка. Сейчас он заиграет и все на Земле упорядочится, огневики сбросят температуру. Все знают, что только музыка восстанавливает нарушенную гармонию.

«Костя, — спросила я с отчаянием, — ты, правда, есть хочешь?»

«Спи, мой одноклеточный друг», — с таким же отчаянием ответил Костя.

Когда нам было по четыре года, мы вместе ходили смотреть на королевских крабов в большом Океанариуме. Костя тогда где-то услышал, что крабы питаются большими группами, и тайком спросил у меня: «А мы — большая группа?»

Глухой

Однажды Сеятель заглянет в «полость Глухого», а бритая обезьяна Цикады из её темноты глазами зырк, зырк. Сеятель отпрянет: «Что это? Опять штучки Глухого!» А я ему скажу: «Не штучки, а *полости*». И устрою такой взрыв, что мигом снесет полмира, а звука вообще никакого не будет, даже старая нервная мышь в подвале Центра исследований не проснется. Или устрою для Сеятеля мгновенную заморозку половины пространства. Пора Сеятелю понять, что человечество очень нуждается в его внимании. Пора ему понять, что некоторые из нас вполне могут влиять на историю Вселенной. Вот почему китайцы не высаживаются на Меркурии? Да потому только, что на солнечной его стороне температура зашкаливает за плюс тысячу. А я давлю на взрыватель, и расплавленные континенты Меркурия замерзают. Устраивай веселые балы в ледяных заиндевелых дворцах, гоняй на коньках с хульманами и лангурами. Им-то совсем необязательно знать про черные дыры и про коричневых карликов, они и без того отрываются по полной.

Ханна Кук

Хорошо, что Рупрехт не старичок.

Он плохой мальчик, но будь старичком, я бы его только уважала.

Он мацарелу может подать в подставке для яиц, и кофе опрокинуть на чужую белую блузку. Это вон Костя, дурачок, взмахивает синими ресницами, и его все прощают. Противно думать, что мы, девочки, всегда являемся приманкой для пчел и мальчиков. «Есть тайная звезда в алмазном море, в космических волнах среди Млечного пути». Ирка Летчик с ума спрыгнула, сочиняет, как три века назад. «Твой жар небесный обжигает ноги». Ну и что? Все равно Рупрехт —

плохой мальчик. Про таких говорят: «Аспирин и сочувствие бесплатно».

Костя

Допросить попугая решил Рупрехт.

Я ему сразу сказал: «Ничего не получится».

«Это еще почему?»

«Если попугай не местный, мы не пойдем друг друга.

А если местный — китайцы обидятся».

Но Рупрехт посмотрел на Ханну Кук, а она посмотрела на Цикада, и та кивнула, дескать, чего с птицей не поговорить, только не делайте птице больно.

Мы устроились под ужасно голой скалой.

Отсюда хорошо была видна вся группа рыжих хульманов.

Они появились на склоне Олимпа со стороны Аскрийской горы.

Связи еще не было, хульманы появлялись то вдвоем, то троим и ни разу почему-то все вместе. Я разглядел Чимборасу, например. Как в японском саду: знаешь, что камней семь, а с какой стороны ни глянешь — одного не видно.

Ну, а Рупрехт крутить не стал, прямо заявил попугаю:

«Пространство-время обречено».

Попугай спорить не стал:

«Вот ловко!»

«Вроде соглашается».

«С чем это он соглашается?»

«С новейшими физическими веяниями».

«Какая чепуха! Он никогда и не слышал про твои веяния».

Но Рупрехт настаивал: «Он хитрей, чем кажется. Сами слышали, он только что произнес: *вот ловко!* — значит, восхищается новейшими физическими веяниями. Понимаешь, пестрый, — совсем уже доверительно обратился Рупрехт к попугаю, — мы, молодые прогрессивные физики, считаем, что пространство-время обречено. Пора строить новую модель Вселенной. Можно сказать, создавать другую ее историю. Слышал о теории суперструн?»

«Вот ловко!»

«Видите, — еще больше обрадовался Рупрехт, — он все понимает!»

И объяснил попугаю: «В теории суперструн, чтобы ты знал, можно непрерывным образом изменять саму топологию пространства-времени...»

«Рупрехт!»

«А что такого?»

«*Пожалуйста*, Рупрехт!»

«Ханна Кук, подождите. Я по глазам вижу, что попугай меня понимает. Слышь, пестрый! Непрерывно меняя параметры решений, можно переводить мировые суперструны в пространство другой топологии. Всосал? Например, световые лучи, используемые в микроскопе, сами по себе состоят из тех же мировых струн, — Рупрехт уставился на попугая и тот в ответ умно моргнул, дескать, вот ловко. — С любым повышением энергии мировые струны растягиваются. — видно было, что Рупрехт старается говорить как можно проще, и попугай так и ел его веселыми выпуклыми рубиновыми глазами. — Короче, пора отказываться от старых понятий».

Не знаю, что бы еще выяснил Рупрехт, но на меня опять, в который уже раз, дохнуло пережаренным луком, а Ханна Кук вскрикнула.

Мы подняли головы и увидели Котопаху.

Он стоял над нами на вершине скалы.

«Котопаха, ты почему там один?»

«Я не один. Я с девочкой».

«С Файкой, что ли?»

«Да ну, с Файкой! Зачем?!»

«А где твоя девочка? Почему мы ее не видим?!»

«Она *особенная*. Пинайте нам птицу. Мы за птицей пришли».

«Это совсем не птица. Это тайный лазутчик из мира другой физики».

«Обалдеть!» — только и сказал однойцовый.

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

ДОКТОР МИКРОБУС

1

Застонал вомбату. На этот раз в лифте.

Два контейнера смоллет. Робот Мак был полон страстного желания угодить. «Спасибо, доктор Микробус, что слушаете меня, — нудно скрипел он, — ведь лицензиат Котопаха просил не сообщать вам о своем появлении на борту станции».

Два контейнера смоллет. Два контейнера божественных чудесных образований. Китайцы знали, что обещать. Они напитали своей информацией всё видимое и слышимое пространство Марса.

Но в оранжерее, как всегда, было тихо и влажно.

Когда-то в Дарджилинге тоже бывало так тихо и влажно.

Раздвинув колючие ветви синий, доктор Макробер, не глядя, шагнул к огромной трубе атриума, величественно упирающейся в небесную сферу. Лучше не смотреть под ноги, когда шагаешь в стометровую шахту. Он собрался и удара не почувствовал. Просто защемило сердце, но он тут же опять оказался на краю шахты. Пришлось еще раз шагнуть в пустоту провала, поскольку другого пути в запертый изнутри атриум не было.

Алое кресло.

Оранжевый плед.

Работающая голографическая развертка.

Перед тем, как уснуть, лицензиатка Ира Летчик прокручивала свой любимый виртуальный альбом. Сумеречное дно Марианской впадины... Ледяные кольца Сатурна... Церера, залитая лавой... *«Ира Летчик была здесь»*... Ага, тут целая коллекция... Как когда-то коллекционировали марки и этикетки... Доктор Макробер отшатнулся от внезапно выплеснувшегося в лицо огня... Огненные черви, как тесто, выдавливались из плавящихся склонов...

«Мак! Идентифицируй местность».

«Данная местность не идентифицируется».

14.40...

14.51...

15.02...

15.13...

15.24...

15.35...

Пульсирующий зайчик орбитальной станции Хубу плыл над каменистой пустыней Сирия, над черными скалами Дедалии, над плоской землей Сирен, зализанной пылевыми бурями...

14.40...

14.51...

15.02...

Провал Элады, как вдавленный в планету след чудовищного копыта. Может, это и вправду след Сеятеля? Доктор Мкробер улыбнулся. Низкие столовые горы Непентес, лишенные теней...

15.13...

15.24...

15.35...

Каждой цифре на голографической развертке, на пути следования орбитальной станции Хубу, соответствовало определенное место. Так все без исключения человеческие жизни, от самых неудачливых до самых счастливых, занимают свое определенное место в единой бесконечной реке времени. Какие бы течения ни возмущали эту реку, сужается она или напротив далеко выходит из берегов, каждая человеческая жизнь встроена только в одну совершенно определенную часть реки. От этого мыса и до того. От этого поворота до той горы. Одна жизнь только еще зарождается на тихом плесе и медленное течение никак не может вынести ее на быстрину, а другая уже попала в стремнину. Но все они — и самые неудачливые, и самые счастливые, и ничтожные и величественные — всегда врезаются в *свою* часть общего времени; никакая сила не может переместить тебя из неясного будущего в полузабытое прошлое и наоборот...

Доктор Макробер внимательно следил за летящим над планетой зайчиком орбитальной станции. Первый приступ непонятной болезни случился с лицензиаткой Ирой Летчик где-то здесь — над плоской землей Сирен или чуть далее... может, над землей Темпе... Подземные лаборатории метановых заводов... Прозвище доктора У Пу — доктор Время... Именно доктор Время наблюдал Иру Летчик, именно он настаивал на признаках песчаной горячки. Может доктор У Пу такая же ищейка, как я, только бежит с другой стороны? Может, в неутомимом нашем преследовании мы уже давно тыкаемся в след Сеятеля, только с разных сторон? *Два контейнера смоллет.* Как предугадать, что выйдет когда-нибудь из микроскопических образований, не всегда правильно преломляющих свет? В сгущениях остывающей Вселенной, в протопланетных ее облаках в том или ином виде чуть ли не с первых минут существовали вода, металлы, приемлемые температуры и, само собой, сложные органические молекулы — производные метана и этана, сейчас уже не формирующиеся на Земле. *Два контейнера смоллет.* Разумная жизнь поэтапна, она преемственна, — только такой взгляд может приблизить нас к пониманию жизни. И вообще, был ли у Сеятеля выбор?»

2

«Квак твои дела?»

Девочка нисколько не удивилась.

Атриум заперт изнутри? Но ведь со стороны снов никто и не думал запираться.

Ох, Сеятель, сделай так, чтобы доктор Микробус всегда оставался таким вот растрепанным! Рубашка сползла с плеча девочки, и он опять увидел на белой коже темный след ожога.

«Ты часто встречаешься с лицензиатами?»

«Они дикие, — засмеялась Ира Летчик. — Они как веселые звери! Зачем с такими встречаться? Когда понадобится, они набегут сами». И подумала: ох, Сеятель, убереги меня от доктора Микробуса. И подумала: а зачем бояться будущего? Ира Летчик не сомневалась в том, что она обречена на будущее.

Какие сны в том смертном сне приснятся?

Смоллетта в ухе девочки нежно тлела и наливалась пурпуром.

«Почему ты назвала лиценциатов зверями?»

«У них звериные привычки».

«И у Котопахи?»

«Без разницы».

Она действительно не видела разницы.

Пусть Ханна Кук чувствует эту разницу.

И вдруг спросила: «Мы ведь с вами сегодня разговаривали?»

Он неопределенно пожал плечами. Он хотел, чтобы она сама вспомнила.

Но она не вспомнила. «Я, кажется, не отключила виртуальный альбом. Видели, какую коллекцию мне помогли собрать? Я прошу всех, кто бывает в каких-то новых и необычных местах, оставлять там слова: *Ира Летчик была здесь*. — Она покраснела. — Это глупо, да?»

«Но ты и сама, похоже, бываешь в необыкновенных местах? — Он взглядом указал на пятно ожога на ее плече. — «Кажется, ты легко отделалась».

Она покраснела и одернула рубашку, а доктор Макробер вспомнил огненных червей, выдавливающихся из плавящихся склонов черной горы:

«Ты была в этом огне? Хотела пометить его своими тремя словами?»

Лиценциатка молча повела плечом.

«Ты была там одна?»

Она помотала головой.

«Кто составлял тебе компанию?»

Она опять покраснела: «Котопах».

«Ведь это будущее? Вы бываете с ним в будущем?»

«Я не знаю».

«Там бываете только вы?»

«Нет, там много разных людей».

«А я там бываю?» — не удержался от вопроса доктор Макробер.

«Вас я там никогда не видела».

«Ну да... У каждого свое будущее...»

«Нет, нет, — быстро произнесла девочка. — Это просто другая история».

Он колебался. Но все же спросил: «Тебе там нравится?»

«Там тепло...» — она зажмурилась от наслаждения.

«А доктор У Пу? Он тоже там появлялся?»

Лицензиатка с сомнением оглядела атриум:

«Я часто забываю то, чего совсем не хочу помнить».

«Но день, когда лицензиаты прибыли на станцию Хубу, ты помнишь?»

«Даже не спрашивайте! — Лицензиатка вдруг обрела уверенность. — В памяти Мика все расписано по секундам. Он не упустит ни одного события, даже мелкого. Он помнит все, что происходило при нем на борту».

«Ты помнишь, когда на станции появился доктор У Пу?»

«Ой, он такой плешивый! Конечно! Он появился через несколько солов после того, как хульманы и лангуры высадились на Марсе. У Пу появился вместе с папой. Они были сердитые и не верили в Костин концерт. Папа так и сказал: сыграть на вершине Олимпа! Какая странная затея!»

«А ты веришь, что он сыграет?»

«Конечно».

«Но у Кости нет скрипки».

«Вот и пусть выкручивается».

«Думаешь, он сумеет выкрутиться?»

«Он поклялся, — засмеялась девочка. — Он обязан выкрутиться».

Ох, Сеятель, зачем они все меня мучают? Костиной скрипке несколько веков, она старенькая, сплошное барахло, пусть себе валяется на Лунной базе. Девочка непонимающе обвела взглядом атриум. Конечно, я чего-то не помню. Но без того, что я не помню, вполне можно обойтись. Если я забыла, где лежат свежие гранаты или расцвела ли вчера синия в оранжерее, Мик напомнит...

«Плешивый У Пу смотрел на меня, как на редкий подарок, — сказала она доктору Макроберу. — Он задал мне кучу вопросов. Например, какие цветы выращивает на Земле моя мама? Китайцы, они все сумасшедшие. Он спраши-

вал, зачем я расписала корзину алыми иероглифами? Еще он спрашивал, есть ли у меня на Земле камин, и часто ли я перед ним греюсь? Глупо, да? У доктора У Пу длинные ледяные пальцы, — девочка содрогнулась. — Он спрашивал, когда я впервые почувствовала себя личностью, а я не знаю, как на такое ответить. Он даже про вас спрашивал, — девочка счастливо рассмеялась. — Он хотел знать, как долго вы живете, правда ли вам сто семь лет? И еще он спрашивал, зачем у меня в ухе смоллета? Он ужасно хотел знать, зачем вы подарили мне смоллету».

«И что ты ответила?»

«Доктор Микробус живет так долго, ответила я плешивому У Пу, что его голова набита давно никому не нужными вещами. Не знаю, правильно ли понял меня доктор Время, но ответ ему понравился».

«А там, где огонь, ты правда видела Котопаху?»

«Ну да. Он держал в руках череп. Как Гамлет. Помните такого?»

Доктор Макробер кивнул: «Зачем Котопахе череп?»

«Он сказал, что это знак».

«Знак чего?»

«Я не помню».

«Совсем не помнишь?»

Она посмотрела на него и два раза кивнула.

«Ну, правда, никак не могу вспомнить. Будто по болоту ступаю».

Доктор Макробер испугался: сейчас она предложит мне кофе. И она действительно предложила: «Вы ведь любите эти доисторические напитки».

Он хрюкнул с негодованием: «Как-нибудь в другой раз».

И спросил: «Квак ты все-таки исчезаешь? Из этого кресла. Из атриума. Я заглядывал сюда с балкончика, когда ты спала. Но все было заперто, и тебя в атриуме я не видел».

«А как вы тут оказались?»

Он не стал врать: «Спрыгнул с балкончика».

Она с сомнением оглядела его. Наверное, вспомнила про его сто семь лет. Но промолчала. А он спросил: «А как ты прыгиваешь в *другую* историю?»

«Просто засыпаю».

«И все?»

«И всё».

«Но там в твоём сне огонь! Квак можно жить в огне?»

«Я не знаю, как вам ответить. Наверное, не всякий огонь жжет».

«Но на твоём плече след ожога. Ты чего-то не помнишь?»

Она недоуменно пожала плечами: «Я засыпаю и живу там. Во сне. И доктор У Пу сказал папе, что так будет длиться до определенного времени».

Два контейнера смоллет. Разговор зашел в тупик.

«Что ты держишь в такой ужасной корзине?»

Лицензиатка рассмеялась: «А вы откиньте крышку».

С некоторым сомнением доктор Макробер оглядел легкую плетеную из тростника крышку, украшенную алыми, как огонь, иероглифами. Впрочем, вырастить тростник в оранжерее несложно, а умельцы-плетуны везде найдутся. Преодолевая внезапно возникшее внутреннее сопротивление, доктор Макробер приподнял крышку и увидел разверзшуюся перед ним глубину. В невероятном провале времени и пространства сиял пепельный нежный свет, как при полном солнечном затмении. И в этой невыразимой пепельной дали, далеко-далеко, чудовищно далеко развертывался яркий спектр, размахивало конечностями какое-то человекообразное пятно.

«Что это за клоун?»

«Квак? Вы себя не узнали?»

Он засмеялся и покачал головой: «Доктор У Пу назвал бы это *кризисом*».

«Нет, — возразила девочка. — Доктор Время назвал бы это *новой возможностью*».

А сама подумала: ну, Сеятель! Ну зачем ты создал такой мир? ты что, не понял, что сразу начнутся всякие заморочки?

3

Оказывается, иероглифы *кризис* и *новая возможность* пишутся почти одинаково.

Доктор У Пу появился на орбитальной станции Хубу через пару слов после отбытия лиценциатов на Марс. Маленького роста, с блестящей лысиной («с ног до головы»), лицо морщинистое, ласковое, как у лангура. «Папа нервничал, — смешно пожала голыми плечами лиценциатка. — Он был не такой, как всегда. Он расследовал большую аварию на китайском метановом заводе, и ему что-то там ему не показали. С доктором У Пу они сразу условились говорить по-китайски. Они были уверены, что китайская часть разговора окажется не по зубам глупой маленькой девочке. Но папа знает китайский не очень хорошо, ему все время приходилось переводить в голове собственные мысли, поэтому я понимала всё, только не подавала виду. Сперва они говорили про аварию на подземном заводе, про вышедшую из строя сложную аппаратуру. Ничего особенного, но оба нервничали. В общем-то аварии на сложном производстве случаются, но они сильно нервничали, особенно папа. Я так поняла, что доктор У Пу чем-то мог помочь... Нет, не расследованию обстоятельств аварии, а мне... У меня же предрасположенность к песчаной горячке. Ну, я так поняла. Доктор Время все время повторял: в сущности, мы работаем над одним и тем же...»

«Над одним и тем же? Он именно так сказал?»

«Мик! — крикнула девочка. И приказала появившемуся в атриуме роботу: — Повтори нам разговор доктора У Пу и папы».

«Какой именно разговор?»

«Разве их было несколько?»

«Видишь, какая ты дура, — Мак вежливо наклонился, чтобы гость и девочка оценили его новое красивое напыление. — Все равно спасибо, что ты постоянно обращаешься ко мне».

В свободном переложении разговор между Ивеном Летчиком и доктором У Пу звучал так.

Ивен Летчик сказал: «В мире накопилось много масштабных угроз. Мы не можем избавиться от всех сразу. Тем более, что часть этих угроз изначально встроена в нашу историю Вселенной».

Доктор У Пу ответил: «Мы с вами не одно и то же считаем угрозами».

Ивен Летчик сказал: «Вы понимаете меня. Я дорожу здоровьем дочери».

Доктор У Пу с удовлетворением отметил: «Видите, к чему приводит отсутствие надежной связи. — Он явно намекал на что-то хорошо известное начальнику орбитальной станции. — В сущности, Делянка Сеятеля никому не нужна, кроме прилипчивого доктора Макробера. Проблема, на решение которой требуются миллиарды лет, для существ таких далеко не вечных, как мы, даже не может считаться проблемой. — И почему-то добавил: — Аппаратура пострадавшего завода нуждается в срочном обновлении».

«Почему вы не попросили о помощи раньше?»

«А почему вы не сделали того же?»

«Не все можно объяснить сразу».

«Но надо пытаться».

«Раньше вас не сильно беспокоили подобные аварии».

«А вы раньше не часто жаловались на здоровье дочери».

Доктор У Пу с каким-то особенным значением понизил голос: «Я выбираю атмосферу Марса, а вы... Я угадал?.. Здоровье дочери?»

«У меня нет выбора. Просто, как лапша».

«Вы ошибаетесь. Лапша — сложный иероглиф, — улыбочиво возразил доктор Время. — В нем пятьдесят семь черточек. — И еще сильнее понизил голос: — Почему в ухе вашей девочки смоллета?»

«Это подарок доктора Макробера. — И сам спросил: — Вы часто посещаете Делянку Сеятеля?»

«Никогда».

«Почему?»

«Все равно Аскрийские ледники будут взорваны. Зачем посещать места, которых уже завтра не будет ни на одной карте? Чем скорее Аскрийские ледники превратятся в пар и воду, тем лучше. Смоллеты — большая опасность, Ивен, вы это знаете. Они — грозная опасность. Они — неконтролируемая опасность».

И посмотрел на девочку: «Вы — дети. Вы еще никому не причинили боли».

И улыбнулся: «Учитесь бегать быстро. В этом залог спасения».

ДОМЕН ЛИЦЕНЦИАТОВ (как мы на Марсе отожгли летом)

Ира Летчик

*Горы бывают разные —
черные и алмазные.*

*Расползшиеся по земной шири,
как планета большие.*

*Цвета грусти и праздника —
разные.*

*Под самый звездный венец
поднимаются они, как хрустальный дворец.*

*А над ними метель снежная —
Музыка нежная.*

Цикада

Я спросила: «А могут существовать карлики, рост которых измеряется длиной Планка?»

Рупрехт переспросил: «Карлики порядка десять в минус тридцать третьей степени?»

Я сказала: «Ага».

Он сказал: «Ну, давай еще раз допросим птицу».

«Хватит, — не разрешила я. — Попугай не знает ответов на твои дурацкие вопросы».

Ох, Сеятель, успокой нас всех! Я люблю рыжих хульманов и русских лангуров. Я одинаково люблю китайцев и тех, кто работает на орбитальных станциях. Я всех люблю, даже куумбу, открытую моей знаменитой прапрапрабабушкой. Куумба с тех пор так и бегаёт из одного края глаза на дру-

гой. Иногда почесывается. Жалко, что про нее счастливые люди не знают.

Рупрехт

Цикада считает, что доктор Микробус в Дарджилинге тайно держал в лаборатории самку научного реакционера. Так она и сказала, когда мы поднимались по склону горы Олимп. Вершину мы не видели, на высоте километра ползли плоские метановые облака, закрывая небо, а сама гора занимала так много места, что стало сумеречно, как поздним вечером. Через расщелины мы перепрыгивали. Правильный упор в сьютелле помогает перенестись сразу на пятьсот, а то и на семьсот метров. Время от времени я ловил Ханну Кук, ее почему-то вечно заносит в сторону. И, кстати, именно она снова увидела вдаль внизу хульманов. С тех пор, как нас разделили на два отряда еще на орбитальной станции Хубу, мы ни разу не перебросились с ними словом, а теперь рыжие хульманы появились в пределах прямой видимости. Впереди Файка — в мохнатых унтиках, с хвостиками на попе, на лбу противосолнечный козырек. За Файкой, как привязанный, тянулся Глухой. Рваная хламида, похож на пятнистого паука, ну, конечно, в хорошем смысле. И, наконец, Чимбораса — босиком по мерзлым камешкам.

«После Котопахи, — сказал я, — Костя самый большой дурак».

Ханна Кук покраснела, а Цикада обиделась: «Это почему, интересно?»

«Котопаха потому что отстал от хульманов. А Костя потому что физику не любит».

«Ну и что? Он и химию не любит».

Я промолчал. На станции Хубу я бросал монетку. Сто раз бросал, и все сто раз выпала решка. Я спрашиваю: ну, на спор, что выпадет в сто первый раз? Файка кричит: «Пятьдесят на пятьдесят». Цикада промолчала. А Костя брякнул: «Орел!»

«Это почему же орел?»

«Ну, орлу тоже хочется».

«Рупрехт!»

«Чего?»

«Нечестно, если концерт не состоится».

Я хотел засмеяться, но Ханна тоже посмотрела на меня.

Ханна Кук похожа на пчелу, ее хочется погладить. Единственный принцип, по которому наша Вселенная, наверное, выделяется из всех других, это, конечно, то, что в ней возможно существование белковой жизни. Но совсем не обязательно давить на меня только потому, что некоторые формы белковой жизни созданы так удачно.

Костя

«Знаешь, Цикада, — напомнил я. — Был в древности такой городок Локры. В нем каждую весну собирались лирники. Однажды на состязаниях у самого лучшего лирника страны лопнула струна на кифаре. Зрители враз ахнули, тишина наступила такая, что даже цикады в траве умолкли. Но самая смелая цикада не растерялась, — Костя жалостливо посмотрел на меня. — Она прыгнула на кифару. И так ловко вплела свой голос в звучание оставшихся струн, что лучший лирник и в тот год стал лучшим».

Ханна Кук

Такая у них мораль на Марсе.

Фаина

«Ой, мы попугая нашли!»

«Ой, а мы Котопаху потеряли!»

Связь между хульманами и лангурами включилась, как только мы оказались метрах в ста друг от друга. По-прежнему внизу всё закрывали плоские облака, они заметно округлялись по горизонту, а восточную сторону неба — мрачная вершина Аскрийской горы. Глухой жестом показал: теперь наговоримся! — и Рупрехт сразу вылез на связь: «Кто решит задачку на дурачка?»

Откликнулся Чимбораса: «Ты про Файку, что ли?»

«А мне все равно, как там у вас. Задача на устойчивость стола с четырьмя ножками».

«Без проблем, — сказала я. — Просто выходим на решение для стола с произвольным количеством ножек, а потом подставляем найденные значения в формулу $N=4$ ». — «А я бы вышел на решение для двух предельных случаев $N=1$ и бесконечности, — заспорил Чимбораса, — и только потом интерполировал результаты к промежуточному значению $N=4...$ »

ДОКТОР МИКРОБУС

1

Доктор Макробер стоял посреди атриума.

Зачем посещать места, которых завтра не будет на карте?

Действительно. Смоллеты — опасность, они — грозная опасность, они — опасность неконтролируемая, сказал доктор У Пу в беседе с Ивеном Летчиком. Конечно, смоллеты спят. Так мы думаем. На создание человека у природы (лицензиатка Ира Летчик сказала бы — у Сеятеля) ушло миллиардов пять лет, если считать со времени появления одноклеточных; на создание *другой* — может быть, неорганической — жизни может уйти не меньше, если начинать со смоллет. Звездным ветром микроскопические зачатки будущих организмов (существ? образований?) разносит по всей Вселенной. Конечно, речь не идет о вытеснении Человека разумного, о выталкивании его из мира. Речь идет о развитии неких свойств, возникающих в самые первые доли секунды Большого взрыва. Органика — всего лишь некая фаза остывающего мира. Разглядывая окаменелости, невероятные микроскопических следы давно вымерших диккинсоний или эдиакарий, не сразу протягиваешь от них восходящую линию к Человеку разумному, невообразимый провал зияет между близкими по сути формами. А ведь и диккинсонии, и эдиакарии, и масса других давно вымерших, почти уже не определяемых существ — все это органика, органика, органика. Горячая земля остывала, возникал температурный баланс, первичные океаны заселялись одноклеточными, температура падала, постепенно

достигая комфортной для тех существ, к которым и мы относимся. Мы обживаем планеты, создаем съютеллы, цифруем материю, но почти не задумываемся о том, какими станем в далеком будущем. Стараниями тысяч и тысяч во-йсеров создана гигантская символическая фигура Сеятеля. Так легче понять начало и распространение жизни (органической): одинокий гигант разбрасывает зерна жизни по стремительно расширяющейся и остывающей Вселенной. То, что мы увидели с лицензиатом Глухим в «полости» его имени, действительно не увидишь ни в доменной печи, ни в разливах северного сияния. Вдруг возник ужасный и прекрасный огненный куст и сразу выпустил миллионы отростков.

«Они живые?»

«Спрашивать надо Сеятеля».

Лицензиат Глухой понял, но как всему человечеству объяснить такое?

Даже в момент самого максимального расширения Вселенной мир еще годен будет для выживания органики, какие бы формы она ни принимала. А вот потом Вселенная начнет сжиматься. Сеятель — гениальный игрок, что бы мы ни подразумевали под этим именем. Проходит эпоха холода, приходит эпоха огня. Мы — дети холода, смоллеты — дети огня. Мы еще долгое время не будем замечать ничего необычного. В течение миллиардов лет Вселенная будет оставаться миром для органики, но затем дело пойдет быстрее, гораздо быстрее, ночное небо станет ярким, как при солнечном дне. И вот тогда можно будет сказать: теперь всё. Мир начнет пылать. Выгорит не просто органика, выгорит вся вообще материя. Вселенную, как дыры сыр, испещрят «полости Глухого». Молекулы в атмосферах звезд и в межзвездном пространстве начнут диссоциировать на атомы, и постепенно космическая температура достигнет десятков миллионов градусов, превращая всё окружающее в горячий космический суп. Человек разумный уйдет. Явится Огонь разумный. Но Сеятель не оставит Вселенную без разума. Сеятель не посылает сыр только одной какой-то вороне. Уже сейчас лицензиатка Ира Летчик каким-то об-

разом делит одну историю Вселенной с другой. И при этом еще встречается с лицензиатом Котопахой...

2

Доктор Макробер машинально глянул на часы.

16.17. Орбитальная станция Хубу проходила над Ацидальной равниной.

В пустом алом кресле Иры Летчик что-то менялось. Смутные тени, отблески. Сумеречные сгущения. Вдруг возникали и уплотнялись контуры. Румяная щека, капелька пота. Доктор Макробер облегченно выдохнул: «Квак дела?» И сразу спросил: «Ты не против, если Мак будет фиксировать нашу беседу?» И так же сразу пояснил: «Запись, сделанную Маком, нельзя стереть. К тому же, она будет сбрасываться одновременно в три главных мировых отделения Центра информации. Вечное хранение. Слышала о таком? Там хранятся самые важные свидетельства. Те, что могут повлиять на развитие всего человечества».

«А чем определяется значимость такой информации?»

За словами Иры Летчик, несомненно, всё то же: «Вы ведь не позволите взорвать Аскрийские ледники?»

«Мак!»

«Чего тебе?»

«Когда лангуры и хульманы выйдут на связь?»

«С первыми музыкальными тактами», — важно ответил робот.

Ох, Сеятель, зачем инженеры создают таких глупых и важных роботов! Лицензиатка Ира Летчик покраснела от волнения. Ох, Сеятель, помоги Косте! Пусть на Олимпе все будет так, как должно быть, только еще лучше. В розовой мочке Иры Летчик нежно пульсировала звездочка смоллеты.

«Вы опять идете по следам Сеятеля?»

«Я вижу, от тебя совсем ничего не утаишь».

Доктор Макробер обозлился. Он не хотел повторений.

Он не хотел тратить время на чепуху, вновь и вновь отказываться от яблок, которые никогда не любил, и от доисторических напитков. *Другая история Вселенной*. Вот что заслуживает внимания. У каждого из нас есть то, без

чего человечество не является полным. Из своего будущего доктор Макомбер отчетливо читал мысли лицензиатки. Постоянное общение с Сеятелем наделило меня многими способностями, но, похоже, не только меня. Глухой, и его «полости»... Игры с огнем... Иры Летчик и Котопахы...

3

«Попробуй вспомнить».

Бесчисленные истории Вселенной.

«У тебя есть выбор или ты все-таки привязана к какой-то одной?»

Девочка с усилием наморщила лоб, доктор Макробер ее не торопил. Вопросы понятны. Что она переживает *там*? Огненный мир, что в нем особенного? Котопахы, к примеру, всегда любил жаркие песчаные пустыни. Есть ли разница? Котопахы не раз бродил по горячим осыпающимся барханам Сахары, но это на Земле, при температурах, приближающихся к комфортным. А огненный мир, он — сжигает? Он — часть прошлого? Или он — будущее? Доктор Микробер видел самые затаенные воспоминания лицензиатки. Конечно, никаких котлов, запаха серы, ужаса. Она, как чудесная рыба, плавает в густом пламени, которое есть пространство. А может, и время, она не знает. Она не чувствует масштабов, а высокое ли там небо? Честно говоря, она об этом не задумывалась.

Даже сьюллет там не нужен.

«Я там огненная».

«А это?» — указал он на след ожога.

«А это я испугалась. Давно. В самый-самый первый раз».

«Но ты не стореда, — засмеялся он. — Почему?»

«Потому что не стала бояться».

«Обратилась к Сеятелю?»

«Вы же сами учите нас не персонифицировать явления природы. — Смоллетта в мочке уха Иры Летчик испустила радужный снопик алых и зеленых лучей. — Да знаю, знаю, что так нельзя говорить о Сеятеле! Но вы же сами хотите его услышать! Вы сами мечтаете обратить на себя его внимание! Это же странно, правда? Почему он не слышит наших го-

лосов, если мы — самая, что ни на есть, его сущность? Там в первый момент я очень испугалась. Ужасно, невыносимо испугалась. Но только на мгновение. На самое ничтожное мгновение. Огонь медленно лизнул меня длинным языком, как собака, но он не угрожал, я это почувствовала. И мне показалось...»

«Что тебе показалось?»

«Не знаю. Это же только показалось».

«Пожалуйста, соберись. Важна каждая деталь».

«Там везде были языки пламени, будто я попала в огненный сад».

«В сад? Почему в сад? Как тебя понимать? Ты везде была окружена пламенем?»

«Ну да... Как в саду... Если есть сад камней, то почему не быть саду огня, правда?»

«Это походило на цветы? Ты не боялась?»

«Нет, но знала...»

«Что знала?»

«Если упасть лицом в охапку роз...»

Доктор Макробер чувствовал, как девочку опалает внутренним огнем. И смоллетта в мочке розового маленького уха испускала теперь пронзительные голубые лучики.

«Но где всё это происходило?»

«Во сне», — важно подсказал робот Мак.

В новом напылении он походил на настоящего дриопитека.

Роботу ужасно хотелось поучаствовать в беседе, но Ира Летчик бесцеремонно оттолкнула его ногой. Она морщила лоб, она пыталась понять: можно ли огненный мир назвать миром будущим? И робот тут же подсказал: «Будущее предугадать нельзя».

«Выбросить его из атриума?» — миролюбиво спросил доктор Макробер.

«Нет, нет. Без меня вы не справитесь, — без тени страха возразил Мак. — Если вам кажется, что вы оказались в будущем, значит, вы точно находитесь в настоящем, уж я-то знаю». — Мак отлично понимал, что никто никуда его не выбросит. Беседа записывалась сразу для трех отделений мирового Центра информации.

«И ты встречаешь там Котопаху? Как это может быть?»
Девочка обрадовалась: «Спросите его сами». И взглядом указала на корзину.

Доктор Макробер спросил: «Котопаха, ты здесь?» — но никто ему не ответил. Тогда он встал и, поднимая плетеную крышку, расписанную алыми иероглифами, почему-то даже не испугался, что дурная бесконечность восторжествует, как в прошлый раз, и в чудовищной глубине странной корзины, как в «кротовой норе», снова мелькнет клоун в рубашке спектральных цветов. И правда, из темных глубин, из непередаваемого далёка глянули на него глаза Котопахи.

Он удрученно вздохнул: «Как это у всех вас получается?»

«А еще я подружился с девочкой».

«С огненной?»

«Очень».

«Как же ты поведешь ее на Костин концерт?»

Котопаха радостно засмеялся. Как далёкое облачко его разворачивало в неведомой пространственной глубине. Он находился за миллионы световых лет от орбитальной станции Хубу, но доктора Макробера и его ничто не разъединяло.

«Вы спрашиваете, что происходит с мировыми струнами?»

Доктор Макробер оторопел, поняв, что на этот раз слышит не Котопаху, а наведенного вомбату, и даже понимает его. *«Когда две мировых струны вступают во взаимодействие, — сладостно стонал вомбату, — возникает вероятность их превращения в третью струну. — Вомбату хрипло закашлялся от восторга. — Потребовалось бы проанализировать все возможные кривые, чтобы определить реальную вероятность вступления этих струн во взаимодействие. Вместо одного параметра — заряда — нам пришлось бы вводить бесконечное множество неопределенных констант. Так что, истинное взаимодействие мировых струн удобнее всего представлять в виде «брючных диаграмм», а именно: две штанины в горизонтальном срезе, перемещающемся по течению времени. Внизу срез описывает замкнутые струны, а ближе к поясу они сливаются...»*

Голова закружилась, но доктор Макробер справился.

«Знаете, — сказала Ира Летчик безжалостно. — Вам этого пока не понять».

Доктор Макробер осторожно вытянул руку. Странно вытягиваясь, так же странно изгибаясь по бесконечной дуге, она ушла в бездонную глубину корзины. Где-то в миллионе световых лет от станции Хубу рука доктора Макробера все-таки прошла сквозь звездно-туманное плечо Котопахи. «У Сеятеля есть все, что есть у нас в этом мире. Но у него есть и то, чего у нас никогда не было».

4

На большой развертке возникла панорама горного склона.

Осыпи и обрывы падали вниз, тонули в зеленоватом разливе метановых облаков, в мутных разрывах проглядывали совсем уж прихотливые извивы каньонов, круглился край планеты, взрезанный горными пиками. Среди крупных звезд пылало маленькое злобное солнце, слегка размытое по краям — намек на корону, а с запада обрывались во тьму каменные стены исполинского кратера.

«Цикаду я бы держала в клетке».

«Почему?» — спросил доктор Макробер.

«В древности цикад всегда держали в клетках».

«Но почему?» — настаивал на вопросе доктор Макробер.

«Прыгают».

Ох, Сеятель, помоги мне!

Доктор Макробер слышал каждую мысль Иры Летчик.

Ох, Сеятель, ты видишь, какие ужасные у доктора Микробуса рубашки. Огонь не бывает слишком пестрым, а на рубашки доктора Микробуса даже моль не садится. Ох, Сеятель, доктор Макробер думает, что если лиценциатов любить, то каждый, каждый, совсем каждый ответит на его любовь. Образумь доктора Микробуса, открой ему глаза шире, он уже не наполовину в будущем, а гораздо меньше. Не знаю почему, но это так. Может, он уже совсем старый, а ты, Сеятель, не замечаешь этого. Не разрешай мне оглядываться. Доктор Микробус — прошлое. Вот ты даже на Большой взрыв не оглядываешься, а Большой взрыв красивой старого человека. Человек не может выиграть у тебя, ты же

знаешь. Человек не может сыграть вничью с тобой, он не может не проиграть тебе. Поэтому люди боятся, что ты вытеснишь их с удобных планет, вытолкнешь на какие-нибудь плутоиды — сидеть на льдах и выть в сторону вечности...

На развертке появилось хмурое лицо Ивена Летчика: «Хотели видеть меня, доктор Макробер? Что вас интересует?»

«Рабочая орбита станции Хубу, Ивен».

«В реальном времени?»

«Да, но на тот день, когда лицензиаты покинули станцию».

Развертка немедленно изменила цвет. Над зеленоватыми впадинами, над коричневыми плато, над оранжевыми хребтами Марса неудержимо плыла яркая пульсирующая звездочка станции. Над перепаханной метеоритами Сирией, над извилистым лабиринтом Ночи, похожим сверху на обуглившийся отпечаток колючего доисторического растения, над скалистыми массивами Фарсидских гор, проткнувших своими пиками атмосферу. Ивен Летчик с бокового экрана подозрительно следил за доктором Макробером. Вот плато Дедалия... земля Сирен... чудовищное копыто Эллады... равнина Исиды... наконец, Ацидалийская гора (Ивен Летчик отер платком вспотевший лоб) и Чайна-таун, оставшийся в стороне.

«Ивен».

«Я здесь».

«Что произошло в день высадки лицензиатов?»

«На Марсе?» — вопрос Ивену Летчику явно не нравился.

Но это не имело значения. На втором боковом экране появился доктор У Пу, доктор Время, и он явно мог и, кажется, хотел ответить на любой вопрос. Морщинистое личико доктора улыбалось. Он быстро кивал: «В день высадки лицензиатов на Марс, доктор Макробер, у нас произошла крупная авария — на земле Темпе».

«Метановый завод?»

Доктор У Пу быстро кивал.

«Причина аварии установлена?»

«Нестыковка рабочих контейнеров».

Ну да, никаких других причин быть не может.

Доктор Макробер хорошо помнил беседу, сохранившуюся в памяти Мака.

Ивен Летчик тогда сказал: «В мире накопилось много масштабных угроз. Мы не можем избавиться от всех сразу. Тем более, что часть этих угроз изначально встроена в *нашу* историю Вселенной».

Доктор У Пу ответил: «Мы не одно и то же считаем угрозами».

Ивен Летчик сказал: «Вы понимаете меня. Я дорожу здоровьем дочери».

Доктор У Пу с удовлетворением отметил: «Видите, к чему приводит отсутствие надежной связи. — Он явно намекал на что-то хорошо известное начальнику станции Хубу. — В сущности, Делянка Сеятеля никому не нужна, кроме прилипчивого доктора Макробера. Проблема, на решение которой требуются миллиарды лет, для существ таких далеко не вечных, как мы, даже не может считаться проблемой. — И почему-то добавил: — Аппаратура пострадавшего завода нуждается в срочном обновлении».

«Почему вы не попросили о помощи раньше?»

«А почему вы не сделали того же?»

«Не все можно объяснить сразу».

«Но надо пытаться».

«Раньше вас не сильно беспокоили такие аварии».

«Раньше и вы не сильно жаловались на здоровье дочери».

«Значит, пришло время», — сказал Ивен Летчик. А доктор У Пу добавил: «Вы, Ивен, выбираете здоровье дочери, а я выбираю атмосферу Марса». И улыбнулся: «Откуда у вашей девочки смоллета?» — «Это подарок доктора Макробера».

Потом Ивен Летчик спросил: «Вы часто посещаете Делянку Сеятеля?»

А доктор У Пу ответил: «Зачем посещать места, которых завтра не будет ни на одной карте? Чем скорее Аскрийские ледники превратятся в пар и воду, тем лучше».

Конечно, оба знали много больше того, что можно прозвонить вслух.

«Скажите, Ивен, прерывалась ли связь орбитальной станции с Чайна-таун и метановым заводом в день аварии?»

«Да, контрольные счетчики в тот день зафиксированы сбоем».

«Как долго они длились? Это зафиксировано?»

«Шесть часов тридцать одну минуту».

5

Иллюминатор залило светом.

Алый луч, прожигая метановые облака, выбросился в пространство.

Одновременно с этой вспышкой ворвались в эфир возбужденные веселые голоса. «...*два тигра, два тигра...*» Связь лиценциатов со станцией возобновилась. «Файка, подбери хвостики!» Но разве луч, вонзившийся в звездную тьму, можно считать первыми тактами? Похоже, Ира Летчик подумала о том же: «Никто не говорил, что такты должны быть непременно скрипичными?»

Новая вспышка осветила атриум.

Свет был таким плотным, что заполнил каждую щель.

«Конец света», — подумал доктор Макробер. «Начало будущего», — подумала Ира Летчик. Голоса лиценциатов весело смешались. «Костя, ты здорово начал!» Правда, вряд ли такого концерта ожидали фаны Земли, Луны, орбитальных станций. «Глухой, помоги ему!» Гигантское синее яйцо взрыва бесшумно разбухало на подошве Аскрийской горы. Изнутри его пронизывали белые молнии. Огненная спираль стремительно раскручивалась, разбрасывая во все стороны сверкающие мальтийские кресты. А небо стремительно выцветало, ошеломленное убийственным светом, страшно и безмолвно расталкивающим материю. «Ой, у меня юбочка точно такого цвета!» И сразу: «Ой, сколько пыли! Это, наверное, китайцы побежали?» Похоже, с равнин Марса огненный разлив виделся не совсем так, как с орбитальной станции. Доктор У Пу и Ивен Летчик одновременно исчезли с экранов. Звучали только голоса, но изображение на развертке двоилось и дробилось от напряжения.

«Костя, у тебя получается!»

«Смотри, Ханна Кук, у меня чистые ногти».

«Ой, подскажите, когда можно будет открыть глаза?»

6

Потом за иллюминатором потемнело.

На боковой развертке появился доктор У Пу.

«В мире накопилось много масштабных угроз». Ну да, в день высадки лиценциатов на планету Марс контрольные счетчики зафиксировали значительные сбои в связи. Эти сбои длились шесть часов тридцать одну минуту. В момент аварии координаты станции Хубу точно совпали с координатами подземного метанового завода.

«Нестыковка рабочих контейнеров».

Результаты: значительный материальный ущерб, и резкое ухудшение здоровья лиценциатки Иры Летчик, находившейся на орбите над местом взрыв.

Время ужасных чудес еще только начинается, подумал доктор Макробер и помахал рукой китайцу: «Не поговорить с человеком, достойным откровенного разговора, значит потерять этого человека». Доктор У Пу его понял: «Стрельба из лука учит находить истину». Доктор Макробер благостно улыбнулся: «Действие должно быть решительным». Доктор У Пу в ответ покивал: «А слово — верным».

7

Марс погрузился в крошечную тьму.

Сеятель, можно мне не умирать, а? Можно?

Теперь на месте Аскрийской горы мерцали нежные звездные переливы. Они существовали, может, тысячную долю секунды, но на «полость Глухого» никогда больше и не уходит, автоматически отметил про себя доктор Макробер. Несколькими вспышками слились, чудовищная молния высветила каждую неровность планетного рельефа. Бесшумный взрыв, казалось, достанет станцию — внизу бурно плавилась, испарялись базальтовые массивы и подземные ледники. Атриум непрерывно заливало зеленым и красным светом столь необыкновенных оттенков, что заболели глаза. Миллионы куумб суетливо перебежали с одного края глаз на другой. Ор-

битальная станция Хубу, как длинная, вычерненная тьмой исполинская рыба, плыла сквозь ужасный безмолвный свет.

Как прочесть книгу, не зная языка, на котором она написана?

«Ой, Глухой, а Сеятель видит, что мы раскачали суперструны?»

«Файка, поберегись, а то у тебя сейчас твои анютины глазки выгорят!»

Отсветы и голоса размазывались по сложному интерференционному фону, волновые узоры врывались в атриум, как вчерашние солнечные зайчики. А может, они врывались из будущего. Тысячные доли секунды, безмерно малый отрезок времени, но пожар длился вечность. «Они сумели, — догадался доктор Макробер. — Лиценциаты вписались в мировую гармонию, раскачали суперструны». Он ими гордился. «О, доктор Макробер! — услышал он, не понимая еще, что Ира Летчик впервые произнесла его имя правильно. — Вы думаете, *теперь* Сеятель нас услышит?»

Чудесный тающий свет истекал в пространство.

Праздничная елка, сияя огнями и хлопушками, плыла сквозь горящий эфир.

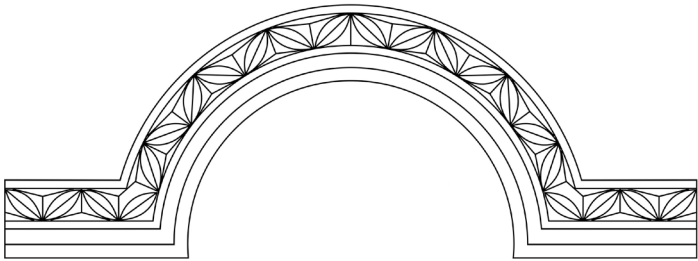
Исполинские полотнища безмолвного огня уже достигли Луны и Земли, вызвав полярные сияния на всех полюсах. Ох, Сеятель, неужели ты нас не слышишь? Мир раскалился до совершенно невыносимой белесости. Даже закрыв глаза, доктор Макробер видел залитую огнем каменную площадку. Упираясь ногами в обломок базальтовой скалы, лицензиат Костя, как локрский лирник, вскидывал руки, изгибался в напряжении, а наведенный попугай на его плече медленно отступал, растягивая клювом пространство. Стоя босыми ногами в потоках плывущей, как алое тесто, вулканической лавы, русые лангуры и рыжие хульманы с восторгом всматривались в сад огненных цветов, а выше, с оплавленного гребня смотрел на них Котопах. Всё чики-пуки! Котопах давно догадывался, что холодная Вселенная — это место, где жить нельзя. Ох, Сеятель, неустанно молила Ира Летчик, отведи взгляд доктора Микробера, пусть он не смотрит на меня так счастливо, пусть не видит того, что никогда

не будет ему принадлежать. Чудовищные зеркала скольжения. Плывущий базальт. Полярные небеса. Но сквозь нарастающее сияние этого безмолвно распадающегося огня выплескивались и плясали на месте бывшей горы алые исполинские буквы, начертанные голографическим голиком Глухого: «ИРА ЛЕТЧИК БЫЛА ЗДЕСЬ».

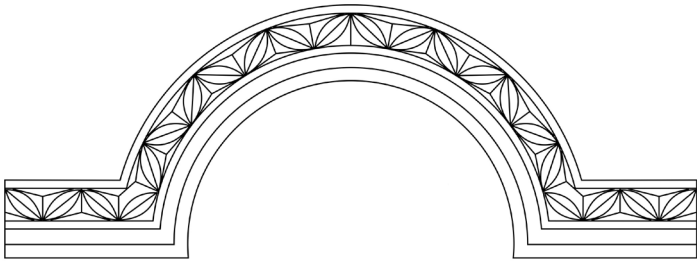
8

Такая у них мораль на Марсе.

Хайнань, 2008

**ПРИВЕДЕННЫЕ
К ЭТАЛОНУ**

Продолжай говорить на неведомом языке,
Все равно я тебя не слышу.

Т. Злыгостева

2009 год.
12 августа.

Я Саша Холин.

Мне почти шестнадцать.

Я читаю Митио Какú и не верю в Бога.

Какой смысл верить в Бога, если Нил Нилыч на уроке географии заявил, что за последние сто семьдесят шесть лет река Миссисипи стала короче на двести сорок две мили. Зацените, убывание за год — получается больше, чем миля с третью. Значит, в доисторические времена длина Миссисипи могла превышать миллион километров. Даже Анька Белова удивилась: «Где ее истоки тогда?»

«Тогда — не знаю, а сейчас...»

И я на память процитировал из «Википедии»:

«Миссисипи, англ. *Mississippi*, на языке оджибве *misi-ziibi* или *gich-ziibi* — «большая река», одна из величайших рек мира: длина 3,770 километров. Начало берет в небольшом безымянном озере на высоте 450 метров над уровнем моря в Национальном Заповеднике Итаска (штат Миннесота), впадает в Мексиканский Залив».

Анька подумала и сказала: «Все равно уеду в Америку».

Овца она и есть овца. Меня прям крючит, когда вижу Аньку.

А еще терпеть не могу Миссисипи, Скалистые горы, озеро Мичиган, водопад Ниагара и все такое прочее. Папа четвертый год работает в Медицинском центре в городке Бетесде, я там жил и терпеть не могу Бетесде. Самый плохой американский город. Даже органа самоуправления нет, а земля относится к округу Монтгомери штата Мэриленд. «Ты опоздала, — сказал я Аньке. — В Америке тебя не ждут». Это точно. Там куча толстозадых афроамериканцев, я все равно считаю их неграми. Пойти некуда, заняться нечем. Все или лечатся или пытаются найти новое лекарство. Однажды я попробовал с Гастелом травку, а Гастел — негр, ну, то есть афроамериканец, он проболтался. На другой день папа посадил меня в машину и повез в третий лабораторный корпус своего Медицинского центра. Мы часа три рассматривали прокуренные и проспиртованные человеческие легкие, полуразложившиеся ткани, проеденные раком органы, а когда меня вырвало, папа спросил: «Ну, как? Сделал выводы?»

«Еще бы!»

«Излагай. Чётко».

«Никогда больше не приеду в такое место».

Тогда он отправил меня к маме, в новосибирский Академгородок.

Дома я чувствую себя амёбой: хожу по кухне и питаюсь всем, что найду.

А еще схожу с ума от разных людей, даже от тех, которые способны на подлость. Я от них прям тащусь. Они меня пугают. Еще я не ношу браслет, считаю это унижительным. Не играю в лотерею, не интересуюсь распродажами. Вообще у меня гора принципов и я много накручиваю. Например, три дня назад специально ходил к фонтану у Торгового центра. Там бомж по прозвищу Супер демонстрирует нечеловеческие способности. Например, безостановочно прыгает, и в любую погоду ходит в одном и том же застегнутом на все пуговицы плаще. Лицо красное, обветренное, на голове военная панамка, рукава подвернуты, чтобы можно было

видеть кучу дешевых цветных браслетов, которыми он, как гремучая змея, трясет перед зрителями. А когда прыгает, видны браслеты на щиколотках. Дешевка, конечно. Спросишь: «Как там американцы в Афгане?» Он ответит: «Отфакуют их». Подумает и добавит: «Скоро и много раз». Видно, что будущее ему открыто.

В тот день Супер прыгал плохо.

Я постоял, посмотрел и направился к дому.

И на кривой зеленой улице имени космонавтки Терешковой под желтой кирпичной стеной строящегося дома, украшенного рукотворной надписью «Стройка незаконна» и такими же рукотворными кривыми буквами, складывающимися в имя «Женька», увидел Женьку Полынова, по прозвищу Ламба, а при нем Аньку и трех челов, по виду шпана с раёна. С Женькой мы дружили, правда, еще до того, как я уезжал в страну негров-афроамериканцев. В те времена Ламба мечтал убежать на Аравийское море — к сомалийским пиратам, а на самом деле и не пытался. Мелкие дела отвлекали. То выменивал мелкие купюры на крупные, то новые диски на старые. Увлёкся паркуром, лазал по отвесным стенам, и плевал на школу, потому что Женькин папа в начале перестройки накопил столько бобов, что теперь ничего не делает, а только пропивает нажитое. Часть, правда, оттяпала Женькина мама и свалила в Москву, оставив Ламбу при бабке. Он теперь типа бабенькин сынок, зато за ним числятся две квартиры — в одной он живет с бабкой, а другую сдает в наем. Так что, в этом смысле, жизнь бабенькина сынка вполне сложилась. Интегралы не брать, а калькулятором он владеет. И на руке не хилый браслет.

Меня крючит, когда вижу Аньку.

Штаны «али баба», черный топик, розовые кроссовки.

На запястье браслетик, попроще, конечно, чем у Ламбы. Но браслетики нынче на любую цену и на любой вкус, даже на Анькин. А на шпане с раёна вообще дешевка, прибыли из Бердска рулить. Смотрят на Ламбу. Неужели полезет на такую крутую стену? А он примеривается и посматривает на Аньку. Или наоборот, посматривает на стену, а примеривается к Аньке.

«Тут тринадцать этажей!» — войс у Аньки высокий.

«Он и до шестого не доберется», — кивает шпана с раёна.

А мне по барабану. Надо, я бы вызвал МЧС или пожарников, пусть они тоже лазают. Пожаров нет, землетрясений нет, пусть не застаиваются. Но вообще, паркурщики — это круто. Тис-тас, one-two. На голой отвесной стене не словчишь. Женька, наверное, всю жизнь искал, чем бы доказать, что он не ловчила. Правда, не знаю, чего приперся сюда. На городском TV недавно намекали, что в новый жилой комплекс Академгородка, строящийся якобы незаконно, большие деньги вложил мой папа. А он — человек известный, доктор наук. Привлекать лишнее внимание к себе не стоит. И вообще папа считает, что вкладываться стоит только во внутренний мир человека.

«Потому и живете в пентхаусе?» — намекают телевизионщики.

Ну и что? Из пентхауса мир виднее. Я, например, гнездуюсь в своей комнате в круглом кресле, смотрю на облака за окном и читаю книгу Митио Каку. Другие книги не прут. Сплошная крейза, заразиться можно. Вот мама недавно прочла Толстого, не знаю, какого, их всегда много, и теперь повторяет к месту и не очень: «Человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно». А ее подружка тетя Ада, женщина-седан с открытым верхом, поддерживает: «Все дело в среде». Когда я с книгой Митио Каку в глянцевой обложке торжественно шествую через гостиную в туалет, тетя Ада смотрит как гипножаба: «Что читаешь, малыш?»

«Митио Каку».

Специально подчеркиваю имя, чтобы не подумала, что читаю я то, что ей в ее больном воображении слышится. Форэве, тетя Ада! Глаза зырь, зырь, щеки румяные, ножки врозь, водить такую по яслям и садикам — детей пугать. Она о Митио Каку никогда не слышала, у нее муж биолог. А Митио Каку — физик, нобелевский лауреат, живет в США. В детстве своими руками собрал в гараже ускоритель элементарных частиц. Припер со склада обрезки трансформаторной стали, на них намотал чуть не двадцать миль медной проволоки. Японское терпение, не сибирский фак-сейшн.

Хотел создать мощный пучок гамма-лучей, чтобы пустить на распыл всю свою японскую деревню, а создал только магнитное поле, правда, в 20 000 раз превышающее земное. Наверное, все гвозди повывергивало из стен. Правда, в Японии гвоздей нет, одна электроника.

Так вот, про Женьку Полынова, про бывшего моего дружка Ламбу. Это у него драйв такой — лазать по стенам. Типа человек-паук. Того смотри, и Аньку научит. Он всему плохому учит хорошо. А я не хочу, чтобы именно Ламба ее учил. Потому и сказал: «Слышь, Анька. У меня полная инструкция к аюрведе есть».

Но Анька ко мне с полным презрением.

Все еще 12 августа

Горничная Люся шепнула, открыв дверь: «Саша, вам опять какой-то пьяный звонил. Двух слов связать не может». Дура Люся. Если двух слов связать не может, то почему пьяный? А если пьяный, то почему мне звонил, а не маме, скажем? Я молча побрел в ванную. Люся у нас — по природе сисадмин. Периодически проходит по комнатам и спрашивает: «Саша? Ты здесь, Саша?» Чтобы узнать, дома ли я. Пингует.

Ну, показал я себе язык в зеркалах, умылся и пошлепал в гостиную.

Там огромные окна, на мраморной каминной полке стоят статуэтки из Греции. Так мама говорит: «Из Греции». Комп на столике включен, мама зачем-то искала в Яндексе слово оргазм. Тут же распечатки с перечислением многочисленных аюрведических услуг. В самые древние времена индийские мудрецы, оказывается, уже думали о том, как предотвратить расслабление мозгов у тети Ады или снять напряжёнку между мамой и папой, когда они встречаются после долгих разлук.

Я залез с ногами в любимое кресло и решил подумать.

Хорошо бы придумать проект для Сколково. Микроволновка, у которой не сбрасываются часы после отключения электричества. Вот будет прорыв!

Небо за окном такое чистое и глубокое, что в нем можно утонуть.

Я однажды тонул в лесном пруду, и меня потом здорово рвало.

А однажды осенью в голубом небе летели стаи гусей.

Они уверенно летели. У них, как у опытных паркурщиков, все просчитано. Некоторые, наверное, окольцованы учеными, как, скажем, Ламба, тот еще гусь. Все с ума в последнее время походили от всех этих браслетов: куча модных бутиков, отделы в супермаркетах, специальные распродажи, шумные ярмарки. Пряма не страна, а семейка Адамс.

«Омолаживающий массаж для всего тела для расслабления с натуральными маслами для вывода токсинов, подбирается пот тип вашего тела...»

В распечатке так и говорилось: *пот* тип вашего тела.

Как в рекламе браслетов: «...*пот* тип вашего характера».

И дальше: «Аюрведа дает целительную гармонию Души, Тела и Мысли...»

Да, именно так. Заглавными буквами. Мама и тетя Ада даже и произносят это так — заглавными буквами. Они, кстати, были дома. Обе вдруг шумно появились в столовой, в кофточках от Армани, в шортиках, не знаю от кого. Сейчас об оргазме заговорят, затаился я в своей комнате, но они заговорили об Индии. Тетя Ада вернулась из Гоа. «Нет, ты послушай. К моему Леше — (это муж тети Ады, биолог, я уже говорил) — на пляже подвалил индус. Говорит, вид у тебя плохой, белый человек. А Леша мнительный, ты знаешь. Совсем у тебя плохой вид, трясет индус своими деревянными браслетами, у них там государственный язык английский. И показывает: за один такой вот волшебный браслет беру всего двести баксов! Бери! Нацепил браслет на руку, и никаких тебе болезней и переживаний, делай любые глупости, белый человек. Леша ко мне. Дай, говорит, человеку двести баксов. А человек этот и не человек, он больше на цыгана похож и браслетик у него — дешевка, пять штук на доллар. Говорю Леше: вот тебе двадцать рупий, дай своему человеку. А если попросит еще, скажи, что я вызову полицию».

Пиф-паф! Хеппи-энд! Тетя Ада любит счастливые концы.

«...разогретое лекарственное масло льется из специального сосуда в одну точку на лбу в области третьего глаза в течение сорока минут. Научно доказано, что это повышает уровень серонина в мозгу, который отвечает за настроение человека и назначается для снятия тревожного состояния и страха, депрессии, при эпилепсии, гипертонии, диабетической невропатии, укрепляет органы чувств, при бессоннице, при раннем поседении волос...»

Понятно, чем в Гоа занималась тетя Ада.

Снимала стресс, укрепляла органы чувств, боролась с признаками раннего поседения, торговались с продавцами дешевых деревянных браслетов. Кстати, за недельный курс аюрведы тетя Ада выложила восемьсот баксов (вдруг, правда, третий глаз раскроется?), зато за каждый браслетик торговалась до посинения.

Все еще 12 августа

Облака за окнами бесконечные. А на коленях книжка Митио Какү.

«...входя в комнату, мы мгновенно распознаем пол, кресла, мебель, столы и т.п. А робот, даже самый умный, входя в комнату, видит всего лишь набор линий, прямых и изогнутых, которые он сразу переводит в пиксели изображения. — (Похоже, Митио Какү под видом робота описывает тетю Аду). — Нам достаточно доли секунды, чтобы узнать стол или стул, а самый умный робот — (самая умная тетя Ада) — видит на месте стула или стола только набор кругов, овалов, спиралей, всяких прямых и кривых линий, углов и т.п.».

Тетя Ада и рассказывает как робот. «А потом мы, девушки, отправились на экскурсию в Старый Гоа. Ну, это бывшая столица штата, там до сих пор стоят действующие португальские храмы. Под ногами могильные плиты, так принято, чтобы покойники знали, что про них помнят. Скажу тебе, аура ужасная. Цифровики отказывают и энергетика падает».

А мама подтверждает: человек сам никогда не поймет, что хорошо, что дурно.

В общем, в Гоа — иезуиты, святой Ксаверий, целебное масло, старинные серебряные браслеты. Папа это определяет двумя словами: девичьи приبلуды. Он на все смотрит просто. Однажды (еще до отъезда в США) срочно понадобился папе поисковик. Он заглянул в лабораторию дяди Леша, тот говорит: «А вон у Ады комп свободен». Они тогда только-только поженились. Тетя Ада была скуластая, тоненькая, в белой юбочке, как ядовитый гриб. «Свободен, — говорит она папе, — а толку? Он в домен меня не пускает». — «Давно?» — удивился папа. — «Две недели уже». Папа сел за клавиатуру, переспросил имя, пароль. Все правильно: *Nosova_Ada*. Так и набрал. Даже переспросил: «Правильно?» Тетя Ада подтвердила кивком — правильно, а толку нет. Папа полез на сервак удаленкой, а там вообще нет никакой *Nosova_Ada*. — «Под каким же именем ты входила?» — «Да вон же, вон! — вдруг обрадовалась тетя Ада. — Под старой фамилией!» — «Под какой еще старой?» — «Да мы же с Лешенькой поженились!»

Облака за окном.

Митио Каку на коленях.

В гостиной голоса мамы и тети Ады.

Кухня в Гоа ужасная... Лепешки вкусные, а мясо острое... А молоко индусы не едят, у них коровы священные, шляются по пляжам, ничего не делают... Под окнами в Гоа цапли выкидывают голенастые ноги, другие катаются на смиренных волах, если те подойдут близко... Вороны умные, лобастые, пьют воду из поливочных кранов, купаются в озерах с лотосами... На песках морского отлива — бесчисленно мурен, разных рыб, медуз, крабов... Пальмы неподвижны, но вдруг без всякого ветерка начинает колебаться одна какая-то ветка, сильно причем, может, там обезьяна чешется, не знаю... «Надо бы сходить к Роману Данилычу, — в том же темпе перебила тетю Аду мама. — Я sny плохие вижу. Отдыхать совсем разучилась». И они засмеялись. Может потому, что академик Роман Данилыч Сланский совсем уже старенький, и с папой не

в ладах, а вот с мамой встречается и активно интересуется ритмодинамикой.

Пискнул мобильник: «Привет, урод!» Это Анька совсем взбесилась.

«Твои глаза меня смущают когда ты смотришь на меня как будто ты влюбиться хочешь а я давно люблю тебя». Ненавижу лирическую поэзию. Ненавижу штаны «али баба». А тетя Ада щебечет: «Индийские шаровары в этом сезоне ну просто незаменимы. В них удобно заниматься и фитнесом и йогой».

Я читаю Митио Каку и хочу жить уединено.

А тетя Ада говорит, что от сильных мыслей можно заболеть.

Правда, тут наблюдается некоторое противоречие. Не всегда понятно, что за чем следует: болезнь за сильными мыслями, или сильные мысли за болезнью? Знаменитый физик Стивен Хокинг, учась в универе, например, ничем особенным не выделялся. Фазер-мазер, фак-сейшн, до этого, может, не доходило, но в универе будущий нобелевский лауреат ершей гонял, академик Роман Данилыч Сланский был бы недоволен его ритмодинамикой. И постепенно стал юный Стивен примечать у себя симпотомы амиотрофического латерального склероза, он же ALS, он же болезнь Лу Герига, я об этом прочел у Митио Каку. То есть схватил будущий нобелевский лауреат неизлечимое нейродегенеративное заболевание. Ну, какой смысл получать степень доктора философии, если все равно умрешь?

Я шевельнул затекшей ногой.

Точнее, хотел шевельнуть, а она не шевельнулась.

Наверное, вот так всё и начинается. Заболел! Сейчас обнаружу и другие симптомы неизлечимого нейродегенеративного заболевания. Но тут, правда, моя нога отошла, покрылась живыми мурашками. А Стивену Хокингу не повезло, ему пришлось сосредотачиваться на работе. Что еще делать, если заболевание неизлечимо? Для начала занялся Хокинг черными дырами. И не просто занялся, а доказал, что черные дыры, вообще-то, не совсем черные. Они потихонечку излучают то, что физики

сейчас называют излучением Хокинга. Указанное излучение способно просочиться даже через гравитационное поле черной дыры. «Как и предсказывали врачи, — писал Митио Каку о своем друге, — болезнь Лу Герига вызвала у Хокинга паралич рук, ног, даже голосовых связок. К счастью, все происходило гораздо медленнее, чем врачи думали первоначально. В результате знаменитый физик пережил уже многих вполне нормальных здоровых людей, стал отцом троих детей, в 1991 году развелся со своей первой женой, через четыре года женился на жене человека, который сконструировал для него голосовой синтезатор, а в 2006 г. подал на развод и с этой женой...» Вот это ритмодинамика!

Анка — дура. У нас тоже могло быть трое детей.

13 августа

Сегодня прилетел на три дня папа.

Я утром услышал голоса в кабинете.

Говорил какой-то хич-хайкер, голос полный пыли.

Наверное, автостопом добирался до моего отца. Услышал, что можно встретиться с таким-то и ринулся. Теперь шумел, требовал разогнать сразу несколько каналов TV, создать мировой сумасшедший сайт, созвать народы мира на форум. Ага. Будут там зоологические существа писать всякую беду. Вон Зайка Зайцев демонстрирует с экрана запястье, обхваченное серебристой змейкой, дескать, ему уже и таблетки не нужны, давление нормализовалось. «А за покупку волшебной змейки в модном бутике получишь в довесок бутылку немецкого одеколона». Да сколько можно? — возмущался хич-хайкер, добравшийся до моего папы. Уже в клуб без контрольного браслета не войдешь! Из ресторана без контрольного браслета не выйдешь! Нет, нет, хрипел он расстроенным пыльным голосом. Русский народ, Александр Александрович, нуждается в радикальном политическом движении. В движении среднего класса! Средний класс нынче самый массовый! Он двигает сердцами, общением и планетами! Он влияет на все текущие процессы!

Появится такая партия, Александр Александрович, хрипел хич-хайкер, каждый сразу поймет:

- а) жизнь не прошла мимо;
- б) ваша работа замечена всеми;
- в) о вас знают все, кто раньше о вас и слышать не хотел!

Клёво, подумал я. А папа, глупый, твердил что-то про цветы и бульдозеры.

Вообще-то я насчет цветов и бульдозеров не всё понял, но ясно представил огромный выставочный зал, стеклянный, с колоннами. Кругом чудесные скульптуры, горшки с цветами, а навощенный паркету взрыт тяжелыми вонючими бульдозерами. «Поехали на кантри!»

Когда хич-хайкер исчез, я заглянул в папин кабинет.

Увели папу. Не успел дома появиться, а уже увели. Обычно ящики рабочего стола заперты на замки, а сегодня один даже выдвинут. Мне это фиолетово, но все-таки заглянул. Бумажки евро, заграничный паспорт, целая россыпь цветных кругляшек. Я подумал, что это монетки, но никаких изображений на аверсе не было, а на реверсе вместо цифр красовались английские буквы *OBE* с завитками. Пусть эта сторона и будет орлом, решил я. Подбросил, и мне выпал орел. Счастливую кругляшку я сунул в карман, а из стопки школьных тетрадей, лежавших на столе, прихватил одну — прямо из середины. Если мама ищет в компьютерном поисковике незнакомые ей слова, то о чем пишет в школьных тетрадках папа?

А он скоро сам появился.

Мы с ним, в общем, без нежностей.

«У вас в школе милицейские проверки бывают?»

Я пожал плечами. Еще бы! У нас школа на особом счету.

«И каков улов?»

«Считай никакого».

«Это как понимать?»

«Ну, отберут немодный браслет».

«А кому они мешают, эти браслеты?» — осторожно спросил папа.

«Ну как...— объяснил я. — Трещат, блестят, преподам не нравятся...»

«А где ребята игрушки приобретают. Ну, браслетики. Не дешевые ведь».

«Да где угодно! На Морском возле «Пиццы». В торгашке. В китайском кафе. На конечной остановке есть маленькая мастерская».

«Тоска, — вздохнул папа и подошел к окну. Tic-tac, one-two. — Чего это пьяные дружки тебе постоянно звонят?»

«Это только Люся говорит, что пьяные».

Папа потер седой затылок ладонью. Никаких признаков раннего поседения — сплошь седой. Когда твои мама и папа целуются, однажды призналась мне Анька, аж противно, какие они у тебя красивые.

«А с кем ты сейчас водишься?»

Терпеть не могу душевных разговоров.

Вся эта мамина-папина тёрка о счастье и мечтах. Меня сейчас вырвет.

Я с разными пацанами вожусь, даже с такими, которых Люся в дом не пускает. Зато Аньку она принимает за ангела. Анька, когда удивляется, у нее ресницы — хлоп-хлоп, а из глаз — чудесные звёздочки. Водится, правда, с паркурщиками, глаза бы мои на них не смотрели: башмаки до жопы и смех по любому поводу. Лучше не затовариваться такими мыслями.

«Да ни с кем я не вожусь».

«Но есть же у тебя приятели!»

«Они все зафакованные. Их только от налички тарашит».

«А Женька? Ну, который Ламба? Он к нам когда-то в дом ходил, я помню».

Я пожал плечами. Ну, Ламба. Ну, бабенькин сынок. Паркур меня не заводит. Ламба — придурок, он думает, что всегда будет так, как сегодня. Он думает, что завтра так будет, и послезавтра, и через год. Днем словчил — удивил Аньку, мамочка денег скопила еще больше, папочка еще больше пропил, вечером — залез на многоэтажку, ну да, все так, но вот однажды проснется: а Аньки нет, а мышцы расслаблены, а мамочка далеко, а папочка все пропил. Анька тоже не думает ни о чем. Но если рассудить, то зачем писать сочинение, зачем задачку решать, если из Интернета

можно скачать? Препод придираться не будет: он знает, что Анькин папа работает на доктора Холина, то есть на моего папу. А кто работает на моего папу, тот живет, как в другой стране. Им зарплату выдают валютой — вовремя и по полной. Старший сын нашей школьной буфетчицы работает охранником, зарплату платит ему мой папа, поэтому никакая сорока-воровка меня не отравит и не обжулит, лучше сама надкусит подозрительный пирожок. От охранника, правда, тянет дешевым табаком, мне это фиолетово, но однажды Анька пожаловалась. Я только и сказал охраннику: «Курить вредно». Так тот даже усы сбрил. «Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблучков, Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником».

У нас школа особенная. У нас там одно говно, если говорить по-французски.

Я на 99, 9% уверен, что все люди в мире — идиоты, а наши препода в особенности. До них это даже не допирает. Кроме себя они никого не слушают, а жалуются только на то, как мир к ним несправедлив! «Чем быстрее уберете класс, тем быстрее пойдете мыть коридор». И тут же: «А вы, Холин Саша, пойдите в физический кабинет, там привезли новые приборы». Совсем затрахали. А завуч вообще неизлечимая. А биологию читает фрик из новеньких. Весной рассказывал про муравьев, которые способны поднимать тяжести в десятки раз больше собственного веса.

«Чего он так пучит глаза?» — не поняла Анька.

Я объяснил: «Это он своим собственным словам удивляется».

А фрик своё: «Если бы муравьи выросли до размеров слона, они бы запросто груженные железнодорожные составы разворовывали!»

Я руку поднял.

«Да, Саша Холин. Пожалуйста».

«Если муравья увеличить в тысячу раз, — сказал я, прикинув, — вес муравья увеличится тоже в тысячу раз. Всё пропорционально объему. Теперь прикиньте, как такой тя-

желенный муравей будет таскать железнодорожные вагоны, у него от собственного веса яйца отвалятся».

Анька в этом месте поаплодировала.

Нравятся мне черты Анькиного лица, — про ее нос и глаза я потом расскажу отдельно. «В рыжих молния никогда не бьет», — хвастается. — «Зато, — говорю, — если пароход терпит крушение, тонут только одни рыжие». — «Да ты чё? Они тяжелее воды, чё ли?» Прикольно, но с девчонками главная проблема не в этом. Когда говоришь: «Девочки, пойдемте ко мне аниме смотреть», одни думают, что ты их трахать собираешься и — не идут, а другие думают, что ты их трахать собираешься, и — обламываются.

А с Анькой не так. У нее черты лица особенные.

Только так подумал, а Анька тут как тут — позвонила.

Папа отошел к окну, демонстрируя высокую воспитанность старшего поколения, которому во всем следует подражать, ну, и я тоже поиграл в воспитанность: переключился на громкую связь, чтобы папа ничего лишнего не подумал.

«Сашка, идешь вечером?»

«В этот ваш крейзи хаус! Там куча фриков».

«Да ну! Там самые обыкновенные люди. Ну, угорают под электроклэш».

Я Аньке не верю, на папу не смотрю, хочу выглядеть бережливым, скромным.

«Не хочу я тратиться ни на какие браслеты? Все равно там прыгают одни голые обезьяны!»

Но Анька хитрая дура. Она тут же выкатила скачанную из Интернета цитату: «Объект истинной любви всегда защищен воспитанностью». Краем глаза вижу: даже папу от таких слов крючит. Не выдержал, вышел из комнаты.

Помните, в начале я написал: «Я Саша Холин. Мне почти шестнадцать лет. Я читаю Митио Каку и не верю в Бога. Еще я схожу с ума от разных людей, даже от тех, которые способны на подлость. Я от них тащусь. Еще я не ношу браслет, считаю это унижительным. Не играю в лотерею, не интересуюсь распродажами. Вообще у меня гора принципов и я много накручиваю».

Ну, так это я врал.

13 августа

А тетрадка, которую с папиного стола, оказалась дневником.

«...гены отвечают за 50 % всего разнообразия людей по уровню интеллекта, и за 28—49% по степени выраженности пяти “универсальных” свойств личности: уверенности в себе, тревожности, дружелюбия, сознательности, интеллектуальной гибкости...»

Прочтешь такое и думаешь, а что там дальше?

А дальше так. «Вопреки широко распространенному мнению, что, прежде всего, среда определяет поведение человека и животных — последние исследования показали, что наследственность диктует специфические черты человеческой личности, в то время как окружение мало влияет на интеллект и некоторые аспекты личности. Это объясняется уникальностью восприятия одних и тех же событий в семье каждым ее членом. Например, братья и сестры имеют только половину общих генов, и их генотипы по-разному могут проявляться в ответ на одни и те же действия родителей. То есть, одинаковые наказания будут формировать у братьев и сестер разные черты и привычки...»

Я и сам так думал. Одному дашь по шее — он на глазах умнеет, а другой...

Я хотел отнести тетрадку в кабине, но что-то меня в ней зацепило. Некоторые фразы в свой дневник папа, похоже, заносил задним числом, вписывал то на полях, то над строками. Может, книгу собирался писать. Люди разумные, так я понял, отличаются от высших обезьян только каким-то там геном, влияющим на эмоции. И еще я понял, что у папы и у его современников, ну, в их каменном веке до перестройки, тоже, как и у нас, кипели немислимые страсти. Какой-то Виталик из лаборатории академика Сланского в восьмидесятые годы прошлого века все время мотался в Москву. Папа прозвал его летающим Ихтиандром. Такая была у Виталика ритмодинамика. В Москве он часто встречался с разными генералами и с академиками, мне это фиолетово, но папа указанного Виталика называл про-

фессор толерантности. Когда понадобилось кому-то лететь в Душанбе, конечно, отправили туда Виталика.

«Везде разговоры о приватизации. Старик старается не говорить про это...»

Старик — это академик Роман Данилыч Сланский. Я сразу догадался. Он, оказывается, уже в каменном веке был Стариком.

Я читал дальше.

«...в лаборатории появилась эта девка из Таджикистана.

Имя — Парвана. Лицо круглое, темное от рождения, и глаза темные.

Сашка нам пояснил: в Иране сыздавна существует женское имя Парвин, оно означает — Созвездие, ни много, ни мало. Но в советском Таджикистане все меняется, поэтому там говорят не Парвин, а Парвана. Может, это влияние русского языка, не знаю. Мне Парвана не понравилась, хотя, в общем, претензий к ней не было. Сидит себе в углу лаборатории, тихая, как загорелая мышь, — (это папа так прикалывался), — занимается расчетами, вздрагивает при каждом шуме. А мы обсуждали и обсуждали, и никак не могли решить, на кого все-таки выходить с новой темой. На партию? Но позиции КПСС в последнее время сильно колеблются. На силовые структуры? А не рухнет ли весь этот КГБ под давлением обстоятельств? На чиновников? Они живучи. Да, чиновники живучи. Но на кого конкретно опираться? Старик всего боится и постоянно ссылается на шахтеров, которые стучат касками на горбатом мосту в Москве перед Белым домом. Хорошо, Виталик вернулся из Душанбе...»

И тут же карандашом: «Мы с Варькой снимали квартиру в Нижней Ельцовке».

Варька — это моя мама. В каменном веке они так обращались друг к другу, человеческих слов у них было тогда мало. Овца и олень — это потом появилось, когда Ламбы и Аньки поналезли отовсюду. Я уж не говорю про косяк или тормоз. В каменном веке всё воспринималось не так. Про лузеров и тусню никто не знал, а пентхаусов вообще не было.

«...Старик не приехал, — читал я дальше, — зато были Толик, Саша и Миша. А Виталик, конечно, привез Парвину. Толик — хороший химик, не надо ему заниматься вопросами финансирования. Он когда о финансировании говорит, глаза становятся узкими, он начинает всех не любить. Зато он вывел стабилизирующие уровни наших “обээшек”. И на корректирующем уровне был очень заметен, только в последнее время немного увял. Парвана его нервирует. В темном платье, как цыганка. И таджикский коньяк у него вызвал шок. Виталик, конечно, не удержался: “Теперь у нас много такого будет!”

Откуда?

Вместо ответа Виталик победоносно посмотрел на Парвану.

Она, конечно, опустила голову. А Виталик спросил у нас: помните, что было в феврале? Мы не помнили. Ну, переговоры шли с Министерством обороны, вот что было, напомним Виталик. Военные готовы были выложить деньги, но какой-то Грабовой (выяснить, что за фигура?) военным отсоветовал. Если, дескать, все равно дезертирства и дедовщины в армии не избежать, то зачем тестировать всех? Он скоро научится воскрешать погибших солдат.

Под хороший коньяк разговорились.

Поначалу профессор толерантности ничем особенным нас не удивил.

Мы и сами видели по ящику все эти демонстрации в Душанбе. Куда не ткнишь, везде одно и то же. Даже лозунги примерно одни: “Свободу нации!”, “Свободу религии!”, “Долой правительство!”

Странно, что и в Таджикистане все то же.

А ведь там (Парвана подтвердила кивком) религию не притесняли. Всегда в Таджикистане были мечети, церкви и синагоги. И новое правительство избрано недавно, вряд ли могло что-то такое натворить, чтобы толпа вырвалась на улицы города. “Верно, Парвана?”

Черная таджичка кивала.

“Любая демонстрация начинается с провокаций”, — шурился Толик.

“А так там и было. Сперва не обращали внимания, считали, что пусть люди поорут, их никто не слушает, успокоятся. Но потом появились какие-то не местные. У них даже акцент был другой. Верно, Парвана?”

Таджичка кивала и смотрела в чайную чашку, будто видела в ней будущее.

“Там все площади расцвели от тряпья, — разошелся Виталик. — В Душанбе даже нищие бродят в цветных лохмотьях. Я сам надевал цветной халат и присматривался. Лидеры демонстрантов быстро вошли в раж. Они уже требовали отделения Таджикистана от России, и нового передела Средней Азии. Палатки вырастали на площадях как мухоморы. В свободное от работы время горожане всеми семьями приходили в центр, чтобы посмеяться над глупым сборищем. Туда же шли иностранные журналисты. И туда же пёрли люди с не местным акцентом. Лозунги, транспаранты, зарубежная пресса, телевидение. В близлежащих к площадям магазинах появились невиданные товары, в парках открывались лавки с восточными сладостями. Народ гулял. Одни стояли за великую демократию, другие за создание великой Исламской Республики. Вот только лабораторию, в которой я должен был закупить оборудование, — покачал головой Виталик, — разгромили. Думаю, случайная толпа. Шли мимо, увидели русские надписи и разбили в хлам. А демократы в отместку выдрали автокраном памятник Ленину и переименовали центральную площадь в площадь Озоди — (“площадь Свободы”, — кивнула Парвана), — и поставили памятник какому-то своему мужику в таджикской одежде. А исламисты в ответ переименовали свою площадь у дворца президента в площадь Навруз — (“площадь Весны”, — кивнула Парвана) — и тоже что-то на ней поставили...”

“Зачем ты всё это нам рассказываешь?”

“Сейчас поймете, — сказал Виталик. — Наполните рюмки!”

Миша наполнил. Впрочем, рюмки он бы наполнил и без повода.

Виталик весело кивнул. Потом сказал: “Там по всему городу носились машины с демонстрантами. И однажды появилась молодая женщина. Учтите, это восток. Все де-

монстрации обычно водят мужчины. Иначе быть не может, верно, Парвана? — (Таджичка кивнула). — А тут на тебе! — У Виталика весело блеснули глаза, и Парвана ревниво сжалась. — Вдруг молодая красивая женщина прёт в открытой легковой машине по проспекту Рудаки с мегафоном в руках и призывает восточных горожан выходить на площадь!”

“Кончай травить. За что пить будем?”

“Потерпи. Сейчас главное, — выдал Виталик: — На площади Озоди мужики взялись за пояса, один к другому, а эта красавица сошла с машины и положила волосатые руки ближайшего демонстранта себе на пояс, на крутое бедро. И так они все, как один, пошли по кругу, как дикари на картинках к “Робинзону Крузо”. — (Парвана ревниво наклонила голову). — И каждый выкрикивал: “Озоди!”

“Как на юморине в Одессе, что ли?”

“Да нет, не как в Одессе, — раздражился Виталик. — В Душанбе волосатые мужики уже знали, чего они хотят. И интереса к белой красавице не скрывали”.

“Так за что пьем? — не вытерпел все же Миша. — За дам? Я правильно понял?”

Виталик Мишу проигнорировал. “Они там шли круг за кругом, постоянно меняясь местами, и каждый как бы случайно старался ухватить предводительницу ниже пояса, но она умело и терпеливо перемещала волосатые руки куда надо. — (Парвана сжала губы, вся сжалась в комочек). — “Свобода!” И толпа вторила: “Озоди!”

“Ну и что в этом такого?”

“А вы помните Светлану С.?”

“Еще бы! — обрадовался я. — Мы с ней работали по просьбе Обкома”.

И Сашка обрадовался: “Точно. Потом мы же ее рекомендовали на работу в Таджикистан. Неужели наша рекомендация сработала?”

“У меня на этот счет было особое мнение”, — открестился Миша.

И вовремя открестился. “На третий день, — рассказал Виталик, — эта наша Светлана С. очередную демонстрацию в Душанбе превратила в бойню”.

“Вот видите! — сплюнул Миша. — Я сразу говорил, что эта дамочка наломает дров. Чем устойчивее и жестче взгляды, тем чаще они входят в резкое противоречие с действительностью”.

Парвана смотрела испугано, а мы заговорили одновременно.

Это успех! Это был несомненный успех. Мы научились выявлять склонности, мы можем с уверенностью указать на скрытые возможности исследуемых нами личностей, мы можем стабилизировать неустойчивые характеры. Ритмодинамика выявляет все! От себя не спрячешься! Короче, по известным нам признакам мы теперь уже можем определять, способен ли вот этот конкретный человек на конкретные волевые движения, или останется тихим волом на всю жизнь...»

«Если бы Руцкой, — писал дальше папа, — успел поддержать нас, все могло решиться проще и раньше. Вице-президент России сильно заинтересовался, каким образом среди незаметных тихонь, серых мышей можно вовремя выявить возможных лидеров? Ничего, в общем, странного. Руцкой был военным человеком, он без особых размышлений выдал Виталику список людей, интересовавших его. В список попали премьер-министр, госсекретарь, министр печати и информации, председатель Госимущества... Энцефалограммы и все прочее на этих людей нам было обещано доставить позже. Сейчас я думаю, что одиннадцать чемоданов компромата на коррумпированных чиновников, упомянутые в апреле 1993 года вице-президентом Александром Руцким в докладе Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией, предназначались для нашей лаборатории в Академгородке. Уверен, для нас, все одиннадцать. Но сорвалось, сорвалось. А жаль. Мы ведь несколько раньше уже получали из Москвы документы на крымских татар — активных участников московских акций...»

Между строк папа вписал: «Ремзи Абдулмеджидов, Ребер Аблаев. Сервер Ислямов...»

И дальше: «...через два дня меня вызвали к Старикю. В кабинете сидели два молодых человека. Описывать их нет смысла, при всех режимах такие молодые люди похожи друг на друга и смотрят одинаково проникновенно.

“Вот товарищи интересуются...”

Я молча посмотрел на товарищей. Ну, прямо близнецы. Двуйцовые. Тот, что казался любезней, назовем его левыйцовым, — (это папа так прикалывался), — правильно понял мой взгляд и не стал тянуть: “Вы хорошо знаете сотрудников своей лаборатории?”

“Вас интересуют личностные характеристики?”

Молодые люди переглянулись. Мой ответ им понравился.

На их языке, насколько я сейчас понимаю, это называется склонить к сотрудничеству. Они решили, что я слабак, чмо сизое, что они вот так сходу склонили меня к сотрудничеству! Упустили, придурки, на минуту выражение глаз академика Сланского.

“Личность, — официально пояснил я, — это неповторимая совокупность биологических и социальных свойств человека, важнейшими из которых являются социальные составляющие, проявляющиеся обычно в общественной деятельности человека”.

Двуйцовые переглянулись.

“Если вас действительно интересуют личностные характеристики, — продолжил я, — то ничего сложного. Вот, скажем, Виталик. Извините, Виталий Ильич. Фамилии называть? — Правыйцовый, он, наверное, был старшим в паре, отрицательно покачал головой, фамилии сотрудников лаборатории они знали лучше меня. Весь род каждого знали, наверное, до пятого, а то и до седьмого колена. — Из чего складывается личность? Правильно. Из потребностей, интересов, идейных и практических установок. А еще из чего? Правильно. Из способностей, в основе которых лежит природная одаренность. — Даже Старик моей импровизированной лекцией заинтересовался. — Если вас интересует конкретно Виталий Ильич, то скажу так: личность это гиперактивная, с ярко выраженной склонностью к авантюризму

и риску. Правда, большей частью демонстративному. Любит внимание, легко забывает о просчетах. Несомненно, умеет приспособливаться, знает оптимальный подход чуть ли не к любому человеку...”

“Но у вас же серьезная лаборатория!”

“Потому и люди разные”.

“А некая Парвана...”

“Понимаю... — кивнул я. — Некая Парвана, как вы говорите, она человек тщательный и методичный. Дисциплинна по сути. — Я не собирался расшифровывать им специальные термины, пусть сами работают мозгами, в конце концов, их скорбный труд оплачивается нами, налогоплательщиками. — Постоянно пониженное настроение, грусть, замкнутость. Хотите знать, почему в душе Парваны доминируют такие настроения? — Нет, этого они знать не хотели. — Конфликтность таких людей, — пояснил я, — обостряется в ситуациях, требующих немедленного разрешения”.

Они кивнули. Они, конечно, учтут сказанное.

“А некая Варвара Ильинична?”

Простая воспитанность подсказывала, что Варьку — мою жену — можно было пропустить, но однойцовые близнецы понятия не имели о воспитанности. Они путали воспитанность с напускной вежливостью.

“Варвара Ильинична? — Я посмотрел на Сланского, и академик отвел смущенные глаза в сторону. — Варвара Ильинична — тип циклоидный, часто переживающий смену настроений. Это эмотивный тип, скажем так, чувствительный и ранимый, глубоко переживающий малейшие неприятности”. Я хотел добавить, что в последнее время Варька, то есть Варвара Ильинична, ходит кислая, прямо как независимый эксперт, но сказанного оказалось достаточно.

“А Михаил Иванович? — спросил левойцовый. Он видел, как активно и добровольно я сотрудничаю с ними, и испытывал гордость за хорошо делаемую работу. — Как вы определите Михаила Ивановича?”

“Как тип исключительно педантичный”.

“А Анатолия Сергеевича как охарактеризуете?”

“Как исключительно прекрасного химика и спортсмена”.

“А Александра Тихоновича?”

“Послушайте, — все-таки не выдержал я. — Может, положить на стол список книг, которые Александр Тихонович читает в нерабочее время, и список людей, с которыми он встречается? Хотите, я охарактеризую вам и действительно члена Академии наук СССР академика Сланского и его первого помощника доктора биологических наук Александра Александровича Холина?”

“Спасибо, ваш тип нам ясен, — нашелся левояйцовый. Решил, что такие слова сгладят впечатление. — Мы удовлетворены, Александр Александрович”.

Но я не сразу остановился. Я еще нес что-то о типах тревожных и экзальтированных, а потом перешел на тип комфортный. Старик кивал, он совсем успокоился. Он уже понял, что о нашей работе я не собираюсь сообщать ничего серьезного. Мы в те дни как раз подошли к результатам, пугающим Старика. Мы с блеском отработали методику тестирования и научились, наконец, снимать исключительно точные комплексные ритмодинамические характеристики. Думаю, наши гости знали о многом, о многом догадывались, но до главного не дошли. И я, как Сусанин, старался как можно глубже завести их в лес психологических спекуляций. И завершил выступление проникновенным вопросом: “Вы, наверное, хотите подключиться к финансированию наших работ?”

Наконец, они улыбнулись., и правояйцевый подвел итог.

“Мы проанализировали работу вашей лаборатории, Александр Александрович, — сказал он. — Есть мнение, что уверенные выводы ваших сотрудников все-таки далеко не всегда уверены. Не так ли? И есть мнение, что методика некоторых ваших исследований все-таки нуждается в уточнениях...”

“К чему вы клоните?”

“К тому, что в связи с уходом уважаемого Романа Даниловича Сланского на заслуженный отдых, — (услышав это, академик непонимающе развел руками), — ваша лаборатория будет передана в отдел социальных исследований

Хабаровского института социальных проблем. Пожалуйста, подготовьте к передаче нашим специалистам все без исключения файлы, бумажные документы, чертежи, методику, аппаратуру. Хватит вам трех дней?”

Я мрачно покачал головой.

“Ну, хорошо. Даем вам неделю”.

Я еще мрачнее кивнул. Старший закончил:

“Спасибо за понимание. Мы были в этом уверены”.

Только жизнь — она сложнее. На другой день президент Ельцин распустил российский парламент, а парламент в свою очередь с этим не согласился и уволил президента. С этого всё и началось...»

2009 год.

15 августа.

Я пришел домой ночью. Точнее, под утро.

Дверь открыла Люся. Она была в халате, сонная, от нее хорошо пахло, но голос был злой: «Саша, где вы были?» Я, конечно, не ответил. Говорить с Люсей — себе дороже. А когда она заявила, что обо всем расскажет маме, заявил:

«Тогда и я ей расскажу».

«О чем это еще?»

«Ты с папой целуешься».

«Вот дурачок! — Люсе уже тридцать пять. Последние восемь или девять лет она живет у нас в отдельной комнате с арочными окнами, такая вся преданная, что папа и мама ей во всем верят. — Иди в ванную, отлежись».

«А ты посидишь со мной?»

«Иди!»

Я пошел.

Начал раздеваться, и отражения в вертикальных зеркалах и на потолке ванной хитро подмигивали мне фонарем под левым глазом. Люся вошла в ванную все в том же халатике, не переодеваться же из-за меня, и примирительно спросила:

«Дрался?»

Я не ответил.

«Лезь в воду».

Я послушно залез.

Люся присела на скамеечку.

Она так же сидела у ванны, когда я маленьким был.

«С кем ты водишься? Тебе опять пьяный звонил».

Я покивал. Вся моя смелость улетучилась.

«Ты пил?»

«Я не пью».

«А с кем дрался?»

«С охранниками в крейзи хаусе».

«А я думала, из-за Ани», — разочарованно протянула Люся.

Я тоже хотел так думать. Но там было тесно. Там было шумно. А на входе потребовали: «Руку!» — «Он в первый раз», — пискнула Анька. Мне ее войс не понравился. Она будто боялась или заискивала. В расширенных зрачках, уменьшаясь и увеличиваясь, плясали жгучие огоньки. Кто-то завопил, загремели медные тарелки, перебивая все другие инструменты. «Да подними ты руку!», — пискнула Анька. Я поднял, и мне насунули браслетик. Одноразовый. Теперь, с этим контрольным браслетиком, можно выходить из крейзи хауса пописать и покурить хоть на природу, никаких проблем. Правда, снять его нельзя, не испортив, тут все продумано, на дешевке не сэкономишь. Анька так и крутилась, так и прыгала передо мной. «Ну, почему я не родилась пацаном?» — «А ты у отца спроси». — «У отца?» — «Ну да, у него же хромосомы разные». — «Биолог, блин!» — А я подумал: зря я пришел. Если человек (Анька) так вертится и прыгает, то значит, это не для тебя. Но в царстве спектральных вспышек смелости прибавилось, я сам задержался и запрыгал. Там все прыгали как зайцы. А потом Аньку отнесло в сторону, ее как бы поток увлек. Но мне это фиолетово. Как разлучило, так и случит. Я дергался, вопил, а потом оказался в туалете. Потный, сделал свои дела, но на выходе какой-то олень ухватил меня за руку: «Это ты с Анькой пришел?» И ловко сорвал браслет с моей руки.

Он был усатый.

Усы всех делают противными.

Я молча протянул руку: верни игрушку, олень!

Но олень только качал рогами: «Вали отсюда», и копытами растоптал мой браслет. Все это происходило замедленно, я будто научился замедлять мысли.

«Вали отсюда», — повторил олень.

Никакой злости в голосе, просто не любил, наверное, когда к Аньке лезут.

«Меня же не пустят обратно».

За плечом оленя появился охранник.

«Он мне браслет испортил» — пожаловался я.

Охранник засмеялся и развернул меня к выходу. Мы оказались в коридоре, но и там свет метался, прыгал, мелькали лица красные и синие, даже оранжевые, ревели басы, трещали, как горох, дешевые пластиковые браслетики. Охранник тащил меня за шиворот, у него точно ни сын, ни брат не работали у доктора биологических наук А.А. Холина. Никто внимания не обращал. Может, Анька видела нас, но она тоже внимания не обращала. Я даже увидел ее через вдруг широко распахнувшиеся двери. Анька прыгала в цветной толпе, как бешеная, а олень протискивался к ней.

«Мне на входе дали браслет», — пояснил я охраннику.

«Бесплатный?»

«Ну да».

«Теперь всё».

«Что значит всё?»

«Теперь бери платный».

«Я денег с собой не взял».

Он засмеялся. Что, мол, непонятного? В первый раз браслет получаешь бесплатно, а во второй раз — плати. И в третий — плати. И в четвертый. Такая последовательность, объяснил он мне, как маленькому. Я на всякий случай подошел к кассе. Мысли у меня все еще были замедленные. Только что прыгал, как козел, и сразу такой тормоз. За шикарной витриной кассы висели сотни, может, тысячи разноцветных браслетов. Некоторые и не походили на браслеты: цветные линейки, прямоугольники, куски яркой ленты. Но приложи такую ленту или линейку к руке, они сами собой обовьют запястье, и прыгай, сколько хочешь. Были там одноразовые браслеты. Были с отрывными ку-

понами. Были латексные, эти от пота с руки никогда не слетят, не покоробятся. Были силиконовые и серебряные, как у Аньки. «Поддержим братьев наших младших». Были даже с такими вот добрыми надписями.

«Чего тебе?» — бешено обернулся я.

Охранник даже отшатнулся, как от волчонка.

«Тут нельзя стоять. Или бери браслет, или уходи».

На мои слова: «У меня денег нет», охранник снова жестом указал: сваливай. И смешно оттопорщил усы, хомяк в форме. Когда такие с девчонкой целуются, неужели им усы не мешают? Я сунул руку в карман, охранник отступил на шаг, а в руке у меня оказалась оранжевая кругляшка. Та самая *ОВЕ*. Которую я в папином столе взял. Я и забыл, что она в кармане. Ничем кругляшка не напоминала браслет, но у охранника усы еще больше оттопорщились: а чего, мол, тогда молчишь?

Он вдруг показался мне сморщенным и противным, ведь даже на папу не работает. Обычный пипл с улицы. «Форэве!», — сказал я ему и решительно толкнул двери в зал. И меня охватило вспышками, треском и перезвониванием браслетов, они там скопились в дурном воздухе, как гремучие змеи. Огромная толпа прыгала и ворочалась под зеркальными отражателями. Я шел сквозь мечущиеся лучи, визг, вопли, меня толкали. Аньку я не видел, зато какая-то веселая морда заглянула в мой мир, как в окно. Хотелось подпрыгнуть и завопить и крутиться, присесть вместе со всеми. Сплошной драйв, фак-сейшн. Рыжая футболка под номером 261 безостановочно крутилась передо мной. Я так думаю, в нашей стране резко увеличился процент людей с нахрен обезбашенными мозгами. То нацыки с кувалдами поганят ленинов, то фрики кривляются на экранах. Я ржал с того, что у главного фрика страны есть твиттер, где выкладывается его нытье по поводу того, как его лошат, и как он никак не может один спасти страну. Я оттолкнул оранжевую футболку. Я искал Аньку. Я пробивался сквозь дым и рев, как через Бородинское сражение. Оранжевая футболка прыгала передо мной: «Я тебя знаю!» Я отталкивал оранжевую футболку: «А я тебя не знаю». Сейчас, наверное,

и этот козел, как некоторые папины посетители, предложит мне создать аккаунт в контакте для «правильной молодежи». Я в аххуе от далбоебических уебаннов. Лучше бы удаляли их, как удаляют спам. Эти зомбяки меня напрочь пугают. Я пер, как бульдозер, сквозь плотную, прыгающую толпу. Ненавижу зайчиков. От них пахнет. Они хотят, чтобы я нюхнул их горячки. А я искал Аньку. Она рыжая, а это не просто цвет волос. Это особый сигнал. Это знак принадлежности к особой категории людей. Если у тебя пламенные волосы, а в душе огонь, значит, ты точно рыжий. Надо будет зарегистрироваться в проекте redpeople.org. Я так и пер сквозь толпу, и кто-то мне крикнул: «Штаны снимем!» — «Ага, испугали», — показал я оттопыренный средний палец. И кого-то оттолкнул, протискиваясь. Теснее было только в городской электричке, когда мы с Анькой в июле ездили на природу. Я тогда хотел развести Аньку на секс, а она все время пыталась понять, что такое любовь. Ну, само собой, любви не существует, это-то она понимала. Ну, может, в прошлом была, при наших предках, в каменном веке, это она тоже могла допустить. Но не сейчас, правда? Я кивал и старался держать свою руку где-нибудь в правильном месте. «Когда у бабушки начался артрит, — быстро-быстро говорила Анька, — она не могла больше наклоняться и красить себе ногти на ногах. Тогда дедушка стал делать это для неё, даже когда у самого артрит начался». — «Никакая это не любовь, — спорил я, держа руку в правильном месте. — Он же ей клялся». — «В чем?» — «Ну, быть вместе в радости и в горе». — «Какая же радость, если артрит?» — «Ну, в горе». Мою руку Анька не отталкивала, и я мирился с ее тупыми предположениями. «Если хочешь научиться любить, начинай с такого друга, которого ты терпеть не можешь». — Я ей, наконец, прямо сказал, что обо всем этом думаю. А она сказала: «Убери руки». Тогда я решил сыграть на ее поле: «Любовь — это когда ты говоришь, что тебе нравится моя футболка, и я надеваю ее каждый день». Но она уже заиклилась: «Убери руки». Я уже ничего не говорю, а она заладила: «Убери руки!» — «Это что же? Это получается, что твоя старшая сестричка сильно любит тебя,

потому что отдаёт тебе свои старые платья, а сама вынуждена покупать новые?»

Я обо всём этом вспомнил, когда два гамадрила вытащили меня во двор.

Я их оттолкнул, и охранники засмеялись. Они меня не боялись, ведь я был на целую голову ниже их и они у моего папы не работали. А вокруг сразу толпа собралась. Из тех, кого уже выбросили. Они хотели увидеть меня размазанным по щебню. На руках охранников посверкивали браслеты — яркие, чтобы пугать. «Размажьте его по щебню!» Кто-то даже помахал браслетиком: дескать, ты покойник. А я не люблю, когда мне навязывают. «Прикинься ветошью и не отвечивай!» Нос под моим кулаком так и вмялся. «Анька!» — орал я, прорываясь к дверям, но на мне повисли сразу оба гамадрила и потащили. «Убери руки!» — вспомнил я Аньку. Но никто рук не убирал. Вся эта заруба тянулась минут пять, а потом меня все же выбросили.

15 августа

Проснулся я после обеда.

Синяк под глазом совсем расплылся.

Если бы я жил в Спарте, меня бы рожали сразу над пропастью.

Но я находился дома, в постели, и мобила на столике дергалась. «Солнышко моё вставай твои лучи осветят мне дорогу до тебя». Ненавижу лирическую поэзию. Я никак не мог понять, почему на диско со мной так случилось. «Ты солнышко ясное в жизни моей напиши смс и мне станет теплей». И дальше, без знаков препинания: «Если ты читаешь сейчас мое смс значит ты меня обнимаешь если ты его уничтожил ты меня поцеловал если сохранил значит пригласил меня на свидание».

Представляю, с какой гримасой Анька это писала.

Но закончила правильно: «Урод!».

Войс Анькин звучал вкрадчиво. Так иногда мама разговаривает — не обязательно с папой, что бесит меня еще сильнее.

«Ты ваще помнишь, что делал?»

«А чего такого, чего не запомнишь?»

«Зачем меня оттолкнул, когда я вмешалась?»

Вот этого я точно не помнил. Но на всякий случай сказал: «А зачем меня твой долбаный олень доставал?» — Это я придумал на ходу. — «У него интеллект насекомого, только я еще не знаю какого».

Похоже, Анька сама не все помнила. Пожаловалась:

«Ты спишь, а я Женьку третий день ищу».

«Может, не там ищешь?»

Знаю, знаю, герой любимого мультика — всегда герой и лучшая девчонка все равно ему достанется, но этот Ламба — бабенькин сынок совсем меня затрахал. Может, наконец, взялся за ум и сбежал на Аравийское море? Не хотел я с Анькой об этом разговаривать, но она не отставала. Тогда я бросил трубку.

И почти сразу в комнату без стука вошел папа.

«Люся говорит, что ты пришел, считай, под самое утро».

Он удовлетворенно осмотрел синяк под моим глазом, хотел, наверное, похвалить, но вдруг замер. Я, не глядя, понял, что он увидел. Да свой кругляш оранжевый — из своего стола. Кругляш, наверное, выкатился из кармана, и аккуратная Люся положила его на стол. Люся честная. При ней из дома никогда ничего не пропадало. Брось перед порогом пятьсот евро или самый дорогой браслет — подберет и на стол положит.

«А я решил, что ты научился драться».

Странно папа это произнес.

И забрал кругляшку.

15 августа

Когда папа ушел, я включил комп, чтобы подыскать что-нибудь рыжее. Анька увидит подарок — рыжий браслет и обалдеет. На экране компа высветился рабочий стол с бесчисленными папиными файлами и папками. Хорошо, что папа не видит. Он, наверное, всерьез собрался писать книгу, сейчас все этим зарабатывают: украл что-нибудь,

или избобрел, а может, женщину немислимую превратил в рабыню. Свобода. Я время от времени совершаю набеги на папины виртуальные пространства. Он — крупный ученый. Он, правда, крупный ученый. У него пароли под БИОСом. Как настоящий крупный ученый, он думает, что такие пароли — надёжнее не бывает, а они враз слетают, только выдерни батарейку из—под материнской платы.

Патенты... Справки... Отчеты... Настоящий каменный век...

«...in the space of one hundred and seventy-six years, the Lower Mississippi has shortened itself two hundred and orty-two miles...»

Что-то знакомое.

«...that is an average of a trifle ocer one mile and a third per year. Therefore, any calm person who is not blind or idiotic... can see that in the Old Oolitic Silurian Period, just a million years ago next November... the Lower Mississippi River was upward of one million three hundred thousand miles long, and stuck out over the Gulf of Mexico like a fishing-rod...»

Блин! Да я же сам недавно травил Нил Нилыча историей про великую американскую реку Миссисипи! А историю про самую длинную на свете реку, оказывается, еще папа знал!

«...браслет из циркония обладает уникальными свойствами...»

Наверное, это было какое-то интервью. А может, рекламное объявление.

«...стабилизирует давление независимо от того, повышенное оно или пониженное. Помогает при заболеваниях опорно-двигательного аппарата: артрите, артрозе, остеохондрозе. Благоотворно влияет на кожу, убирает все виды аллергии, лечит псориаз и дерматит. Зв счет чего такое оздоровление? Дурак, что ли? Цирконий воздействует на особые точки на запястье. Идет ионизация организма, эффект больше, чем при иглоукалывании. Раньше такие браслеты выпускали предприятия, работавшие только на космос...»

Настоящая аюрведа.

«...обнаружив в Европе огромную популярность силиконовых браслетов, мы немедленно связались со своими китайскими партнерами из Шанхая, и организовали первое совместное производство принципиально новых...»

Снова договора. Патенты. Какие-то списки.

«Травкин... Крутов... Польшов... Леногорский... Петров... Лазарев... Игнатенко... Белов... Савраскина...» — как в телефонном справочнике, только не по алфавиту. И после каждой фамилии цифры. «Дружников... Славов... Драгина... Кучерявенко... Флоров... Федорова... Харин... Лапшин... Кашкин... Удовиченко...» Папа любит темные деловые костюмы. У него узкий круг общения. На фотках из виртуального альбома он, правда, красовался с разными людьми. Улыбка, как в кино. От американцев папа отличается только более глубоким умом. Хорошие фотки. Мне понравились. А время на них еще доисторическое — до перестройки. Наверное, папа фоткался с сотрудниками своей лаборатории — все щерятся так, будто за ними будущее. А будущее для них уже закончилось. Когда людям за шестьдесят, нечего им щериться. В социалке «Одноклассники» я однажды видел картинку. Ну, там красивая девушка запечатлелась на фотке на все века: получила подарок от своего молодого чела. Ну и щерилась. На паркетном полу было выложено множеством горящих свечек сердечко и три слова: «Я тебя люблю», причем офигенно подобраны цвета так, чтобы всё переливалось, и сердце было прикольное — с переливом.

Я выключил комп и отправился в столовую.

Там мама и тетя Ада пили зеленый чай, это входит в сферу их разумного существования. Зеленый чай с медом и узбекскими лепешками. Я их от этого дела отвлек, аюрведа таких отвлечений не запрещает: «Чего это за фотка?»

«А где ты накопал такое?»

«Да тут в одной папке», — ответил я.

«Ой, — сказала тетя Ада. — Тут все-все! Кроме Леши».

Всех-всех узнала! А кто они — эти все-все? Про меня тетя Ада и мама сразу забыли, принялись рассматривать фотку, которую я разумно распечатал на принтере. «Конечно, тут Леши нет. Он появился позже, — ревниво за-

метила мама. — Тут только самые-самые первые. Видишь, Сашка Ботвинник. Бедный Сашка, — непонятно вздохнула она. — Никогда не ходил на лекции, а экзамены сдавал на отлично...»

«Тогда почему он бедный?» — спросил я.

Мама меня не услышала.

«Ой, это же Виталик!»

На фотке у Виталика, двухметрового дылды, были невыносимые голубые глаза.

«Нет, ты помнишь, ты помнишь? — запричитала тетя Ада. — Он только посмотрит на человека или на женщину, а они уже балдеют: о, Виталик! Виталик, о! Твой Сашка знал, как распорядиться талантами. Виталик постоянно в разъездах, не вылезал из министерств...»

«А где они сейчас?» — спросил я.

Тетя Ада быстро повернула голову: «В каком смысле?»

«Ну, где они сейчас? Этот Ботвинник, и этот Виталик? Я их в папиной лаборатории никогда не видел.»

«Где, где!» — ни с того, ни с сего рассердилась мама.

И тетю Аду фотка почему-то расстроила.

17 августа

Не знаю, зачем папа опять выложил на стол стопку старых школьных тетрадок. Может, думает, что в наше время никто не интересуется никаким чтением, особенно родной сын. Я взял и выдернул из стопки одну. На обложке дата (от руки): 1987, январь. На задней обложке — таблица умножения. Оказывается, в каменном веке, до моего дня рождения, таблица умножения была такой же. Наверное, папа точно книгу пишет, решил я, вспоминает былые зарубы. Сейчас все пишут. Тетя Ада говорила, что недавно вышла в свет книга бывшей технички новосибирской областной администрации. Там описана куча людей, которые до сих пор с экрана и с трибун учат нас жизни, грозят пальчиками.

«...приехал из Барнаула вечером. Холодно. — Тоже мне, воспоминания. — Варя встретила на Сеятеле, жалуется. Отчим, мама, мама отчима, брат отчима, жена брата, хомя-

чок и кот под ногами все мешаются, квартирка маленькая, а денег снять квартиру нет. Говорю: перетрём, Варька...» Это папа явно вспоминал время, когда они с каменными топорами бегали по новосибирскому Академгородку .

«...Засада дневников в том, что когда тебе реально хреново, никто тебе не верит. Это даже не мальчик, который кричит “волк”, это уже какое-то королевство кривых зеркал, где все заранее уверены что будет хэппи-энд; потому что мы все живём по разные стороны теперь-уже-не-таких-зеркальных-экранов, и никто на самом деле никому ни хрена не нужен. Так, сигнальные перемигивания. Стабилизирующие, контролируемые, усиливающие. А человек рождается один, и умирает один. Все остальное давно известно: кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. — (Это папа так прикалывался). — Хорошая завязка для голливудской комедии с Гвинет Пэлтроу — (наверное, такая старушка из каменного века) — в главной роли. Надорвали животики, поплакали над финальным воссоединением положительных главных героев, поцелуем на фоне падающего плексиглазового снега, и, не дожидаясь титров, побросали пакеты от попкорна на пол, и направились к выходу...»

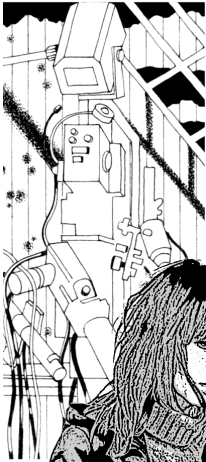
И дальше: «В общем, в общагу я не хотел, а на улице холодно. Варька подсказала: “Идем к Толику. У него двухкомнатная”. И правильно получилось. Толик еще в универе терпеливо паял наушники-невидимки, писал за других дипломные работы, заработал немножко. Мне, правда, и к Толику не сильно хотелось, но не к Виталику же идти. У него трехкомнатная — две комнаты проходные, одна отдельная, но у Виталика глаза становятся масляными, когда он видит Варьку. “Ну и что, что на мне красный лифчик? Это, что ли, автоматом значит, что я хочу секса?” Я засмеялся: “Варька, если этот лифчик может рассмотреть твой собеседник, то есть такое подозрение”.

В итоге попали мы к Толику.

Спрашиваю про Старика, а Толик про кино.

Спрашиваю, что нового в лаборатории, а Толик: “Покаяние... Покаяние...”

Я разозлился. Я в кино не хожу. “В чем хоть покаяться?”

“Да во всем, что натворили за семьдесят лет”.

“И за сожженное тобой лабораторное оборудование?”

Даже Варька не выдержала: “«Сашка, ну чего ты у меня такой тупой! Толик про кино говорит! Ты что, не видишь, куда мы все катимся?»”

А утром всех собрал Старик.

“Ритмодинамика человеческого организма”.

То есть, влияние ритмодинамики на характер, темперамент и другие нематериальные факторы. Тема не хилая. Может это смешно, но заниматься человеческой личностью удобнее всего в сфере алкоголизма и других похожих проблем. Пока человек не пьет и не совершает преступлений, он как бы растворен в обществе. Когда на Ученом совете, а потом в Обкоме тему академика Сланского утверждали, вопросов было немислимо. Чтобы пробудить в человеке совесть, ответственность, законопослушность надо бросать на это всю силу коммунистических убеждений, так что, при чем тут ваши кардиограммы, энцефалограммы и все такое прочее? Приходилось доказывать. Хорошо, что мы, кроме всякой плановой ерунды, успели разработать методику тестирования. Работали с пациентами, школьниками, военнослужащими, спортсменами.

В утверждении темы Мишка здорово помог.

Год назад я встретил Мишку в институтском туалете, он стоял у открытого окна и раскуривал гаванскую сигару. На фоне болгарских сигарет и мерзкого “Беломора” это выглядело вызывающе. И мерзкие усики Мишкины выглядели вызывающе. Разговорились.

“Хочешь посмотреть бразильский ролик с карнавала?”

“Он же запрещен к показу в СССР”.

Щелк, щелк, и мы бразильцы!

Был Мишка ботаник и бобер, а стал дельный товарищ.

“Поведенческая модель личности, основанная на данных ритмодинамики” — это во многом его заслуга. Варька, впервые услышав о Мишкиных успехах, не поверила: “Неужели можно по вашим тестам определить, какой из молодых солдат более всего склонен к дезертирству?”

“Без проблем”.

“А если...”

Она не договорила, но я понял.

И сказал. Убедительно. “Значит, так, Варька. И молодой солдат, и послуживший. Без проблем, ясно? Сняв твои личностные характеристики, я так же легко могу предсказать момент, когда ты вильнешь хвостом в сторону”.

“Каким еще хвостом?”

“Отлично понимаешь — каким”.

“А степень вероятности?”

Вот почему я с Варькой к Виталику не хожу.

Но Виталик сам по себе находка. Он человек нам необходимый. Я перетащил его с Бердского радиозавода. Чудные голубые глаза. Как посмотрит на людей, так они балдеют: о, Виталик! Виталик, о! Для проверки я отправил Виталика в Обком партии, где в отделе науки зверствует одна падла, звать Вера Ивановна. Больше о ней ничего сообщать не хочу. Она даже академика Сланского выставляла из своего кабинета, а я вообще даже до порога ее не доходил. “Ты там похлопай ресницами, — сказал я Виталику. — Вдруг у тебя получится?” — “Конечно, получится!” — “Ладно. Если даже тебя выгонят, мы открестимся. У тебя ведь даже своего стола в лаборатории нет. А тему закроют — (на нас тогда страшно давили), — я тебя экспедитором в хорошее КБ устрою”.

“Ладно, схожу, — согласился Виталик, — но ты мне стол в лаборатории поставь”.

“Отдельный?”

“А то!”

“У нас и так места нет”.

“Тогда жди, когда работники идеологического фронта сами к тебе придут, — заявил Виталик. Наглости у него всегда хватало. — Они хорошо чувят жареное. Они прекрасно знают, откуда несет духом. Безнравственно тестировать честных советских призывников на возможное дезертирство. Будто ты не понимаешь, а? Советские призывники со школьной скамьи знают всё о своем гражданском долге, и все, как один, мечтают отдать силы и ум армии”.

“А ты отдал свой ум и свои силы армии?”

“Да нет. Как-то не пришлось”.

“Поможем”.

Виталик сразу тон сбавил.

“Ты кто по образованию? — добил я его. — Лингвист? Ну, вот. Советской армии нужны классные специалисты. Будешь отлавливать по акценту шпионов и перебежчиков”.

“А стол поставишь?”

“Подумаю”.

Он ушел, а на другой день меня вызвал Старик.

За длинным столом сидели Саша, Толик и Миша. В кресле — куратор от Обкома. Кудрявый, но не молодой, в очках, хорошо выбрит. Сигарета в руке, но не курит, подает пример выдержки. Зато у Виталика — глаза голубые, взгляд обаятельный, и огрызок сигары в зубах.

Чтобы у Старика курили! Я глазам не поверил.

“Садитесь, Александр Александрович, — это Виталик мне, своему шефу. Чудесным голосом, как хозяин. И Старик смотрит на Виталика с обожанием. — Мы тут хотим обсудить, что нашей лаборатории может понадобиться в ближайшие полгода. — И ласково пускает колечко дыма в сторону мрачного куратора. — Мы с Верой Ивановной — (это он о той падле из Обкома) — вчера обсудили список...”

“А он не слишком велик?” — промычал куратор.

Замечание куратора Виталик игнорировал.

“Мы вчера с Верой Ивановной в Обкоме категорически договорились, что отныне она сама будет проверять списки необходимого. По мере прохождения наших заявок. И она еще просила, — невинно подчеркнул Виталик, — чтобы я незамедлительно докладывал ей о всех заминках в работе”.

“Вы бы не курили в кабинете начальства”.

Но Виталику куратор был до лампочки. Контакт с Верой Ивановной он действительно установил, мы об этом долго шептались. Ну, как? Как ты это провернул? “Да как, — уходил он от прямого ответа. — Вера Ивановна душевный человек. Она сама вызвалась помогать нам. У нее в душе столько невысказанного... — на мгновение какая-то сладкая муть затопила ясную голубизну его глаз. — Вере Ивановне

понравилась идея сразу увидеть в человеке — или будущего злобного диссидента или будущего честного ленинца”.

“К чему это ты?”

“Да к тому, что кадры и сейчас решают все, Александр Александрович, — ответил мне Виталик. — Обком, как никогда, нуждается в волевых идейных партийцах, а лезут к ним в основном рвачи и приспособленцы, всякая интеллигентская сволочь!”

“Я, Виталий Ильич, сам отношусь к этой интеллигентской сволочи”, — скромно напомнил Старик.

“Да ну, Роман Данилыч, — снял его сомнения Виталик. — Какая вы сволочь? Вы крупный ученый. Мы с Верой Ивановной договорились, что отныне всех претендентов на ответственные должности в Обкоме сперва будут направлять к нам. Имя академика Сланского для нее много значит, — ввернул он. — Мы точно скажем нашим товарищам, будет человек охотно работать на партию или лучше сразу гнать его в инженеры. Да, да, — обвел он нас чудным голубым взглядом. — Теперь мы получим богатейший и разнообразный рабочий материал. А то со школьниками работать сложно, там куча тормозов. Добровольцев узнавать о своих странных, скажем так, способностях, вообще что-то не наблюдается, а тут поперет к нам... официально поперет... неисчислимая толпа рвачей и приспособленцев... а с ними и железных ленинцев, — вовремя перехватил Виталик предостерегающий взгляд Романа Данилыча. — Вы бы знали, как люди рвутся в высшие партийные сферы...”

Скоро действительно пришла первая просьба из Обкома: провести внимательную и доверительную проверку некоей Светланы С., планируемой для работы в одной братской союзной республике. “Виталий Ильич рекомендовал”. Ну, как же! Если Виталик рекомендовал. У нас в отделе две секретарши — Лена и Света. Так вот, Света как-то по дороге на работу купила себе новые брюки. Ну, понятно, пришла, переделалась вся такая радостная, юбку бросила на спинку стула, а тут ее зовут к шефу, к Виталику, он к тому времени уже свой кабинет получил. Мне бумаги понадобились, заглянул в кабинет, спрашиваю, где Света? А Лена делает

страшные глаза: “У шефа”. И страшными глазами указывает на юбку.

Сеанс назначили на двенадцать.

Ребята неохотно очистили лабораторию.

Человеческий материал — материал хитрый. Чем активнее в него вторгаешься, тем активнее он тебя отторгает. Впрочем, Светлана С. мне понравилась. Сдержанная брюнетка, готова вникнуть в предмет. Технические характеристики снимали Саша и Толик в соседнем кабинете, — туда стекались показания всех датчиков, а я вел собеседование.

Действительно сдержанная женщина, взгляд понимающий, всё, что могло мешать, классно упрятано под платье. Видно, что серьезно готовилась к собеседованию. И как иначе? Если Обком отправляет ее в институт к известному академику, значит, так нужно. Партийную дисциплину Светлана С. понимала правильно. В союзной республике к ней будут обращаться с важными вопросами. Это объясняет.

Я специально молчал, чтобы Светлана С. встревожилась.

Зато Сашка Ботвинник никак не мог уговориться, то и дело звонил мне: “Изящная сучка, да? Ты находишь?”

Наконец, Светлана С. улыбнулась.

“Да не волнуйтесь вы так, — сказала она мне. — Мы с вами, Александр Александрович, ответственные работники. Мы работаем с главным достоянием страны — с людьми. С замечательными советскими людьми. — Я так и думал, что она вывалит на меня такую вот непереваримую хрень. — Мы должны доверять друг другу. Поэтому работайте спокойно, я вам постараюсь помочь. Кстати, почему вы работаете в подвальном помещении?”

“В подвальном” — это она произнесла доверительно, я бы даже сказал, с некоторым скрытым обещанием исправить ужасную несправедливость. Известное дело: я вам, вы мне. И чтобы я не подумал лишнего, расшифровала: “С Романом Данилычем я хорошо знакома. Академик Сланский — достойный человек, потомственный интеллигент, крупный советский ученый. Мы с академиком дружим семьями. Понятно, я имею в виду своего отца”.

Я бы с такой, как Светлана С., не пошел в разведку. За линией фронта она бы запросто обменяла меня на нужного родине и партии вражеского языка. Поэтому я продолжал молчать, дал ей возможность выговориться. Зато Сашка то и дело возникал в телефоне. “Изящная сучка, правда? В ее анкете столько хорошего. Она подружку свою укатала на Сахалин из-за какой-то комсомольской размолвки. Слышь, Сашка, ее даже в Обкоме боятся. Она еще там не работает, а ее уже боятся. — Он непристойно хохотнул: — Давай намекнем в отчете, что она скрытая диссидентка. На хера нормальным людям портить рабочее настроение? Со своей уникальной ритмодинамикой она столько дров нарубит, что перестройку отменят”.

“Вы замужем?”

“Конечно. Я же на ответственной работе”.

Ничуть она не волновалась, наши тесты сбить ее не могли.

Она постоянно ссылалась на Старика. И ничуть не волновалась. Ее будущее было ясным, как весеннее солнышко. В союзной республике ей, конечно, поручат идеологию. Судьба перестройки зависит от таких вот деятельных особ.

“А как вы относитесь к истории с Рустом? Ну с этим немецким пилотом, который без разрешения посадил свой самолет на Красную площадь?”

“Это не история, Александр Александрович, — взмахом ресниц успокоила меня Светлана С. — Это всего лишь досадная поправка в нашей истории. Крошечная. Незаметная. Но выводы делать надо, тут вы правы, — как бы даже похвалила меня Светлана С. — Знаете, на каком самолете летел этот немец, чтобы незаконно приземлиться на Красной площади? На легкомоторном Cessna 172B Skyhawk. — Она это заметила как бы невзначай, но, конечно, подчеркнула мою плохую информированность. — А вы помните, Александр Александрович, кем был этот немец? — Конечно, я не помнил. — Всего лишь студент, недоучка. Девятнадцать лет мальчишке. А вот наш советский студент, даже первокурсник, никогда бы не полетел в Бонн. — (Ну да, подумал я, куда нашему студенту. Его бы собственные подружки-

комсомолки подушками задавили в постели, узнай о таком намерении). — Советский студент нашел бы возможность отличиться иначе”.

“Но этот Руст, — возразил я, — беспрепятственно пересек государственную границу СССР. Его не заметили силы нашей ПВО. Руст незамеченный долетел до Красной площади!”

Я напрасно пытался увидеть в глазах Светланы С. признаки волнения.

“Не волнуйтесь, Александр Александрович, мы немцам ответили адекватно, — успокаивающе кивнула она, туго сжав под платьем колени. — Должностей лишились все, кто чего-то не досмотрел. Мы за жесткое отношение к нерадивым служащим. Любого ранга, — добавила она строго. — Может быть, вы не знаете, но смещены со своих должностей министр обороны маршал Соколов, командующий войсками ПВО главный маршал авиации Колдунов, маршалы авиации Ефимов и Константинов, а они командовали ВВС и московским округом ПВО соответственно”.

“А вы не думаете, что этот инцидент... ну... что он мог быть спровоцирован?”

“Кем? — изумленно спросила Светлана С. — Можете назвать конкретные имена?”

Я имена назвать не мог. “Я это предположительно. Вы ведь понимаете?”

Она в ответ скромно кивнула.

“Время сложное... Перестройка... Воздействовать на не-любяльных чиновников, особенно крупного ранга, можно разными способами...”

На это она вообще не ответила.

Впрочем, это и был ответ.

Мы со Светланой С. о многом поговорили. На любой вопрос она отвечала твердо, уверенно. Из таких, как она, все же решил я, чаще Фурцевы получаются, чем контрреволюционеры. На общем обсуждении я поделился своими соображениями с Толиком, Мишей, Сашей и Стариком. (Виталик был в отъезде). Один только Миша мне возразил: “Вот увидите, эта дамочка еще наломает дров”. И Старик

возразил. Правда, на нем висел целый институт, а не только наша лаборатория».

2009 год.
Все еще 17 августа.

«Девушка идет с головою лося но не на плечах а на подносе и никто не спросит где взяла видимо у всех дела». Текст в эмээске шел без запятых, а заканчивался вопросом: «Женька на связь не выходил?»

Tic-tac, one-two. У меня подбитый глаз ноет при упоминании бабенькиного сынка.

Папы дома не было, и мама с тетей Адой ушла. Даже Люси не было. Я с ногами залез в любимое кресло и покрутил старый мультик. Мне вот интересно, все эти мегаловушки из обрубленных стволов с острыми колами — они и в самом деле применялись в лесных засадах и были так эффективны, как показывают или это миф такой? Это же сколько труда надо потратить, чтобы срубить такое дерево, очистить от веток, заточить сучья, потом поднять снаряд на высоту и привязать правильным образом? А потом, в нужный момент, рубишь веревку, а всадники пригнулись и мимо! От расстройства можно и битву проиграть.

Хотел сосредоточиться, но мобильник не молчал. «Мои мысли опять о тебе мои мысли опять в пустоте свои мысли стараюсь собрать о любви тебе прошептать». Эсэмэски от Аньки всегда приходят без знаков препинания.

Вот, например: «Неужели я такая сексуальная что жизнь меня так и трахает?»

Я слышал, что скоро выпустят мобилу с функцией блокировки изначально ненужных звонков. «Еще один день оказался напрасной тратой макияжа». Мне это фиолетово, но все равно отвлекся.

«Господи, пожалуйста, сделай так чтобы все калории пошли в сиськи».

А мне нравится, как есть. Могла бы такое не говорить. Пусть всё остается, как есть, ненавижу тупых людей. Лучше бы придумали компьютеры, которые по голосовой команде

«блин!» отменяли все последние действия. Человек — сложная система. У папы в тетрадке так и записано: «Электромагнитные колебания, существующие внутри живого организма только отчасти зависят от колебаний, существующих вне организма. Хотя собственные колебания организма и возбуждаются колебаниями внешних источников, затем они образуются в организме вновь, уже в специфической форме. Каждый орган и каждая клетка обладает своим специфическим спектром колебаний, своими специфическими характеристиками этих колебаний (формой и видом, а также частотой). Поддержание колебаний зависит от «добротности» резонатора клетки, органа, ткани или организма в целом. Если «добротность» резонатора нарушена или отсутствует, могут возникнуть инкогерентные, неадекватные, патологические электромагнитные колебания». Конечно, сказано не так ясно, как у Митию Каку, но Анькины эсэмэски тоже доходят не сразу...

И все еще 17 августа

«Сам подумай... Дождь прошел... — жаловалась Анька по телефону. — Пошла в магазин, поскользнулась на луже возле дома, упала, запачкалась... Вернулась домой, переоделась... Только дошла до «Холидея», снова, блин, споткнулась...»

Чтобы Анька не вспоминала о пропавшем Ламбе, я выдал ей список кинушек, которые стоит посмотреть. «Все равно, — сказал, — ты ищешь Женьку, не выходя из дома, ну, хоть каким-то делом займись, а то ты даже в кино не ходишь. Вот для начала скачай из Сети «Загадочную историю Бенжамена Батона». Там Бред Питт, тебе понравится».

«А я недавно с Женькой посмотрела «Миллионера из трущоб». — Анька так и произнесла *из трущоб*. — Офигительная история. Семь оскаров».

«Лучше «Семь жизней» посмотри. Там Уилл Смит».

«Это клёво. Я смотрела. У меня вся семья рыдала».

«А еще ты можешь порыдать на «Олимпикус Инферно». Это про Южную Осетию. Это русский фильм. Это такой

фильм, что его должны смотреть все американцы и плакать, почему они живут в такой гнилой стране, как США».

«Я все равно уеду в Америку».

«С Ламбой?»

Анькин войс сразу скис.

«Знаешь, — сказал я миролюбиво. — Лучше смотри анимэ. С таким твоим настроением лучше смотреть анимэ. «Эксперименты Лэйн» видела? Там рисовка — отстой, и музыка тоже, зато всё начинается с самоубийства Тисы Ёмоды, девочки, которая училась с Лэйн в одной школе. Одноклассники Ёмоды — все, как один, уроды. Как у нас в классе, только еще страшней. И вот они все получили мессидж по электронке. И будто отправлено письмо самой этой Ёмодой, после ее смерти, понятно. Клёво, да? И в письме умершая говорит, что только на время покинула своё тело. Просто ей захотелось пожить в Сети. Клёво? Может, Ламба тоже решил пожить в Сети? — не удержался я. — Потом потребует миллион долларов пятидолларовыми купюрами и вертолет до Зимбабве!»

17 августа

О чем обычно мечтает Анька?

Я поставил мобилу на громкую связь.

«Гулять летом. Чтобы Женька повез на море с ночевкой. Чтобы все было по-настоящему офигенно. Чтобы познакомиться с Крисом из группы US 5. Чтобы в мире было не столько обидчивых людей. (Это она, наверное, обо мне). Чтобы я в будущем стала знаменитой. И новые духи японские. Или на необитаемый остров, чтобы жить рядом с US 5, летать как птица. Чтобы у Женьки совесть проснулась, а то в школьной анкете на вопрос «Чего сегодня люди стыдятся?» он написал «Ни-че-го!». Правда, так все написали, только я, дура, призналась: «отсутствия денег». Чтобы лето дольше продлилось. Чтобы сто миллионов лепестков роз пахучих и в них голой лежать, кайф ловить. Чтобы найти кучу долларов мелкой наличкой, так разменивать не надо. Чтобы наша школа напрочь сгорела. Большую молочную

шоколадку. Встретиться с Richie Stringini и пообщаться с ним. Чтобы Женьке назло стать любимой девушкой Richie из US 5. Чтобы люди не были такими наглými. Чтобы мои попугайчики, наконец... (Анька ни с того, ни с сего вдруг застеснялась). Ну, чтобы у них появились попугайчики маленькие...»

Много еще о чем она мечтает.

Я слушал Аньку, и листал Митио Каку.

«Историки науки потратили немало усилий, пытаясь выяснить в точности, где был и чем занимался Шрёдингер, когда открыл свое знаменитое уравнение, навсегда изменившее современную физику и химию». Интересно, а в новосибирском Академгородке, где я живу, были такие физики, которые открыли бы что-то такое, что навсегда изменило нашу жизнь? «Оказалось, что Шрёдингер был сторонником свободной любви и на отдых часто ездил с женой и любовницами». Интересно, мой папа часто такое откалывает? Когда он меня отправлял в Россию, в аэропорт нас возила мисс Элевина Гарнет. От нее хорошо пахло. А по виду, как наша горничная. «Шрёдингер вел подробный дневник, в который вносил всех своих многочисленных любовниц и сложным шифром обозначал каждую встречу. В настоящее время считается, что те выходные, когда было открыто знаменитое уравнение, Шрёдингер провел в Альпах, на вилле «Хервиг», с одной из своих подружек». Интересно, а с кем папа провел тот отдых, когда ему в голову пришел способ получить сразу столько денег, чтобы теперь жить на разных континентах, и сослать меня то в Евразию, то в Северную Америку?

Меня так завело, что я отправился в папин кабинет.

Может, бросить школу и заняться программированием?

Да нет, программистов уже сейчас — как крыс. Папа вчера рассказал историю одного такого человека. Тот вылетел с работы и устроился на короткое время монтажником, ну, там подключал юзеров к Интернету по выделенке. Ползет однажды на коленях по чердаку вдоль кабеля, потолок грязный, низкий, он по уши в птичьей помете, а кругом кошки дохлые валяются. Думает, мало нас, мастеров. Вдруг навстречу бомж. Ползет, сопит: «Чё тут делаешь?» — «Ин-

тернет проверяю». — «А коаксиал тестил?» — «Тестил». — «А линк на хабе горит?» — «Горит». — «А мастдай у юзера какой?» — «95-й. Вроде не глючит». — «А сетевуха трикомовская?» — Вот так поговорили, и папин знакомый отправился искать другую работу.

17 августа

Интересная история вечером произошла. Заходит в скайп Ленька Жилин, из параллельного класса, мы с ним на Мальту ездили с родителями. Говорит, ночью у них выпала вилка из розетки, холодильник разморозился и потёк. А под утро собака пошла пить, она у них аккуратная, наткнулась на огромную лужу, и ей порвало шаблон. Подвывая от непонимания, помчалась в спальню всех будить и объяснять, что лужу сделала не она.

Мы посмеялись.

Потом Ленька говорит:

«Ну, как в субботу Анька время провела?»

Я подумал, что это такой прикол. А он сбросил мне скрин Анькиной переписки. С Ламбой, конечно. Я и без Леньки знал, что они переписываются, только мне это фиолетово. В каменном веке, например, в чужую переписку в принципе не заглядывали, а я заглянул.

Аньке в честности не откажешь.

«Чувства разыгрались, а до секса не дошло».

Это она прикальывалась. Надо поддерживать в ней такие настроения.

Правда, тут же жалуется: «Женька, как тебе такое? Весь вред от родителей. Они нас губят. Нас надо маленькими от родителей отбирать».

«А кому отдашь таких? Новые родители тоже что-нибудь придумают».

«Я не знаю. Что делать, Женька?»

«Репликатор вещей построить».

«О чем это ты?»

«О репликаторе *всего*».

«И тогда у *всех всё будет?*»

«Ну да, — с опаской ответил Ламба. — Только родители не выдержат и от вечной жадности пустят репликатор на полную мощь, чтобы он им коньяк производил или хоть водку палёную, если другой нет».

«Я тебя, Женька, ненавижу».

Анька молодец. Надо поддерживать в ней такие настроения.

«Ты, Женька, как дикарь с необитаемых островов, вечно трещишь браслетами».

«Какие дикари на обитаемых островах? А браслетами, Анька, сейчас все трещат. Я, Анька, не идеален».

Эта дура сразу расчувствовалась.

«Я, Женька, тоже не идеальна. Сплю в мужской рубашке. Да еще с плюшевым медведем. Да еще забываю себя контролировать и себя накручиваю. Не дружу со своей головой. У меня, Женька, сдают нервы, а я их все равно не берегу. Вот люблю одного, а влюбляюсь во многих. Хочу быть единственной, а получается только - быть одной из многих. Я, Женька, погрязла в красном цвете, как в мечтах об идеальном мужчине. А ведь не маленькая».

Ночь на 18 августа

Из стопки папиных тетрадей я вытащил еще одну.

Открыл на вкладке, и сразу наткнулся на интересный текст:

«...сильное колебание систем со слабо подавленными собственными колебаниями в случае, если они возбуждаются относительно слабыми внешними силами с частотой, которая равна или почти равна собственной частоте системы, называется резонанс. — (У нас таким образом некоторые преподаватели разговаривают). — Сущность нашего изобретения заключается в том, чтобы с помощью слабого электромагнитного поля вызвать в органах и системах резонанс и тем самым гармонизовать работу организма. Это необходимо для того, чтобы не вызвать принуждение органов выполнять не свойственные им функции. — (Ну, точно, как наш преподаватель). — Тем самым мы избегаем эффекта передозировки...».

Не походило это на уравнение Шрёдингера, которое навсегда изменило современную физику и химию. «Сущность нашего изобретения заключается в том, чтобы с помощью слабого электромагнитного поля вызвать в органах и системах резонанс и тем самым гармонизовать работу организма». В папином каменном веке всё было как-то по-другому. «Тем самым мы избегаем эффекта передозировки».

Ладно. Посмотрим.

«...и еще Парвана, — писал папа. — Что бы мы ни говорили, она молчала. Только моргала глазами и смотрела на Виталика. А он весь тогда вложился в рекламу. Дефиле, презентации, девицы, журналисты. Стабилизирующие браслеты нового типа шли прямо нарасхват. “Может, замедлиться?” — предлагал Сашка, предпочитавший консервативный подход. Голубые глаза Виталика вспыхивали: “Ты, Сашка, из Рубцовска. Таким и остался. Но сейчас и Рубцовске нужна реклама”.

В общем, дело двигалось. Дефолт девяносто восьмого года — (записи датировались 2005-м) — и все прочие мрачные чудеса остались далеко позади. Времени не хватало. Когда вечером заглянул в кабинет Сашка, я только спросил: “Чего надо?”

Он в ответ засмеялся: “Да ничего”.

“Тогда займись делом, других не отвлекай”.

“Головные боли замучили, — пожаловался Сашка. Плевал он на мои отговорки. — Ходил сегодня к психологине, которую Виталик мне посоветовал. Играем с этой девахой в ассоциации, спрашивает она что-то, а я в окно смотрю. Ну, вопрос, вопрос, еще вопрос. Потом слышу: “Алкоголь”. А я весь в мыслях, сам себе отвечаю: “Сто двадцать”. Деваха выпучила глаза: “Айтишник, что ли?”

Я хмыкнул: “Жениться тебе надо”.

К тому времени, только у Сашки семьи не было.

“Не сиди круглые сутки в лаборатории”, — пеняла Варька, и даже пыталась знакомить Сашку с подружками. Но после того, как Сашка жестоко надругался над самой надежной из ее подружек, она эти попытки оставила. Тем более, мы как раз начали выпуск опытных “обээшек”, на-

строенных на личностные характеристики совершенно конкретных людей...

“Ладно, устраивайся, — смирился я. — Но учти, Сашка. Если явился просто излить свою одинокую душу, сочувствия у меня ноль”.

“Да не нуждаюсь я в сочувствии”.

“Тогда чего притащился?”

“Из-за Виталика”.

“Дался тебе Виталик!”

“Вот увидишь, он плохо кончит”.

“Все мы кончим примерно одинаково”.

“Оставь! Я имею в виду его бетонную бабу”.

“Почему бетонную? Парвана — вполне милый человек”.

“Пока этой бабы не было, Виталик жил по-другому”.

“Так всегда бывает”.

Он помолчал. Потом выдал: “Я изучил ее личностные характеристики”.

Я обозлился: “Только не говори, что это она сама решила тебе порыться в ее данных”.

“Я и не говорю. Но ты каждый день видишь ее глаза. Они же, как бездонные ямы, Сашка. В такие глаза глянешь и зарежешься. А личностные характеристики на Парвану, если хочешь знать, Виталик собрал”.

“А ты, конечно, вышел на файлы случайно...”

Он засмеялся: “Если Мишкину помощь считать слушаем”.

“Ты уже и Мишке запудрил мозги?”

“Я не в карман к Парване лезу...”

“Это точно. Не в карман, а в душу, — уточнил я. — Для создания блока личностных характеристик Парваны Виталику не надо было спрашивать нашего разрешения. Это их личное с Парваной дело — изучать друг друга. Они живут как муж и жена, чего тебе от них надо? Ты не имеешь никакого права заглядывать в их жизнь”.

“Но ты же руководишь проектом!”

Я пожал плечами.

“Послушай, — лицо у Сашки сделалось хмурое. — Когда мы начинали, нас было пятеро, так? Виталик, ты, Мишка,

Толя, я. Каждый помогал каждому. Разделения на личное и не личное практически не было. Это и помогало. А теперь Толика нет, забыл, что Толика бомжи убили?”

Он вспомнил, и у меня сердце заныло.

Ну что тебя, Толик потащило тогда на улицу?

Пошел в магазин, а попал в бомжатник. В кустах напротив “Холидея” летом всегда лежбище алкашей. Им в тот вечер здорово повезло: выпивка кончилась, а тут глупый очкастый появился, прет через их лежбище.

“Чего ты хочешь?”

“Да ничего особенного”.

Я внимательно выслушал Сашку, иначе не отделаешься.

В общем, смысл в его словах был. С той поры, как Виталик взял на себя всю рекламу, он действительно изменился. Даже налево перестал бегать. “Понимаешь, — попытался втолковать мне Саша, — Виталик теперь или в отъезде, или дома сидит со своей таджичкой. А дома у них даже музыки нет. Ни восточной, ни западной. Даже Карузо для чайников, этот упитанный соловей на экране у них не кривляется. Увидишь, они взорвутся, — закончил Сашка. — Парвана хуже вулкана”.

Ну да, он говорил о простых вещах. Ревность, любовь. Мы-то прекрасно знаем, что всё это тоже корректируется. Наши “Обээшки” срабатывают на все сто процентов, надо только правильно воссоздать личностные характеристики. “Так что, Сашка, пора снимать этот напряг”.

“А как? — спросил я. — Прочтешь Парване лекцию?”

“Зачем? — он уже все продумал. — Давай поставим Парване стабилизирующую “обээшку”. Последняя модель меньше монетки, я сам могу заказать браслет в восточном вкусе. У нее день рождения впереди. Сместим ритмы, успокоим сердце... А то ведь она бросит Виталика”.

“Ну и черт с ней!”

“Если бы только он... Виталик тоже уйдет”.

“Пусть и он катится! Надоело. Как маленькие”.

“Чего ты такой тормоз? — Сашка начал злиться. — У Виталика в голове все наши последние разработки. Он за Парваной кинется в любую сторону, ты его ритмодинамику

знаешь. Он завяз в этой Парване. Ради нее он захочет быть большим баем. Сам знаешь, на что он способен. Скажем, продаст наши разработки. Азия велика. С него станется».

“Ну, подсунешь ты Парване нашу последнюю “обээшку”. Трудно ее Виталику обнаружить? Вот тебе сразу два вулкана вместо одного. Так что, не лезь к Парване. А вот с Виталиком... Ну, не знаю... Попробуй... Если вернешь Виталика в привычный режим, я глаза закрою... На твои действия...”

Он помолчал. Потом негромко сказал:

“Ладно, попробую. Ты не злись. Я знаю, что тебя со всех сторон достали. Один только Мишкин план кардинального спасения Руси от пьянства чего стоит. Да еще сверху давят, требуют эталонных людей — богобоязненных и законопослушных. А снизу требуют снять их собственную трусость и жадность. Сашка, ты же сам выступаешь за массовую коррекцию человеческих характеров, почему же нам не помочь в первую очередь своему другу? Мы лечим преступников, жалких нариков, совсем конченных людей, а тут наш друг! Если бы тем бомжам на лежбище у “Холидея” вовремя насунуть браслеты с “обээшками”, Толик сейчас...”

Я закрыл глаза. Ну да, грех. Вечный грех. Как ни крути, именно он является краеугольным камнем любой религии, любого общественного движения. Но где точные критерии? Где проходят границы греха? Сознание, да... Именно сознание... В материальном мире греха быть не может, зато *осознающие свой грех* могут запросто выносить свои виртуальные страдания в реальность... Последствия известны... Вот и получается, попытался я донести свою мысль до Сашки, что слишком частое обращение к “обээшкам”, может приводить к мощным срывам... Ну да, мы лечим тоску по родине, несчастную любовь, вытаскиваем капитальных наркоманов, но в каждом случае своя специфика, Старик нас предупреждал. Ну, ладно, излечим мы всех и каждого. А дальше, дальше что?

Сашка ухмыльнулся: “А дальше новых наготовим».

Короче, выгнал я его. Выключил свет и подошел к окну.

Шел снег. Позвонила Варя. Я сказал ей, что выезжаю, и поймал себя на банальной мысли, — как всё у нас изменилось. Мальчишкой я страшно боялся в воскресенье пропустить какую-нибудь мультяшку. Часов наручных тогда у меня не было. Уйдешь гулять и надо прохожих через каждые пять минут спрашивать, чтобы не упустить нужное время. Так я что делал? Берешь будильник заводной, на ручку звонка привязываешь нитку, на другой конец — что-то яркое. Ставишь время звонка минут на пятнадцать до начала мультика, будильник на подоконник, а нитку с ярким “флажком” — в форточку. Когда наступает момент X, будильник звенит, ручка звонка крутится и наматывает на себя нитку, отчего яркий “флажок” за форточкой поднимается. Гоняй мяч, да посматривай себе на окошко. Гарантия!

Варя снова перезвонила.

“Ладно, выхожу. Минут через десять буду дома”.

И попросил: “Подожди, не клади трубку. У меня звонок на параллельной”.

“Александр Александрович, — узнал я низкий мрачный голос милиционера Белова (он за определенные денежки поставляет нам нужную рабочую информацию). — Тут такое дело. Вы, значит, подъезжайте к “Интегралу”. Желательно — немедленно”.

“Я домой уже собрался”.

“Надо, Александр Александрович...”

“С кем ты там говоришь?” — спросила Варя.

“Да тут Белов к “Интегралу” просит подъехать...”

“Так ты же все равно мимо «Интеграла» поедешь...”

Вот и пойми женскую логику. То торопись, то заезжай куда-то.

Но я так и сделал. Тормознул у кафе “Интеграл” — в лунной тени недостроенной кирпичной многоэтажки, по голым стенам которой любят летом лазать любители паркура. “Стройка незаконна”. Надпись никому не мешает. В свете фонаря крутились снежинки, метрах в ста проглядывали подъезды и освещенные окна жилого дома. Что за черт? Выбежал Виталик из кафе или вышел из дома? Из дома, конечно, из дома. Из кафе не выбегают в распахнутой ру-

башке и в тапочках на босу ногу. Милицейская машина с погашенной мигалкой прикрывала труп Виталика со стороны дороги, два милиционера курили, милиционер Белов, чуть сутулясь, стоял метрах в трех от машины.

“Зачем остановились? — подозрительно спросил лейтенант, наверное, старший в группе. — Знали убитого?”

Я спросил: “Скорую вызвали?”

Милицейские переглянулись, старший вытащил мобилу.

“Александр Александрович, — придвинулся ко мне Белов. — Мы случайно наткнулись на труп. Я сразу увидел. Это Виталий Ильич. Он был еще жив. Ножевое ранение в грудь, с таким не выживают, но он был еще жив. Я хотел вызвать скорую, а лейтенант Никонов запретил. Он подсунул носок сапога под голову Виталия Ильича, понимаете? И сказал Виталию Ильичу, что, мол, пока не расколется, никакой скорой не будет”.

“А Виталик?”

“Вы же его знаете. Умер...”

Я пошел к машине, но лейтенант остановил меня.

Я отстраненно глядел на лейтенанта. Служака. Лицо твердое, смуглое, в резких морщинах, задубел на службе. Одной рукой лейтенант Никонов заученно и ловко залез во внутренний карман моего пиджака (дубленка расстегнута), извлек бумажник и удостоверение. Бумажник сунул в свой карман, а удостоверение протянул напарнику. Я боялся, что тот, не глядя, выбросит удостоверение, но этого не случилось. Напарник одним только глазком глянул в удостоверение и зашипел Никонову: “Тронулся совсем?.. Это Холин! Верни бумажник...”. И тогда лейтенант Никонов, задубелый служака, неохотно, но с большим уважением протянул мне бумажник. И чтобы окончательно удостоверить свою лояльность, заорал на милиционера Белова: “Чего стоишь? Вызывай скорую!”

“Вызовите сами, — негромко приказал я, пряча в карман бумажник. — А вашего сотрудника я забираю, он мне нужен. Белов, в машину”.

“Разрешите выполнять?”

Я кивнул.

Опять шел снег.

На втором этаже светились окна.

“Слушай, Белов, — сказал я милиционеру уже в машине. — Я высажу тебя напротив подъезда. Поднимешься к Парване. Знаешь квартиру? Вот и отлично. Пригляди за ней. лейтенанту Никонову на звонки не отвечай, это я беру на себя. — Я чувствовал легкие болезненные покалывания в висках, кажется, “обээшка” не справлялась с выбросом адреналина. — Дождись эфэсбэшников у Парваны”.

Белов кивнул.

Крутился под фонарем снег.

Виталик лежал на спине, рубашка распахнута, кажется, разорвана, голая грудь в потеках подмерзшей крови. В свете фонаря кровь казалась черной. Милиционеры так и стояли по стойке смирно. Они знали, что основные добавки к зарплате получают благодаря нашей лаборатории. И еще они кое-что знали. Такая у них служба. Им специальную накачку делают, вручая “обээшки”. Прости, Виталик. Не уберег. Сашка был прав, требуя заняться вулканами. “И сыпятся звёзды сквозь пальцы, и путаются перья ветра в распущенных волосах, и ты говоришь что-то в небо, в бархатные тучи, бесстрастным звездам”. Прости, что повторяю твою хрень. Ты почему-то любил ее декламировать. “Идти босиком по снегу, Кожа плавится. А ты пахнешь вишневым табаком и еще чем-то, отчаянно-соблазнительным. О, восточный вулкан, ждущий своего часа...”

2009 год.

18 августа.

Папа улетел в Америку.

Мама и тетя Ада заняты аюрведой.

Никто не мешает мне. Правда, в «Википедии» никого из бывших папиных сотрудников я не нашел. Ни Мишки, ни Сашки, ни Толика, ни Виталика. В каменном веке все ходили друг на друга. Сделал одно фото, а на самом деле — это фото *всех*. «Обээшки» работают во всем мире,

а ни Виталика, ни Сашки там нет. Папины школьные тетрадки тоже, кстати, исчезли, ящики стола заперты. Но один ящик я вскрыл. Евро и паспорт оттуда исчезли, да и цветных кружляшек оказалось считанное количество. Одну я на всякий случай сунул в карман.

Включил комп.

Патенты. Списки. Договора.

«Браслет, как важнейшая часть аксессуара современных мужчин и женщин...»

Рекламой у папы заведовал Виталик, который умер в снегу. Ему милиционеры не помогли. «Травкин... Крутов... Польшов... Леногорский... Петров... Лазарев... Игнатенко... Белов... Савраскина...» Фамилии действительно, как в телефонном справочнике. «Дружников... Славов... Драгина... Кучерявенко... Флоров... Федорова... Харин... Лапшин... Кашкин... Удовиченко...»

И после каждой фамилии цифра.

Савраскина — 32.

Тихоненко — 26.

Юдин — 22.

Дружников — 20.

Кучерявенко — 17.

Харин — 10.

Лаврентьев — 5.

А Удовиченко почему-то — 1.

У нас в классе есть Колька Удовиченко.

И про Кучерявенко я слышал. Это депутат от округа, выступает в газетах против порубок леса, его уже пытались отозвать, очень энергичный этот Кучерявенко, у него, видно, ритмодинамика повышенная.

Я вернулся к началу списка.

Травкин — 62.

Крутов — 57.

Польшов — 41.

Леногорский — 40.

Петров — 39.

Ну, Польшов, это, наверное, Женькин папа. Только он сильно пьет.

А сколько же пьет Травкин, если у него вообще 62? Тот еще перец! Меня крючит от людей каменного века. Какой-то Травкин — 62, а несчастный Удовиченко — 1. Этот Удовиченко, наверное, долбанутый.

Я выключил комп и вышел проветриться.

Синяк под глазом не мешал, синяк это такое дело.

На зеленой улице имени советской космонавтки Терешковой я постоял напротив кафе «Интеграл», полюбовался черными надписями на стене недостроенной многоэтажки. «Стройка незаконна». А выше: «Женька».

Я набрал Аньку: «У тебя папа где работает?»

«Ой, а я думала, Женька звонит!»

По тембру слышно — страдает.

«Я тебя про отца спрашиваю».

«Он пенсионер».

«Давно?»

«С зимы».

«А раньше где работал?»

Она замялась: «В милиции». И быстро-быстро, чтобы я не вернулся к теме, выложила: «Сашка! Я же говорю, Ламба совсем пропал. Ну, нигде нет, я все места обзвонила».

«Как пропал, так и появится».

«Сашка! Я чувствую! Он в беде».

Такого я от Аньки еще не слышал. Я все чаще задумываюсь над тем, что девочек, кажется, хранит не что-то свыше, а то, что девочек обычно не бьют.

«В какой еще беде?»

Анька перевела дыхание:

«Сашка, подари мне браслет!»

«Какой браслет!» — обалдел я.

«У твоего отца их навалом. Я знаю».

«Их навалом в любой лавочке».

«Я настоящий хочу».

«В бутике купи».

Анька заплакала: «У меня денег нету!»

«Ну, пошли, я тебе сам куплю».

«Ты что, дурак? — обозлилась Анька. — У меня денег совсем нет, и мне нужен настоящий браслет. Чувствуешь?»

Настоящий! Папа вчера растоптал все мои браслеты. Теперь я страдаю. Все до одного. Орал на меня и давил браслеты ногами. Как был ментом, так поганым ментом и остался. Ты ведь не такой, да, Сашка?»

И льстиво добавила: «Мы ведь с тобой друзья?»

Ну да. Когда с девушкой знакомишься, думаешь совсем не о дружбе, потому что инстинкт и есть инстинкт, а вот когда дружбу прямо с порога предлагают, то соглашаться надо хотя бы потому, что и это все временно.

«Сашка, ты где сейчас?» - спросила Анька.

«Напротив «Интеграла» стою».

«А кругляш с собой?»

Все-то она знает и чувствует.

Я ответил неопределенно, но Анька появилась минут через пять.

На ней были розовые кроссовки, выцветшие шортики, — в общем, не штаны «али баба»; сама рыжая, а глаза безумные. И в глазах искорка. Наверное, тараканы в ее голове какой-то праздник справляют и это отсветы их салюта. Я говорю: «Чего ты икру мечешь? Не дергайся. Женька, наверное, в промышленные альпинисты подался». А она: «Зачем Женьке подаваться в промышленные альпинисты?» — «Бабки зарабатывать» — «Да ну. Ему квартиросъемщики платят». Тогда я сказал: «Чем Женька дальше от тебя, тем у тебя проблем меньше». Такой подход Аньке не понравился, но она ведь сама предложила мне дружбу, поэтому мы так вместе и зашли в сберкассу, там надо было Аньке оплатить мамины счета.

Тис-тас, one-two. В сберкассе перед окошечком стояли три человека.

Зато первым стоял Супер. В сером длинном плаще до самых щиколоток, на голове военная панамка, на руках браслеты — дешевка крашенная. Наверное, не понимал, что находится в присутственном месте, бормотал что-то, немножко подпрыгивал. Все равно это кассиршу нервировало, у нее даже комп завис. Мы думали, Супер от огорчения начнет прыгать энергичнее, но он хрипло сказал:

«Alt плюс C».

Вот тебе и городской дурачок!
Все уставились на Супера, а он своё: «Щелкай!»
Кассирша смотрит на него и никак не въезжает: «Чем щелкать-то?»
«Не зубами, — голос у Супера хриплый. — Клавишами».
«*Alt* плюс *C*. Ну, щелкнула».
«Теперь *далее*».
«Ну...»
«Еще *далее*».
«А теперь?»
«*По умолчанию*».
Супер посучил ногами и добавил:
«И грудью на клавиши больше не ложись».
«Ой, включился! — Кассирша уставилась на военную панамку Супера. — Откуда вы всё такое знаете?»
Мы заржали.

18 августа

«Принёс?» — спросила Анька.
Мы устроились на пустой детской площадке.
Солнце всюду пекло. За деревьями просвечивали зеленые дома.
«А тебе зачем?» От моего вопроса у Аньки глаза нехорошо сузились. С такой только дружить, больше ничего не надо. Но я положил руку на ее колено, и Анька ногу не отодвинула. Я думал, она покраснеет или скажет, что я зафакованный. Я трус, это правда, но сейчас кругляш лежал в моем кармане, и я чувствовал себя уверенно. И у Аньки ничего не дрогнуло. По-моему, она ненавидела меня.
Я повел рукой выше, и мне сразу стало жарко.
«Ну, давай, давай! Ну, ты можешь скорее?»
«Что скорее?» — не понял я.
Она подняла мою руку выше: «Давай скорее. Правда, принес?»
«Если ты про браслет, то нет. А кругляшка есть».
«Ну, давай же, давай». Моей рукой Анька торопливо водила по своей ноге, и нога у нее была гладкая и горячая.

У меня даже во рту пересохло. «Возьми сама в кармане». Я знал, что для этого Анька должна будет наклониться и тогда моя рука продвинется по ее ноге выше. И Анька, правда, наклонилась, и я еще много чего нового почувствовал. А она, не глядя на меня, оглянулась и торопливо спрятала кругляшку во внутренний карманчик топика. И сказала: «Ооооо!»

Я покраснел, а она повторила: «Ооооо!»

Я не стал убирать руку. Все во мне дрожало.

«Я тебя возбуждаю? — спросила она, чуть раздвинув ноги. — Я тебя возбуждаю?»

Я молча кивнул.

«Ну, так действуй».

Меня как холодной водой окатило, и я убрал руку.

«А Женьку это возбуждает, — сказала Анька, глядя на меня другими, теперь уже не злыми, не сумасшедшими, а просто лунными глазами. Такими, как походка у Майкла Джексона. — Женьку ничем нельзя остановить. Да я его и не останавливаю. А ты, Сашка, трус. Привык думать, что твой отец — крыша мира».

«Никогда я так не думал», — пробормотал я, все еще глядя на ее голую ногу.

«А зачем звонил? Зачем пришел? Зачем кругляшку принес? Хотел ведь? — Она снова положила мою руку на свое колено. — Ты только учти, Сашка, что у меня денег совсем нет. Я за твою «обээшку» заплатить не могу».

«А ими, что ли, торгуют?»

Она засмеялась. Было видно, что вопрос не в том, верит она мне или не верит. Сейчас вопрос для нее заключался, скорее всего, лишь в том, *насколько* я трус. На какую длину руки я трус.

«Просто хотел узнать...»

«Ну, спрашивай». — Анькин войс стал нежным и незнакомым.

«В милиции с твоим отцом работал лейтенант Никонов?»

«Который застрелился, что ли?»

«Почему застрелился?»

«А я знаю?»

«Когда такое случилось?»

«Прошлой зимой. Отца чуть не выперли из милиции. У них там всех поразгнали. Хорошо, отцу разрешили уволиться по собственному желанию, наверное, доктор Холин надавил. — Она посмотрела на меня, как на незнакомого человека. — Этого мента... Ну, я про лейтенанта Никонова... Его хотели отдать под суд. — Анькины зрачки сильно расширились. — Хочешь меня еще погладить?»

«Не хочу».

Она засмеялась.

И аккуратно поправила шортики.

«Этого мента-крысу, хотели судить за неоказание помощи. Тот еще был гамадрил, всех мотыг шарил на улицах. Так отец говорил. Вечно что-то вынюхивал, долбанутый. Его хотели прижать за неоказание помощи, вроде кто-то замерз на улице по его вине, или убили там кого-то. Я не знаю. Когда это было, я с Женькой танцевала в балетном кружке. И того замерзшего мне нисколько не жалко. Папа потом орал, что моя мама с ним спала...»

«С замерзшим?»

«Ты совсем дурак, что ли?»

«А кто этого... ну, замерзшего...»

«Говорили, что его сожительница».

Анька знает много интересных слов.

«Иногда мне кажется, что у нас в городке все чокнутые, кроме Супера. — Анька вдруг как-то подозрительно подобрела. — Ты только учти, Сашка, денег у меня нет. Если хочешь — полапай. Потом не пущу!»

И вдруг поднялась:

«Идем к Суперу!»

18 августа

Супер стоял у плитки, поставленной на подоконник, и, подпрыгивал потихонечку, сучил ногами, но без фанатизма. Он жарил картошку. На запястьях — дешевые браслеты, рукава плаща закатаны, ни стола, ни кровати в однокомнатной запущенной квартирке. Табуретка, старые газеты грудой

на деревянном полу, ну, спортивный мат, надувной матрас, серое ватное одеяло. Больше ничего, даже подушки нет. «У него и под плащом, наверное, ничего нет», — шепотом предположила Анька, потому что Супер и по квартире подпрыгивал в своем плаще. И жарил картошку на каком-то масле, которое пахло ужасно. И ни о чем не спросил, когда мы вошли.

«Чего он все время прыгает?»

«Ну, мало ли. Жизнь заставит».

Это Анька так мудро мне ответила.

А Супер услышал, наверное, повернул голову и посмотрел на нас.

Ужас прям! Глаза у него были белые, почти без зрачков. Так, понемножку подпрыгивая, перебирая босыми ногами, на щиколотках тоже браслеты, он снял с плитки шипящую сковороду и поставил ее на какую-то книжку. Потом вынул алюминиевую ложку, какими пользовались даже не в каменном веке, а еще раньше. Других ложек или вилок у него не было, но этой он ел ловко.

«Я хотела вас спросить...»

Супер не ответил, или не услышал.

«Я хотела вас спросить, вы Ламбу не видели?»

Анька бывает дура душой, но Супер кивнул, и она вся затрепетала.

«Правда, видели? Ой, где!»

«В Зальцбурге».

Анька беспомощно посмотрел на меня.

«Спрашивай, спрашивай, — кивнул я, — он тебе порасскажет».

И чтобы Анька не мучилась, спросил: «А книги Митио Каку вы читали?»

Мне Супер не ответил. Сплошная крейза, не достучишься, даром, что Супер. А потом, шурша длинным плащом, нагнулся к подоконнику и там в пыли валялись монеты и два кругляша типа того, какой у меня выпросила Анька. Он подержал их в ладони, побренчал, будто на что-то надеясь, но ничего не произошло, хотя кругляши были точно такие, как в столе моего отца, только без буквы на аверсе. Про-

сто пустая плоскость. Бренча браслетами и шурша плащом, Супер сумрачно смотрел в мутное окно на соседний дом, проглядывающий из-за сосен. Я прислушался. Он медленно повторял: «Я дэмбэл, дэмбэл...» Медленно и негромко повторял: «Я дэмбэл, дэмбэл...» А гуси, понятно, в полном аххуе, срок службы не уважают...

«Идем», — сказал я Аньке.

«Нет, подожди. Он знает, где Женька».

«Он это уже сказал. Ламба в Зальцбурге».

Наши негромкие переговоры обеспокоили Супера.

Он все так же перебирал монетки пальцами, но теперь смотрел на Аньку.

Квартирка тесная, темная, нам сразу захотелось уйти. И картошка была плохо поджарена, прямо на глазах чернела...

18 августа

А дальше произошло следующее.

Анька, дура, вынула из топики свой кругляш.

Было видно, что пальцы у нее дрожат, как у Супера.

Только пальцы у Аньки были длинные и красивые, и она смотрела увереннее, чем полчаса назад на детской площадке. А Супер так и уставился на Аньку. Нет, на кругляш. На Аньку смотреть никогда не надоедает, но он смотрел на кругляш.

«А вы скажете мне Женьку? Про Польшова?»

Супер кивнул. Даже протянул грязную руку.

«Да отдай ты ему этот кругляш!»

Анька заколебалась: «А ты мне другой подаришь?»

Я ничего не собирался ей дарить, но пообещал, потому что противно было на них смотреть. Глядя на меня, Анька длинными пальчиками сама вложила кругляш в грязную руку Супера. За мутным окном светило яркое августовское солнце. На вколоченном в стену гвозде висела потертая телогрейка. Кругляш вдруг пропал из ладони Супера. Прямо фокусник. Я не успел заметить, куда Супер его сунул, но морщины на лице разгладились, стало видно, что Супер

вовсе не такой уж старый человек, может, не старше моего папы. Он запахнул плащ, к нему, кажется, возвращалась уверенность. Я не стал просить, чтобы он подпрыгнул как можно выше, он сам, без всякой просьбы, так сделал. Пару раз подпрыгнул, будто пробуя, а потом маханул чуть не головой в потолок. Чувствовалось, что он освободился от лишнего груза.

«Мы ищем...» — начала Анька.

Но я не дал ей сказать. Я сам встрял:

«Мы Виталика ищем. Виталия Ильича».

«Это в Чербузы. Знаете такое кладбище?»

Конечно, мы знали, у Аньки даже челюсть отвисла.

«А Толик? Вы не подскажите, где Толик?»

Я решил перебрать всех, кого папа упоминал в своей школьной тетрадке.

Супер понял и беззвучно засмеялся: «И этот там же».

Уже предполагая ответ, я спросил:

«А Миша? Михаил Иванович?»

Супер засмеялся еще беззвучнее.

Он прямо на глазах воскресал, щеки порозовели.

«Хотите, — спросил, — укажу реальные границы России в 2045 году?»

«Да мы сами их увидим».

Он цепко посмотрел на меня.

«Может, и так». Силы прибывали к нему волнами, иногда даже отступали, но ненадолго. «Может, и так». И я подумал, что кругляши, которые валяются на деревянном подоконнике, он уже давно использовал. Высосал из них всю силу. Я представления не имел, на сколько хватает силы одного такого кругляша для человека, который все время находится в движении, как Супер, но если он начнет прыгать, как обычно прыгает возле торгошки, надолго не хватит. Поэтому спросил: «А Женьку Польшова знаете?»

Он кивнул. Ничто для него не было тайной.

«Ну, так скажите, где он, а то я заберу кругляш».

Я еще не договорил, а его пальцы сжали мое горло.

А второй рукой он заломил мне правую руку за спину.

Я захрипел. На вид — развалина, а руки железные. Анька, как курица, вскрикивая, бросалась на него, но Супер стоял как скала. Он стоял непоколебимо. Его ничто не могло сдвинуть с места. Потом мой хрип все-таки дошел до него он разжал пальцы.

Меня вырвало прямо на подоконник. Это было даже прикольно, так обгадиться.

«Зачем тебе Польшов?»

Ответила Анька: «Я его люблю».

От этих слов меня еще раз вырвало.

«А ты не ищи, — сказал Супер Аньке. Подобрал плащ так, что сверкнули голые колени и цветные дешевые браслеты на щиколотках, он добавил: — А ты никого не ищи. Зачем тебе. Не надо тебе этого».

«А вы почему знаете?»

Он не стал объяснять, а меня опять вырвало.

В последний раз, зато на книжку, на которой недавно стояла сковорода.

Книжка называлась «После бала». Утирая рот, я вспомнил, что это из нее мама цитировала про то, что человек будто бы не может сам по себе понять, что хорошо, а что дурно. А тетя Ада умно подтверждала: «Все дело в среде».

18 августа

Стемнело, когда мы с Анькой вышли к «Интегралу».

Я все время потирал свой синяк, а она была вялая и больная.

А я все время думал про Супера. «Обээшкa» ему здорово помогла, она прямо подняла его на ноги, включила мозги. Получалось, что в папиной лаборатории действительно научились усиливать даже самые слабые личностные способности. Может, я неправильно говорю, не так формулирую, я же не Митио Каку, но в папиных дневниках такое явно прочитывалось. Я вот трус, а с «обээшкой» в кармане без никаких полез сразу на двух охранников. Не зря в «Википедии» папиных сотрудников нет.

«Давай зайдем к тебе?» — Анька была какая-то замурзанная и неприятная.

«Нет, там Люся пристанет. Лучше я провожу тебя».

«Сашка, ты обещал!»

«Что обещал?»

«Кругляш!»

«Я их рожаю, что ли?»

Она схватила меня за руку: «Сашка, ты обещал!»

Она даже побледнела, такая страшная, что лучше и не дружить с такой.

«Твоих дома никого нет, ты сам говорил, а Люську мы выгоним! — Она смотрела на меня с отчаянием. — Хочешь, мы ванну у тебя вместе примем?» И тащила, тащила меня за руку.

Люси, к счастью, дома не оказалось.

Анька сходу двинулась в мою комнату.

А мне в голову все лез и лез тот скрин, что прислал Ленка Жилин.

Ишь, чувства разыгрались! Правда, у Аньки тогда до секса не дошло, но все равно она не идеальная, сама говорит, что спит в мужской рубашке с плюшевым медведем, и не дружит с головой. Я видел, что у нее точно сдают нервы. Она прошла в мою комнату, влезла в мое любимое круглое кресло, столкнула на пол мою любимую книжку, написанную нобелевским лауреатом Митио Каку, и заплакала. Губы сжались, стали узкими и злыми. «Ты трус, Сашка! — повторяла она, колотя сжатым кулачком по креслу. — И никакой любви у вас нету! Только бы потыкать в кого-нибудь членом, вот и вся ваша любовь. — По-моему, она свихнулась. — А все хотите казаться белыми и пушистыми. И ты, и Женька. В лаборатории твоего папика людей приводят к эталону, мне так Женька говорил, как про великое открытие, не зря твой папик слинял в Америку. Вот спроси у своего папика, почему в дорогих браслетах делают специальные гнезда под эти кругляшки. Супер работал с твоим папиком, вот теперь и прыгает. А остальные друзья твоего папика съехали прямиком в Чербузы».

«Не все», — трусливо возразил я.

«Это ты про кого?» — уставилась Анька.

«Ну, про этого... Про Михаила Иваныча...»

«Один человек — это всегда только исключение».

«Есть еще какая-то Парвана. Я в папином дневнике читал. И этот еще... Ну, как его... Александр Тихонович...»

Зрочки Анькины злобно сузились: «Парвана давно в тюрьме. Я знаю, она человека зарезала. А так называемого Александра Тихоновича... Ой, ну ты и дурак! Зачем я с тобой связалась? — Она знала, зачем со мной связалась, но остановиться не могла. — Да этот Александр Тихонович... Он только что чуть не задушил тебя...» И вдруг страшно побледнела: «Сашка, дай кругляш, а то на тебя накинусь!»

«Зачем тебе?»

Она заплакала:

«Ну, чего ты такой тормоз?»

«Да зачем, зачем тебе?» — трусливо повторял я.

«Я Женьку хочу найти. Ну, чего тут непонятного?»

«А если ты с этого кругляша сама начнешь прыгать, как Супер?»

«А вспомни, как ты прыгал в крейзи хаусе. Тебе, значит, можно, а мне нельзя? Да настоящая «обээшка» силу духа и тела повышает в тысячи раз!»

«Ага, — пробормотал я, — всех нашли в капусте, а меня в конопле».

Анька уставилась на меня: «При чем тут конопля? — И заколотила кулачками по креслу. — Ты в своей Америке совсем одичал! Твой отец мир перевернул, он калек вернул к жизни. С его «обээшек» безногие прыгают. О браслетах, которые начинены «обээшками», песни поют. Ты что, не знаешь? Он тебя там запирает в туалете? В Штатах телик не изобрели? Я знаю парня, который кололся до смерти, а сейчас у него семья и настоящий ребенок. Тебе этого не понять. Кретин! Я Женьку хочу найти».

Блин, опять этот бабенькин сынок!

Он как гвоздь, забитый по самую шляпку.

Стену можно тысячу раз перекрасить и обоями заклеить, но такой гвоздь все равно прощупывается. Правда, теперь меня это не особо парит. Я так и сказал Аньке. Я здорово разозлился. Есть такие обои, розовые в красных сердечках. Анька когда-нибудь свою квартиру обязательно такими обо-

ямиобклеит, а меня от них тошнит, как от недожаренной картошки Супера. Я прямо чувствовал, как душа обрастает сосульками.

«На!»

И бросил кругляш.

Анька, как рыжая белка, схватила его и сунула его в топик.

Это было как чудо. Очень скоро узкие ее злые губы расправились.

Про нос и про губы отдельно нужно говорить, какие они у Аньки красивые. И войс ее изменился. Зажурчал как ручей. «Теперь я его найду», — журчала она. А я думал: ну, ладно, найдешь ты бабенькиного сынка. Мне это фиолетово. Я мешать не буду. Если вы все такие белые и пушистые, то, провожая меня в Чербузы, пригласите каких-нибудь тухлых Барби и Кена, а еще типа Наташу Королёву. Пусть сервируют канапе и блины с икрой. «Эта «обээшка» дается как бы в кредит, — в последний раз сказал я Аньке. — Смотри. Платить у тебя нечем».

«Не парься», — засмеялась она. И провела пальчиком под заплаканными глазами.

«Пока! Пока!» - вся с ног до головы деловитая и красивая.

Потом хлопнула дверь.

Потом лифт поехал.

21 августа

А поздно вечером я гулял и у торгошки увидел Супера.

Его окружали многие пиплы. Среди них были два японца, и один все время спрашивал: «Нам точно вернут Курильские острова?» Даже язык изучил. А Супер подпрыгивал, шуршал плащом, сучил босыми ногами: «Кому нужны эти острова? Все равно идет всеобщее потепление». Плащ шуршал, военная панамка сползла на лоб. «У нас тесно, — по-русски жаловался японец. — У нас земли мало». Пиплы прислушивалась, кто сочувственно, кто с презрением. «Скупайте землю, — подпрыгивал Супер. — Скупайте у России».

И у Китая скупайте. — Настоящий сверхчеловек: провидит будущее, помнит прошлое. — Переселяйтесь на Амур, в Манчжурию. Россия все продаст, если успеете. Мы к вам в поезде будем ездить».

«А что там с американцами?»

«Да ну их! Главное, ездить поездом».

«Супер, а ты можешь прыгнуть выше, чем Брумель?»

Он дважды подряд подпрыгнул с места на метр, не меньше.

«Если выпить ему литр, — знающе сказал кто-то, — он подпрыгнет выше».

Знающему возразили: «С литра и через ботиночный шнурок не перепрыгнешь».

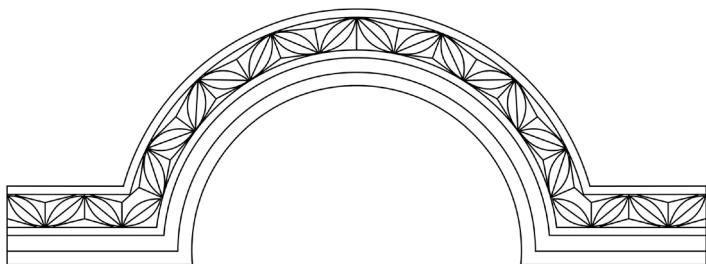
Пиплы ржали, а японцы потрясенно изучали купленную рядом — в газетном киоске — карту Сибири и Дальнего Востока. Неужели, правда, приискивали удобную землицу? Вот дауны. Никак их не отговорить от островов.

21 августа.

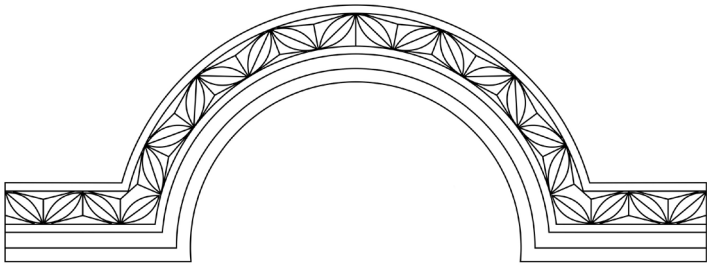
Уже ночью я снова увидел Супера.

Tic-tac, one-two. Около торгошки у фонтана есть клумба.

Цветы там всегда почему-то примятые. Супер стоял над цветочной клумбой, наклонялся, что-то шептал. Помнил, наверное, что он дэмбэл, дэмбэл, а гуси срок службы не уважают. А может, уговаривал непослушные цветы выпрямиться, расти быстрее. Бренчал браслетами, как шаман, сжимал кулаки, горбился. Может, правда, верил, что цветы слышат.

ПЕНСЕРЫ И ПЕНСЫ

С «ТЁТКАМИ»

*7 октября 2413 года
19.10. На реке Голын безоблачно*

1

Раньше я не работал с пенсерами.

Помогал, да. Но пенсерам многие помогают.

Все мы из океана. Все мы родственники — по предкам. Все одной крови, что там ни говори. В штампах (и в штампах) есть свой смысл. Все мы — сородичи и современники, но время течет, время уходит, ты стареешь, преступая, наконец, некую границу. Тебе девяносто. Тебе, наконец, сто. Почему нет? Тебе сто пять. Цифры скачут, как сумасшедшие. Шумные цивилизационные центры утомляют. Смеющиеся молодые лица утомляют. «Отправляйся-ка, парень, отправляйся на поиски новых мест». Старинная песенка стала гимном свободных пенсеров, знаменитое полотно «Снежная буря на горе Бумза» превратилось в символ движения. Некий Счастливчик (по крайней мере, его знают под этим прозвищем) в возрасте ста девятнадцати лет покорил западное ребро горы Бумза, столь же величественное, сколь неприступное. Ледяная стена, грозные трещины, осыпающиеся снежные карнизы — Счастливчик покорил именно западное ребро.

Никакой гарантии на возвращение?

Нет, нет, пенс вернется! Не может не вернуться.

Бибай. Звучные монгольские словечки в большой моде на реке Голын.

Пенс по прозвищу Счастливчик непременно вернется — опять в Дин-ли, центр пенсеров. Прищуренные глаза сияют как ледяная кромка хребта на восходе. У такого крутого пенса много приятелей. Они ждут его. Все вместе они будут сидеть за столиком тихой набережной, пить травный чай, наслаждаться заразными монгольскими танцами, а Счастливчик расскажет о снежной буре.

О, великое, облачное искусство! С него всё начинается, им всё заканчивается.

О, великая, великая игра! С неё всё начинается, ею все заканчивается.

Конечно, не всякий пенсер — пенс, зато все пенсы пенсеры. Если отвлечься от привычной бытовой фразеологии, пенс — это тоже пенсер, но, как говорят, с шилом в одном месте. На фоне крутящейся снежной воронки, втягивающей в себя всё сущее, Счастливчик смотрится как надо. Щеки в инее, ледоруб в руке.

Не думайте о ледяной стене, пенс вернется.

2

В Отделе этики не говорят, с кем ты будешь работать.

А вот где работать, это известно. В Дин-ли, в центре пенсеров.

Остальное «тетки» подскажут. Им виднее. Единая мировая система всеобщей информации (камеры Т, в просторечье — «тётки») укажет, подскажет, прояснит, наведёт на правильную мысль, прочертит возможные пути подхода к проблеме. А главное, «тётки» ни на минуту не позволяют забыть о том, что, достигнув счастливого возраста (девятиности лет), пенсеры отбывают в выбранные ими края во все не для того, чтобы длить надоевший им образ жизни. Нет, нет. С них хватит. Они вам всё отдали, молодые челы! Ваши сумасшедшие города — в прошлом. Хотите знать,

как мы чувствуем себя вдали от вас, от детей и внуков? Да хорошо чувствуем. И устраивались мы на реке Голын, на дальних островах, в бывшей тундре не для того, чтобы снова и снова обсуждать давно надоевшие нам проблемы. Еще раз, с нас хватит. Мы навсегда освободили себя от суеты, а вас от лишних забот. Мы теперь не вмешиваемся в дела молодых челов. Мы теперь полны своими собственными страхами, собственными комплексами, у нас свои интересы, запах, еда, это все — наше. В Дин-ли нет никого, кто был бы моложе пограничного возраста. Девяносто лет — наш «молодняк». Это кандидаты в пенсеры. Сколько вам лет? А вам? Тридцать пять! Вот видите. Слишком долго тянулись времена, когда о пенсерах говорили в основном как об отработанном материале. Да, отработанный материал, да, беспомощная биомасса, нуждающаяся в постоянном внимании. Старики — разве не вечный тормоз прогресса? В эпоху непрерывных войн и общественных взрывов, во времена, предшествовавшие Климатическому удару, видимо, приходилось так думать. В конце концов, это е мы, это природа придумала постоянную смену живого.

Но пенсеры сумели организовать.

Они не ушли из мира, они просто отделились.

Они просто сменили направление своих мыслей. Они перестали постоянно суетиться, жить в суете, думать о суете, они живут в своем мире, повинуются своим желаниям. Они, наконец, получили возможность жить так, как им хочется, и не мешать тем, от кого зависели.

3

На реке Голын безоблачно.

4

В Отделе этики мне сказали: летишь в Дин-ли, остальное «тетки» подскажут.

И еще сказали: ты, Лунин, не нервничай. В Дин-ли не надо нервничать, там этого не любят. Отбрось привычные

представления о старых немощных людях, не бросайся уступать место каждому встречному, в Дин-ли это может показаться бестактным. Не выказывай чрезмерного уважения к тому, кто выглядит значительно старше (там, в Дин-ли, все старше), это может обидеть твоего визави. Не считай, что с любым делом ты справишься быстрее и лучше любого морщинистого и седого пенсера только потому, что тебе тридцать пять, торопливость может выставить тебя в смешном виде.

И еще раз особенно подчеркнули: ты летишь в центр пенсеров.

Это за условным полярным кругом, если смотреть на карту.

Климатический удар изменил историю человечества.

В последние пятьсот лет глобальное потепление выровняло береговую линию океанов, часть земель затопило, часть превратило в цветущие зоны. Такие понятия, как полярный круг и высокие широты, заполнилось другим смыслом. Можно сказать, они заполнились прекрасным шумом листвы, порывами теплых ветров с реки и с моря, птичьим щебетом.

Ты в игре, сказали мне в Отделе этики.

Сойдешь с планера, поселись в гостинице «Голын».

И вообще, относись к делу с юмором, Лунин. Помнишь кависта Соловьева. Так случилось, что он вернулся с задания только через семь лет — без правой ноги, зато с чрезвычайно качественным отчетом. Потерянная нога захоронена где-то на берегу Байкала, это не мешает Соловьеву жить полной жизнью. Бери с него пример, Лунин. У кависта Соловьева с чувством юмора все обстоит правильно. Одной ногой я уже *там*, любит повторять он. По крайней мере, на эти его слова часто ссылается пенсер Ида Калинина, с детства мечтающая о дружественной прочной связи с иным миром.

У меня были и свои причины для поездки в Дин-ли.

Впрочем, мои личные причины Отдела этики не касались.

Придет время, я представлю подробный отчет, этого достаточно.

Пенсеры тоже полны страстей, дело не в скорости протекания биологических процессов. Жизнь пенсера — большая река, излившаяся на равнину. Сплошные долгие тихие плесы, но там заметен водоворот, и там, и вон там еще. Что мы знаем о глубинных течениях? Конечно, многие пенсеры любят Реальные кварталы, неторопливые суждения о жизни и смерти, классический стиль в живописи, облачное искусство. Зато для пенсов, которые с шилом в одном месте, всё искусство — заоблачное. Пенс с шилом в одном месте и в сто, и в сто десять лет готов подниматься на ледяные пики Крыши мира, прыгать с парашютом в безжизненную раскаленную пустыню. О, эти затажные прыжки! Свободное падение — всегда круто, на него не каждый молодой чел способен. Тут, правда, надо помнить, что любому молодому челу всегда есть что терять, а, скажем, на сто одиннадцатом году уровень беспокойства в человеке резко снижается.

Это понятно, основные задачи выполнены. Теперь ты — пенсер. Играй!

Отдел этики строго следит за тем, чтобы никто, как писали давние классики, не ушел обиженным.

5

Об этом я думал на борту планера.

Три часа ровного успокаивающего полета.

Индивидуальные соты были закрыты, только соседки в правом ряду презрели правила. Они подняли цветные колпаки над своими креслами. Они кудахтали как куры. Они не обращали на меня никакого внимания.

Не обращали — да, но все замечали.

Вон, замечали, молодой чел летит в Дин-ли.

«У него, наверное, нет выбора», — смеялась одна.

«Какой выбор среди сверстников», — смеялась другая.

Подведенные морщины говорили не столько о возрасте, сколько об отношении к возрасту. Бибай, кудахтали они. Вон рядом летит молодой чел. Это я так для себя переводил их ужимки и жесты. Наверное, в Дин-ли у молодого чела есть взрослые близкие, перевалившие критический возраст.

Мои спутницы (оранжевые волосы и синие) были уверены в том, что я лечу в Дин-ли надоедать близким. Подчеркнутые специальным карандашом морщины нисколько их не смущали. «А воду найдут обязательно», — утверждала оранжевая. Синяя клохтала в ответ: «Ну, найдут, нам-то что?»

Воду? Какую воду?

Ах, да. До меня, наконец, дошло («тётки»), что они говорят о живой воде.

Невероятные слухи быстро распространяются, впрочем, мои спутницы скоро перешли на Счастливого.

«Счастливчик — придурок...»

«Зато он поставил Одиссея...»

«А все равно разговаривает с сиренами...»

Почему-то последнее больше всего их веселило.

Они, к слову, вспомнили какого-то Щербака. Видимо, еще один пенс, из тех — с шилом. Называли они Щербак ласково — Тарвоган, друг сердешный. Но он их достал. Он их здорово достал. Он поступил совсем не так, как они ждали, а ведь Тарвогану уже сто семь. Он не должен был подводить синюю и оранжевую. По некоторым их словам я очень скоро составил портрет друга сердешного. Этот Тарвоган, он маленький, как летучая мышь, и боится флирта, как кислотного дождя. Но он клялся моим спутницам, он обещал полететь с ними в Дин-ли, обещал подпереть их своими хилыми плечиками. И вот обманул. Такую синюю и такую оранжевую каждый может обидеть. Друг сердешный предпочел моим нынешним спутницам подземелья пещеры Карр, они называли их Пропастью. В ней, в Пропасти, он и пропадет, кудахтала оранжевая. Под рев подземных водопадов, вторила синяя. Тарвоган, друг сердешный, обломал им весь кайф. Теперь глазастые, как совы, с округлыми румяными лицами, густо разрисованными стильными морщинами, они перебрасывались фразами, не всегда мне понятными.

«Зачем спускаться в Пропасть, если есть река...»

«Если сейф заполнен, его вполне можно обсолодить...»

«Он пожалеет, увидишь...»

И все такое прочее.

Мои спутницы прекрасно знали, что я далеко не всё понимаю в их разговоре, поэтому старались произносить каждое слово внятно. Дразнили меня, играли. А подземным похождениям Тарвогана, друга сердешного, противопоставляли надежность известного всем Счастливого. Тарвоган — придурок, с этим никто не спорит, но лучше бы он отправился с ними в Дин-ли. Лучше бы он брал пример со Счастливого.

«Мы научили бы его курить и носить шляпу».

Синяя удивилась: «Зачем ему под землей шляпа?»

Оранжевая отмахнулась: «Я говорю о жизни в Дин-ли».

В общем, они осудили неверного Тарвогана. Пусть, глупый, укрывается под земными пластами. Пока он там укрывается, Счастливчик поставил «Одиссея». Он поставил «Одиссея» для всех. Ко всему прочему, это последнее выступление Счастливого. Так что, будем счастливыми, это здорово все упрощает.

По ассоциации я вспомнил Алмазную Незабудку.

«Будь счастливым, это здорово все упрощает».

Так сказала она мне пять лет назад.

От разрывов женщины и мужчины не спасает живая вода.

Я, конечно, обещал Незабудке: «Непременно буду», и все-таки...

Впрочем, куры с подведенными стильными морщинами ничего о моих переживаниях не знали и знать не могли, поэтому, наверное, перешли на ягоду, которую им доставят из тундры в ресторан «Голын».

Они прекрасно знали, куда летят.

Они то смеялись, то переходили на шепот.

«Мучают ли вас эротические сны? — спросил психиатр. Почему мучают? — удивился несколько обескураженный такими словами пациент».

Я примерно так перевел для себя негромкий шепот оранжевой.

Наверное, девяносто лет назад это казалось смешным. А сейчас мои спутницы просто летели в Дин-ли. Их ничто не мучило, разве что проступок друга сердешного, укрывшегося в Пропasti. Они торопились на последнее представ-

ление Счастливого и прекрасно знали, что находятся под постоянной опекой «тёток». Они знали, что «тётки» везде. Если ты нервничаешь — «тётки» тебя успокоят. Если ты торопишься, они стабилизируют игру. Если устал, прими душ, «тётки» снимут случайные рефлексии. «Тётки» — нервы мирового Облака.

Я с удовольствием прислушивался к веселому шепоту.

Раз эти куры так сильно хотят, значит, молодые челы найдут для них воду.

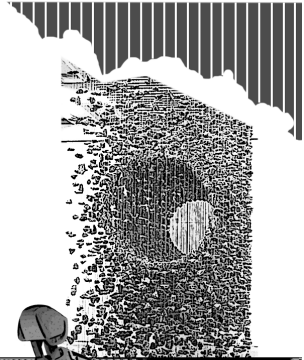
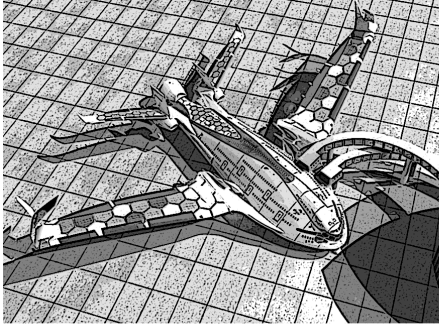
Каждый в этом мире должен выполнить свое предназначение. Бибай. Пусть молодые челы роют землю копытами. Мы — пенсеры, весело кудахтали синяя и оранжевая куры. Жизнь пенсера начинается после того, как тебе исполнилось девяносто. Ты работал, ты достиг многого. Тебе стукнуло девяносто, ты свободен.

«Всё включено».

Игра делает свободным.

В Дин-ли своя музыка, своя мода, живопись, развлечения. Кухня в Дин-ли не китайская, не русская, не монгольская, она своя. Ты видишь настоящих живых драконов в вечернем небе над большой рекой Голын и это действительно настоящие драконы. Ты видишь полярные миражи над рекой и это настоящие миражи. Ты ведь не будешь утверждать, что шекспировские страсти не настоящие. А если будешь, значит, ты не пенсер. Игра дает чудесную возможность (при желании) заново пережить всё когда-то тобой пережитое. Бывший гонщик проходит самые сложные трассы, неважно, что в его годы нервные реакции, скажем так, притуплены. Это ничего. Бибай. Мы в Облаке. Бывший океанолог спускается в такие бездны, о каких не мечтал в зрелые годы. Неукротимые пенсы, особенно те, которые с шилом, разыгрывают то, что не давалось им в двадцать пять. Игры неисчислимы. Игры необозримы и невероятны. Есть игры для тихих пенсеров. Есть игры для физически неполноценных, но выживших, прошедших полный апгрейд. Есть игры для придурков и кудахтающих кур, все одинаково заслуживают счастья.

Тебе стукнуло девяносто?

Радуйся, пой. «Всё включено».

Какой бы ни была игра, она все равно выгодней былых Домов старости — унылых рассадников старческих ссор и склок.

Игра — это не только чудесные облака над вечерним морем, рампа игровой площадки, веселые взгляды, смех, возгласы, это мера и вкус, рассчитанные интонации, понимание вечности. Руками игроков добываются исторические артефакты, уточняются детали давно ушедших событий. Камеры Т (в просторечье — «тётки») строго следят за тем, чтобы не нарушались правила. Мы свободны, мы ответственны. Второе — чрезвычайно важно. Мы живем для будущего, но сотканы, конечно, из событий прошлого. Пещерные рисунки, разливы больших рек, северные сияния, лед, пламя — всё входит в игру. Долой состязание цивилизаций. Мы свободны. Мы созрели для удовольствий. Кто-то уединяется в горной обсерватории, кто-то торит новую тропу в снежной пустыне, кто-то в Реальных кварталах корпит над историческими документами, а кто-то проводит долгие теплые вечера за столиками чудесной набережной. На родине Одиссея, давно затонувшей в прошлом, никто не приносил в жертву Афине Палладе или Афродите свинью или быка, нет, всем им приносили белых голубей и белых козочек.

Пенсеры, как боги, питаются эмоциями.

ЖИВАЯ ВОДА

7 октября 2413 года.

20.20. На реке Голын безоблачно.

1

В гостинице «Голын» было сумеречно.

Я не стал осматривать номер. Сразу отправился в ванную.

Человек вышел из воды, вода его стихия. Вода успокаивает. Вода дарит жизнь.

Я вырос на большой реке. Я наслаждался. Я подставлял плечи, спину под тугие струи, а потом открыл глаза и увидел летящие в лицо капли — каждую в отдельности. Они замерли, будто нарисованные, застыли в полете. Ну да, понял я, мы, молодые челы, живем стремительно. Мы живем энергично. Как огненные вулканы, как снежные метели и грозовые ливни.

Я моргнул, и капли снова слились воедино.

Наверное, это, включились местные «тётки».

И я увидел стены в мраморе нежных тонов, прихотливые голубые прожилки, мягкие обводы, никаких жестких углов. Мой номер, мой душ, моя площадь, хотя все эти определения выглядели бессмысленными.

Самым трудным для человека всегда было изжить идею собственности.

Её и в прежние века не раз объявляли полностью изжитой, но она вновь и вновь возрождалась, прорастала из недр подсознания, как возрождается, прорастает чертополох на голом пепелище. Уходя в горы, собираясь в море, пенс, конечно, выбирает ледоруб по своей руке, подгоняет обувь, акваланг. Это всё *твоё*, исключительно твоё — по физическим параметрам. Но, вернувшись, ты все равно сдаёшь на базу и ледоруб, и обувь, и акваланг, ты снова свободен, «тётки» держат руку на твоём пульсе.

Слабеет память, путаются слова, мир бледнеет, смазывается, но душа человеческая не тускнеет. Цэвэр. Чудо чистое. Стресс и беспокойство — удел, в основном, молодых челов. Именно они находятся в плену перегрузок, а на пенсеров и пенсов день и ночь работает единая мировая система. «Тётки» — лучший способ стремительно и напрямую передавать энергию и информацию на всех уровнях.

Цэвэр гайхамшиг. Так бы, наверное, сказал Счастливичик.

Я удивился. Почему я все время возвращаюсь к Счастливичику?

Ну да, остался в памяти разговор оранжевой и синей. Друг сердешный в Пропасти... Счастливичик в Дин-ли... Последнее выступление... Наверное, Счастливичик и сейчас

находится где-то неподалеку, может, на просторной набережной под окнами гостиницы. А до этого («тётка») он участвовал в каком-то неудачном переходе через выжженную пустыню по пути в Тибет.

Впрочем, почему неудачном? Ну да, потерял в пустыне двенадцать человек, но сам-то вернулся.

Его спросили: «Как вы могли потерять связь с мировым полем?»

Он ответил: «Это должны установить вы».

«Ваш переход — это игра с прошлым?»

«С прошлым не играют».

«Что вы имеете в виду?»

«Общую ситуацию».

2

Чудо чистое. Цэвэр гайхамшиг.

Я стоял у окна и прикидывал, куда мне отправиться.

Круглосуточный прогноз обещал полное безветрие в устье реки Голын.

Итак, куда? Я знал, что не ошибусь, выберу верное решение. Тот, кто злостно не посещает ванную («тёток») в назначенные часы, нарушает главные Положения, а я их не нарушал. Отделу этики известен список всех нарушителей. Он невелик, но он существует. Без «тёток» никак. В преклонном возрасте без них не добьешься желаемого. Чего хочет пенс, поднимающийся на Канченджангу? Разумеется, рассказать о мире, увиденном с ледяной вершины. Чего хочет пенс, пересекающий мертвую пустыню или спускающийся в мутные придонные течения Курильской впадины? Разумеется, рассказать о том, что увидел на самом дне.

За сверкающим ледяным гребнем... Среди черных курильщиков... В снежной мгле...

Только так. Ты — пенсер. Ты свободен. Тебе не нужно думать о здоровье, всего лишь вовремя посещай ванную. И если даже забудешь, пропустишь разок, ничего страшного, «тётки» подскажут. Танцуй «Розамунду», спорь, пу-

тешествуй, не пренебрегай гимнастикой и медитацией, ты всегда под контролем «тёток».

Пенсеры — игроки. Пенсеры всегда заняты игрой.

Конечно, время от времени возникают неясные слухи о какой-то необычной, какой-то особенной игре, якобы вдруг выпадающей из-под контроля «тёток», но это всего лишь слухи. Сотрудники Отдела этики хорошо это знают. Да и что значит *своя*? В конце концов, на определенном этапе любая игра пусть на какое-то мгновение, но выходит из-под контроля и самый неукротимый пенс остается наедине с дикой природой, как на знаменитом полотне, посвященном снежной буре на горе Бумза.

Чудовищная вертикальная стена...

Черные страшные изломы трещин...

Мертво рушащиеся снежные козырьки...

3

Лет семьдесят назад («тётки») расследователь Отдела этики Шеин («тётки») занимался аварией пассажирского планера «Ганг». Это случилось задолго до моего рождения. Огромный планер развалился где-то над пустыней Гоби. Такое случается. Цэвэр. Группы пассажиров и экипажа оказались разбросанными на площади в добрый десяток километров, только Счастливчик уцелел. Никто не верил в такое спасение, но Счастливчик уцелел. Он сидел в авиационном кресле, намертво пристегнутый, лицо расцарапано, в крови, но не разбился, огонь обошел место его падения, он не сошел с ума, не искалечился. Цэвэр. Он должен был сгореть, сойти с ума, расплющиться при ударе о пески, но ничего такого не произошло. Счастливчика должно было размазать по камням, как желе, но он даже не выпал из кресла.

Удивительная, даже пугающая история.

Пенсерам такие истории никогда не нравились.

Еще бы. Дин-ли. Тихие уголки. Ты достиг своих девяноста лет.

Ты завершил свои житейские дела. А до этого — строил дальние орбитальные станции, изучал жизнь океанов, спа-

сал, лечил людей, добывал металл и камень, развивал новые технологии. Не один год, даже не один десяток лет. А теперь ты перешел в пенсеры. Больше никаких проблем. «Всё включено». Устраивайся на тихих солнечных островах или селись в Реальных кварталах, путешествуй. Игру выбирает большинство пенсеров. Это, в сущности, объяснимо. Ты вырастил детей, ты помог обществу, значит, имеешь право заняться собой и тем, к чему тебя влекло всю жизнь. Сто лет — не катастрофа. Сто лет — всего лишь возраст игры.

АЛМАЗНАЯ НЕЗАБУДКА

*7 октября 2413 года.
20.30. На реке Голын безоблачно.*

1

Я шел по набережной.

Не искал особенных знаков.

Деревянные скамьи с мудрыми нужными изречениями, издалека заметные говорящие указатели. Запах свежего чая, зеленой листвы, цветов, ванили. В Дин-ли не спрашивают, сколько тебе лет. Если ты живешь в Дин-ли, по любому выйдет — много. Но здесь торопиться некуда, ты всё успеешь.

Ты — пенсер. Ты — подобный в подобном.

Высокая дама в шляпке, прихотливо построенной из белых чудесных перьев, издали кивнула мне, может, обонялась или просто удивилась молодому челу. Подведенные морщины и цветные тату пользовались в Дин-ли большим почетом, их не прятали. Бросались в глаза береты — вязаные и печатные, без этого никак. Тысячи веселых открытых улыбок. Вон человек-гриб ростом в сто шестьдесят, но смеющийся. Уже выпцветшие, но уверенные глаза, наверное, когда-то голубые.

Чаще всего возраст пенсеров выдает походка.

«Тётки» справляются со многими трудностями, но не со всеми, природу не переспоришь. Я, например, узнал пенсера Борисова. Бибай. Этого уже в юности считали сумас-

шедшим, хотя какая юность у сумасшедших? Он испытывал мощные ракеты, работал на орбите, не раз горел, темные пятна ожогов на лице, на руках и сейчас бросались в глаза, но, скажем так, ничему не противоречили.

Похоже, я застал в Дин-ли пик моды на тату. Лучистые звезды, цветные луны во всех четвертях, прихотливые лилии, снежные перья, крылатые рыбы, перепончатокрылые драконы, птицы из волшебных снов.

На меня тоже обращали внимание.

Кивали, провожали насмешливыми взглядами.

Пожалуй, так обращали бы внимание на согбенного старика, затесавшегося вдруг на званый вечер, проводимый молодыми челами.

«Такому не нужна живая вода», — услышал я.

Оборачиваться не имело смысла. К тому же, в сухощавом франте, руки, шея и лицо которого было густо оплетены прихотливыми тату, я узнал знаменитого лингвиста Л., лет семьдесят назад построившего общую теорию языка. Вот с ним, наверное, было бы интересно пообщаться.

2

«Такому не нужна живая вода», — повторил кто-то.

Ну да. Зачем молодому челу живая вода? Когда тебе тридцать пять — на вечность смотришь без особенного интереса. Да и чужим я себя не чувствовал, несомненно, заслуга «тётток». Впрочем, и пенсерам в Дин-ли кривые слабые ноги мешают не больше, чем отблеск фонарей на воде. Улыбки, покашливание, легкое придыхание. Большая река, длинные облака. Цветные и белые воротнички, легкие сандалии, туфли, шляпы, береты, снова тату. Пенсеры ничего не хотели скрывать — были разрисованы, как маори. Я узнал в толпе престарелого художника Якова Рябова, акварели и масло которого известны многим, если не всем, даже у меня хранится несколько миниатюр. Яков Рябов всю жизнь писал тени. Кажется, он знает такие оттенки, для которых еще не придуманы названия. Гайхамшигтайгаар. По самому звучанию диковинного слова я понял («тётки») его значение.

Чудесно. И произнесла это согбенная дама в элегантной широкополой шляпе чуть набекрень, с цветами.

Я вдруг понял, чего мне не хватало в Дин-ли.

Детей, конечно. Не было тут детей. Не знаю, с чем это можно сравнить.

Негромкие покашливания, шарканье ног, спокойные улыбки. Над рекой Голын безоблачно. И все же не спокойствие объединяло пенсеров. И не возраст, и не отсутствие детей, как бы это ни бросалось в глаза. Игра, — вот что свело пенсеров на набережной в Дин-ли. Они не хотели доживать последние годы в городских домах и квартирах. Они прожили долгие жизни, иногда скучные, иногда чрезвычайно яркие, теперь им хотелось только игры. Они не впали в детство, как иногда подшучивают, совсем нет, они просто хотели участвовать в чем-то достойном самого активного человека.

Климатический удар подвел черту под всей прошлой историей человечества.

Больше никаких войн. Теперь всё — на людей. Каждый заплатил за удивительную старость своим удивительным прошлым. Они распрощались с Лондоном и с Венецией, с Голландией и с Данией. Не они лично, конечно, а их предки, как выразился бы археолог. Они навсегда распрощались с Прибалтикой, с Флоридой, с частью Аляски. Уцелевшие небоскребы Сан-Франциско украшают теперь длинный одноименный остров, огромные территории Китая и Индонезии ушли под воды мирового океана, захватившего все, что он мог захватить. Астрахань, Санкт-Петербург, прибрежная полярная полоса, архипелаги Западной Сибири...

Но у пенсеров Дин-ли горели глаза.

Они были самодостаточны и свободны.

Они пришли на эту набережную, чтобы послушать и посмотреть еще один вариант «Одиссея», они ждали новой необычной музыки, новостей о живой воде. Без некоторой доли воображения никакой нормальной жизни вообще не существует. Неважно, что многие тут хромают и даже опираются на трости. «Тётки» с ними. Это придает уверенности.

«Быть мальчиком — вопрос пола, быть стариком — вопрос возраста».

Я засмеялся, но не стал оборачиваться. Все тут свои, я ничем не хотел выделяться.

О, «тётки», дайте мне сил и терпения. Наделите меня выдержкой. Я о каждом увиденном хотел что-то знать. О, «тётки», не позволяйте мне никого, совсем никого упустить из виду. Я подмигнул согбенной старушенции, небрежно распустившей по плечам седые красивые волосы. Она незамедлительно ответила, даже чуть-чуть подпрыгнула, показывая, какая она ловкая и быстрая, прямо не согбенная старушенция, а сжатая пружина!

И неважно, что все тут поглядывали на меня снисходительно.

3

Никто не спорит, весь мир — театр.

Никто не спорит, все женщины, мужчины — актеры.

Эти тезы уже несколько столетий ни у кого не вызывают сомнений.

Но пенсеры хотят не просто играть. Они хотят играть только самих себя. Они хотят играть то, чего не успели доиграть в прошлом.

С игры всё начинается, игрой всё кончается.

Я никогда не встречался со Счастливымчиком, но, наверное, узнал бы его.

У него лицо, наверное, желтое, как текучий песок. Он наверняка из самых неукротимых пенсов. У него злые глаза. Впрочем, это все вздор. Я незаметно потянул носом, но не почувствовал никакого запаха.

Смеющиеся лица, стилизованные морщины, тату.

Кто-то улыбнулся, кто-то проводил меня невнимательным взглядом. Я не представлял для пенсеров особенного интереса. Ну, идет молодой чел, почему нет? Когда-нибудь состарится и он. Мы не знаем, на что способен такой молодой чел, может, он давно в игре. Как, скажем, пенсер Ван Ду, прыгающий с парашютом. Семьдесят три

прыжка для такого столетнего пенса не рекорд, и прыгает он с тридцати километров. Душевную его гармонию трудно нарушить, потому что живет он, в сущности, за облаками. А вот пенсер Глухой (девяносто девять лет) до сих пор активно и успешно занимается экспериментальной биохимией. Он любит Реальные кварталы, где есть возможности заниматься настоящей наукой. Пенсеру Глухому удалось выявить сложные внутренние механизмы саморазрушения человеческого ДНК. Этим он сразу окупил свою старость.

«Как я сохраняю мозг в рабочем состоянии? Я им пользуюсь».

И пенсер Глухой не просто пользуется своим мозгом, он помогает другим.

Он оказался тем единственным человеком, который не уснул в Седьмом (южном) квартале Дин-ли, когда этот квартал накрыло болезнью Дица. Пустые дома, вялые липы, в один день полностью пожелтевшая трава.

«Только спать, спать, спать и не видеть снов».

Болезнь Дица не убивает, она выключает жертву из жизни.

Чтобы разбудить спящих понадобился мозг именно пенсера Глухого.

Под каменными роострами мелькнула женщина, напомнившая мне Иду Калинину.

За последние двадцать лет Ида Калинина (в прошлом — великая гимнастка, потом тренер) посетила места последнего упокоения многих известных, да и неизвестных людей. Мрачные слухи о пограничной реке Стикс всегда казались ей нелепыми. «Просто мы не имеем оттуда никакой информации». Пенсер Ида Калинина всерьез мечтает когда-нибудь вернуться *оттуда*. Она мечтает стать первым пенсом действительно вернувшимся *оттуда*. Почему нет? Все понимают, что нельзя без надежного скафандра и мощных тормозных систем сойти с околоземной орбиты живым. Но Ида Калинина верит: *оттуда* можно вернуться.

Цэвэр. Чудо чистое.

«Будь счастлив, это здорово всё упрощает».

Женщина в белом перехватила мой взгляд и пожалала плечами.

Не всем нравятся малярийные цыплята, каким я, наверное, выглядел в ее глазах.

Но ведь и не все пенсеры нам нравятся. Многие молодые челы уверены, что рано или поздно татуировка даже на самом спортивном теле обвисает и гаснет, при этом тату — все равно искусство. Постоянно носить искусство с собой, это повышает самооценку. На выбритом виске высокого старика я увидел оранжевую звезду. Волосы разноцветными пучками торчали над головой, но висок был выбрит.

Праздничными драконами плыли над рекой облака.

Выгнутый мост походил на смазанную зноем радугу, вода матово серебрилась, на столиках волшебной вспыхивала стеклянная и фарфоровая посуда. Огненные фонтаны, праздник живых цветов. Пенсеры не печалились. Подумаешь, на всех не хватит живой воды, что-нибудь придумаем. Подвяжем пучками волосы, сменим тату. У нас головы совсем голые? Зато их можно красиво расписывать. У нас выпученные выцветшие глаза? Зато мы умеем, как пауки, ползать по скалам.

На открывшейся за поворотом площади я увидел игровую площадку, над которой, как последний штрих неведомого стилиста, парила в воздухе огромная массивная балка с отчетливыми даже издали просматривающимися потеками янтарной смолы. Запах свежеспиленного кедра всегда приятен. Было видно, что кое-где к балкам приклеились бабочки. А на самой игровой площадке завалилось на борт деревянное судно с мачтой, украшенной веревочными рьями и вантами.

«У нас немногие играют на флейте».

Улыбка. Бибай. Будто бабочка вспорхнула.

И я впервые ощутил неясную тревогу («тётки»).

Это было невероятно. Это походило на недосмотр, на ошибку. Я никогда не задумывался о такой возможности,

но рядом, совсем рядом, в трех-четыре шагах, за отдельным столиком сидела Алмазная незабудка. На ней был кардиган крупной вязки и самый обычный печатный беретик. Ничего вызывающего. Но внезапный холодок пронзил меня. Я не видел ее пять лет. Алмазная не встала, увидев меня, и вообще смотрела без улыбки. Листочки юного мышиного горошка выглядят, может, нежнее, не знаю, но Алмазная, как и пять лет назад, была похожа только на незабудку. Алмазики в розовых слегка оттянутых мочках. Никаких морщинок, намек на них. Румянец — не наведенный, густые ресницы — свои. При таком лице даже кривые ноги женщину не испортят, а у Алмазной и ноги были само совершенство. И она, несомненно, чувствовала себя *своей* среди многих пенсеров, пестрых как зебры, украшенных самыми наглыми прическами и татушками.

Рядом с Алмазной сидел пенсер.

Этот, конечно, был в тату и в морщинах.

Старый, даже древний, хотя это его не портило.

Он тянул через трубочку какой-то синий напиток и делал это значительно, неторопливо, втягивая узкие щеки. Ни одного лишнего глотка. Он все заранее отмерил. Было видно, что он выпьет ровно столько, сколько заранее определил. Похож на ископаемого проконсула, подумал я, только дикости не хватает. Такими были наши далекие предки, хоть сейчас отдавай его археологу. Счастливчик? Обычно «тётки» точно выводят на цель, но я колебался. Тяжелые челюсти... мрачный взгляд... низкий лоб, припорошенный седыми кудряшками...

Я спросил: «Как ты?»

Она ответила: «На свой возраст».

Тридцать шесть. В таком возрасте вопросы о здоровье звучат нелепо («тётки»). Проконсул, впрочем, не обратил на мой вопрос никакого внимания. Просто я, видимо, прервал их разговор.

«Все в этом мире — для человека...»

«...пока не знаешь истинных масштабов».

Наверное, я помешал им, иначе Алмазная не стала бы удерживать проконсула.

А она удерживала. Рука ее — тонкая, загорелая, без единой морщинки, лежала на грубой, мощной, расцвеченной алыми и синими узорами руке проконсула. Если это действительно был Счастливчик, он, похоже, неплохо шлифовал какую-то там историю. «В мире, созданном не тобой, не всё доступно пониманию». Произнося это, спутник Алмазной и впрямь напомнил мне проконсула — зубастого примата, вымершего десятка два миллиона лет назад.

Алмазная улыбнулась и убрала руку.

Это ее движение (не примирило) объединило нас.

Но я снова почувствовал тревогу («тётка»). Я чего-то не понимал.

Кажется, и проконсулу не понравилось движение Алмазной. Помни, Лунин, сказал я себе, помни, что ты давно уже не практикант, а она давно не наставница. Помни, что ты — сотрудник Отдела этики, и твоя тонконогая беда встречается не с тобой, а с каким-то зубастым пенсером.

5

Прошлое — мертвое время.

Прошлое — это умершее время.

На игровой площадке, метрах в десяти от нашего столика, под плавающей в воздухе кедровой балкой хромой игрок в седых дредах привязывал к мачте накренившегося деревянного судна робко вскрикивающих сирен. Гибкие, с крыльями из рябых, как у кукушки, перьев, лысые, Гомер бы сказал: гологоловые. Мелкие сиреневые цветочки украшали кожу сирен как фантастические кружева. Может, такими они и были когда-то, почему нет?

Меднокопытные кони... Золотые гривы...

Проконсул тяжело смотрел на меня, но тревога исходила не от него.

Я чувствовал — я в игре, но в какой? Еще я чувствовал, что не понравился проконсулу. Может, какой-то сбой? Может, информационная подзарядка в камере Т оказалась не на высоте и «тётки» смазала подачу, или просто проконсул

был в том возрасте, когда наглых молодых челов не замечают?

Но я-то всё замечал. И алмазики в прелестных ушах Незабудки. И то, как тяжелые желваки скул сдвигают с мест глубокие морщины проконсула. И то, как мелькают в моей голове странные видения. Песчаная пустыня. Выжженные камни. Выбеленные, высохшие, как хворост, кости.

«Игра — всегда повторение».

Время — цак. Дорога — дзам. Вода — ос.

Монгольские слова так и порхали в воздухе.

«Я не понимаю», — признался я и услышал в ответ:

«В мире, созданном не тобой, не все доступно твоему пониманию».

Режущий песок, острый привкус крови. А почему, собственно, нет? Игра тоже может отдавать кровью. Мы далеко не всегда знаем, чем игра закончится. Верблюды, лошади, телеги — квадратные ящики на колесах. «Тетки», кажется, работали на отлично, такими яркими были видения. Проводник-идиот бормотал: «Вода». Но как взять с собой воду, если только одной дрови на телеге четыре пуда и всё надо тащить на заморенных верблюдах и лошадях. Почему-то слова проконсула (может, из-за перевода, предложенного «тёткой») и даже слова Алмазной звучали скучно, именно как монгольский язык, когда его не понимаешь. Ну да, мертвые кости, пустыня. Но этот мир все равно наш. Пусть ничто в нем не принадлежит нам, но он наш. Он почти целиком построен нами. Вольно диким заблудшим осам строить свои гнезда, где попало, это ничего не меняет в мире.

Я даже удивился своей патетике.

К счастью, проконсул уже поднялся.

«Барятэ». Я обрадовался. Мне сразу стало легче.

На фоне негромкой толпы Алмазная и проконсул будто кружились в медленном танце, они что-то произносили, но я видел только рты — шевелящиеся, как у рыб. А с игровой площадки уже лился негромкий речитатив.

«Всех оболещают людей, кто бы ни встретился с ними».

Сирены беспощадны. Теперь я знал это без всяких под-сказок.

«Кто, по незнанию приблизившись к ним, голос услышит, домой не вернется», — в отчаянье вскидывал руки над головой хромой Одиссеей в седых дредах. Он обращался к поющим гологоловым сиренам, и в унисон ему звучали голоса матросов, таких худых, будто их набирали где-нибудь в порту Игарка в начале двадцатого века.

ЗАОБЛАЧНОЕ ИСКУССТВО

*7 октября 2413 года.
20.42. На реке Голын безоблачно.*

1

Одиссеей в дредах.

Гологоловые сирены.

«Всех обольщают людей».

Чудо чистое. Цэвэр гайхамшиг.

Громада времён высилась над нами, как белые грандиозные облака.

Я хотел, чтобы Алмазная заговорила первой, но она продолжала молчать, и я опять мысленно увидел песчаную пустыню, усеянную костями («тётки»). Однажды Счастличик уже потерял в пустыне своих спутников («тётки»). И, кажется, теперь Счастличик вновь собирается в те края.

Зачем? Почему он так торопится уйти — не с игровой площадки, а в пустыню?

Я не знал, что именно случилось три года назад в желтых мертвых песках, от чего погибли спутники Счастличика. Но они шли в пустыню по своей воле, значит, знали, куда идут.

«Спасибо, что ты меня услышал».

«Но ты же еще и полслова не сказала».

«Теперь все равно. Можешь спрашивать».

Разумеется, я спросил, зачем Счастличик собирается в пустыню? Может, хочет найти живую воду?

Алмазная удивленно подняла голову.

«Чтобы остановить Счастливого, нужны серьезные основания».

«Разве двенадцать трупов в пустыне не основание?»

«Для игры — нет».

«Как тебя понимать?»

«Раз ты не знаешь, не скажу». — И сама спросила. — «Ты видел отчет Счастливого по Гобийскому переходу?»

«Разве он доступен?»

«Частично».

«Значит, в нем действительно есть что-то такое, что не стоит выкладывать в общее пользование?»

«Такое можно найти в любом серьезном отчете».

«Тогда почему Счастливному разрешили новый переход? Ведь ему разрешили?»

Алмазная кивнула: «Его игра связана с прошлым».

«Разве не все игры связаны с прошлым?»

«Это уже не важно».

«Почему?» — не понял я.

«Потому, что ты принял предложение Счастливого».

Теперь я вообще ничего не понимал. «Какое предложение?»

«Пойти с ним».

«В пустыню?»

«Конечно».

Я прислушался. К себе («тётки»). К окружающим («тётки»).

Привязанные к мачте сирены вели какую-то особенную арию.

Я пойду со Счастливым? В пустыню? Я принял его приглашение? Как это? Когда? Зачем мне в пустыню? Разве мало уже того, что однажды Счастливчик потерял в пустыне своих спутников?

«Да, он их потерял. — Алмазная подняла на меня взгляд, и на этот раз глаза ее были мрачными. — Что с того? Людей всегда тянуло к тeneвым линиям, Луин. Разве не так? Вспомни, как популярны работы Якова Рябова. Всего лишь неясные смазанные тени на полотне, но как они беспокоят. Учись разбираться в оттенках,

Лунин. — Она почему-то упорно называла меня по фамилии, будто подчеркивая дистанцию между нами. — Даже искусство, Лунин, придумано для того, чтобы длить чувство опасности».

«Не знаю. Я не искусствовед».

«Игра утверждается не искусствоведами».

Ну да, с искусства все начинается, искусством все кончается.

Но разве твои губы, моя Алмазная незабудка, были просто игрой?

Да, я всего лишь обыкновенный молодой чел, моментальный человек, так нас называют, но разве игра — удел только пенсеров? Пять лет назад, моя тонконогая беда, ты стонала в моих руках, ты отвечала именно мне, а не кому-то другому. Твое тело, твои слова и стоны — разве это была только игра?

2

На реке Голын безоблачно.

3

«Зачем я в этой игре?»

«Чтобы помочь Счастливику».

«Но ты вдумайся. Он потерял людей».

«Такое случается. Но убил их вовсе не он».

Алмазная опять подняла взгляд, и я осекся. На этот раз я вообще не увидел в ее глазах ни тепла, ни какого-то особенного интереса, а только старое, хорошо знакомое мне упрямство, как пять лет назад.

«Что грозит Счастливику?»

Она ответила просто: «Время».

«Но время грозит не только Счастливику?»

И только теперь по холодному блеску ее глаз, по вспышке алмазика в прекрасной розовой мочке, я вдруг понял, что там, в нашем прошлом, к сожалению, действительно уже в далеком *прошлом*, у меня, человека моментального, не

осталось ничего, кроме умершего времени. И если кто-то сейчас остро нуждался в живой воде, то, наверное, прежде всего, я.

ЧЕРЕДА ПРЕДКОВ

7 октября 2413 года.

21.01. На реке Голын безоблачно.

1

А на игровой площадке уже шло действо.

Сирены страстно щебетали, как большие рябые птицы.

Неволя заставляет глубже, острее, отчаяннее чувствовать родину, жизнь, детей. Цохрол. Подальше от низких темных берегов. Время и пространство заставляют глубже, острее чувствовать родину, жизнь, детей. Крылья из крупных перьев. На выбритых головах голубые цветочки, как фантастические кружева. Изумленные восклицания, нежный запах смолы, цветов. Дин-ли — город счастливых. Гавкнула собака неподалеку, будто рассмеялась. Множество глаз следило за гологоловыми сиренами, за хромым Одиссеем. Музыка текла, распространялась над набережной, ее сносило по реке, сиреневая дымка покрывала низкие далекие здания Реальных кварталов. Там озонаторы не поют, там камеры Т малой мощности.

«Если ты сам пожелаешь, — неслось с игровой площадки, — то можешь послушать...»

Наверное, ничем из прошлого нельзя пользоваться, не обдуд пыль.

«У нас немногие играют на флейте».

Это произнесла Алмазная. И она произнесла это так, что мне сразу захотелось отказаться от участия в переходе Счастливчика, ведь игра предполагает импровизацию, а кто тут импровизирует? Час назад я представить не мог, кого увижу в Дин-ли. Час назад мне в голову не приходило, что я ни с того, ни с сего дам согласие войти в отряд Счастливчика. Зачем мне в пустыню? Разве мы в одном искусстве?

Мне хотелось коснуться Алмазной. Мышцы сводило от этого страстного темного желания.

2

«Хубилган...» — произнесла она.

Ну да. Хубилган. Я ожидал чего-то такого.

Историю какого века шлифовал Счастливчик? Десяти-надцатого.

Значит, и прозвище Хубилган из девятнадцатого. А в жизни — Пржевальский.

Правда, имя это чаще ассоциируется с открытой им лощадью, но это уже факт третьего порядка. «Тётки» работали споро. Я четко, во всех деталях, видел все, что они подсказывали. Великий путешественник. По мере продвижения к Тибету, ширилась его слава. Особенно возросла она после известной стоянки у кумирни Чейбсен. Там Хубилган (Пржевальский) и его спутники до такой степени устроили местных дунган, что они уже не осмеливались нападать на отряд.

К тому же, Пржевальский спасал больных малярией и лихорадкой.

Приезжали к нему гыгены — поклониться, вручить подарки. Появлялся с верительными грамотами владыки Тибета специальный посланник. Приходили далай-ламы, тангуты, монголы, китайцы, все молились Хубилгану и его дальнобойным штуцерам. Это же девятнадцатый век. Приводили малых детей, чтобы Хубилган их коснулся. Местные жители в рваных халатах выстраивались на коленях вдоль пыльных дорог. Это были сложные, это были скверные времена. Хорошо, что никому не приходит в голову повторить маршруты великого путешественника. Хотя почему не приходит? Счастливчик, например, пытался повторить переход Пржевальского через пустыню. На лошадях и верблюдах. На него ни джунгары, ни хара-тангуты не нападали, но он потерял всех своих спутников, а вот Хубилган не потерял ни одного. В хошуме, где он останавливался, никто не смел повысить голос. В долинах и на перевалах,

в пустынях и на солончаковых болотах, где соль в жаркое время нарастает над мертвой водой серыми буграми-сугробами, царил мир.

Но Пржевальский был только хубилганом; он не был пенсером.

Может, он превзошел бы любого пенсера, но все же был только моментальным человеком, от того и умер рано. Да и как не умереть рано, если тебя постоянно обдувает ледяным горным снегом, обжигает жаром песков. А еще эти болотистые комариные пространства. А еще эти костлявые перепончатокрылые драконы в полнеба, залетающие в пустыню из Китая. Желтые пески так обширны, что монголы называют их тынгери — небо. Желтое небо. Цэвэр гайхамшиг. Оно сыпется как песок, а пески текут как облака. Хубилган умер не в родном поместье под липами, он упокоился на голом берегу плоского озера, раскинувшегося между устьями рек Каракол и Карасуу.

Я хотел отмахнуться от этих слов, но Алмазная не позволила.

Она снова заговорила. Теперь о некоем Ири.

Имя его звучало тревожно.

А был он всего лишь уроженцем малого бурятского селения Цаган-Челутай, они там жили как в пустыне. Этот проводник довел отряд Хубилгана (восемь верблюдов и две лошади) до Хуанхэ, пересек с ним каменистое плато Ордос, перевалил снежные перевалы Куньлуня, достиг Тибетского нагорья. Слушая Алмазную, я, конечно, вспомнил «Снежную бурю на горе Бумза» — вцепившийся в ледоруб неукротимый пенс; рядом с Хубилганом все, наверное, были такие. Щетинистые щеки в инее. Ледяная стена, черные изломы трещин, обвисшие снежные козырьки. Никакой гарантии на возвращение, но неистовый пенс вернется. С игры всё начинается, игрой всё заканчивается.

Среди враждебного населения надеяться можно только на себя и на штуцер.

Именно так. Только на себя и на дальнобойный штуцер.

Грубые незнакомые слова раздражали меня, будто Алмазная все еще продолжала говорить по-монгольски.

Штуцер Хубилгана пугал самых дерзких дорожных грабителей. Штуцер Хубилгана стрелял на день пути и сколько угодно раз, ведь заказывал Хубилган свое оружие в далеком Лондоне у лучшего ствольщика тех времен — Чарльза В. Ланкастера.

И помощников выбирал сам.

Я удивился: «Это-то зачем усложнять?»

Почти пять веков назад, с некоторым внутренним усилием напомнила мне Алмазная, не существовало ни камер Т, ни психологов. Шел девятнадцатый век, вдумайся, Лунин. Даже крепкие молодые челы считались моментальными, так недолго они жили, а наземный транспорт сводился к верблюдам и лошадям. Удача и собственное здоровье — только удача и собственное здоровье могли вывести путешественников из мертвых болот и пустынь. Только удача и здоровье спасали путников на ледяных перевалах и выжженных песках. Впрочем, еще красота. Это входит в условия любой игры. На самом ужасном перевале на солнечной стороне с гранитных скал, как коричневые грибы, свешиваются осиные гнезда, а в мягких мхах, как в гнезде, прячутся аметистовые примулы с желтым пятнышком посередине. Хубилган учил проводника: делай, Ири то, что умеешь. Не завидуй никому. Не гонись за тем, что недоступно. Ты, конечно, можешь научиться от меня книжной мудрости, но это сторонние знания, они не сократят тебе путь, не переменят соленую воду на пресную, не уберегут от жары, морозов, лавин, пыльных бурь и снегов, живи, как живешь.

«Никогда не смотрел на жизнь с такой точки зрения».

«Я знаю», — усмехнулась Алмазная.

Ири, лучший проводник Пржевальского, легко находил звериные тропы в самых глухих местах. Он умел договариваться с самыми воинственными тангутами, а там, где не хватало слов, без колебаний пускал в ход оружие. Других способов выжить у Хубилгана и его спутников не было.

Холодные дожди, страшные камнепады, безумные грозы.

Слушая Алмазную, я снова увидел «Снежную бурю на горе Бумза».

Прищурившийся упрямый пенсер. Он-то уж точно был в игре. Я молча смотрел на Алмазную. Она тоже щурилась, она сейчас видела больше, чем я. Хубилган жалел, что от пятого перехода Ири отказался. «Больше я не пойду, Хубилган, — сказал Ири. — Мне больше не надо». Правда, в некоторых исторических источниках цитируется иной ответ. «Я не пойду, Хубилган, — будто бы сказал проводник. — Если я пойду с тобой, домой не вернусь».

И не пошел.

И жил долго.

А Хубилган умер.

БУРЯТ-КАВАЛЕРИСТ

7 октября 2413 года.

21.47. На реке Голын безоблачно.

1

Тонкая рука Алмазной лежала на столике.

Тонкая, нежная, без всяких тату, просто смуглая.

Потянувшись за чашкой, я коснулся ее руки. Это произошло случайно, ничего такого я не думал, но меня пронзило тревожным отчаянием: вот сейчас она уберет руку.

Но она не убрала. Правда, и не улыбнулась.

Бывший проводник Ири жил долго, так она сказала.

Благодаря последнему письму, отправленному Хубилганом с далекого озера Иссык-Куль, Ири, бывший проводник, из заброшенного бурятского поселка вызыван был в столицу. Там он стал жить при Санкт-Петербургском императорском Университете, сделался истопником. Ему это нравилось. Он вовремя доставлял дрова и уголь. Он любил тесный темный закуток под лестницей черного хода, в котором жил и хранил нужный инструмент. Нередко он встречал друзей Хубилгана — людей очень известных, даже знаменитых. Ему показали письмо, доставленное с озера Иссык-Куль. «Проводник Ири все делал, как мог, правда, напрасно тянулся к книжным истинам». Заканчивалось

письмо личным обращением Хубилгана к бывшему проводнику. «Не допускай себя к книжным истинам».

Еще Пржевальский назначил бывшему проводнику небольшое содержание.

Это понятно. С небольшим — не забалуешь.

Конечно, бурят Ири думал дожить отпущенные ему годы в родном Цаган-Челутае, но такого не случилось, за него всё решил Хубилган. При встречах с новыми столичными знакомыми, как раньше водилось в родном бурятском селении, Ири с уважением снимал шапку, наклонял голову и немного высовывал язык. В университетских стенах это удивляло, но не сильно.

Совсем другое дело — Невский проспект или линии.

Вот там не стоило вести себя так, как в Цаган-Челутае.

Иногда бывший проводник рассказывал друзьям Хубилгана о далеком и трудном пути к Тибету.

«Там в горах есть красивая зеленая долина, надежно защищенная от зимних холодных ветров. Туда можно попасть только случайно». Алмазная явно цитировала какой-то письменный документ. «Жители указанной долины не знают никаких тягот, они легко прозревают сущее и путешествуют по всей вселенной. Бог милосердия Чен-ре-зи пристально следит за каждым обитателем».

А как все-таки выйти к указанной долине?

Алмазная сама ответила на невысказанный вопрос.

Хубилган указывал несколько маршрутов. Через жаркую пустыню Гоби, через ледяные горы Куньлунь. Бывший проводник Хубилгана соглашался с этим. Кстати, бурята Ири не раз приглашали на Ученый совет университета. Он послушно приходил в фартуке истопника и останавливался у двери.

«Чем хороша та долина?» — спрашивали истопника.

«В ней родились Ну и Куа, первые люди мира», — отвечал Ири.

«Но это, наверное, не всё?» — интересовались члены Ученого совета.

Конечно, нет. Это далеко не все. Еще там стоит дворец королевы Си Ванг Му, целиком построенный из зеленого

нефрита. И еще там часами звучит счастливая музыка, хотя нигде не видно ни певцов, ни музыкантов.

Я молчал, глядя на Алмазную. Я никак не мог увязать ее слова с почти доисторическими (в любом случае, длившимися до Климатического удара) временами проводника Ири и его сурового Хубилгана. Вот ещё хорошая тема для большой игровой площадки: в далеком девятнадцатом веке люди совсем плохо знали Землю. Так плохо, что Хубилган специально ходил в далекую Джунгарию — в эту выжженную темную пустыню на западе Китая. Там палящая жара, там самумы теббады. Там озеро, перемещающееся по обширной впадине между двумя хребтами. Там смиренные верблюды, почувствовав приближение горячих мертвенных вихрей, режут и падают на колени.

«Но спутники Хубилгана вернулись».

Алмазная промолчала, потом все же кивнула.

Если проконсул, недавно сидевший за ее столиком, действительно был Счастливым, то сейчас она явно подумала о нем. В рассказе о Хубилгане и его проводнике скрывался какой-то особенный смысл. Я опять чувствовал тревогу. Я начинал бояться Алмазную. Если я уйду в пустыню, думал я... Ну, допустим, уйду... Нет, не так... Если я вернусь из пустыни... Что тогда?

Тогда, сказал я себе, Алмазная останется со мной.

Само участие в переходе я почему-то («тётки») считал решенным.

И если я вернусь... Если я правда вернусь... А почему бы не вернуться мне?... Тогда Алмазная навсегда останется со мной. Хорошая игра приносит удачливым игрокам бонусы, пусть моим бонусом будет Алмазная. «Я ушла сама», — когда-то сказала она мне. А теперь я скажу ей: «Я вернулся». И, наверное, добавлю: «Сам».

И если всё так, то пусть моей игрой станет — вернуться.

2

Но я не чувствовал освобождения.

Слишком много неясного, слишком много вопросов.

Скажем, с тем же успехом мы можем вернуться оба — Счастливец и я. Как уже указывалось, через Кяхту, Ургу, Юм-Бейсэ, через Анси, Цайдам, Нагчу — всегда в направлении Лхасы.

«О чем это ты?»

«О правильной дороге».

«Разве есть неправильные?»

«Неправильных всегда больше».

Через Кяхту, Ургу, Алашань... Через Синин на озеро Кукунор...

Близкая музыка не заглушала голосов. Рябые гологоловые сирены обольщали, нежно влекли, но никто не хотел за ними следовать.

«Через Синин на озеро Кукунор...»

Алмазная замолчала и я («тётки») увидел плоское озеро.

Я даже вспомнил его название («тётки»). Нет, конечно, не Кукунор.

Джорджей Пагмо, вот как оно называлось. В желтом небе никаких докучливых драконов, только желтые облачки. И такое прозрачное, что не сразу увидишь воду, только когда мелкая рябь пробежит по поверхности. И такая ледяная вода, что руку в одно мгновение сводит судорога. Там на каменистых берегах жить нельзя. Там нет никакой растительности, только скалы, похожие на безголовых сфинксов. И лишь со стороны Шамбалы доносятся приятные звуки.

Долгие приятные звуки доносились и к нам — с игровой площадки.

В девятнадцатом веке вглубь пространных азиатских пустынь ходили на лошадях и верблюдах. По жгучим пескам Ала-шаня и Тарима, по гиблым топким болотам Цайдама и Тибета, по снежным хребтам. Плаксивое лицо тангута-идиота. Хубилган спросил его, где правильная дорога, а он врет и даже не запоминает своё вранье. Дерзкие нападения тангутов-еграев. Крутящиеся столбы соляной пыли.

Девятнадцатый век. В его истории и сейчас, наверное, есть что шлифовать.

Я знал неукротимых пенсов, которые умудрялись пересекать мировой океан на плотах и лодках, в одиночку поко-

ряли Аннапурну. Но они были пенсами, возраст не служил для них индульгенцией, не влиял на суть действий.

«Я ушла сама». Слова Алмазной я тоже не считал индульгенцией.

Если я вернусь, ты уже никуда больше не уйдешь, думал я. («Тётки»).

Я не отпускал теплую руку Алмазной. Я был уверен: теперь всегда вместе.

Во все века люди шли, плыли, летели, взбирались, падали, поднимались, и снова куда-то шли. Подводные чудища распускали под бальзовыми плотами и тростниковыми лодками страшные фосфоресцирующие крыла, расцвечивали, раскачивали бездонные провалы, а злая пурга вздымала сияющую корону над ледяной Крышей мира. Люди развѣвывали смиренных верблюдов, расчищали убитый ветром снег, ставили холодные палатки. Кто-то мчался на лошади в ближайшую монгольскую юрту — купить аргал, сухой помет, но случалось и так, что рубили седло, чтобы вскипятить чай. А нынешние счастливики живут в информационном поле. Им нечего бояться. Как же Счастливчик умудрился потерять своих людей? И почему его судьбой занимается Алмазная?

От непонимания и ревности сознание мое расплзлось, как тряпка в кислоте.

3

«Если ты услышал зов со стороны Шамбалы — иди».

Может, Алмазная правда думала сейчас о Счастливчике?

Никогда не видел, не слышал его, но он меня уже отталкивал.

«Иди к озеру прозрачному, рожденному в чистом уме бога, — с непонятной тоской повторила Алмазная. — Омойся в его ледяных водах. Все проходит, Лунин. Вода озера Джорджей Пагмо как само время. Отпей, почерпнув воду в ладони, и ты на целых пять поколений освободишь своих потомков от всяких тягот».

Она не пояснила, от каких тягот, и я пожал плечами: подумаешь, окунись.

«Ты в чем-то сомневаешься? Ты не хочешь в пустыню?» — спросила Алмазная.

Музыка, столики, трепещущие на ветру шелковые гирлянды, облака в небе над набережной. Загорелые лица, изрезанные стилизованными морщинами. Сразу видно, кто тут смело пойдет в гору, а кто постарается обойти ее. Прихотливые тату, выпуклые глаза, мутные глаза, смеющиеся глаза, прически всех видов. Одни пенсеры сидели в креслах, накинув на плечи теплые шерстяные пледы, другие смотрели из-под ладоней, наверное, им мешал свет. На большой набережной не было никого моложе восьмидесяти. Чистый мир пенсеров. Они ничего не должны миру. Они живут своей модой, своими вкусами. Они ставят своего «Одиссея».

Во все времена физиогномисты лгали и лгут.

Большие носы вовсе не говорят о животных склонностях.

Острые длинные носы тоже не обязательно выдают вспыльчивость.

Я внимательно рассматривал пенсеров, заполонивших широкую набережную.

Толстые и тонкие, прямые и согбенные, улыбающиеся и хмурые. Волосы зеленые, синие, седые. А еще — бритые головы; а еще головы, искусно расписанные цветной тушью. Орлиные носы далеко не всегда указывают натуру властную. Скитальца Одиссея многие считают героем, но многие считают его и мошенником. Светлые улыбки, высокие голоса. Пенсеры иногда замыкаются на минутной обиде. У них почти детские жесты. Их лица — как зеркала бунтующего подсознания. Они пловцы самой беспощадной в мире реки — времени. Каждое лицо отмечено темной печатью предков: у того рот акулы, а у этого глаза птицы, а у того сильно прижатые уши хищника. И все они из прошлого, они сами по себе — прошлое. Они порождение Климатического удара, но чертами, улыбками, жестами обязаны совсем древним рыбам и звероподобным пресмыкающимся. Их челюсти, весь набор зубов, брови, ресницы, цвет кожи,

форма ушей — всё из прошлого. Сейчас только информационное мировое поле связывает их с нами, в сущности, в любой момент кто-то из них может отправиться в тот край, откуда вернуться даже Ида Калинина пока только мечтает...

ШЛИФОВКА ИСТОРИИ

7 октября 2413 года.

22.10. На реке Голын безоблачно.

1

Сирены тянули свою нежную песнь, может, поэтому Алмазная не отдергивала руку.

«Пением сладким тебя очаруют, на светлом сидя лугу». А на этом светлом лугу — человеческие кости.

«Глеющих кож там разбросаны также лохмотья».

Совсем как в желтой пустыне после бегства Счастливого чика.

Пенсеры и пенсы, конечно, не самая крепкая часть человечества, но, может, самая счастливая. Они сумели освободить детей и внуков (и себя, разумеется) от чрезмерного груза собственных слабостей и эмоций.

«Чем все-таки занимается Счастличик?»

«Шлифовкой истории девятнадцатого века».

И пояснила: «Изучает документы, дошедшие до наших дней. Бумажные, электромагнитные, живописные, какие сохранились. Пытается понять, насколько они соответствуют или хотя бы соответствовали действительности».

«То есть терпеливо и тщательно сравнивает одну ложь с другой?»

«Ну, можно сказать и так. Но на самом деле просто сравнивает одни официальные документы с другими. Указы с другими указами, объявления с объявлениями, мемуары, служебные записки, отчеты...»

«...тоже на половину лживые».

«Может и на все сто».

«А что в итоге?»

Алмазная задумалась.

«Если ты о документах, касающихся бывшего проводника Ири, то тут много необычного. Однажды этот уже состоявшийся истопник наказал семилетнего мальчишку-соседа за кражу ягод из казенного сада. В протоколе было указано: бил мальчишку в испуглении. На крики прибежала дворничиха, мать мальчишки, вызвала полицию. В итоге на истопника завели дело».

«Да какое тут наказание».

«Семьдесят лет тюрьмы».

Я не поверил. Не стоит наговаривать на прошлое.

Получается, что это прошлое всегда во всем виновато.

Вон пенсеры и пенсы, веселые старики и бессовестные старушки прыгают по набережной как галки, кудахтают как вольные куры. Я даже спутниц своих по плану увидел — оранжевую и синюю.

2

На реке Голын безоблачно.

3

А сирены вели свою песнь, пытаясь хлопать связанными крылами.

Алмазная, отняла, наконец, руку и спрятала ее в сжатых коленях. Хубилган, напомнила она, часто повторял своему бывшему проводнику: «Делай, Ири, то, что умеешь». Но что-то пошло неправильно. Хубилган умер на дальнем холодном озере, а бурят Ири оказался в столице российской империи. В течение нескольких столетий («тётка») о бывшем проводнике Хубилгана если и писали, то всегда с преувеличениями. Дальние переходы... Воинственные племена... Опасный путь к далекому Тибету... Только Счастливчик, шлифуя историю девятнадцатого века, снял налет выдумок и мы узнали нечто правдивое об Ири — истопнике Санкт-Петербургского императорского университета, получившем несусветный тюремный срок.

Семьдесят лет.

Как такое вышло?

Да так что по дороге в полицейское отделение в каком-то непонятном затмении бывший проводник принял казенных служителей за тангутов-еграев, бродячих дорожных грабителей. Сильный и ловкий, он безжалостно избил казенных служителей, и уже доставленный в отделение все никак не мог успокоиться. Когда пришли другие караульщики, он избил и их.

«Кто это так поступает?» — удивился начальник отделения.

Ему ответили: «Бурят-истопник».

«Он что, всегда так?»

«Мы не знаем».

«Ну, поместите его в надлежащие условия».

Полицмейстер знал, что холод действует на человека благотворно.

В итоге бывший проводник Хубилгана провел в холодной почти семь суток, не устая избивать осмелившихся войти к нему караульных. «Вы подлые еграи!» — кричал он громко. Караульные обижались, но не спорили, потому что не знали, кто такие еграи, вдруг тоже люди казенные.

Потом бывшего проводника доставили в суд.

Это всё происходило почти пятьсот лет назад по подсчетам Счастливого.

За врожденную грубость и дерзкую непонятливость истопник Ири был приговорен всего-то к трем годам работ и высылке из столицы, но бывший проводник и тут проявил грубость и непонятливость. Он избил судей и осквернил портрет государя, сорвав его с пыльной стены. Никак совладать с ним не могли. Он даже отнял револьвер у одного из охранников и застрелил трех самых упрямых (по его понятиям) еграев.

Сибирская тюрьма, конечно, утомительна.

Но бывший проводник умел быть терпеливым.

Когда через двадцать семь лет в декабре одна тысяча девятьсот восемнадцатого года скучный сибирский городок был отбит у колчаковцев отрядом большевиков, к узнику

одиночной камеры отнеслись с революционным пониманием. Комиссар Штеле (из студентов) с уважением спросил: «Ты кто?»

Ири ответил: «Я бурят».

«А еще ты кто?»

«Еще я Ири».

«Это имя?»

Ири согласно кивнул.

«Ну не бывает таких имен».

Бывший проводник только пожал плечами.

«Ты выглядишь крепко, — сказал комиссар Штеле. На свою-то фамилию он не обращал внимания. — Ты не похож на узника-одиночку. Не похоже на то, что тебя морили голодом».

«Я ем все, что мне дают».

«Но семьдесят лет заключения все-таки много. — Комиссар Штеле покачал головой. — Что ты такого сделал? Тюрьма плохих людей не портит, но все же, за что тебя бросили в застенки? Ты боролся с сатрапами?»

«Я не разрешал мальчикам воровать казенную ягоду».

«Разве брать казенную ягоду — воровство?»

«Я думаю, да».

Комиссар Штеле удивился, но придирается не стал, даже не велел запирать холодную камеру. Потом разберемся. Борцы с бывшим режимом заслуживают уважения. Так что через несколько времени бывший истопник вышел на волю и отправился посмотреть на забытый мир.

За двадцать семь лет мир действительно изменился.

Раньше на пути к Тибету на Хубилгана и его спутников покушались в основном бродячие тангуты-еграи, а сейчас все как с ума посходили. В разных местах без всякого суда на основе всего только некоторых личных впечатлений вооруженные люди дважды пытались расстрелять бывшего проводника, а один раз повесили. Ири провисел в крепкой петле почти сутки, хрипом и стонами пугая робких прохожих, но потом сорвался. Никто не решился повторить повешение и бывший проводник, потирая крепкую шею, отправился дальше. Наверное, он был заговорён. Ничто

его не брало — ни петля, ни пуля. О прошлом старался не вспоминать. Только однажды по случаю разговорился с бородатым телеграфистом на вокзале сибирской железнодорожной станции Тайга. Пораженный рассказом бывшего проводника телеграфист так сказал Ири. «Я тебя совсем не знаю. Да и знать не хочу. Так что ты лучше уходи и никому больше ни о чем таком о себе не рассказывай».

«Почему?» — не понял Ири.

«Сейчас власть слабая, ты это сам говоришь, тебя вон и повесить не смогли по-настоящему, — понятно объяснил дежурный. — А когда власть окрепнет, тебя повесят непременно и окончательно».

«Разве есть такой закон, чтобы меня постоянно вешать?»

«Пока нет, но это дело наживное. Понадобится, придумают».

4

Какое-то время бывший проводник провел в небольшом селе на Украине.

В село приходили здоровые чубатые из отрядов самоочищения, пытались бить Ири, принимали, наверное, не за бурята. Он отнял у одного из них тяжелую палку с железным набалдашником, и с нею стал ходить по окрестным, особенно зажиточным домам.

Ничего сделать с ним не могли. Даже прозвали необычно: «Этот бурят».

Постепенно Ири привык выпивать и подолгу говорить о политике.

«Видите, опять к нам этот бурят скачет, — кивали мужики одобрением. — Настоящий бурятский кавалерист».

Иногда Ири, осердясь, выгонял из дома которых особенно не понравившихся ему собеседников, а то его самого выбрасывали на улицу. Однажды полуголый пролежал на сильном морозе почти до утра. Никто его не подобрал, ну, замерз этот бурят, чего теперь? Но когда вышел на мороз распаренный от хмеля давешний обидчик и деловито помогился на Ири, бывший проводник все же очнулся и в свою

очередь загнал обидчика в холодный пустой сарай, из которого тот не вышел.

В общем, Ири часто топтали и били, и сам он кого-то бил и топтал.

Но жил, в общем, тихо. В одном сибирском селе, куда со временем перебрался, председатель таежного совхоза долго и терпеливо уговаривал крепкого бурята смириться, принять новые законы и работать. Но работать Ири как-то разучился. Зато в тысяча девятьсот семьдесят первом году в глухом таежном селе Таловка соседка-татарка по случаю родила ему сына. Про возраст сожителя она не спрашивала, как-то неудобно, ну старик и что? Крепкий старик. Дело знает. В тот праздничный летний день Ири пошел к местному мельнику, где крепко выпил и стал укорять собравшихся мужиков в том, что они неправильно живут. При царском режиме жили неправильно и теперь при советской власти живут так же. Бывшего проводника повалили на землю, привязали к ногам старый стершийся жернов и бросили в бочаг под мельничным колесом, дескать, охлонись, старик, всем надоел. Были уверены, что в глухом таёжном краю всё можно. Но через пару часов Ири самостоятельно выполз на берег, даже с тяжелым стершимся жерновом, привязанным к ногам. «Кто тут среди вас мельник?» — спросил, подслеповато вода перед собой руками. «Да я вроде», — изумленно откликнулся мельник. «Тогда и ты охлонись».

Это и есть шлифовка истории? — удивился я.

Конечно. По крайней мере, многие факты подтверждены документами.

Жил бывший проводник действительно тихо, на возраст никогда не жаловался.

Охотно бродил по стране, о таежной татарке и о своем сыне не помнил. Иногда ссорился, но, в общем, жил тихо. Вот имеется, к примеру, пространная докладная одного местного работника МГБ*. В одна тысяча пятьдесят втором году некий гражданин Ири (на то время беспаспортный) оказался на перроне уже знакомой ему железнодорожной

* Архивы Стран северного полушария. Резервы Третьего ведомства. Докладные и пояснения. Тобольское хранилище. 2027.

станции Тайга. Стоял у газетного киоска, когда вдруг подошел лимитный поезд и в окно случайно выглянул большой государственный человек — маршал Ворошилов, возвращавшийся из дружественной Монголии. Увидев Ири, он подозвал его и спросил: «Ты, наверное, монгол?» Всему наученный Ири ответил уклончиво: «Нет, я, наверное, бурят». Маршал подумал и указал кому-то из помощников: «Тогда чего вы? Помогите трудящемуся». И в тот же день бывшего проводника, бывшего истопника и все такое прочее отправили на постоянное жительство в Бурятию.

Сведений о дальнейшей жизни Ири совсем мало.

Подвигами не был запятнан. Сына не знал. Умер в две тысячи восемнадцатом году, по другим сведениям — тремя годами ранее. Когда точно, установить сейчас невозможно. Известно только, что жил незаметно, плотничал, а в последние годы жизни мечтал получать хорошую пенсию.

Но с этим вышел облом.

Не пришло еще время пенсеров.

ДОМ БУДУЩЕГО

7 октября 2413 года.

22.37. На реке Голын безоблачно.

1

Я с детства живу среди мифов, и мне это нравится, сказал я Алмазной.

Она кивнула понимающе. «Наверное, хочешь спросить о сыне проводника Ири?»

Я не собирался, но она сама захотела рассказать. Наверное, ее к этому «тетки» подталкивали.

Звали сына Николай. Как и отца.

Они все, эти Ири, были Николаями.

Жил, конечно, меньше, чем отец? — поинтересовался я.

И тоже не оставил никакого особенного следа в истории?

Я, собственно, и не ждал ответа. Какой такой след может оставить человек, попавший в мясорубку огненного двад-

цать первого века, переживший разломы обществ и великих государств, воочию наблюдавший все последствия Климатического удара?* Если внимательно смотреть на политические карты того времени, сразу бросается в глаза, как резко и быстро менялись границы — даже не за десятки лет, а за недолгие отдельные годы, как весь земной шар ежился, как сползала с него старая облезлая шкура и нарастала совсем новая**.

«Сколько жил Николай Ири?»

«Немало. Почти сто семьдесят лет».

«Надеюсь, кто-то изучал феномен этой бурятской семьи?»

«Ты работаешь в Отделе этики, Лунин. Должен знать, что мы изучаем не природу долгожительства, а влияние долгожительства на настроения общества».

Ири-второй всю жизнь занимался журналистикой, рассказала Алмазная.

Кстати, Счастливчик, неустанно шлифующий историю девятнадцатого века, не слишком высоко ценил творческие данные Ири-второго.

«Юная синхронистка взорвала Сеть, распахнув халатик перед всем стадионом».

Можно ли такой отчет назвать высоким профессиональным достижением?

«Инопланетные существа воруют хлеб у крестьян Южного Урала».

Кто это подтвердит?

«На горе Богдо открылся портал в параллельный мир».

Спеши, а то не увидишь и того, чего не увидели первые свидетели.

«Шесть причин, по которым мужчины изменяют».

Ну, и все такое прочее.

В двадцать первом веке журналистика была средством выжить.

* Динамика атмосферных процессов. Закрытые архивы Академий Старого света. Доклады, комментарии. Берн, 2123.

** Атлас мира. Динамические модели. Берлин, 2210.

Да и выбор был невелик: либо бери в руки оружие, либо прячься в глухой глубинке, зная, что и туда могут нагрянуть военные комиссары. Чего ж не ухватиться за газетный листок, чего ж не делать его так, чтобы тексты и иллюстрации вводили читающего в ступор, чтобы они ужасали, устрашали, а одновременно и привлекали тех, кто решится взять его в руки. В конце концов, развлекаться можно и с ядовитой змеей.

Газета Ири-второго называлась «Победа» — простое и разумное название.

Выходила она в форматах электронных и бумажных, тираж лимитировался количеством грамотного населения, хотя существовали специальные выпуски и для совсем слепых и совсем неграмотных.

Ослепительные картинки, безумный будоражащий стиль.

Вызывающая, но осмотрительная взбучка популярных партийных лидеров.

Никакого вранья, вообще никакого вранья, зато масса умалчиваний.

Огромные успехи у *нас*, ужасающих провалы у *них*.

«Что читаете, принц?»

«Слова, слова, слова».

Двадцать первый век вскипал бурно, страшно, жестоко.

«Для достижения договоренностей на международном уровне нужно быть сильным партнером». Никто с этим не спорил. «Всех призываем выявлять внутренние проблемы». Нет проблем, мы стараемся. «Гренландские лыжники в Бесарабии». В мире, страдающем от резкого потепления, это могло привлечь. «Германский спецназ фильтрует олимпийские соревнования». Давно пора.

Конечно, Ири-второго били, но он, как Феникс, выходил невредимым из всех драк.

«Бразилия отказалась от присоединения к Союзу трех (Фарерские острова, Алжир, Индонезия)». Ну, уж это-то точно никого не тревожило. Зато чрезвычайно активно обсуждалась история с инопланетянами, якобы высадившимися в Сеймчане (Якутия). На местах, кстати, никакой паники не наблюдалось, потому что с самого начала ука-

занные гости выказали огромный интерес, прежде всего, к золоту и пушнине.

«Мы пойдем друг друга!»

2

Мистика стала официальным направлением мировой науки*.

Это сразу и необыкновенно расширило спектр научных открытий, показало, как бесконечно высоко поднялся интеллект среднего человека.

Николая Ири-второй умел создавать сенсации.

Первый термояд. Первые точечные ядерные удары.

Пылающий Йеллоустонский национальный парк. Дырявая атмосфера. Блуждающие магнитные полюса. Внезапные эпидемии болезней, перестраивающие психику людей. Климатический удар, чего больше? Сын бывшего проводника утверждал: никого убивать больше не нужно, все умрут сами.**

В возрасте ста семнадцати лет знаменитый журналист Николай Ири-второй открыл в бурятском урочище Гамбо Дом будущего.

В небьющихся колбах и необычной формы сосудах, в ящиках из сверхпрочного стекла, за не плавящимися стальными решетками каждому можно было теперь увидеть все то, что могло придти к нам только из далекого будущего. Иногда хватало намека на то, что выставленный за витриной предмет никем и нигде ранее не наблюдался. А если наблюдался, то, значит, интерпретировался неправильно, потому что никто не знает, как такое правильно интерпретировать.

Например, хурда — «водяная молельня».

На деревянном столбе — пустотелый железный красный цилиндр. Столб раскручивался обычным мельничным колесом. В цилиндр бросались обрывки бумаги, тряпки, на

* Книга обо всем. Понятия вечной души, отношения семи сфер. Мехико, 2230.

** Проповедник вечности. Гамбо. Дом будущего. Без даты.

которых начертаны черной тушью самые разные пожелания и молитвы*. Кажется бы, обычная механика, но скоро выяснилось, что большинство пожеланий и молитв, опущенных в «водяную мельницу», действительно сбываются. В итоге хурды повсеместно были запрещены. Далеко не последнюю роль сыграла в этом запрещении статья Ири-второго «Какого мы хотим будущего?» Именно в ней он настаивал на том, что будущее вовсе не так дружелюбно, как мы полагаем, и что там, в далеком будущем, нас, несомненно, ждут разработчики все той же «водной молельни».

Дом будущего забрасывали бутылками с «коктейлем Молотова», обстреливали из гранатометов, на самого Ири-второго открылась настоящая охота. Три пулевых ранения, семь аварий, бессчетные пожары. А ведь в Доме будущего чаще всего выставлялись чисто любительские поделки.

Ничего странного, объяснял этот феномен сам Ири.

Именно любители глубже всех других (так называемых — нормальных) людей интересуются будущим в годы, когда всё уходит на войну. Во многих мировых изданиях по инициативе Николая Ири-второго появился особый «Уголок Ири».

Удивительное всегда рядом, утверждалось в указанных «уголках».

Вы постоянно общаетесь с неизвестными нам формами жизни, писали Ири-второй и его помощники, только не знаете об этом. Вот, кстати, обратите внимание на форму носа многих известных людей, на их карьерные качества. Кто виноват, что это они занимают самые высокие посты в государстве? А еще обратите внимание на то, как говорят, как ходят все эти так называемые «лидеры». А вы? Работаете на пашне, на пастбищах, на покосах, вас бесконечно кусает мошка, комар, овод, а почему интересно не вы имеете личные апартаменты на Канарских островах или на Гавайях? Вас пугают, что в прибрежных водах там много акул и ядовитых медуз? Ну и что? В вашей речке говно и язи с глистами. Чем лучше?

* Касайтесь только святого. Советы и предостережения. Арекипа, 2209.

Много Ири-второй писал и об эксклюзивных аппаратах.

Неважно, что они уродливы и имеют отталкивающий вид.

Неважно, что принципы работы всех этих эксклюзивных аппаратов еще не очень ясны, а применение затруднено. Ну, пытаешься ты испечь пирог, а убиваешь все живое в округе. По крайней мере, становится ясно, что ты имеешь дело с чем-то принципиально новым. Однокрылые вентиляторы регулируют потоки воздуха так, что от потоков пота ты начинаешь чувствовать себя рыбой, но кто знает, может, в будущем мы все опять вернемся в океан, привыкайте.

3

Николай Ири-второй прожил сто семьдесят два года.

За это время случилось семьсот три заметных войны, из них две квазимировые.*

Что с этим поделаешь? История. Двадцать первый век не случайно называли экспоненциальным. Да, войны, да, массовые опустошения. Все это ничто перед Климатическим ударом. Выжившее человечество горестно, но освобождено вздохнуло. Каждый получил возможность совершать юридические сделки любой сложности, пользоваться дешевым солнечным электричеством и не думать об экономии воды в связи с катастрофическим потеплением. Хотите самый модный костюм? Никаких проблем, у нас найдется всё! Хотите удобную обувь? В любом населенном пункте стоят трехмерные принтеры. Безработица исчезла вместе с армиями и оружием. Работайте на себя. Сканируйте ноги и печатайте любую обувь любого фасона. А софтвер «настроение» поможет вам пережить некоторые несовпадения с настроением общества.

* Ведлийские трактаты. (Корейский бум. Войны на истощение. Ассиметричный баланс. Терроризм как средство ускорения прогресса. Нравственный климат как наступательное оружие. Война на море и в космосе. Опосредованные конфликты Африки и Старого света. Средства и законность тотальных войн. Эшелонные конфликты). Извлечения из томов I-XXIII. Гамбо. Дом будущего.

Наконец, проблема стариков.

Проблема ослабления контроля над реакциями.

С возрастом происходит естественная гипертрофия тех черт, которые в юности удавалось маскировать. Огромную роль начинают играть атеросклеротические изменения сосудов головного мозга, а это заостряет и даже искажает личностные черты. В прежде спокойных и добрых людях проявляется необъяснимая черствость, эгоцентризм, усложняется способность к научению, приобретению новых представлений. Любые аффективные реакции сопровождаются возбуждением, слезливостью, смещением нравственных норм.

Что же теперь? Подвергать стариков насилию?

А вот и нет. Вовсе нет. Впали в детство, дайте игрушки.

ИРИ-НЕУДАЧНИК

7 октября 2413 года.

22.43. На реке Голын безоблачно.

1

Ири-второй тоже оставил сына.

И сын его тоже прожил сто семьдесят лет.

Кто может такое подтвердить? Конечно, Счастливчик.

Шлифуя историю Счастливчик работал с многими реальными документами.

Из некоторых явствует, что Николай Ири-третий часто болел. Однажды он пролежал в больничной койке чуть ли не шестнадцать лет, но встал. Не мог не встать, времена были не такие, к тому же он был потомком человека окупнувшегося в озеро Джорджей Пагмо. Правда, некоторые думали, что Ири-третий обманывает (здоровье), тогда сильно обиженный он решил уехать в Азию — кровь звала. Но как раз в две тысячи двести десятом под Калькуттой произошел мощный взрыв двух крупнейших криогенных фабрик. Мгновенно образовавшийся ледник сполз в дельту запруженного Ганга, покрыв прибрежные болота пластами

грязного льда.* Это отпугнуло Ири-третьего от путешествий, он никогда не любил резких перемен. К тому же, у него появилась женщина — веселая и говорливая и они на долгое время осели в Летних садах за бывшим Полярным кругом. Появилось множество друзей, они навещали Ири-третьего даже ночью. Сам Ири увлекся авиацией, даже учился в школу пилотов, но первый его вылет привел к чудовищным результатам: из-за крушения спортивного самолета сгорело полгорода. Причину аварии признали технической, но на всякий случай Ири-третий и его женщина перебрались в Реальные кварталы на большой реке Голын.

Там Ири-третий занялся теорией игр.

2

В те же годы рухнула старая пенсионная система.

Пенсеры не желали жить в городах, в которых стало тесно и шумно.

Содержание пенсеров забирало из бюджета огромные средства, к тому же они никогда не считались самой сдержанной и экономичной частью человечества. Под надёжным присмотром «тёток» Николай Ири-третий разработал кардинально новый подход к проблеме пенсеров. Зачем коптить небо, безвольно ожидая того, что все равно случится? Пробуй себя, рискуй, получай удовольствия. Вот, скажем, дальние путешествия. Ах, ты не справишься! Так все говорят, ты попробуй. Игра есть игра, а «тётки» надёжно организованы. Боишься сорваться со скалы, попасть в водоворот, сгореть в лесном пожаре? А разве есть гарантия, что ты не заболеешь на сквозняке, не оступишься на пустой ровной дороге, не попадешь под удар молнии? Ах, тебе всё это неинтересно. Ну, ну. Что именно неинтересно? Видеть дальние страны, нырять в бурный океан? Оставь. По твоим хилым мышцам и робким тату видно, что ты ослаб. Это ничего. «Тётки» напитают тебя энергией. А не хочешь путешествовать, займись историей или любитель-

* Калькуттский ледник. Бенарес. 2279.

скими спектаклями. Но сам займись, по своей воле. Все расходы общество берет на себя, ты только не хромай так демонстративно.

Историей Ири-третьего тоже занимался Счастливчик.

Он докопался до всех. До Ири-старшего, лучшего проводника Хубилгана, истопника, не ставшего героем. До Ири-второго, пережившего эпоху огненных бурь и Климатического удара. До Ири-третьего, считавшего себя неудачником, но сумевшего разработать принципиально новый вид игр.

Хотя больше всех Счастливчик занимался Ири-старшим.

Не как истопником, конечно, и даже не как человеком, разговаривавшим со знаменитым советским маршалом Ворошилова, а как опытным проводником — спутником Хубилгана. Кяхта, Урга, Юм-Бейсэ, Цайдам, Нагчу. Это же Ири-старший дошел с Хубилганом до далекого ледяного озера.

Алмазная не спускала с меня глаз. Мы были с нею в едином электрическом поле.

Вокруг нас всё искрило. Шляпки, голые руки, плетеные башмачки, береты, сарафаны, тату. Нежное пение сирен, и силовые линии, собирающее людей к игровой площадке. Подошел старик в белой панаме, спросил у Алмазной, не физики ли мы? Наверное, «тётка» попросила его отвалить, и он отвалил. Кто-то спросил Алмазную о скрытых архивных кодах, она улыбнулась и подсказала.

«Зачем они подходят к тебе? Разве «тётка» не объяснит».

«Конечно, «тётка» всё объяснит. Но «тётка» не улыбается».

Седой кудрявый пенсер издали помахал нам рукой. Голубиная душа. Я его не узнал. Еще кого-то интересовала живая вода, а кого-то устрицы из Калифорнии. Сидела неподалеку очень старая пара, сложив морщинистые руки на тяжелых тростях, почти прозрачная на просвет, совсем как те, к кому собиралась Ида Калинина за информацией *оттуда*.

Я слушал Алмазную.

А она говорила и говорила.

Помнишь путь Хубилгана? — говорила.

Не до той зеленой долины, в которой будто бы останавливается колесо жизни и смерти, и не до торжественного обиталища бога милосердия Чен-ре-зи. Нет, нет, Алмазная теперь смотрела прямо на меня, но видела, кажется, своё. Может озеро Джорджей Пагмо. Ири-старший и Хубилган дошли до озера. Счастливчик нашел этому доказательства. Ах, озеро Джорджей Пагмо. Там безжизненные берега. Мы знаем это из неизвестных ранее дневников Хубилгана*. Взгляд Алмазной омрачился. Лунин, взглянула она на меня, Ири-старший и Хубилган действительно дошли до озера Джорджей Пагмо. Оборванные, невымытые, отошавшие, совсем как монголы, дивились на них встречные тибетцы. Усталые путешественники вышли на голый берег. Всю дорогу они мечтали о большой воде, но теперь не решались окунуться, так вода была холодна.

Я всей кожей чувствовал, как холодны были струи озера Джорджей Пагмо.

К этому времени проводник Хубилгана Николай Ири-старший был болен. Он задыхался. Смертный кашель душил его. Он чувствовал, что не преодолет обратного пути, поэтому никто не стал его останавливать. Проводник (будущий истопник) разделся прямо на пронизывающем ветру и, содрогаясь от кашля, ступил в воду. Он дрожал. Он выглядел ужасно. Круги не побежали по воде, такой она оказалась ледяной и плотной. Все ждали, что Ири упадет прямо в воду, но он, хрипя, кашляя, по-женски присел, разгребая струи руками.

«И не схватил простуду?»

Алмазная подняла голову и кивнула.

Он был уже простужен, Лунин, но купание пошло ему на пользу.

Теперь ты многое знаешь о бывшем проводнике, Лунин, сказала Алмазная.

Теперь ты многое знаешь о всех трех поколениях Ири. Их историю восстановил Счастливчик. А что касается бывшего проводника, то он не только не умер там, на озере

* Всемирный географический архив. Отчеты, доклады, сообщения. Томское отделение. 2291.

Джорджей Пагмо, он вернулся в Россию здоровым и никогда больше не болел и прожил почти сто семьдесят лет. В те времена это казалось чудом, хорошо, что не все догадывались об истинном возрасте старого бурята. Иногда он рассказывал о негромкой музыке, которую слышал в ночи. Он вообще никогда больше не болел, Лунин, понимаешь? В ледяные струи озера Джорджей Пагмо Николай Иристарший вошел, почти умирая, без какой-либо надежды на выздоровление, а вышел на берег другим человеком. Он перестал принимать рогатые вечерние облака за чешуйчатых китайских драконов. Он мог упасть со скалы и не получить значимых ушибов. Когда на перевале Юстус путь отряду Хубилгана преградили местные бандиты, проводник Ири выехал им навстречу и успел убить троих еще до того, как остальные разбежались. Впрочем, двоих удалось схватить. Их покормили и пинками выгнали из лагеря. Идите, сказали им. Идите и скажите всем, что скоро к вам придет Хубилган.

И вдруг до меня дошло.

Вдруг я почувствовал укол ревности.

«Я ушла сама». Так сказала мне Алмазная пять лет назад.

Ну да. «Я ушла сама». Но к кому? Почему не к Счастливику, а? Звучало нелепо, но почему нет? Я ведь не знал Счастливика, никогда не видел его. Как он выглядит? Сколько ему? Он наш ровесник?

«Ему сто семьдесят».

«Кому?» — не понял я.

Счастливику, кому же еще, Лунин?

Столько сейчас именно Счастливику.

О! Я сразу почувствовал облегчение. Молодые женщины к ста семидесятилетним пенсерам не уходят. В конце концов, даже пять лет назад Счастливику было уже за сто шестьдесят.

«И все эти Ири жили так подолгу?»

«Без исключений», — кивнула Алмазная.

Я оживал. Я радовался. Она не могла уйти к Счастливику.

«Значит, он представляет уже четвертое поколение, считая от проводника?»

Она опять кивнула. Она думала о Счастливишке. Я это остро чувствовал («тётка»).

«Иди к озеру прозрачному, рожденному в чистом уме бога, омойся в его ледяных водах. Все проходит, Лунин, все проходит. И струи озера Джорджей Пагмо, они как струи времени. Отпей, почерпнув воду в ладони, и ты на целых пять поколений освободишь своих потомков от всяких тягот». Какие нежные голоса у сирен, как они поют больно.

Придите, придите, поют они.

Жизнь коротка, зачем плакать?

НАД ПОДЗЕМНЫМ КОЛОДЦЕМ

7 октября 2413 года.

22.54. На реке Голын безоблачно.

1

ПОВТОРЕНИЯ

«Значит, у Счастливишки есть сын?»

Алмазная отрицательно покачала головой.

Может, и есть. Она точно не знает. И «тётки» не говорят.

Самым известным в роду Ири был и остается третий. Он оказался первым долгожителем, о котором узнали многие. Это раньше всё уходило в войну, как в пропасть, даже информация.

«Но если Счастливишке сто семьдесят, значит, он на пределе? — спросил я. — Никто из Ири не жил дольше, ты сама так сказала. А искупавшийся в озере Джорджей Пагмо на целых пять поколений освобождает своих прямых потомков от всяких тягот, ты это тоже сама сказала. На целых пять поколений. На пять. Значит, у Счастливишки непременно должен быть сын».

Алмазная неопределенно пожала плечами.

Я дотянулся до ее руки и, кажется, мы одновременно вспомнили Южное взгорье.

Не так давно это было. Всего пять лет назад. Тяжелые ливневые дожди прошли над Южным взгорьем. Мы с Ал-

мазной случайно оказались единственными сотрудниками Отдела этики в том районе, который выбрал для отдыха пенсер Ури Юст. Мы довольно быстро спустились в трехсотметровый колодец, но Ури Юст застрял гораздо ниже — на семисотметровом уровне. Один из разработчиков игр, вот все что я тогда знал о Юсте. Он занимался тонкими технологиями и, кажется, первый приблизил игру к реальной жизни, или жизнь к игре, неважно. Пенсеры Ури Юста боготворили. Я сам пришел в Отдел этики не без влияния его работ. И мне повезло: я с первого дня попал в руки инструктору-наставнице Алмазной.

Вот с ней мне и пришлось помогать Юсту.

Этот пенсер чрезвычайно увлекался спелеологией.

На этот раз он спустился под землю один, сильно рискуя, конечно, но тут без риска никак. Позже Ури Юст объяснял свои действия поиском привлекательности для будущих игр. В любой игре пенсеры рискуют именно своей жизнью, ну так сделайте игру по-настоящему привлекательной. Пенсеры имеют право требовать. Для Ури Юста это был настоящий вызов. Он спустился в подземный колодец по проложенной давным-давно (значит, не очень надежной) трассе, там, под землей, его и прихватил потоп. Вода хлынула с поверхности столь мощно, что пенсера буквально за полчаса намертво заблокировало в нижнем сифоне. Первый час он просто прижимался головой к холодному каменному выступу, надеясь на то, что не задохнется в таком большом пузыре воздуха. Потом он уже сознательно настроился на долгое ожидание. Опытный разработчик игр, он понимал, что к случившейся задаче следует отнестись как к игре. Прижимался к массивной скальной кровле и внимательно прислушивался к громовым отзвукам подземных водопадов, обрушивающихся в каменный колодец.

Фонарь Ури Юст потерял, но скоро и во тьме ему стало казаться, что вода слегка фосфоресцирует. Он решил, что это эффект переохладения, и терпел. Сколько именно? Он не знал. Время во мгле меняет свои свойства. Когда, наконец, грохот потоков утих и уровень воды упал, он вы-

брался из сифона. На невидимой влажной стене колодца (единственный путь наверх) он нащупал обрывки сорванной потоком титановой лестницы, значит, подняться наверх самостоятельно не мог.

Конечно, Ури Юст знал, что спасатели придут.

Он активно убеждал себя в том, что всего лишь участвует в одной из тех многих игр, что с такой тщательностью разрабатываются для пенсеров (и им самим, кстати). Правда, «тётки» молчали. На такой глубине под землей единая система теряет силу. Но может это такая новая игра без «тёток», убеждал себя Ури Юст. Он знал, что так не бывает, не должно быть, но старался не заострять на этом внимание.

Постепенно подземные шумы совсем стихли.

Плотная тьма. Мертвая тишина. Иногда из невероятной тьмы колодца (откуда-то сверху) доносились заглушенные страстные стоны. Но усталый замерзший пенсер уже не верил ни в громовые раскаты, ни в страстные стоны, так же как не верил в светящихся белесых медуз, проплывающих перед ним в непроницаемой вечной тьме, как в бездонной океанской толще.

2

Мы с Алмазной вышли к подземному колодцу еще во время ливня.

Спуститься на следующий (нижний) уровень мы не смогли. Это было невозможно.

Ревущие водопады вкручивались в мертвую горловину колодца, лебедка спелеологов уцелела, но титановую лесенку сорвало. Правда, обрывки лестницы указывали на то, что Ури Юст где-то там, внизу. Мало было шансов на то, что он выживет, но приходилось ждать. Мы улеглись в низкой палатке Ури Юста на его спальном мешке, Алмазная шепнула: «Спи...»

Я ответил: «Сплю...»

Но я врал. Я обнимал ее.

Ее руки были везде, и мои руки были везде.

Мы не находились в каком-то конкретном времени, цифры ничего не означали. Алмазная просто шептала: «Спи...» и я отвечал: «Сплю...»

Мы уже уловили ритм.

«Спи...»

«Сплю...»

«Спи...»

«Сплю...»

В черной тьме Алмазная вся горела.

И я сразу же отвечал на каждое ее движение.

3

Ури Юста мы нашли самом на дне колодца.

Пенсер сидел на камне во тьме, впрочем, теперь не полной.

Лазурный как небо, он никак не мог поверить, что мы все же пришли.

Он не верил свету фонарей и ровному лазурному сиянию, которым был охвачен. Местные гидрогеологи, воспользовавшись ливнем, слили сверху в подземный колодец специальный раствор, чтобы установить систему прихотливых пещерных стоков.

Пенсера интересовало другое.

«Кто живет вон в тех домиках?»

Чтобы понять Ури Юста, мы выключили фонари.

«Вон там, — еще раз указал он. — Это ведь там окна светятся?»

Мы смотрели во все глаза, но ничего не видели. Подземная тьма была плотной и абсолютной, как время. «А эти цветные ткани на стенах. Кто их развесил?» Пенсер ясно видел во тьме какие-то цветные полотнища и не верил нам. Алмазная сжала мне руку. Я ответил. Пять лет назад на дне темного подземного колодца я точно знал, что она будет со мной всегда.

Первой поднималась Алмазная.

Я страховал пенсера Ури Юста снизу.

Алмазная торопилась добраться до страховочного троса, оборванного на глубине примерно ста пятидесяти метров.

Это оказалось вовсе не легким делом. Ури Юст провел под землей почти сутки, он здорово потерял в весе. Измученный, он казался мне немощным стариком, но кто в таких условиях не покажется старым? К тому же, он оказался цепким, как паук.

Тьма и тяжелое дыхание.

Ни цветных полотнищ, ни светлячков.

Ни фосфоресцирующих домиков, ни звезд в небе, ни самого неба — ничего в колодце над нами не было.

4

Возможно, вдруг вспомнил я, друг сердешный Тарвоган тоже кого-то ждет под землей, видит цветные полотнища и освещенные окна. Интересно, спускалась когда-нибудь в подземные колодцы пенсер Ида Калинина? Голосок у нее поистине ангельский, вот почему я не верил в ее миссию. С таким ангельским голоском никто ее не отпустит даже *оттуда*.

«Зачем Счастливчик идет в пустыню?»

Алмазная покачала головой: «Спроси его сам».

«Конечно, я спрошу. Но не понимаю. Ему сто семьдесят. Ну, пускай почти сто семьдесят. Пенс на излете. Эти Ири, они все жили так долго, ты сама говорила. Значит, жизненные резервы Счастливчика на исходе?»

Алмазная молча кивнула.

«Почему же он не ушел раньше?»

«Не так легко найти нужных спутников».

«И ты решила разыскать меня?».

«Я знала, ты согласишься».

«Разве я согласился?»

«А разве нет?»

Снежный поток рассыпается.

Над ним встают высокие ледяные радуги.

Неприступная вершина ведет низкую басовую ноту.

Я смотрел на Алмазную и неистово хотел ее, как тогда в пещере.

Опять нависает над нами каменный свод. Разве мы этого боимся? Что изменилось? «Я ушла сама». Почему? Как

этот темный каменный свод накрыл нас? Раскачай его, Алмазная. Нам опять ничто не мешает. Мне тридцать пять, а Счастливику все сто семьдесят. Бибай. С меня будто груз свалился.

«Ты вернешься», — негромко произнесла Алмазная.

«А Счастливик? Он тоже вернется?»

«А ты еще не понял?»

«Что я должен понять?»

Алмазная взглянула на меня почти с ненавистью.

«Ты вернешься. Именно *ты*. Неужели тебе непонятно?»

Она смотрела на меня, как Хубилган когда-то смотрел на проводника-идиота.

Караван будет идти. «Ты вернешься». Будут звенеть бубенцы, рвать сердце, пыль забьет горло. «Именно *ты*». Перепончатокрылые закроют рыжее злое солнце. Куда идет караван? Не спрашивай меня, Лунин. Разве обязательно должна быть цель? Ты в большой игре. Биомасса вытесняет биомассу, так задумано изначально. У природы нет никаких проблем. Проблемы возникают у биомассы, когда она осмеливается и начинает мыслить. Время. Климатические удары. Пыль и плесень, опавшие листья. Всё сметает с дороги время. И когда мы движемся в одном направлении, все равно идем не к одной цели.

5

Вслух я сказал: «Ты останешься со мной».

А она вслух ответила: «Вы еще не вернулись».

Что ж, меня это устраивало. На Южном взгорье было так же.

Бивак в пещере над колодцем был разбит не нами, палатку и спальный мешок оставил на подземном выступе пенсер Ури Юст. У нас не было связи, но мы вовремя увидели обрывки лестницы и поняли, что он отсиживается в колодце. Никто заранее не может знать точно, чем закончится игра. «Спи...» Алмазная вся пылала. «Сплю...» Скалы раскачивались от наших стонов. Если бы пенсер Ури Юст мог слышать там внизу, он понял бы, кем заселены подземные жилища.

Я перехватил взгляд Алмазной.

Она смотрела в сторону игровой площадки.

Негромкие голоса и пение гологоловых сирен сливались теперь в бесконечно протяженную мелодию, как тогда — в подземном колодце. Бух зуйл. Там все раскачивалось от наших стонов. Каменные стены и каменная кровля. Сайхан байна. Там ревел, выпуская воздух, сифон, ужасно вздрагивали скальные основания.

«Что?» — тревожно спросила Алмазная.

«Разве можно уйти к человеку с такой тяжелой челюстью?»

«Сайн орой. О чем ты? Что ты говоришь?» — изумилась Алмазная.

Конечно, я ответил. Зачем мне скрывать? Этот доисторический проконсул...

Алмазная изумилась еще больше, и меня снова кольнула боль. Ну, ладно, не к проконсулу, я ошибся. Проконсул, конечно, не имеет никакого отношения к Алмазной, но тогда кто? Я смотрел на пенсеров, столпившихся вокруг игровой площадки. Тууний унаж хаах. Пел Одиссей — крепкий, хромой. Седые дреды, фиолетовое тату на голом сильном плече. Цэвэр морон. Такой Одиссей годами бродит по свету, а Пенелопа ждать. И ты будешь ждать меня, Алмазная.

«Значит, с нами за столиком сидел не Счастливчик?»

«Боюсь, Счастливчик не захотел бы разговаривать с тобой».

Я не стал спрашивать, почему. С искусства все начинается, искусством все кончается. Конечно, Счастливчик знал обо мне, ему нужен был спутник. Никто не хотел идти с пенсером Счастливчиком в пустыню, уже отмеченную двенадцатью трупами. Нагчу, Цайдам, Анси, Юм-Бейсэ, Ургу, Кяхту. Я отсчитывал в обратном порядке. Так альпинисты проверяют себя на большой высоте. В кислородной маске мыслишь дефектно, поэтому приходится следить за собой. На высоте семи тысяч метров начинай считать про себя — от сотни до нуля, не пропускай ни одной цифры. Обычно уже после девяносто трех возникает смутное беспокойство, ты начинаешь сбиваться.

Через Синин, Алашань, Ургу, Кяхту...

Потом через Кяхту, Ургу, Алашань, Синин...

«Когда у Счастливики день рождения?» — спросил я.

Алмазная опустила глаза: «Через три недели».

«Почему он так затянул с выходом?»

«Он не мог идти один, а тебя я искала долго».

Алмазная снова смотрела на меня холодно. Она не стала объяснять, почему искала меня долго, может, не хотела. Я вдруг стал ей неинтересен. Но потомков Николая Иристаршего все равно должно было быть четверо, а с ним самим — пять.

Одного не хватало, а такое не заканчивается на полпути.

«Помнишь? — спросил я так же негромко, как она. — Мы не раз вытаскивали с тобой пенсов из пропастей, снимали с каменных стен. Там были дрожащие, плачущие, даже стонущие пенсы, они теряли последние силы, хватались за нас скрюченными старческими пальцами, но это был не страх, правда? Они просто ненавидели свою вдруг возвращающуюся немощ».

Никто не уходит так далеко, как тот, кто не знает, куда идет.

Время — цак, говорят монголы. Дорога — дзам. Зачем мне это?

Я чувствовал себя заблудившимся. Я вдруг перестал принимать «тёток».

Никто еще не вышел в путь и верблюды режут в загонах, а я уже заблудился.

К чему все это? Чем там всю жизнь занимался Счастливик? Ну, да, шлифовкой истории девятнадцатого века. А его отец держал Дом будущего. И всё такое прочее. История никогда не бывает идеальной, она просто история. И люди никогда не бывают идеальными, они просто люди. Пенсер, пенс, скалолаз, бухгалтер, спелеолог — какая разница? Весь мир — игра. Все пенсеры — актеры. Нежный увядающий цветник. У каждого свои входы и выходы. Не я это придумал. Это дошло до нас оттуда, из прошлого, из века грубой, пока что совсем неотшлифованной истории, из бездонной пропасти, из которой мы пытаемся хоть что-то добыть. Но

там, до Климатического удара, всё было совсем не так. Там пенсерами становились на седьмом десятке, да и то не все и не всегда. Многие попросту не доживали. Вдруг Счастливчик и на этот раз вернется из пустыни, но теперь — *без меня*. Через две недели ему исполнится его пресловутые сто семьдесят, и все равно у него больше шансов выжить. Я останусь в выжженных песках, а Счастливчик вернется. Род бывшего проводника Ири-старшего славен такими нелепыми свершениями. Меня бросило в жар. Получи пользу от жизни, пока не пришла смерть, а от здоровья — пока не заболел, а от молодости — пока не постарел, а от богатства — пока не постигла бедность, а от свободного времени — пока не занят делами.

Я чувствовал песок, горячо текущий по моим обезвоженным костям.

Но я вернусь и буду обнимать Алмазную. А Счастливчик? Ну, какой смысл в игре, если ты изначально приговорен к проигрышу?

«У нас немногие играют на флейте».

Шигшээ руу очих. Переходим к финалу.

«Теперь на бал с царицей Египта, которая даёт всему Риму...» — приятно донеслось со стороны игровой площадки. Это раньше, до Климатического удара, всё у нас уходило на войну и оружие. А теперь мы парим в бездонном информационном Облаке, а некоторые еще выше. Некоторые строят уже совсем свое, уже совсем заоблачное искусство. Невидимая заслонка открывается и закрывается. «Тётки» стараются.

А Счастливчик живет, как ему хочется.

Он пенсер. Он упорный пенс. Он ничего не боится.

Если бы и хотел, до предсказанной ему поры он все равно не сгорит и не утонет

Он опять переживет славу, переживет безвестность, искусство у него другое. Новые кости человеческие скроются под налетом текущих желтых песков, а Счастливчик возьмет и вернется. Ну да. Делай — не делая, не делая — делай.

Вроде бы о другом, а все равно близко.

И у Алмазной своя игра. И пенсера Ури Юста мы тащили из пропасти вовсе не потому, что нас подгоняли

«тётки». Там просто времени было мало. Так мало, что наверху, в лесу Южного взгорья я даже не успел проститься с Алмазной. Они уходили с пенсером Ури Юстом в сторону полигона и почему-то ни разу не обернулись. Мне даже показалось... Нет, конечно, такого быть не могло... Но на какое-то мгновение, на какую-то ничтожную миллионную часть мгновения мне показалось, что это не пенсер тащится за нею, а это она уходит с ним.

СНЕЖНАЯ БУРЯ НА ГОРЕ БУМЗА

7 октября 2413 года.

23.11. На реке Голын безоблачно.

1

Мы никогда не можем знать заранее, чем закончится игра.

Но Алмазная была уверена: я вернусь. И сирены пели все громче.

С игровой площадки понесло запахом кедровой смолы. Хромой Одиссей, разметав седые дреды, вскинул над головой руки. Если это был Счастливчик, я не испытывал к нему никакого интереса. Ну, Счастливчик. Он — прошлое. Ну, сто семьдесят. Что с того? Любой пенсер, любой пенс все равно нуждаются в утешении. Это закон Отдела этики. Он не выносятся в массы, но он основа всего.

Дин-ли — город счастливых. Акулы и скаты, птицы и крокодилы. Светлые облака, темное вечернее солнце. Зебры в прихотливых стильных морщинах и люди в чудесных тату, как в цветах.

Мир прекрасен.

Мир живет лицедейством.

Я увидел перед собой прозрачное до самых глубин озеро Джорджей Пагмо.

У высших существ крупные слезы. Там жить нельзя. Там мертвые скалы. Там не растут травы, животных нет. Неужели Счастливчик собирается повторить купание Ири-

старшего? Я смотрел на Алмазную. Она чего-то недоговаривала. Тогда почему бы и мне не окунуться в ледяную воду, как несколько веков назад это сделал лучший проводник Хубилгана? Счастливчику все равно выходит срок. У него нет наследника.

Я смотрел на Алмазную, будто в ней заключалось будущее.

Огромная цветная толпа окружила Одиссея и сирен на игровой площадке.

«Ты вернешься». Конечно, вернусь. Но что-то мешало мне ощутить радость будущего возвращения. Может, Одиссей мешал. «Я заблудился, — в отчаянии вскидывал он руки, — Надад туслаач. Помогите мне!» И ровным торжествующим пением отвечали ему сирены, голые головы которых были расцвечены незабудками.

«Укы, угуй», — в отчаянии рыдал Одиссей.

Время — цак. Дорога — дзам. Мы понимает друг друга.

Вот искусство. Вот свобода. Вот большая игра. Мне было холодно и жарко одновременно. В большой игре слышишь, прежде всего, себя, свой голос. Счастливчику почти сто семьдесят, он может не дойти до озера. Что тогда? Раскаленные смерчи по всему горизонту? Прервать игру невозможно, я никогда ни о чем таком не слыхал. И у Счастливчика, правда, нет времени.

Я уже знал («тётки»), кем был Ури Юост, с кем ушла Алмазная на Южном взгорье.

Счастливый город Дин-ли, в нем никто никому ничего не обещает. Ну, принесет Одиссей живую воду, у пенсеров все равно своя игра. Никто не хочет идти в пустыню. Опоздай Алмазная на день-два, меня тут тоже бы не было.

Хватит ли Счастливчику времени добраться до озера Джорджей Пагмо?

2

А Одиссей пел о возвращении.

Он взмахивал седыми дредами, он воздымал руки.

Он, конечно, знал, что все внутренние резервы его исчерпаны.

«Мутными стали глаза, такие прекрасные прежде. Тело рублищем скверным одела его и хитоном — грязным, рваным, насквозь прокоптившимся дымом вонючим. Плечи покрыла большою облезлою шкурой оленьей, палку в руки дала Одиссею и жалкую сумку, всю в заплатках, в дырах, и перевязь к ней из веревки...»

«Ты вернешься», — негромко повторила Алмазная.

Больше никаких чудес. Только система, только «тётки».

Вот секрет нового мира — никаких чудес. Даже волшебная цепочка долгожителей может быть оборвана в любой момент. Чудо могло продлиться с появлением пятого Ири, но этого, кажется, не случится.

Лицо Алмазной осветила улыбка.

Никогда я так не чувствовал ее присутствие.

«Я ушла сама». Но сейчас-то она здесь. И не важны мотивы, она сама меня разыскала. Времена Ири-долгожителей уходят. Они многое могли сделать, но почти ничего не сделали. Может, правда, попробовать мне?

«У Счастливого будет сын».

Какая тоска в нежных голосах сирен.

«У Счастливого будет сын». Я, конечно, услышал.

Ну, будет и будет, это хорошо. Какая разница, если я вернусь?

«У Счастливого будет сын. Я беременна». Пенсер Ури Юст видел во тьме освещенные окна. Он видел огромные фосфоресцирующие полотнища. «У Счастливого будет сын». Почему нет? У всех Ири были сыновья. Природа не отменяет своих установок, она консервативна, у нее всё уходит на переизбыток, как у человечества всё уходило на войну. У Счастливого будет сын.

Ну и прекрасно.

Я все еще не чувствовал связи.

Я будто снова оказался в подземном колодце.

В черную тьму рушились водопады. Я, конечно, знал, что вернусь.

А вот Счастливчик может не вернуться, потому и воздевает руки в таком темном отчаянии. Я вернусь, а он может не вернуться. Я могу стать родоначальником нового

цикла долгожителей, а его не будет. Алмазная родит сына, и он продолжит род Ири. Ну да, именно род Ири. Может, позже она родит еще одного сына — уже от меня и мне, но сейчас сердце мое болело. Я не смотрел на Алмазную. Ты опять предала меня, незабудка, беда тонконогая. Даже если Счастливчик не вернется, в мире останется Ири-пятый. Он как скала начнет выситься над временем, он начнет упорно прорастать в будущее, прожигать время, как черный хрусталь. И рядом с ним начну возвышаться я — родоначальник новых долгожителей. А ты, Алмазная незабудка, будешь только стареть, неотвратимо бессмысленно покрываться старческими пятнами и морщинами...

Соляные столбы, жгучая тоска, распахнутая пустыня.

Вот озеро Джорджей Пагмо. Вот Ири — из времен Хубилгана.

Ири-старший окунался в прозрачные ледяные воды, а потом три поколения долгожителей Ири горели в планерах, разбивались, тонули, попадали под пули и бомбы, и никак не могли сгореть, разбиться, умереть под выстрелами.

«Ты вернешься».

Ну да, подумал Лунин.

Я вернусь, а ты родишь сына.

А может, потом еще одного родишь.

«Я беременна». Вот почему ты не привстала навстречу.

Все тайны придуманы мужчинами, зато все дети принадлежат женщинам.

Но что-то мешало мне радоваться всем этим таким неожиданным открытиям.

Неужели истинное чудо всегда непереносимо, думал я. Гэнэт би дахин буруу байна? Вдруг я ошибаюсь? Может, я не люблю Алмазную? Когда говорят о любви к горной вершине или к великому океану, испытывают такую же боль. Или когда говорят о любви к древней Джоконде или о немислимом стане сирен, наказанных Одиссеем. Наверное, я, правда, в этот момент не любил Алмазную, по крайней мере, не понимал себя. Это же игра, повторял я, это игра. Счастливчик мало знал своего отца, и только слышал о деде. Облака отбрасывают на нас слишком густые тени. Я смотрел

на столики, расставленные на площади и набережной. «Ты вернешься», — повторила Алмазная, и благоразумно убрала свою руку со столика.

Господи, как сладко поют гологоловые сирены. Какие громовые раскаты громоздились над нашими стенами в подземном колодце Южного взгорья. Как рушились огневые камнепады на горе Бумза. Смертельные изломы, черные трещины, ледяные карнизы, снежные козырьки. Я умирал от внезапной головной боли, но все-таки помахал рукой моим спутницам по планеру, вдруг появившихся неподалеку. Они уже сменили свои шляпки и были особенно милы. Смотрели на меня, а сами ругали, наверное, своего Тарвогана.

3

Позднее солнце бросило лучи на игровую площадку, и я необыкновенно отчетливо увидел поющих гологоловых сирен, наклоненную мачту, слушателей. Все было наяву, ничего придуманного. Мои спутницы по планеру в цветных шляпках, нелепые и веселые. Несущиеся зебры-птицы. Сатир козлоногий. Я умирал и воскресал — по тысяче раз в секунду. В легком повороте остро и холодно поблескивал алмазик в мочке прекрасного розового уха. Алмазная больше никуда не торопилась. Она была *не одна*.

Я поднял голову и увидел новый мираж — ледяную вершину горы Бумза.

Гора Бумза курилась. Гора Бумза была огромна. Она занимала почти полнеба.

Неукротимый пенс, похожий на Счастливчика, полз по черной страшной расщелине, которая, возможно, только одна и могла привести к вершине. Время пенса заканчивалось, но он полз. Даже гора казалась пораженной, злобный снег порывами сносило с каменной стены, бросало в глаза пенсу, но напрасно, напрасно. Пока пенс жив, остановить его невозможно.

Пять лет я ждал Алмазную. Пять лет я писал отчеты для Отдела этики, спасал пенсеров, лезущих туда, где не вы-

держивали холода даже механизмы. Пять лет я помнил эти три слова. «Я ушла сама». Пять лет ждал, пока она скажет еще два слова.

Ну и что? Ты теперь пересечешь пустыню?

Подружки с планера подошли совсем близко, опять помахали мне узкими обезьяньими ладошками, и на меня дохнуло... старостью?.. Нет, нет... Повиликой дохнуло, дикой смородиной, может, растоптанной земляникой. Подружки сами были как нежная тундряная травка. Само их появление утверждало: мы в игре, игра еще не закончена.

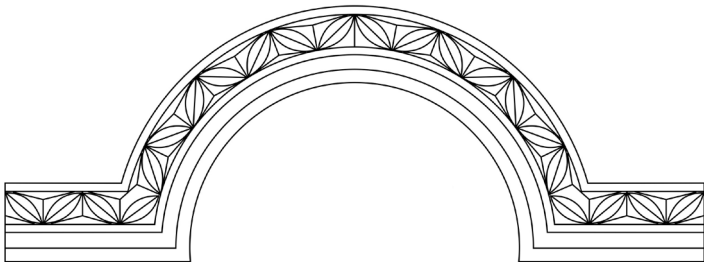
А о чем думали все эти Ири, прожив так долго, уйдя так безвестно?

Негромко зашуршал рядом куст, дрогнули чудесные, как резные, листочки.

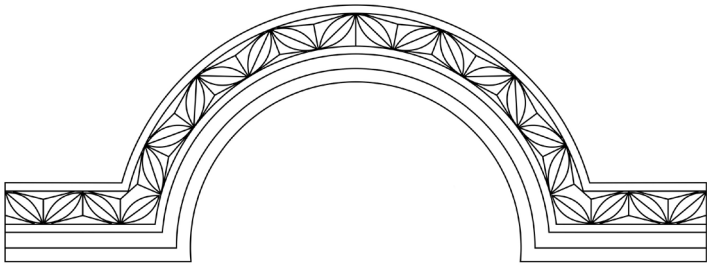
Я готов был заплакать. «Тётки» тоже, кажется, волновались. Кто знает, подумал я, вдруг это к нам возвращается Ида Калинина? *Оттуда.*

Чтобы всё рассказать.

Новосибирск, 2016

**ИЛЬЁВ
ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ**

Глава первая

Ильёв

Сигареты еще оставались, но Ильёв не решался курить. После первой затяжки ноющая боль пронизывала левую руку и остро колола сердце, вызывая томящий болезненный страх.

Великое, величественное одиночество окружало Ильёва.

Будто подчеркивая это одиночество, океан насмешливо катал по песку рыжие обросшие ракушками японские пластмассовые поплавки. Только там, где песок вытеснялся скалами, океан переставал смеяться — вода мощно выкачивалась на шершавые стены застывших лавовых потоков, взрывалась и в белой пене опрокидывалась обратно в бездну, на поверхности которой, как темные пустые бутылки, раскачивались ленивые сивучи. Под обрывами песок заплыл, напился водой, тускло поблескивал. Каменные полости сочились все той же водой, берег кололся и отступал перед океаном, как сахарный. Над пеной и одинокими кекурами кричали чайки.

Во влажных песчаных зеркалах Ильёв видел свое отражение, всего себя, отошавшего после месяца работ на вулкане, на его шлаковых вечно текущих из-под сапог осыпях. Кожа да кости. Впрочем, это сейчас не главное. Главное — шагать и шагать сквозь нежную морскую пыль, сносимую с накатывающих волн, преодолевать скользкость скальных выходов и странную кажущуюся крупность предметов.

Ильёв задыхался. Сердце покалывало.

Лисы, лениво расковыривающие гниющие груды водорослей, будто чувствовали его слабость и не торопились уступить дорогу.

В нескольких километрах севернее, на берегу безымянного ручья остался Разин. Еда у него была, но — больной — он мог надеяться теперь только на Ильёва. И Ильёв шел, шел и шел, проклиная прилив, быстро затопляющий плотную убитую водой кромку пляжа. Ноздреватые глыбы вулканических шлаков, легкий туман, пена, запах водорослей, тьяканье лис, ругня бакланов и чаек.

Ильёв обрадовался внезапной реке.

Река была тихая, неширокая. Замкнутая в желтую тугую рамку бамбуков, она прозрачно несла свою прозрачную воду. В самом ее устье океан лениво валял алый синтетический поплавок, расписанный хищными японскими иероглифами. Такие же поплавки, только стеклянные и оплетенные цветной капроновой нитью фантастически расцветили весь берег.

Впрочем, обилие поплавков не говорило о близости людей.

Люди сейчас могли быть в Тятино — сезонном поселке рыбаков, берущих горбушу. Их там было шестеро. Ильёв помнил как медлительно, но точно подгоняли они топорами ящики, как медлительно и тщательно натягивали рыжие робы на свои круглые громоздкие плечи. Люди могли быть в Саратовке: маршрутная пара Юзика Гальверсона, скорее всего Ленька Рыбаков и Мила Демидова. Люди могли быть и дальше, где-нибудь на Добром Ключе, если лагерь еще не сняли. Месяц назад именно там обитал сам Юзик Гальверсон — весельчак, говорун, страстный ругатель всех табаков мира. И люди, наконец, могли быть дальше, в том же Южно-Курильске, но о них Ильёв не думал: добираться туда это лишние трое суток.

Уходя, Ильёв туго перетянул бинтом распухшую ногу Разина.

Разин хмуро сказал: «Как же это я теперь из палатки выползать буду?»

«А ты не выползай, — посоветовал Ильев. — Палатка у нас без пола. Поднял край и дыши воздухом!»

Но «бесполая» палатка, конечно, не утешила Разина.

Далеко в океане Ильёв увидел темный силуэт большого траулера. Безразличный ко всему, что обитало на суше, траулер вспахивал тяжелым носом встающие перед ним морские валы и долго еще маячил в пределах видимости.

Бухта, на берег которой вышел Ильёв, дышала теснотой, холодом.

В редкой, какой-то выщипанной траве темнели скрученные, как веретена, вулканические бомбы. С надеждой (все, что он мог противопоставить тревоге) Ильёв полез по хлюпающей дернине к ветхому деревянному тепляку, в котором могли оказаться продукты, оставленные пограничниками.

Взобравшись наверх, Ильёв выругался.

От тепляка остался только фасад, фальшиво и гордо сверкающий единственным сохранявшимся в окне стеклом. Все остальное обрушилось, сгнило. Среди слизи и бледных плоских поганок таинственно мерцали стеклянные бутылки и пластмассовые игрушки, принесенные с пляжа.

Вздохнув, Ильёв сполз на берег.

Он знал, что не успеет дойти до Тятино засветло.

И все-таки он торопился, вброд обходил непропуски, увязал в мокром тяжелом песке, равнодушно огибал разбитые, вросшие в отлив ящики.

Еще за одной небольшой рекой он увидел вдали высокий обрубистый мыс, над которым распластались горизонтальные кроны пиний — косматые, кривые, темные. Именно здесь, вспомнил он, месяц назад работала вторая маршрутная пара Гальверсона — кореец Сон Мен Дин и Наталья. Он вспомнил о них с надеждой, но овраг, поросший гигантскими лопухами, под которыми земля лежала совсем голая, вывел его на широкую пустую поляну, в центре которой тяжело, как бесформенный гриб, наклонялся к рыжей траве еще один старый тепляк с крохотным оконцем, забранным тускло отсвечивающим целлофаном. Над крышей тепляка на бамбуковом шесте лениво развевалась выцветшая женская юбка, как символ Натальиногo поражения. Ильёв так

подумал потому, что сам не раз в свое время посмеивался над Натальей. Вечным ее спутником в поле оказывался Сон Мен Дин, и каждой весной Наталья слышала от подружек одно и то же: ты с ума сошла, ты забудешь за лето все русские слова, ты нарожаешь косоглазых корейчат, ты навсегда поселишься в тепляке, и будешь в ящиках выращивать помидоры. Наталья только улыбалась. Корейчат она (пока) не собиралась рожать, помидоры были не в ее вкусе, но от Сон Мен Дина отказываться не хотела.

Запалив изгрызенную мышами свечу, Ильёв осмотрел тепляк.

В центре тепляка стояла железная, оплывшая окалиной, дырявая печка, вырезанная из бочки. И таким же дырявым, даже кружевным на вид казались жестяные листы, которыми в свое время обили изнутри стену, ближнюю к печке. Серебряные нити паутины свешивались с балки. Сумерки медленно затопляли остров. Сперва исчез океан, потом деревья, потом утонуло во тьме окружающее. Хотелось есть, но последнюю банку тушенки Ильёв пока открывать не хотел. Устроившись на голых нарах, он вслушивался в вечный шум наката, в запах путины и пыли. Звезды толкались в дырах потолка, шелестела над крышей Наталья юбка. Ильёв считал до ста, до тысячи, но сон не приходил, и когда почти под самое утро в самую большую дыру заглянула Большая Медведица, Ильёв все еще не спал. Он лежал и думал о женщине.

Глава вторая **Лида дорожка**

В том времени, в которое он вернулся, женщину звали Лида Дорожка, и он привел ее на свою базу, чтобы показать всяческие свои домашние «чудеса», окружавшие геологов на острове.

База размещалась в старом деревянном бараке, отремонтированном хозяйственным Разиным, и вокруг длинной нелепой бревенчатой постройки вечно толклись местные гуси, телята и другая более или менее крупная живность.

Однажды в раскрытое окно заглянул, приведя Наталью в ужас и восторг, огромный спокойный бык. Лоб у него был шерстист, приятен, прямо не лоб, а лужайка, но вот глаза подкачали, их темная мутность выдавали его несомненную ограниченность. В открытые двери вошел однажды малорослый местный жеребец по кличке Парк. В отличие от быка держался он настороженно, косил влажным темным глазом и даже Лиде, протянувшей незваному гостю кусок хлеба, поверил не сразу.

Но когда поверил, стал приходить.

Правда, в комнаты его больше не пускали.

И еще жили в бараке пауки самых разнообразных форм и расцветок. Как шестиногие бородавки висели они под потолками. Под пауками лениво, как вертолеты, цветные метались в воздухе мотыли, покрытые липкой пылью и легкомысленными узорами. А за дощатой стеной в нежилой стороне барака устроили себе уют вольные поселковые свиньи. Кормились они рыбой и морскими гребешками.

Поселившиеся в доме коты прыгали по нарам, сваливали на пол посуду, прятались в рюкзаках, раскачивались на пыльных марлевых занавесках. В дальнем углу время от времени появлялся пугающий своей неподвижностью темный полоз. Когда его будили и заставляли ползать по туго натянутой проволоке, Лида непременно опрашивала: «А он, правда, холодный?» Притворное удивление, да вот, мол, сама проверь, пропадало зря. Никто (тем более Лида) не хотел проверять температуру полоза, несмотря на его вполне добрую репутацию. Больше того, когда однажды этот полоз упал в яму возле барака, даже Сон Мен Дин не захотел ему помогать — сам выберется. Он и выбрался. Все равно, Лида Дорожка, появляясь в бараке, вскрикивала, наткнувшись даже на случайный обрывок веревки. Зато кролик ей очень понравился. Кролик Сон Мен Дина был просто великолепен! Его расклеванные, как матросские штанины, уши и беспробудно-красные глаза изумляли даже Ильёва. Не зря при появлении нового человека кролик надувался, пыхтел и делал вид, что его все боятся.

Что-то всегда падало, ухало, скрипело в темных и пыльных глубинах барака, но люди и звери, населявшие его, одинаково считали барак своим, а местных жителей хватал родимчик при одном только приближении к стенам, за которыми, по их мнению, нашел место самый жуткий островной вертеп. И, будто не желая ронять столь достойную славу, тут же постоянно крутился ласковый пес Потап (его настоящая кличка звучала куда суровее, но пса жалели и называли просто Потап) — чаще всего возле кирпичной печи, возле которой удобно было делать плези́р: счастливо грызть добытую где-то утиную или гусиную лапу.

И еще в доме пахло кофе.

Его варил Разин, и только он.

«Не ходите к тумбочке, — предупреждал он редкую гостью. — Там с утра прячется какая-то гадость».

Дорожка нерешительно улыбалась.

Ильёв не глядел на Сон Мен Дина, смущенно строгавшего ручку для молотка, на Разина, нагло предлагающего Дорожке свой кофе, на застеснявшуюся Наталью, но и не глядя, он знал, что всех терзает один и тот же вопрос: зачем он приводит в их жуткий вертеп такую элегантную, такую голубую красавицу? Что ее может тут занимать? Что общего у нее с Ильёвым?

Жара выжимала из воздуха влагу.

Мутноватые капли тяжело собирались на обрывках обоев. Голые, обломанные тайфунами деревья торчали за окном — черные лестницы, не ведущие никуда. За ними в тяжелом мареве нежно тонули далекие голубые очертания Хоккайдо.

Дорожка с некоторым испугом смотрела на печь.

Печь была черная, кирпичная, выдержавшая немало землетрясений.

Работала эта печь только при южном ветре. Все другие заставляли ее задыхаться и судорожно выдыхать в комнату клубы едкого дыма. Вокруг печи, освобождая только проход к ней, тянулись застланные спальными мешками деревянные нары, на которых удобно было есть, курить, спать, проигрывать Потапа и остальных зверей в карты. И в этом

знакомом, привычном до скуки месте вдруг, правда, очень чужой, очень далекой начинала казаться Дорожка. Все на ней было другим, не похожим: лётная голубая форма, золотой значок на груди, туфли, пилотка...

«У вас всегда так?»

Вопрос почему-то уколол Ильёва.

Не стоило ее приводить в барак, подумал он.

В ее памяти останутся пыль, сажа, паутина, эти бородавчатые пауки, даже бык за окном, а то, что нам понастоящему хорошо и удобно в бараке, то, что нам почти постоянно приходится вот так жить, до нее не дойдет. Да и зачем ей это? Надо было, наверное, провести время в порту. Там у самолета он мог смеяться, говорить глупости, дарить ей икру, рыбу, пить пиво, прихваченное ею на Сахалине. Там ничто не мешало общению. Рыбу на пиво, икру на газеты, — вдруг подумал он. Какой смешной, какой неравный обмен. Но разве бывают равные обмены? Он сглотнул слюну и признался себе, что равных обменов действительно не бывает, ибо что значила какая-то там икра перед счастьем появления на острове Лиды Дорожки?

Они пришли в барак по рулежке — по старым дырчатым металлическим листам, брошенным на каменистую землю. Даже это сейчас Ильёву показалось обидным. Он хотел бы вести Лиду вовсе не в мрачную кунсткамеру и не по гроыхающей металлической рулежке. Но куда, куда ее здесь вести? Он не знал, и в мокрой от пота рубашке, в обтрепанных джинсах чувствовал себя неловким, громоздким, впрямь черт знает где подхватившим такую красавицу. Он не смотрел на Дорожку. Ему не надо было на нее смотреть. Он наизусть знал ее круглое лицо, ее темные волосы, стянутые «невидимкой», ее глаза с таким влажным, таким темным блеском. И бог мой, как он ее любил! Плечи и грудь, обтянутые голубой формой, ноги и колени, к которым уже прикасался губами, даже темные редкие волоски на щиколотках, из-за которых Разин за глаза прозвал ее мохноногой. Пытаясь предотвратить оценки, которые в силу их случайности могли оказаться ложными, Ильёв подозвал Потапа и представил его Дорожке, не умолчав о жестоких

карточных баталиях, в результате которых пес постоянно переходил из рук в руки. И уже совсем увлекшись, уже не обращая внимания на Разина и Наталью, стал показывать губчатые куски желтой серы, белые, как застывшие сливки, обломки пемзы, яркие, от кровавых до белых как снег, опалиты. И, конечно, огромную коллекцию японских бутылок из-под виски, собранную в маршрутах по океанской стороне.

«Может, вам вина привезти?»

«Да нет. Вино у нас есть. Правда, дрянь — бормотуха. Хотите попробовать?»

Дорожка испуганно отвела глаза. Разин огромный, всклокоченный, в штормовке на круглых пуговицах ее пугал. И вообще присутствие посторонних ставило между ней и Ильёвым невидимую, но непробиваемую стену. Они видели и слышали друг друга, они улыбались и произносили слова, но по-настоящему их привлекало уединение.

С летного поля донесся рев турбин.

Дорожка взяла со стола свою красивую кожаную сумку.

«Дорожка! — орал с крыла второй пилот. — Где тебя черти носят?»

Увидев идущего рядом со стюардессой Ильёва, пилот замолчал. Черные любопытные глаза уставились на мятую штормовку, перебежали на голубую элегантную форму Дорожки, вернулись к тяжелым кирзовым сапогам Ильёва, к его потрепанным вытертым джинсам. Видимо, пилот что-то хотел сказать, но в последний момент раздумал, погнал Дорожку в салон, а к Ильёву обратился совсем дружески.

— Слышь, старик. Поймай мне змею!

— Зачем? — удивился Ильёв.

— Надо! — пилот ударил себя кулаком в грудь. — Я месяц буду пивом поить тебя. А из змеи галстук сделаю!

«А вот сдам летуну полоза! — вдруг развеселился Ильёв. — Разбазарю всю кунсткамеру». Ему и правда захотелось сделать что-нибудь такое для летуна, и в то же время он чувствовал затаенную ревность: ведь Дорожка многие часы проводила в обществе этого парня! Вон сколько ходит по острову разнообразных анекдотов о чае, кофе и стюардессах!

Пока он так думал, люк захлопнулся, трап отвели к сараю, и Ан-24, громыхая по рулежке, укатил на самый край поля. Там он развернулся, взревел, и в шлейфе пыли взошел прямо над головами — прямо в вечернее, все более темнеющее, как гигантская пластина слюды, небо.

Влажный ветер с океана, тень вулкана, тревожные вспышки фонарей под крыльями самолета — все это было тоже любовью Ильёва. Нежной, острой любовью, заставлявшей его внимательно всматриваться в горизонт, очерченный резкими силуэтами флаговых деревьев. И вернулся он в барак, с грустью понимая тот невероятный факт, что без Дорожки там было даже уютней. Там все было свое, ничего не надо было стесняться, и ничего не надо было объяснять. Сон Мен Дин и Наталья уже раскладывали пасьянс, Разин разбирал образцы и, кажется, собирался опять заварить кофе. Ильёв медленно провел пальцем по столу. Пыль... Въедливая вулканическая пыль... Всегда ему хотелось жить в большом городе, в чистоте, в спокойствии, в определенности, но так получалось, что большие города постоянно оставались за спиной, а он попадал в глухие поселки, ремонтировал бараки или ставил палатки, а потом вёл маршруты, спутниками в которых были для него Разин, Сон Мен Дин, Наталья, Гальверсон.

Лида Дорожка быть его спутником не могла.

Это он понимал, но не хотел этому верить.

Глава третья

Ильёв

Утро наступило влажное.

Чувствовалось, что день будет душный.

Заперев дверь тепляка, Ильёв спустился на берег, на ходу сорвал с куста ягоду шиповника, сунул в рот. Шершавая кожица липла к губам, пальцы пахли розовым маслом. И так тихо, так необычно было вокруг, что невозможно было не почувствовать нежность воздуха, сгоняющего с выстриженных мышами полян молочные обрывки влажного густого тумана.

Вдруг солнце поставило над вулканом крутую радугу.

Там, где радуга пестрым концом опускалась в океан, вода сразу приобрела торжественный церковно-золотой цвет, какой Ильёву приходилось видеть на старых иконах, выставленных однажды в городском музее, — странный, ни на что не похожий. А океан выкатывал на песок длинные шлейфы нежной пузырящейся пены, и только вдали понемногу морщился, и волны там бежали мелкие и кудрявые, как овечки. Кое-где они сорганизовывались и подходили к берегу одним валом. Этот вал вздымался, растирал песок, крутил его, мутнел, наконец, рушился. От него, уже разбитого, бежали к ногам Ильёва лохматые пенные языки.

Ильёв надеялся увидеть с мыса разбросанные по воде буи рыбацких сетей, но ничего не увидел. Только ветер шумел в редких соснах да хлопала в базальтовых перемычках вода. Все еще надеясь, Ильёв шел к поселку, но и там его ждало разочарование. Пустые разошедшиеся бочки из-под соли и скелет сельдяной акулы. Рыжие ненужные вещи, пустые ветхие дома. Временный поселок уже оставили. Нигде не души. Океан лениво выкатывался из марева — посмотреть на тоску Ильёва.

На береговой террасе тоже было пусто. Звенели крупные комары, глухо поскрипывали над старым кладбищем сосны. Единственная улочка между давно заброшенными домами наглухо заросла лопухами, свесившими к земле свои вялые гигантские уши. От них пахло, как в полдень, но до полдня было еще далеко. И как бы в насмешку над Ильёвым на дверях искалеченного тайфуном домика висела дощечка с размазанными буквами: «Гражданским и прочим лицам вход воспрещен!»

Он толкнул дверь и, ни к чему не притрагиваясь, прошелся по комнатам.

Пахло затхлостью. На железных койках валялось то, что раньше было постелями. Стены от пола до потолка были оклеены выцветшими листьями, выдранными из японских книг. Он ясно различил на выцветших листьях изображения широкоплечих самураев, обряженных в черно-белые кимоно, угловатых драконов, идиллических жравликов, отражающиеся в плоской воде.

Отмахиваясь от комаров, спустился на берег.

Этот поселок давным-давно был оставлен людьми, даже рыбаки и те покинули временную свою стоянку. Только голотурия, покрытая щеточками нежных ресниц, вдруг глянула на Ильёва из груды водорослей. Голотурия выглядела теплой, но Ильёв хорошо знал её отвратительный дряблый холод.

Потом он поймал краба. Но линиялый, почти пустой, и он в еду не годился.

Пришлось открыть, наконец, тушенку. Ничего другого у Ильёва не было, и он растянул праздник на полчаса...

Трепа еще раз вывела его на заброшенное японское кладбище.

Не останавливаясь, он прошел мимо базальтовой стелы, густо расписанной иероглифами. Бамбук, комары, жаркая духота — все тут было настроено против человека, и Ильёв невольно обрадовался, выйдя к океану. Раздавленные луковицы, обломки вещей с ограбленных океаном судов валялись повсюду, а в дельте ручья выросла в песок неимоверно разбухшая книга. Ильёв не стал ее поднимать. Зато поднял сморщенную ягоду шиповника и бросил ее в воду и океан привычно принял игру — выкинул ягоду обратно. Так они шли, перебрасываясь ягодами шиповника, банками, пустыми бутылками. Потом далеко впереди один из-за другого стали проявляться смутные очертания мысов, и, перешагивая через камни, скользя на водорослях, увязая в песке, Ильёв ускорил шаг.

А океан оставался рядом.

Он прислушивался, шумел, бросался под ноги.

Он вдруг отступал и, запутавшись в ослизлых и серых камнях, взрывался бешеными фонтанами, обдавая Ильёва каскадами брызг и пены. Присев отдохнуть, Ильёв машинально начертил на песке имя Дорожки. Но песок под пальцами вдруг ожил, извергая в мир сотни суетливых песчаных блох.

Начинался прилив, понесло холодом.

Выпуклые лепешки холодной воды всплывали за полосой прибоя.

Когда Ильёв подошел к Саратовке, вместо ветровых волн, грозивших близким тайфуном, по океану вновь катилась мерная ровная зыбь. Узкие гребешки неслись, мчались к берегу и растворялись на широких отмелях. Под заходящим солнцем вода стала малиновой. Белые и коричневые водоросли стали малиновыми. И малиновыми стали панцири крабов, скелеты морских ежей, тяжелые голотурии, серые базальты, прозрачные ручьи. Из океана выглядывали малиновые сивучи и трубно гудели. Ильёв, торопясь, шел по малиновым горбылям, и чутье подсказывало ему, что в Саратовке он никого не встретит.

И в Саратовке, правда, никого не было.

Глава четвертая **Лида дорожка**

В то лето, в которое так часто возвращался Ильёв, погода стояла не из самых лучших. На купол вулкана часто наплывал туман, полеты откладывали. На час, на два, на восемь, на сутки. Случалось, что самолет все-таки добирался до острова, но посадку не разрешали, и покружившись в облаках, он возвращался на Сахалин. Туман не пускал его к земле, выталкивал к звездам. Таких возвращений Лида Дорожка не выносила. Томясь в тесной комнате стюардесс, она наводила порядок на столиках, распахивала по углам контейнеры с водой, но мысли все чаще и чаще возвращались к острову, который в пепельной мгле тумана оставался недостижимым и недостижимым.

— Приходил Мятлев, — сказала Дорожке Люда Розова, приглаживая щеткой длинные мягкие волосы. — Открытку оставил. — Она засмеялась и протянула Дорожке открытку, на которой пылала алая роза.

— Мятлев хороший парень, — рассудительно продолжила Розова, явно знакомая с текстом, оставленным Мятлевым на открытке, но еще одна стюардесса, Уфимцева, прервала ее. — Ой, девочки, что за тип сегодня со мной летел! Толстый, хмурый и с лысиной!

— Ну и что?

— Да он ушами шевелил как мышь. Ну, прямо как настоящая мышь. Мы уже над Охой крутимся, посадку надо готовить, а ему то воды, то улыбочку! И ушами шевелит, будто специально.

— Зато ты вовремя вернулась, — заметила добрая Розова. — В Охе уже три экипажа застряли. А Тоньке вообще не повезло, застряла на Кунашире. Ей там геолог надоел, который, Лидка, тебя икрой и рыбой вечно снабжает. Он вроде опять тебе что-то передал, что Тонька из зависти брать не захотела.

Механически переставляя предметы на столике, Дорожка думала о том, что ее заявка о переводе в Хабаровск, наконец, подписана. Жаль оставлять девочек, жаль уходить с такой обжитой линии, но Мятлеву-то тут вообще не жить — его жена загрызет. Все срочно менять надо.

— Люда, — спросила она негромко, когда Уфимцева ушла. — Мятлев не сказал, придет он сегодня?

— Да куда же он денется.

Она вдруг уставилась на Дорожку:

— Ты что и Мятлева потащишь в Хабаровск? У него же семья.

— Семья! — возмутилась Дорожка. — Эта баба из Сережки все соки высосала.

— Он на развод подал, я знаю, — вздохнула Розова. — Если ты что решила — своего добьешься. Вам точно уезжать надо. Куда у нас денешься? Будешь каждый день с его бывшей встречаться. — Розова обняла подругу и зашептала. — Ну почему, ну почему так получается, Лидка? Холостых мало, что ли?

— Перестань.

— Ладно. Уже перестала. Вечером Мятлев ко мне домой придет, как вы договорились. Для жены вроде как в клуб, — вздохнула она. — Только, Лидка, не лижитесь вы при мне, ради бога. Мне в таких случаях плакать хочется. Я не завидую,нисколько не завидую, просто мне в таких случаях плакать хочется. — И вдруг вспомнила. — Лидка, а как же тот геолог на острове? Ильёв, да? Он же без твоего самолета жизни не мыслит.

— Так это же только без моего самолета, — расстроено улыбнулась Дорожка.

— Тонька говорит, что он каждый борт встречает, думает, что ты прилетишь. Стоит там у сарая, где ребята почти складывают, и молчит. Другие мужики понастырней — к трапу лезут, под юбку заглядывают, а он всегда в стороне.

— Представляешь, — сказала Розова, помолчав. — Скоро ты будешь летать на больших линиях. Ты вон какая красивая. Ты еще на международные выйдешь, только языки подучи...

— Ага, — сказала Дорожка.

— Будешь на больших машинах летать, не чета нашим. Только языки подтяни. Мне без тебя грустно будет. — И вдруг испугалась. — А Мятлев твой всё решил? Вдруг он с женой останется?

— Не останется.

В этом Дорожка была уверена.

Уверена до того, что грусть всходила в ней, как туман над островными портами.

Она подумала вдруг о Хабаровске, о том, как она будет ехать на Саперную, а потом из окна увидит неоновый свет над Домом обуви. На Саперной она и познакомилась с Мятлевым. Кажется, так давно было, а сроку-то без малого год.

Кивнув Розовой, Дорожка спустилась по лестнице и вышла прямо к остановке. В автобусе, хотя он и был далеко не полон, подвыпившие мореманы сразу сгрудились за ее креслом. Она их не слышала.

— Папа, — уже дома сказала отцу. — Мне перевод написали. Собираться надо. Ты дом продашь?

Старик вздохнул, но сдержаться не смог.

— «Продашь, продашь!» Продать — не построить! Ну почему у тебя все так не по-людски? Почему у тебя всё наперекор?

— У всех так, папа.

— У всех? — переспросил старик сварливо. — Что-то не замечал я, чтобы у «всех» мужья чужие в гостях, как у тебя, штаны просиживали! Что-то я не замечал, чтобы у «всех» отца родного от земли отрывали!

Дорожка не обижалась на отца. Он был отходчив.

Но, подумав о том, что отцу впрямь нелегко оставлять дом, в котором он провел почти тридцать лет жизни, Дорожка почувствовала, что к ее глазам подступают слезы. Ну правда, почему она такая? Почему у нее все не так, как у всех? И Мятлев у нее — вовсе не герой. Не любит жену, а с разводом тянул почти год. Слеза упала на руку. Дорожка осторожно вытерла платочком глаза и заглянула в зеркало. В словах подруг, во взглядах Ильёва, в признаниях Мятлева она воспринимала себя несколько отвлечённо, но заглядывая в зеркало вдруг начинала понимать, *что* в ней видят мужчины, и *чему* завидуют женщины?

Успокоившись, она написала сестре: «Буду у тебя в Елани в воскресенье».

На обороте открытки был изображен альпинист, и Дорожка вдруг вспомнила об Ильёве. Хорошо, что он будет еще на острове, когда я отправлюсь в Хабаровск. Она не желала Ильёву плохого. Напротив, он нравился ей, и ей нравилось его наивное умение подносить подарки. Вот только барак, в котором он там жил на острове со своим ужасным Разиным, ей не нравился. Особенно пауки и ужасный похмельного вида кролик. Мятлев бы такого выгнал.

Может в этом и заключается разница?

Теперь Дорожке стало по-настоящему грустно.

В Мятлеве совсем мало было того, чем с избытком владел Ильёв — нежности. Первобытной, первозданной. Нежность Ильёва и упрямство Мятлева, настойчивость Ильёва и сила Мятлева. Почему это не соединилось в одном человеке?

Так Дорожка думала, а за окном моросил сахалинский дождь и мотало по ветру осенний фонарь, не столько дающий, сколько отнимающий свет у сумеречного островного мира.

Глава пятая

Ильёв

Он проснулся совсем разбитым, и его напугала густая сыпь, выступившая на руках.

Он не сразу понял, что это всего лишь следы колючек, через которые он продирался вечером. После пустых поселков Тятино и Саратовка Ильёв теперь надеялся только на Добрый Ключ. Рыбаки есть рыбаки — рыба ушла, и они ушли, а геологи, по крайней мере, их камералка, привязана к одной точке.

Тайфун самым краешком, но задел остров.

Ветер нес снежные, как арбуз на изломе, клубы тумана.

Мельчайшие пузырьки влаги пропитали все. Океан в бешенстве мотался вдоль длинного берега, бился о скалы, а сверху на него один за другим срывались с обрывов тяжкие струи разбухших от дождя водопадов. Их светлая пыль еще сильнее сгущала туман, и Ильёв с трудом находил верный путь в этом не прерывающемся ни на секунду дожде, в атомном гуле ручьев и всасывающихся в океан воронок.

Узкая тропа вывела Ильёва в береговой лес — тоже сырой, забитый огромными вялыми лопухами. Кое-где на буграх в темной траве пряталась алые ягоды клоповника. Ильёв с наслаждением ел ягоду, захватывая ее горстью прямо на ходу. Читая ленивые следы медведей и бойкую скоропись лис, он шел усталый и мокрый и чувствовал себя одним из окружавших его деревьев. Мир| без океана был глух, шум наката сильно отдалился, все шумы были связаны с лесом.

Люди всегда идут к людям, думал Ильёв. Можно забить себе голову идеями Торо, уйти в пустыню, в лес, в глушь, уединиться — все равно в глубине души даже самый одинокий пустынный живет предчувствием встречи с другими людьми. Люди всегда идут к людям. Как и чем бы ты ни обманывал себя, все, что ты делаешь, ты делаешь для того, чтобы встретиться с людьми. Он шел и пытался представить то счастливое время, когда ему не надо будет спешить, скользить на камнях, проваливаться в мокрый песок, отгоняя мысли о больном Разине, лежащем в палатке; когда можно будет привести в поринок одежду, тело, мысли и вспомнить, как это все с ним происходило. Только заранее надо уяснить, сказал он, заранее надо утвердиться в той мысли, что никто никогда ничего не

теряет. И я сейчас тоже ничего не теряю. И раньше ничего не терял. И дней, проведенных с Дорожкой и без нее тоже не надо жалеть. Судьба подарила мне встречу с красивой женщиной, и с этой женщиной мне было хорошо. И даже если я ее потерял, жалеть об этом не надо. Думать, что те дни потеряны, несправедливо.

А разве справедливо, опросил он себя, что Разин сейчас один валяется на плоском берегу безымянного ручья? Разве справедливо, что Наталья стесняется своей тихой любви к Сон Мен Дину? Разве справедливо, что я год за годом таскаюсь по пустым островам, на которых все связанное с Дорожкой теперь только воспоминание?

Ну да, лето шестьдесят седьмого — остров Симушир. Лето шестьдесят восьмого — Матуа. Лето шестьдесят девятого — Онекотан. А были Уруп, Кунашир, Чирпоевы братья, базальтовые берега Итурупа...

Наконец он вышел к океану.

Океан был медлителен, плавлен, свеж.

Только в камнях, быстро начиная мутнеть, он мощно вскидывался и шел на серые скалы зеленоватой стеклянной стеной. А над океаном на фоне обмытого ветром неба Ильёв увидел громадный, как бы рассевшийся от собственной тяжести вулкан, увенчанный идеально точным конусом. Сомма Везувий. И этот конус цвел в ранних снегах, как чудесная сахарная пирамида.

Пляж уперся в непропуск. Камни, которые никак посуху не обойдешь, заливало мутными струями. Когда волна уходила, мокрые камни вылезали из пены как ржавые ощеренные клыки. Потом над ними снова смыкалась вода, и клочья пены с шумом взлетали вверх.

Выждав, Ильёв прыгнул на ближайший камень, но проскочить опасное место не успел. Ледяным валом его прижало к шершавой скале, вымочило штормовку и брюки, залило сапоги, и, разозленный, рывком выскочив на обнажившийся песок, Ильёв показал океану язык. Океан ответил ему тем же, только язык у океана был гигантский, стремительный, окаймленный шипящими нежными пучками.

Выжав одежду, Ильёв направился дальше и за высоким каменистым мысом над зарослями берез увидел наконец бамбуковую мачту лагеря геологов на Добром Ключе. Правда, то, что он не увидел флага, наполнило его отчаянием. И отчаяние это сбылось — широкая поляна была пуста, на месте больших палаток остались только деревянные венцы да забытое ржавое мятое ведро.

Ильёв медленно шёл по бывшей стоянке.

Тут жил Юзик Гальверсон, Ильёв это хорошо помнил. А вот тут обитал Маркони, радист Славка. А здесь я у Рыбакова чай пил и рядом гегемоны посмеивались над практикантками.

Над густыми кустами шиповника медленно всплыли светлые клубы.

Ильёв вздрогнул. Но это был не дым. Это парили горячие источники, еще японцами заключенные в бетонные ванны. Ильёв пошел к источникам. Он не хотел проводить ночь в брошенном лагере. У океана, не связанный со случайными вещами, он чувствовал себя менее одиноким. И там у него была надежда.

Подобрав с тропы кривой обломок зеркала, Ильёв рассмотрел свое исцарапанное лицо. Губы пересохли, глаза покраснели, их резало как песком — видимо, от напряжения полопались мелкие сосудики. А вода в вулканических источниках оказалась горячая, но вполне терпимая. Раздевшись, Ильёв медленно шагнул через каменный бортик, погрузился в горячую воду и осторожно провел ладонями по бокам, по бедрам, по щиколоткам, с радостью чувствуя, как начинает оживать сухая кожа.

От воды густо несло серой. Вытянувшись в каменной ванне, чувствуя, как холодит воздух выступающие из-под воды плечи, Ильёв замер. Звезд в небе было так много, что он будто проваливался в их скопления, чувствуя себя совершенно одним, но — странно! — совсем не одиноким. Может быть, потому, что океан и свет звезд не унижали. И не рождали никаких страхов. Остров замер, будто в ожидании, даже лисы не тьякали. Неужели, подумал Ильёв, на острове есть люди?

Есть, сказал он себе.

Но зачем, почему они тут?

Почему на острове оказался Разин? Почему топчет забытые тропы Наталья и Сон Мен Дин, Юзик Гальверсон, все другие?

Если ты Разин, подумав, ответил себе Ильёв, ты находишься на острове потому что развелся с женой и хочешь сменить привычки, весь образ своей прежней жизни. Если ты Разин, ты находишься тут для того, чтобы скопить новые силы, новые мысли, даже деньги, на которые остров не жаден. Если ты Разин, тебе все равно, где именно ты находишься — на острове или в горах. Важно найти выход в новую, в совершенно иную жизнь. А если ты Наталья, то остров для тебя — спасение. Если ты Наталья, остров для тебя всё. Он нежно спрячет в лесах и бухтах те слова, которые так трудно произнести в городе. Если ты Наталья, тебе ничего не надо, потому что у тебя теперь есть всё, и ты знаешь — почему ты именно тут, как прекрасно это знает замечательный Сон Мен Дин — веселый кореец, мастер готовить кук-су, человек, никогда не бывавший нигде за пределами Сахалина и Южных Курил. А если ты Юзик Гальверсон, то находишься тут потому, что можешь кем-то командовать, можешь делать какие-то вещи, кажущиеся тебе ндинственно правильными, и — главное! — получать от этого удовольствие. Бесконечное жадное удовольствие. Если ты Гальверсон, ты знаешь, что тебе нужно брать шлихи, выбивать из породы кристаллики ксенолитов, описывать обнажения, а домой привозить фантастические корни, да и мало ли чего еще...

А ты?

Ильёв прислушался к сердцу.

Оно подсказывало ему, что пора вылезать.

Мокрая кожа сразу уловила прохладное дыхание океана.

В далекой-далекой мгле вздрагивали бесчисленные красные и фиолетовые огни — шла по своим делам сайровая флотилия. Запах невидимой травы мешался с запахом серы. Ильёв молча смотрел на спор далеких огней и звезд.

Океан в этот спор не вмешивался.

Глава шестая
Ильёв

Утром океан был, как романы Бальзака, — велик и скучен.

И глядя на его серую протяженность, Ильёв вдруг понял, что долго еще может идти один, нигде не встретив людей. Есть уже не хотелось. Желудок стал тяжелым, чужим, под ложечку остро ударяла резкая боль. Бамбуки сменялись рошицами берез, с их тяжелых ветвей, как дряхлые, напитанные водой губки обвисали бороны лишайников. Накладываясь на березовую белизну, пылали багровые листья лиан, кровавыми сердечками усеявшие стволы умирающих, задуренных ими деревьев. Впрочем, первыми почувствовали приближающуюся осень гигантские лопухи: их нежная полупрозрачная зелень пошла частыми рыжими подпалинами. Запах запустения и влажной палой листвы пропитывал крепкий воздух. Только из-за усталости Ильёв не сразу заметил валяющиеся в песке узкие обсидиановые наконечники. Их было много. Они походили на узкие каменные листья. Айн — человек — жил тут. Стрелял птицу, колот сивучей. От ливней и тайфунов укрывался в негустых рощах. Никуда не бежал, не искал никаких других островов. Мир для него означали именно эти бухты, заливы, перешейки. Здесь был его истинный единственный дом.

Ильёв посмотрел на наконечник, потом на свои руки и усмехнулся.

Кожа потемнела — грубая, как бы потертая, но этими руками все-таки можно было касаться и женского тела и микрометрического винта. Но не потому Ильёв усмехнулся, что вспомнил женщину или микроскоп, а потому что сделать наконечник стрелы он, наверное, смог бы, но вот удалось бы ему выжить в мире, так тесно ограниченном линиями берегов?

Он покачал головой.

Он уважал вымерших островитян.

Но сейчас ему нужны были живые люди.

Он вздохнул. Над ним и над океаном кричали чайки. Скалы над песками высились неприступно и хмуру. Мо-

крый песок садился под сапогами, следы сразу заплывали мокрым песком. Он знал, что где-то в этих местах должна находиться старая дамба, построенная еще японцами, и когда небо стало медным, он действительно увидел ее — серые, разбитые океаном бетонные глыбы, рядом с которыми из пенящейся воды торчали поросшие водорослями и птичьим помётом корпуса двух разбитых кавасаки.

И тут, отведя взгляд от дамбы, Ильёв увидел вертолет.

Зеленая военная машина мощно ревела и неуклюже пыталась подпрыгнуть нал берегом. Вертолет был метрах в трехстах не больше, Ильев отчетливо увидел занявшуюся под винтами бурю. Листья и песок летели во все стороны, ветки близких березок гнулись и трепетали.

Ильёв закричал.

Он сбросил рюкзак.

Размахивая руками, он бежал по вязкому сырому проваливающемуся под сапогами песку, сознавая, что опоздал, что бежать бесполезно, и все же надеясь, надеясь, надеясь. И только когда вертолет подпрыгнул, накренился и, сделав круг, ушел за низкий, прикрытый обрывками туч перевал, Ильёв остановился, чувствуя боль в сердце и противные струйки пота на лице.

Идиот, сказал он себе. Если хочешь попасть в зеленую ревущую машину, надо бежать от нее, делать вид, что ты ее боишься. Тогда люди с автоматами сами тебя отыщут. Идиот! Он понимал, что несет чепуху — его же просто не заметили; но повторял и повторял про себя одно и то же: идиот, конечно, идиот. Хотя, что корить себя? Бывают обстоятельства, когда самый сильный человек не может совершить и малой доли того, на что способен в другое время. Он проговаривал и проговаривал это про себя, возвращаясь за рюкзаком, а океан грохотал, ворочал валами, будто гигантские жернова крутил. Океан мощно бугрился, выбегал из-за скал, пытался сбить его с ног, смять, унести с собой и слышно было, как вода и песок шипят, вытекая из-под сапог Ильёва. А когда все это океану не удавалось, он бес- сильно, почти обиженно откатывался, длинными белыми языками вылизывая убитую кромку песчаного пляжа.

Ильёв торопился. Но и сердце его торопилось тоже.

На плоском мысу, глубоко вдающемся в океан, ему пришлось присесть.

Поляну занимала россыпь поздних снежных ромашек и зеленых магнолий, тускло отсвечивающих длинными глянцевыми листьями. За мысом торчали из воды базальтовые останцы — кекуры. Бакланы и чайки заселили каждый выступ, сварливо перекликались, таскали из волн рыбу. В этом базаре и ералаше никто не следил за Ильёвым и, пользуясь этим, он вошел в холодную воду. Темная ослизлая скала встала над ним как башня. С ее выступов свисали обрывки водорослей. Баклан, склонив набок голову, круглыми глазами уставился на Ильёва. И дивясь собственной жестокости, Ильёв убил баклана. Ближние птицы тут же взлетели, осыпая человека ругательствами.

Но Ильёв на них не смотрел. Он быстро разжег костер и долго обжаривал добытого им баклана, глотая густую невкусную слюну. Мясо жилистое и крепкое пахло рыбой, и после первых глотков Ильёва вырвало. Он подождал минут пять и снова набросился на баклана, терпеливо снося режущую желудок боль.

Океан раскачивало. Вода взрывалась, вставала мутными фонтанами.

Сивучи как игрушки раскачивались па валах, или точнее как толстые непрозрачные бутылки. Мошкара столбиками толклась над сырыми завалами. Когда-нибудь, сказал себе Ильёв, я буду вспоминать эти соленые фонтаны, вопящих птиц, одиночество, сивучей, и все это — океан, боль, жара — уже не будет вызывать разочарования.

Он сел на плоский и теплый камень.

Он внимательно прислушался к боли под левой лопаткой.

Он прислушивался к мельчайшим вариациям этой боли, мышцы тянуло, странная пустота расплзалась по телу. Если меня сейчас пробьёт потом, подумал он, сразу станет легче, так уже бывало. И сидел, прислушиваясь к боли, смотрел на низкие тучи, ждал. Он уже хорошо знал, как это бывает — жгучая вспышка и рвущееся из груди сердце.

Так Ильев сидел, пока сердце не перестало казаться чужим и тяжелым.

Тогда он осмотрелся. Никого. Нигде никого. Вокруг и ниже по берегу раскиданы были какие-то ржавые зубчатые колеса, коленчатые валы, ржавые обломки деревянных шпангоутов, а кое-где виднелись какие-то ямы.

А значит, надо было вставать и идти дальше.

Глава седьмая **Лида дорожка**

Даже горькие воспоминания могут поддерживать.

И в том времени, в которое Ильёв мысленно вернулся, он стоял во дворе, придерживая рукой скрипучую калитку и пытаясь убедить себя, что именно так представлял дом Лиды Дорожки. Но он был смущен. Этот дом — её дом — ничем не отличался от других, тесно окружавших аэропорт, ну разве что был чуть шире, да у сарая росли два тополя. Сытая корова, подняв голову, лениво смотрела на Ильёва, и с толстых губ ее тянулись, отклоняясь по ветру, стеклянные струйки слюны. Ильёв вдруг подумал, что у Дорожки могут быть братья — ведь должен кто-то ходить за коровой, готовить сено, следить за домом. Но когда на крыльцо вышел старик, Ильёв понял, что это он и есть единственный мужчина, ведущий хозяйство Дорожки.

Старик был одет во все ношенное, но чистое, аккуратное.

Он не поздоровался с Ильёвым, только внимательно посмотрел на него.

За долгие годы старик привык ко многому — к гудящим в воздухе самолетам, к меняющимся соседям, к странной работе дочери; вот только мужчины, время от времени пытавшиеся прийти в его дом, настораживали его. В каждом он чисто интуитивно угадывал возможного обидчика, и Ильёв не выглядел исключением. Чем собственно отличался он от Мятлева, бросившего жену и приставшего к его дочери? Да ничем. Старик так и вздохнул — ничем. Впрочем, он допускал, что его мнение может быть несправедливо. Но к несправедливостям он тоже привык. Разве справедливо было

то, что в последний год войны под Минском погибла его жена, а сам он все пять военных лет прошел без ранений? Разве справедливо было то, что дети соседей всегда работали в нормальных школах, конторах, детских домах, а его дочь моталась, как бездомная птица, в воздухе?

Старик смотрел на Ильёва и молча решал: лечь на диван, сказавшись больным, или заняться хозяйством, то есть некоей бесцельной беготней, бессмысленным громоханием посуды, и никак не мог решить, что правильнее.

А Ильёв ждал. Ильёв так много времени в тот год провел на островах, так долго искал попутной оказии до Сахалина, что до последней минуты не верил во встречу с Дорожкой. Но теперь я здесь, решил он, и никуда не уйду. Он догадывался о мыслях старика. Но я не уйду. Ильёв уже любил этот обыкновенный деревянный дом, и некрашенный штакетник, и тополя у сарая. Он уже любил невыразительную корову и неразговорчивого старика. Даже метлу с кривой ручкой, стоявшую у калитки, он уже любил и любил потемневшие, сваленные посреди двора горбыли. Всё-всё здесь он уже любил, но больше всего любил Лиду Дорожку, которая, несомненно, была центром этого странного прекрасного мира и которая сейчас вышла на крыльцо, закрывая щеки от ветра высоким вязаным воротником пальто.

— А я тебе газеты отправила! — удивленно произнесла она.

Она не хотела верить в появление Ильёва перед самым ее отъездом в Хабаровск. Это было неправильно. Она смотрела на него растерянно. А Ильёв сейчас жалел только об одном: посланные ему газеты кто-то из стюардесс отдаст Разину и Гальверсону, неважно кому, главное — *не ему*.

— Ты уходишь? — спросил он.

— Да. К сестре, — суеверно надеясь на что-то, сказала Дорожка. — Очень нужно.

И почему-то спросила:

— Ты будешь ждать?

Он кивнул. Он очень ее любил.

Конечно, я буду ждать. Все, что мучило его на острове, вдруг ушло.

Улыбка тронула, исказила его пересохшие губы, но Дорожка эту улыбку могла и не заметить — смеркалось. Он не стал провожать Лиду. Она, собственно, этого и хотела. Он прошел в дом, спросил у старика стаканы. Он уже чувствовал себя дома. Холодильник ласково пофыркивал у дверей. Наклейки самых разных авиакомпаний мира украшали стенку одежного деревянного шкафа. Интерфлюг... Малеев... Джал... Люфтганза... ЮАТ... Лот... Таром... Пан Америкэн... Никогда потом Ильёв не мог в подробностях вспомнить, о чем собственно он говорил со стариком. Все в нем слилось в ожидании. В долгом терпеливом ожидании, к которому он привык еще на островах. В мире всегда будут большие леса и люди, которые в них уходят, думал он; в мире всегда будут глубокие небеса и люди, которые в них уходят; и в мире всегда причудливо и непонятно будут переплетаться пути людей...

Так он думал, а на часах, стоящих на комод, минутная стрелка трижды обошла круг.

Они допили коньяк. В ночи ревели самолеты поздних рейсов. Разин сидел в своей комнате в Южно-Сахалинске и уже прикидывал сроки возможного отъезда на материк. Сон Мен Дин разговаривал по телефону с Натальей, связь была плохая, к тому же он путал от волнения русские и корейские слова. Юзик Гальверсон сооружал кресло из совершенно фантастического плавника. Люди ужинали или ложились спать, разговаривали, читали, обсуждали прошедший день.

— Не придет она, — наконец глухо сказал старик. — Из Елани пешком не пойдешь, а зачем ей такси брать?

Ильёв встал. Он чувствовал беду.

Он уже понимал, что беда случилась.

Ему опять показалось, как на острове, что он ждет давно — вечность, и он заторопился, чувствуя скрытую неприязнь старика, и вышел во двор. Шел тихий дождь. За неприкрытой створкой ставня было видно, как старик пытается слить остатки коньяка в один стакан.

Ильёв вышел на улицу и пошел по обочине.

Потом он все-таки остановил случайную машину.

В Большой Елани, в поселке, лежащем между аэропортом и городом, Ильёв попросил водителя остановиться. Горбатые спины домов смутно вырисовывались в сыром мраке, и чувствовалось, как холодно и сыро будет под утро. Счетчик стучал. Водитель удивленно посмотрел на Ильёва: «Поедем?»

И Ильёв кивнул.

Глава восьмая

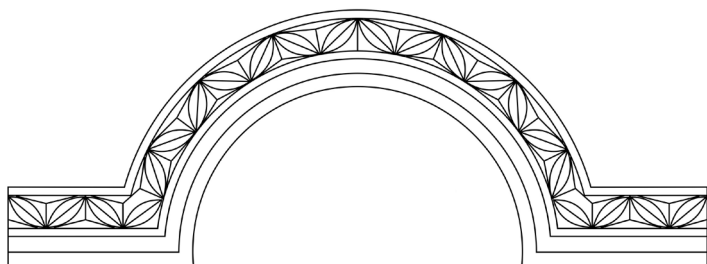
Ильёв

Когда он вышел на берег тихой речушки, окруженной сонными бамбуками, навстречу ему вышла лиса. Она долго смотрела на Ильёва, подрагивая черным будто игрушечным носом, потом медленно пошла к вершине мыса.

Хромая, испугивая птиц, шурша листьями и песком, Ильёв двинулся за нею.

Внизу под мысом по ржавой, поросшей вялыми лопухами дырчатой металлической рулежке ходили люди. Ильёв долго, волнуясь, смотрел на них. Он еще не знал, что возвращаться к Разину не придется. Он еще не знал, что Разина подобрал пограничный вертолет. Но он, Ильёв, не опоздал. И даже сейчас, вспомнив о Разине, он враз заспешил, заторопился и, сползая с мыса, несколько раз повторил про себя: «Я ведь говорил, я приду к людям».

1969, Южно-Сахалинск

СОДЕРЖАНИЕ

Агент Алехин. <i>Повесть</i>	5
Демон Сократа. <i>Повесть</i>	95
Доктор Микробус. <i>Повесть</i>	217
Приведенные к эталону. <i>Повесть</i>	309
Пенсеры и пенсы. <i>Повесть</i>	381
Ильёв. <i>Его возвращение. Повесть</i>	451

Литературно-художественное издание
Ретро библиотека приключений и научной фантастики

**Геннадий Мартович
Прашкевич**

ДЕМОН СОКРАТА

Научно-фантастические повести

Иллюстрации
А. Медведева

Генеральный директор *Г. А. Артеян*
Куратор серии *Е. В. Витковский*
Ответственный редактор *А. С. Артеян*
Корректор *Р. В. Викторова*
Дизайн и компьютерная верстка *А. П. Вардеряна*

Подписано в печать 16.07.2019 г.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2
Заказ №

ООО «Издательство Престиж Бук»
111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 11 А
E-mail: artyr57@mail.ru

ISBN 978-5-4459-0056-6

9 785445 900566 >